

Комбат Найтов

МЫ ВЗЛЕТАЛИ,
КАК УТКИ...

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

16 декабря 1937 года два инженера НИИ ВВС СССР поставили вопрос о создании самолета для непосредственной авиационной поддержки войск в условиях сильной ПВО противника. 2 октября 1939 года начались летные испытания ЦКБ-55 – двухместного бронированного штурмовика Ильюшина на 39-м заводе. Но, в силу множества причин, этот самолет в большую серию не пошел. Вместо него в войска поступил одноместный Ил-2, который в ходе войны пришлось переделывать в двухместный. При этом стрелок-радист оказался вне бронированного корпуса. «Возвращались тайком, без приборов, в потьмах, и с радистом-стрелком, что повис на ремнях...» – написал Высоцкий после знакомства с генералом Каманиным, командиром штурмовых корпусов (21 боевой вылет на штурмовике Ил-2) и полковником Береговым (185 боевых вылетов). Ил-2 – самый массовый самолет Второй мировой войны, выпущено было тридцать шесть тысяч машин, ставших символом той войны. Он и его модификации воевали с 1941-го до середины 1953 года. Затем штурмовая авиация была признана малоэффективной и была ликвидирована министром обороны маршалом Жуковым. Вернулись к этой идеи только в 1969-м году, и через 10 лет родился «грач» или «гребешок», Су-25, способный выживать непосредственно над полем боя. Эти самолеты стоят на вооружении до сих пор, и никто теперь не говорит о том, что этот вид поддержки войск не эффективен! Как бы повернулась история, если бы этот опыт был на вооружении в сорок первом?

- [Комбат Найтов](#)

-
-
- [Часть 1](#)
- [Часть 2](#)
- [Часть 3](#)
- [Часть 4](#)
- [Часть 5](#)
- [Часть 6](#)
- [Часть 7](#)
- [Часть 8](#)
- [Часть 9](#)

- [Часть 10](#)
 - [Часть 11](#)
 - [Часть 12](#)
 - [Часть 13](#)
 - [Часть 14](#)
 - [Часть 15](#)
 - [Часть 16](#)
 - [Часть 17](#)
 - [Часть 18](#)
-

Комбат Найтов

Мы взлетали, как утки...

© Комбат Найтов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 127

Комары разлетались из-под ног и жундели вокруг голов старого и малого, которые пробирались через плавни еще полноводной Сырдарьи к заветному омуту. У старого были отличные «вьетнамки» – бамбуковые складные спиннинги и шестиметровые трехколенные удилища. У малого – трехколенный высушенный ивовый тальник, который мог соединяться при помощи трубок, добытых с ракетного кладбища. Чуть пыхтя и отмахиваясь от комаров, старый и малый тяжело поднимали резиновые сапоги из солоноватой грязи. Они шли к небольшому островку с омутом, образованному течением. В камышах, залитых осенним половодьем, звучно чавкали крупные сазаны. Добравшись на место, уселись – кто на раскладной стульчик, кто на кочку.

– Дядь Коль! Вон там вон прикормка лежит. Щаз достану и переснаряжу.

– Серёнька, не тронь! Пусть так, как есть, и будет. Слыши, тишина какая!

– Ну, какая тишина! Комары жундят, сазаны, вон, хлюпают!

А в уши генерал-полковника давно вонзился протяжный вой пикирующего «лапотника».

– Кои твои годы, Сережка! Еще поймешь, что такое тихо!

Часть 1

Преддверие войны. Ковно, весна сорок первого

– Товарищи сержанты! Становись! – скомандовал майор Мамушкин. И хотя мы только что приехали и очень хотелось спать, мы встали и построились, подхватив свои фибровые чемоданчики. Мы – выпускники Борисоглебского училища летчиков. Частью истребители, есть пара «бомберов» на СБ, и два «штурмовика». Прибыли, чтобы пополнить 61-й ШАП Прибалтийского особого военного округа. Шла весна сорок первого. Местечко называлось Даукша – небольшое еврейское село в трех километрах от Кейдан и в сорока пяти от Ковно. Железнодорожная станция Кейданы, куда мы недавно прибыли, была за речкой и за мостом примерно в километре восточнее от КП полка. Кейданы – такое же местечко, но чуть побольше, плюс станция, но она уже ближе к Даукше. Здесь давно селились изгнанные из других мест Европы евреи. Еще недавно это была Польша, затем эти места отошли России, потом, откуда ни возьмись, появились литовцы. Теперь это Литовская Советская Социалистическая Республика, входящая в состав СССР. Нам предстоит защищать эту часть нашей страны.

Майор Мамушкин был небольшого росточка крепыш, с довольно увесистым брюшком. Летчика он напоминал мало. Сдвинув фуражку на затылок, он осматривал прибывших сержантов. Некоторые из них были немного пьяны. Они из Ковно добирались самостоятельно и не забыли посетить рестораны и многочисленные пивные. Они знали, что по приезде их ждет казарма, наряды и построения на утреннюю и вечернюю поверки, поэтому слегка «расслабились». Проявив некоторуюдержанность, майор напомнил сержантам, что они прибыли в строевую часть особого военного округа, и потребовал соблюдать воинскую дисциплину. Наибольшую готовность выполнять это требование проявили именно нетрезвые бойцы. Майор вызывал их по одному, сверял фамилии со штабным распределением и направлял сержантов в казарму соответствующей эскадрильи. Эскадрильи было восемь. Полк был большой, кадрированный. По сигналу «Гроза» должен был развернуться в целую дивизию. Последним по списку оказался младший лейтенант Шкирятов, единственный средний командир, которому была положена не койка в

казарме, а отдельная комната на квартире.

– Отличник, что ли?

– Отличник.

– А сюда чего сослали?

– Приказали, сказали, что здесь есть «Илы» и требуется готовить летный состав.

– Чему ты можешь помочь, зазнайка? Сам за ручку едва держишься!

– Как знаете, товарищ майор. Я, вообще-то, истребитель и штурмовик просто на спор освоил.

– С кем спорил-то?

– С Коккинаки, Владимиром Коккинаки, он к нам с завода первые «Илы» перегонял.

– А ну, дыхни! – Спиртным от лейтенанта не пахло. – Почему не принял командование группой и допустил употребление спиртных напитков?

– Я ехал в пассажирском вагоне, а сержанты – в теплушке. В Ковно узнал, что кроме меня еще едет группа товарищей во главе со старшим сержантом Талановым. Из училища они выехали на двое суток раньше. Вмешиваться в его действия не стал. Ехали в разных вагонах. Да и недалеко здесь. Крутой пьянки не было. Бутылка водки на всех и пара бутылок пива на нос – это мелочи.

– Но сам не пьешь?

– Нет.

– Ладно, лейтенант. Вон твой капонир, а рядом – дом комсостава, свободные комнаты там есть.

Это «там» было на южной оконечности аэродрома, ближе к плотине. Лейтенант подхватил чемоданчик и двинулся в указанном направлении. Майор некоторое время смотрел ему вслед, затем махнул почему-то рукой и направился в штаб. В штабе горел свет, там же находился и комиссар полка – батальонный комиссар Мирошкин.

– Че к народу-то не вышел, коли здесь?

– На построении увижу. Че злишься-то, Степан Наумыч?

– Ну, во-первых, пьяные все...

– Так мамка из-под юбки выпустила и деньги дала... Каждое воскресенье так.

– Да, мамлей не понравился, умный шибко и самоуверенный.

– Это с которым после построения говорил?

– Ну, да, Шкирятов его фамилия. Звание у него, понимаш, командиром звена прислали, на штурмовики. А он одного с остальными салажатами

выпуска. Странно это.

– Где его личное дело? Прижмем зазнайку, в первый раз, что ли! Завтра же облажается. А летная книжка где?

– Не видел, он ее не передал.

– А вот, нашел выписку. Гляди-ко! В сложных метеоусловиях – сорок часов, «Ил-2» – сто шесть часов, всего триста тридцать шесть часов, шесть типов самолетов. И характеристика, подписанная... Не разберу... Коккинаки, ведущим летчиком-испытателем КБ-57. Красиво пишет! Ладно, завтра поглядим на это чудо!

В три тридцать прозвучал горн, захлопали двери комнаты комсостава, и я выскочил в коридор и побежал на физзарядку вместе со всеми. Командир полка еще не сказал мне, к какой эскадрилье я принадлежу, поэтому встал в строй ближайшей от меня группы летчиков. Понять, кто есть кто, пока невозможно: все в одинаковых майках и трусах, на ногах у всех одинаковые сапоги. Прозвучала команда: «Нале-во, бего-ом марш!» – и все побежали, громко топая сапогами. Зарядка была короткой, через тридцать минут подбежали к дому комсостава, подали команду «разойдись».

В летнее время жизнь в частях ВВС начиналась задолго до рассвета, но был тихий час после обеда, потом тактические или теоретические занятия, и опять на полеты. Я уже два года живу такой жизнью, исключение составили последние несколько месяцев, которые работал в ЛИСе 18-го завода в Воронеже. Там я проходил практику перед выпуском, налетав сто шесть часов на свежевыпущенных «Ил-2». Таким образом Владимир Константинович Коккинаки рассчитался со мной за проигранный им спор и бой со мной. Мы здорово подружились, несмотря на большую разницу в возрасте и постоянно возникавшие споры по поводу вооружения «Ил-2», но забрать меня из ВВС ему не удалось. Помешала травма, полученная им при аварийной посадке на «Ил-4». К шапочному разбору он не успел приехать, в итоге я вместо ЛИСа завода распределен в строевую часть. Жаль, конечно, но армия есть армия. Здесь от твоего желания мало что зависит. Заодно посмотрим, что в частях творится. Я человек здесь случайный, залетный, в моем родном 2015 году служил в Липецке, в 4-м центре боевого применения и переучивания лётного состава ВВС. Так сказать, птенец Харчевского. Отгонял спарку «Як-130» в Борисоглебск и на посадке оказался в «И-153бис». Еле сел! У Сергея Шкирятова отказала кислородная система и заглох двигатель, я успел вытащить машину из пике, запустил движок и, пока делал «коробочку», успел разобраться, где что есть. Немного полежал в госпитале с ушами, ну, а потом включился в

учебу. Было немного скучновато, да и не высунуться особо, местные условия я знал совсем плохо. Первое время удавалось закосить под кислородное голодание, потом делать это стало опасно, и пришлось применять другую тактику: дескать, за ум взялся. Из слабенького троичника стал отличником и активистом-пропагандистом. Терпеть не могу это занятие, но другого пути оставаться в ВВС не было. Это меня и подвело: к нам прилетел Коккинаки на «Иле», и я на спор за три часа поднял тот в воздух, сдав все допуски. В итоге оказался направленным в штурмовую группу вместо истребительной, а учился на «МиГе». Но повезло с тем, что попал на завод и успешно протолкнул несколько идей по вооружению «Ила». Сейчас идут испытания, и ожидается, что новое вооружение вот-вот будет поставлено в серийное производство. Но в конце марта состоялся выпуск, и, как я уже говорил, вместо ЛИСа меня сунули под «Зеленую Задницу». Они расчехвиствили 61-й ШАП за день. Но до этого гнусного события еще есть немного времени.

Одеся и иду в столовую, не забыв прихватить с собой документы. По дороге разговорился с соседом по комнатам – лейтенант, второй год в полку, Петя Матвеев, летает на «И-153бис-63» левым ведомым, не слишком доволен тем, что мало летали зимой, и отсутствием заданий на воздушные бои. Шли еще в темноте. Столовых на аэродроме три: командного, сержантского и технического состава. Внешне они мало чем отличаются, но внутри разница значительная: в командной столики на четверых и офицантки, а в остальных – длинные столы на двенадцать человек, дневальные и дежурный по столовой. Петя поволок меня с собой за столик, по дороге здороваясь с остальными командинрами. Петру повезло, он успел закончить «бурсу» до приказа о том, что выпускники училищ становятся младшими командинрами.

– Товарищи командинры! – прогремело в столовой. Дежурный по части отдал рапорт Степану Мамушкину, появившемуся на завтраке. Без него завтрак никто не начинал. Довольно необычно, позже выяснилось, что Мамушкин раньше служил во флотской авиации.

Завтрак обычный, в помещении тихо, видно, что с дисциплиной в полку все отлично. Я разузнал имена и фамилии начальства. Выяснилось, что в восьмой эскадрилье начальства нет, там только пять техников, двадцать два «МАСсовика» и ни одного командинра. Всего в полку пять «Илов», но все они лежат еще по ящикам. Инженер полка уехал в Ленинград на курсы по этим машинам. Так что труба дело.

– Чем командинр недоволен?

– А он всегда такой, не обращай внимания.

– А комиссар?

– Этот вредный, на глаза лучше не попадаться, особенно после «слизняка».

«Слизняком» называли местную расшивочную, у которой в названии были буквы «SLIZ». В общем, в полку с пьянством борются, что не могло не радовать. Разгильдяй Сергей Шкирятов был в училище главным заводилой на курсе в смысле поддать, а я был непьющим и в той, и в этой жизни. По сравнению с остальной частью СССР, в ЛитССР цены на спиртное были ниже раза в три, особенно дешевым было пиво, которое стоило копейки и было довольно неплохим.

После завтрака всех собирали в «классе». В его роли выступал местный клуб, так как остальные помещения столько народа вместить не могли. Состоялась довольно длительная процедура представления каждого вновь прибывшего. По спискам в алфавитном порядке я был последним, поэтому смиренно ждал своей очереди. Но меня полку не представили. Сказали, что помимо прочих прибыл младший лейтенант Шкирятов, с назначением которого возникли некоторые сложности. Поэтому он будет представлен полку несколько позже. Позже, значит, позже. Объявили, что я и Овчинников направлены в восьмую эскадрилью, которая будет пополнена в ближайшие дни.

После такого своеобразного развода все пошли на полеты, а я был вынужден идти в штаб полка. Впрочем, не только я, но и все приехавшие вчера тащатся туда получать официальные назначения и направления на склады для получения вещевого довольствия. Меня отозвал комиссар полка Алексей Мирошкин. Я представился.

– Полк обещают перевооружить этим летом на «Ил-2». Я видел выписку из вашей летной книжки, что у вас сто шесть часов налета на этой машине. Где и когда успели?

– Практику проходил в ЛИСе 18-го завода, товарищ батальонный комиссар. Принимал в качестве военной приемки машины, выпущенные заводом в ноябре – феврале, и проводил заводские испытания.

– Ну, и как?

– Не без приключений, дважды прыгать пришлось, а так все в порядке. За это и получил звание. Так как практика пришла на осенне-зимний период, то пришлось сдать на право управления в сложных метеоусловиях. Еще шесть часов, и можно будет получать допуск к ночным.

– То есть самолет вы знаете хорошо?

– Да, освоил полностью и вводил летчиков на него. Весь курс первичного обучения.

– Отлично. Мы вас в план поставили на сегодня на ввод в строй, поэтому возьмите направление у начмата, сходите на склад и получите снаряжение. В 10:30 у нас с вами вылет. Действуйте!

Ну, хоть времени дали достаточное количество. Аэродром большой, пока из конца в конец ходишь, весь день пройдет! Плюс мне не поставили сдачу теоретических зачетов, а вводят в строй как после отпуска, устраивая сразу вывозные, только район придется сдать, но от этого никуда не деться. Получил обмундирование: в отличие от сержантов, вещей б/у не выдали, все новое. Это радовало. Порядок в полку был. Звание у меня, конечно, не блещет, один кубарь, но и это для вещевой службы весомо. Часть вещей занес в комнату, остальное в раздевалку 8-й эскадрильи, предварительно выяснив, где она. Это оказалось совсем рядом, у ближайшего капонира. В штурманской службе получил карту района и сунул ее в новенький планшет. В классе выучил основные и вспомогательные ориентиры, пролистал их в голове и пошел к штурману полка. Полчаса позора (карта с польскими, немецкими и русскими названиями, а требовалось знать еще и литовские) – и роспись на зачете стоит. Все равно эти названия никто не знал. Они не употреблялись. Со сданным зачетом и допуском прихожу на КП. Вылет предстоит на «УТИ-4». Пристроился у завалинки спать, поставив звонок на ручном хронометре на 10:00.

Разбудили меня раньше. Вызывал командир, которому комиссар доложил о разговоре со мной. По документам, четыре из пяти машин испытывал я сам. Одна машина прошла полный курс заводских испытаний и какие-то переделки бомбоотсеков. Я ответил, что не помню, что было изменено, потому что с замками и крышками было много работы, но подпись стоит, значит, все принято. Да, подписи мои. Майор хлюпнул носом, но отпустил готовить машину к вылету. Пришлось взлетать с шиком – не поднимая хвоста. Дескать, почерк у меня имеется. Далее по коробочке без замечаний и излишеств. Посадка и вылет в зону на пилотаж. Тоже скучно открутил положенный каскад фигур с полочками и фиксацией исполнения. Комиссар остался доволен, черкнул какое-то незначительное замечание – так было положено, без замечаний никто ничего сдать не мог. Он поставил мне ввод в строй, и мы опять предстали перед светлы очи отца-командира.

– Так, Козлов на курсах и говорит, что еще и в госпиталь ляжет. Так что будете назначены и.о. командира 8-й эскадрильи и командиром первого звена. В звено назначены сержанты Овчинников, Томин и Проскуров, ну и товарищ Мирошкин изъявил желание освоить новую машину. Заодно и вас проконтролирует. Возьмите в штабе приказ, и в 15:30 я буду у вас на

построении. Зовут как?

– Сергей... Петрович.

– Ну, Петрович, действуй. Широко шагаешь! Штаны не порви! Только из училища, и комэск! Я до комэска пятнадцать лет летал.

Откозыряв, вышел с КП и пошагал в сторону стоянок восьмой эскадрильи. Следом за мной потянулись и три сержанта, двое из которых расспрашивали Пашу о «новой метле». Мне знакомиться с ними на ходу не сильно хотелось, они старше меня, выпуска осени сорокового года. В те годы набор в училища производился дважды в году. Это позволяло сократить количество преподавателей теоретического курса.

Новости в полку распространяются гораздо быстрее поросьячего визга, поэтому к моему приходу личный технический состав эскадрильи был построен. Приняв доклад старшего техника-лейтенанта Кучерова, осмотрел воинство и поинтересовался у Кузьмы Порфириевича, имеется ли подменный фонд рабочего обмундирования в эскадрилье. Фонд отсутствовал. Приказал озаботиться этой проблемой.

– А то к обслуживанию машин вы еще не приступили, а уже чумазые, как чушки. Одно слово – маслопупы.

– Нас и. о. инженера задействовал на ремонтах «чаек», на изучение новой техники отвел только час в день, товарищ... – и тут он меня попытался унизить: – младший лейтенант. Даже на построение отпустил только на двадцать минут.

Я скомандовал: «Смирно», – и доложился подошедшему батальонному комиссару, в том числе и об имеющихся проблемах.

– Некому было готовить личный состав, поэтому и принято такое решение. Разберемся. Федотов, сгоняй за Паршениным, скажи, что я зову.

– Есть, товарищ комиссар.

– Продолжайте, товарищ Шкирятов.

– Командир полка приказал распаковать, собрать и подготовить самолеты к вылетам. Срок – неделя. С сегодняшнего дня приступаем к интенсивным занятиям по новой технике и к подготовке к зачетам по специальности. На освоение – две недели. К майским праздникам первое звено должно быть готово и облетано. Поэтому, товарищ старший техник, приказываю подготовить козлы, тали, инструменты для распаковки и всю техническую документацию по сборке к 15:30. В 15:30 построение, прибудет командир полка майор Мамушкин. Вольно, разойдись.

Техники гурьбой отправились исполнять приказание, а я занялся летным составом, внимательно рассматривая их летные книжки. «Сливки»

от слова «сливать». Двенадцать летных происшествий на троих. Ну, Пашу Овчинникова я сам готовил и успел исправить недоработки в его подготовке, а этих двух требуется полностью переучивать. Очень удивил комиссар полка, который встал в строй и подал мне свою летную книжку.

– Так, Паша, у меня в комнате на окне папка синяя, там описание и в отдельной тетради рекомендации по осмотру, взлету, управлению и посадке. Несешь в класс тактической подготовки, а мы – туда. Напра-во! Шагом марш. Разойдись.

Посыпались вопросы по «Илюше».

– Вообще, он довольно простой, управляется неплохо, единственное, кабина достаточно сложная и требует подготовки. Совсем другая, чем на «чайке».

Мы сели в классе, из папки я достал плакаты, прикрепил их к картону скрепками, и мы начали знакомиться с машиной. Через час объявил перекур, и мы пошли обедать.

На обеде Степан Наумович поинтересовался у Алексея Михайловича, как ему Шкирятов.

– Кажись, Наумыч, нам повезло с этим мамлеем. И машину знает назубок, и объясняет толково и доступно. Просит «УТИ-4» и запланировать ему вылеты с личным составом. Такое впечатление, что всю жизнь командовал эскадрильей. Он, кстати, предлагает укомплектовать полностью эскадрилью, чтобы подготовить летчиков, используя эти пять машин как учебные. Смысл в этом есть.

– Ну, так, с кондакча, решать не будем. Посмотрим, как этих научит. Но определенный смысл в этом есть. Бум посмотреть.

После тихого часа эскадрилья выстроилась у навеса, где лежали ящики с самолетами. Стальные козлы из труб с тялями и маленькие деревянные в количестве десяти штук успели соорудить. Ящики перетасовали по номерам и погружочным документам. На столе лежали инструкции и схемы сборки. Комполка поприветствовал присутствующих, комиссар двинул речь, что Родина доверяет 8-й эскадрилье самые совершенные самолеты и ждет, что освоение новой техники пройдет быстро и безболезненно. Это ведь как зуб удалить под наркозом, вот только потом – болит.

Вскрываем первый ящик, я с полным охреневанием вижу в нем «ЦКБ-57» – первую переделку двухместного штурмовика в одноместный. С четырьмя «ультраШКАСами». Северный пушной зверек – это слово у меня просто вырвалось. Тут же досталось от командира и комиссара, которые боролись за чистоту нашей речи. Достаем крылья, еще один северный зверек побежал по аэродрому: шестнадцать установок под РС, но крылья

стрельчатые, полностью металлические и со стреловидностью пятнадцать градусов. «Это ж практически «Ил-2» сорок четвертого года! – пронеслось у меня в голове. – Да еще и с бронированной кабиной стрелка! Это моя машина!» Подставляем крылья. Внимательно смотрю за действиями техников, проверяю правильность соединения всех узлов и контролок. Лезу в кабину и выпускаю шасси. Встали на замки. Чуть поднимаем талями хвост, убираем козлы с хвоста, затем удаляем козлы спереди и переносим большого козла к новой машине. Там лежит такой же самолет, но с двумя «МП-6» и двумя «ультраШКАСами». В третьем и четвертом ящиках оказались предсерийные «Ил-2» с уже укороченным фонарем и с пушками «ВЯ-23», и только в последнем находился серийный «Ил» с переделанными под кассетные бомбы бомболюками. Я летал на всех этих машинах, кроме первого. Точно знаю, что со второй надо снимать пушки, они клинят: на земле все стреляет, а в небе ленту прижимает потоком воздуха, она неразъемная, и пушки клинятся на двадцатом выстреле.

Рассказал обо всех машинах и сразу запросил «ВЯ» для всех. Мамушкин пожал плечами, но подписал требования. Две машины можно сразу переделывать в двухместные, так как двигатели у всех стоят серийные «АМ-38» в тысячу пятьсот семьдесят пять сил и крыло для двухместных. И кабина стрелка бронирована. Остальные – это мусор: голова летчика не прикрыта совсем, только спереди.

Бак не фибровый, а дюралевый, и не будет протектироваться из-за заусениц. Но по понятным причинам я об этом ничего не сказал. Надо подвести к этому нашего комиссара, а там и посмотрим.

Машины оказались с неподготовленными двигателями: им сменили двигатели после испытаний и, стремясь выполнить план по поставкам, загнали в линейные полки. Готовыми летать были только две машины: первая и последняя. Остальным предстояла обкатка двигателя и регулировка капризного карбюратора. Пришлось вместе с техником облизать обе, проверить все системы, затем в течение двадцати семи минут наблюдать, как заправляется с единственной точки заправки машина. Ахиллесова пята первых серий. Наконец, получил добро на облет. Степан Наумович с площадки не уходил до тех пор, пока не поступил доклад о готовности двух машин. После этого сел в свою эмку и поехал руководить полетами. Еще одна приколка: радио на КП не было! Все – флагжками! Очередной зверек пробежал по аэродрому. На прогреве двигатель работал ровно. Я посмотрел уже, регулировки выполнены по последним рекомендациям, отсюда и семьдесят пять «лишних» сил. Вооружение не вешали, просто облет машины.

Вижу сигнал с разрешением на взлет, прямо из капонира ухожу в небо, нарушая все инструкции предвоенных лет, вернусь – наверное, получу «дрозда», но сейчас я в воздухе. Убрал шасси, левой рукой подбираю положение триммера рулей высоты. Эти машины неустойчивы продольно и постоянно стремятся задрать нос. Сзади наперехват устремилось два звена «чаек». Покачал крыльями и сбросил обороты, чтобы смогли пристроиться. Связи с ними нет. Три встали справа, три слева. Сопровождают. Обороты! И я отрываюсь от них, при этом проделав тройную бочку. Затем боевой разворот, «чаечки» пошли за мной, здесь их преимущество, на виражах с ними проще не соревноваться, мой «утюг» на это не способен. Но я успевал развернуться и атаковать, если что. Повернувшись над аэродромом, мы пошли на посадку.

«Т» выложена, сели, смотрю, меня направляют к КП вместо моего капонира. Решили, видимо, не отходя от кассы отоварить за взлет! Однако я успел с выводами. Был построен полк, и командир объявил благодарность за быструю сборку машин первого звена и поздравил с первым вылетом новой машины. Дал возможность летчикам полка потрогать «коня» и перевел в восьмую еще восемь летчиков. Насколько я понял, по старому штату четыре звена по три самолета. Фиг ему!

Шесть дней занимались в классах и в кабинах. В промежутках между занятиями успел съездить на картонажный завод в Ковно и на самолетостроительный, где собирались «аисты». Мне требовалась картонные трубы диаметром триста двадцать пять миллиметров и длиной полтора метра. В столярной мастерской заказал деревянные разъемные кружки. Часть из них подготовил для установки гранат РПГ-40, часть – для гранат Ф-1. Разрезные деревянные кружки фиксировали предохранительные ручки гранат со снятыми предохранительными чеками. В эти же деревянные кружки вворачивались «ушки» подвески контейнера. Две тонкие стальные проволоки проходили через картонный корпус и были предназначены для «вскрытия» стенок трубы, чтобы контейнер разваливался сразу после сброса. Проволочки цеплялись к замку и могли быть отсоединены в случае посадки вместе с бомбой. Эти подарки я подготовил для немецкой пехоты и техники. К сожалению, сам контейнер еще не прошел испытания, и отсутствовал инерционный взрыватель АТ-4, который бы позволил сбрасывать Ф-1 с любой высоты. А так только сто метров, иначе граната взрывалась в воздухе.

На мою возню с деревяшками обратил внимание и комиссар. Спросил – зачем?

– Это контейнер для мелких бомб. На самолете установлен бомбовый

прицел ПБП-1б, но через него днем практически ничего не видно. Сбрасывание одиночных бомб фактически бессмысленная трата боеприпасов.

Он не поверил. Я выложил пятнадцать металлических листов на «дороге» на полигоне с дистанцией двадцать пять метров, как положено в немецкой армии. Предложил на спор ему пройтись двумя «чайками» с «сотками». А я зайду на «ЦКБ-57» с четырьмя кассетами с РПГ-40. Я победил! Вообще-то, мы уже это проходили, и коньк Ереванского завода оценили вполне. Но! Количество ящиков было не определено соответствующим наставлением НИИ ВВС. Они, кстати, первыми закочевряжились! Дескать, в этом случае и прицел не нужен. Точно! Нафиг не нужен, только голову об него бить. Берешь цель, проводишь прямой угол от нее, и ориентир, лежащий на траверзе. Закрываешь крылом и жмешь кнопку – и вуаля! Триста метров по направлению накрыто. С одного контейнера.

И вообще, комиссар оказался очень внимательным и отзывчивым товарищем. Практически сразу он понял, что поддержать – много дешевле, чем задробить. Помогал и привлекал со своей стороны многих людей. Короткая стычка произошла, когда я на тактике начал производить разбор действий «люфтov». Дескать, товарищ Сталин говорит, что мы с немцами дружны как никто.

– Разрешите вопрос, товарищ комиссар!
– Ну, давай!
– Вы какого года рождения?
– Десятого.
– Следовательно, в тридцать восьмом вам было двадцать восемь лет, так?

– При чем здесь это?
– Значит, вы помните, что товарищ Сталин говорил тогда про немецких фашистов?

– Ну, теперь не то, что давеча. Товарищ Сталин говорит...
– А он не может сказать, что наш единственный враг сидит за Неманом. Он надеется, что мы, рядовые коммунисты и комсомольцы, понимаем, что не случайно именно в западные округа направляется новейшая техника. «Ил-2» заточен для борьбы с вражескими колоннами и танками, товарищ комиссар. Кампанию в Польше разбирали?

– Ну, было дело.
– А мы, в Воронеже, искали средство борьбы с этим явлением. Кассетные бомбы – один из способов, товарищ комиссар.

Алексей Михайлович поморщился, но две эскадрильи «И-153» стали нашим прикрытием.

Впрочем, не полетами только были заполнены эти дни. Меня выволокли буквально на какую-то свадьбу в Даукше. Там знойная брюнетка взяла в оборот. Красивая, надо отметить. Я пригласил ее потанцевать и почувствовал, что влип. У нее были очень красивые большие глаза. Ее муж погиб в тридцать девятом под Данцигом. Она похлопала длинноющими ресницами, сказала что-то интригующее на не совсем понятном языке, в котором прорывались русские слова. В результате мы оказались где-то на сеновале, где остро пахло сеном и коровьей мочой.

Чуть в стороне шумно дышали несколько буренок. Она остановилась у самого входа и немного повозилась со своей юбкой. Под той ничего не оказалось. Трусики я обнаружил в ее руке. Она заботливо надела мне изделие номер два на соответствующий орган, и для нас остановилось время на несколько часов. Кристи, ее звали Кристина, убежала под утро, а я, не высавшись, притащился на аэродром, где с утра начинались полеты. Но увидев мою шею, товарищи дали мне немного поспать.

С Кристиной мы встречались почти каждый вечер, возле плотины, где была ГЭС, которая обслуживала и аэродром, и станцию. Замужем она была около двух недель и два года вдовствовала. Сама из Данцига, но жила у родителей бывшего мужа и бесплатно ухаживала за их коровами. Ее интерес ко мне был не особенно случайным. Об этом мне поведал сначала начальник особого отдела, а потом эти же слова подтвердила и сестра ее бывшего мужа. Она прибежала сообщить мне, что Кристина прийти не сможет, у нее «женское недомогание». Сестра была девочкой лет шестнадцати на вид. Чуть позже выяснилось, что ей восемнадцать, но это значения никакого не имело. Она спросила: зачем пан офицер якшается с Кристи, которая спит с немецким шпионом Вацлавом? Я пожал плечами. Мне было все равно. Я не считал Кристи чем-то большим, чем...

– Вы знаете, что будет война? – спросила девочка.

– Знаю.

– Кристи не жидовка, она полячка, я не знаю, почему мой брат и вы клюнули на эту продажную женщину! Зачем она вам?

Что ей было ответить? Что мне все равно? Ребенку так отвечать нельзя. Я протянул к ней руку. Но она отбила ее, злобно прошептав какие-то еврейские ругательства. Потом долго плакала, сидя на траве возле меня.

– Я вас люблю и буду ждать, когда вы вернетесь.

Этого мне только и не хватало! Ехала бы ты из этого гиблого места,

где даже родственники предают друг друга... Выплакавшись, она ушла домой. С Кристиной у нас ничего не изменилось, кроме одного: уже перед самой войной она сказала, что утром двадцать второго немцы нападут на нас. На 02:00 берлинского времени назначено нападение. Что она хочет иметь сына, который будет ждать меня здесь. Вот и пойми женщин! «Вешать надо таких Красных Шапочек близь нашего леса!»

В конце мая к нам приехали летчики-балтийцы на десять дней, мы помогли им освоить машины и провести несколько пробных торпедометаний торпедой 45-36АН, десяток штук которых мы захомячили – отложили для следующей партии обучаемых.

Полк посетил генерал-майор Ионов, начальник ВВС округа. Он прибыл вместе с командиром 8-й САД полковником Гущиным. Нас обругали последними словами, что до сих пор не сформирован 86-й штурмовой авиаполк, название которого мы только что услышали. В эскадрилье сейчас пятнадцать самолетов и восемнадцать летчиков, способных их водить. Из них шесть – ночников.

Наступило 18 июня, и мы разлетелись по аэродромам подскока, большую часть которых выбирал я сам. Ставил единственное условие: максимальная близость к стационарным мостам через Неман. По существу, эскадрилья стала отдельной, так как приказ был оформлен так, что у меня было право, не согласовывая с командованием, ставить в план учебы любые полеты. К 19 июня у меня было запасено топлива на восемнадцать вылетов всей эскадрильей, пять малокалиберных и шесть крупнокалиберных зенитных батарей, две эскадрильи «И-153». Правда, у них топлива было значительно меньше, но существовал большой запас РС. Каждое звено штурмовиков имело сто шестидесят контейнеров с противотанковыми и противопехотными гранатами. Шестнадцать выливных приборов с КС и полторы сотни бомб по двадцать пять, пятьдесят и сто килограммов на борт. Как удалось надыбать столько зенитчиков? Есть старинная мудрая мысль: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Зенитчики разъезжались по лагерям, а я, обладая некоторой долей свободы, устраивал площадки рядом с ними. И им хорошо, и мне неплохо.

Двадцатого крайний раз перед войной встретился с Кристиной, когда она и сказала мне о сроках начала войны. Впрочем, это и так чувствовалось. Я ей сказал забирать золовку и мотать отсюда, как можно дальше.

– Я не могу, я сражаюсь за Великую Польшу, а их – отправлю!

Созвонился с пятой эскадрильей управления и связи в Ковно, с командиром которой были налажены хорошие отношения. Ему в иносказательной форме было сказано, что в случае обострения ситуации он должен перегнать своих «аистов» ко мне. Он подтвердил свое согласие, попросил отправить ему топливо, которое, понятное дело, по общей разнарядке ему не доставили.

Часть 2

Двадцать второе июня

В субботу в 16:00 заступил в наряд дежурным по эскадрилье и командиром дежурного звена. Отменил все увольнения и четыре раза проверял все гарнизоны, правда, по телефону. С 00:00 МСК, с 22:00 берлинского, перешел на радиосвязь по коду. В 01:00 принял команду «Гроза» по радио и поднял по тревоге все звенья эскадрильи. Передал это все в полк. Шесть машин собирались на ночной вылет с двумя парами связанных «соток». Я сам сидел напротив моста королевы Луизы в Тильзите возле небольшого местечка Тушки, что у Тауроггена. Отсюда ровно тридцать пять километров до восточной опушки Микитайской рощи, и тем же курсом выходишь прямо на мост.

– От винта! – команда подана. Не закрывая фонаря, стартую и ложусь на курс триста. Справа от меня идет Павел. У него задача чуть легче: выйти на западную опушку той же рощи, найти железную дорогу и положить железнодорожный мост через Неман. Желательно – обеими парами бомб.

На выходе врезал залпом восьмью эрэсами по скоплению противника на той стороне моста, Паша доложил, что мост лежит и он тоже пустой, разрядился по полустанку с эшелонами. Сели и через двадцать минут ушли с торпедами вдоль по Неману, каждую машину в этом полете прикрывало по шесть «чаек». Мосты-то лежат, но немцы в основном переправляются по наплавным мостам. Если сбрасывать торпеду с минимальной высоты пятнадцать метров, то заглубление у нее составит всего два метра. Выставили полметра углубления и пошли. Но уже озираясь. Во-первых, остальное вооружение снято, во-вторых, эта балда требует на взлете один угол, отрицательный, иначе хвостом цепляет, а для правильного входа ей необходим положительный, иначе нырнет и в грунт зароется. Поэтому после взлета ей требуется электролебедкой подтянуть вверх передний узел подвески, расположенный в районе второго шпангоута, – создать положительный угол при сбросе. Устройство типа домкрата жигулей с довольно длинным штоком крепилось к пяти миллиметровой бронепалубе и, несмотря на обтекатели, довольно сильно сбрасывало скорость. Снять его можно было только на земле. А остальные самолеты эскадрильи ушли искать бомбардировщики противника. Они где-то на подходах. У Виелени вижу ведущую бой погранзаставу и немцев, успевших навести мост, по

нему катятся на нашу сторону танки Гота. «Чайки», шедшие впереди, ударили эрэсами по скоплению пехоты и отвлекли огонь от меня. Сброс! Торпеда выпрыгнула из воды, опять зарылась в воду и пошла. У Средников отлично сработали сами «чайки», угодившие бомбами в переправу.

– «Мессеры»!

– Серега, уходи, мы прикроем!

Отсюда сорок два километра до Кейдан. Не, ребятки! ЪІсточно рановато! Я развернулся и пошел в лобовую на атакующие «Эмили». Их всего четыре. Атаку я сорвал. Пока они разворачивались, мы успели прижаться к земле и встать в круг. И короткими выпадами покусывали «мессов», пока один не задымил. От нас отстали, и мы ушли на заправку. В Кейданах машины расташены по капонирам, есть какая-никакая зенитная артиллерия. Я зарулил в свой капонир и оттуда пошел на КП, который переехал в землянку у пруда.

– Товарищ майор! Восьмая эскадрилья с 03:30 совершила двадцать один боевой вылет. Положили шесть мостов стационарных и один – наплавной. Других данных пока нет, требуется дозаправка и перелет на аэродром подскока. Истребители прикрытия поразили один наплавной мост и обстреляли противника на правом, нашем, берегу Немана. Поврежден один истребитель противника. Командир восьмой лейтенант Шкирятов.

– Грустно докладываешь! А комиссар Мирошкин доложил, что сбито шестнадцать Ju-87 твоими орлами.

– Я не знал, я в воздухе был, они на другом канале. Потери есть?

– Потерь нет в восьмой. В полку есть потери. Уже третий налет на аэродром отбиваем. Тут хоть и машин немного, но бомбят исправно, поэтому заправляйтесь и улетайте на подскок. Разведку бы организовать, откуда они по нам работают.

– Ко мне должны «аисты» из Ковно перелететь. Их и отправлю.

Я посмотрел на часы.

– Тут тебя какая-то гражданка домогается. У моста.

– Некогда.

– Некогда, значит, некогда. А так бы сходил, у тебя минут десять есть.

Здесь действительно триста метров. Прошел на КПП, там сидят Кристина и Хильда. Их дом разбомбили. Кристина сунула в руку записку и сказала, что через час у них поезд, они едут в Москву через Паневежис.

– Это важно! Передай, кому следует, – она глазами показала на мою руку. Обнялись и поцеловались. Обе ревут. Все, у меня больше времени нет, показал им на часы, сказал, что улетаю. Кристина зажала кулачком рот, чтобы не закричать. Хильда что-то причитает по-еврейски и по-польски.

Махнул им рукой и побежал в сторону капонира.

Взлетели, два истребителя остались на земле, имеют повреждения. На бреющем перелетели в Зибули, где оборудована основная площадка эскадрильи.

Наступление на участке Тильзит – Ковно мы сорвали, немцы выбиты с правого берега, но на правом фланге немцами взяты Плунгяны – довольно большой еврейский городок и железнодорожная станция. Немцы взяли Палангу и движутся на Шауляй. Эскадрилье приказано остановить продвижение немецких колонн. Семь пар штурмовиков и восемь пар «чаек» рванули туда в виде пожарной команды. Хорошо еще, что 15-й ИАП выделил три «МиГа» в прикрытие нашей группы.

Мы загрузились кассетными противотанковыми и противопехотными самоделками, триста двадцать килограммов во все четыре люка, и эрэсами, у кого сколько влезло. Прижимаемся к земле, идем. Вопрос со стрелками пока не решен. Место есть, и пулемет «ультраШКАС» стоит, а стрелка нет. Должность такая до войны в полку не предусматривалась. Впрочем, сегодня полк летал уже в парах, четверках и восьмерках с самого утра, кроме одной эскадрильи, взлетевшей первой по тревоге. Майор Мамушкин, до последнего сопротивлявшийся нарушению боевого устава авиации, в первый же день войны понял, что та все спишет.

Пилить до шоссе Паланга – Шауляй семьдесят восемь километров – двенадцать минут лета, казалось бы, какие сложности! Но именно там сегодня наблюдалась самая высокая активность немецкой авиации. Будем надеяться, что они сейчас перевооружаются. Однако подобные мысли немецких летчиков не посещали. Вот они, «фридрихи», валятся с высоты на «чаек». Моих машин пока не видят, у меня камуфляж немного другой, специально подбирал, да и ниже мы идем. Предупредил ребят, они, пользуясь хорошей поворотливостью, встречают их лобовыми атаками. Немцам это не нравится, они отрываются и теперь пикируют на нас. Мы в грузу, и до выполнения задачи еще четыре минуты, поэтому встаем в круг, ждем прикрытие, которое спешит к нам. Наконец появились «МиГи», которых не было видно, и радиосвязи с ними не было. Они сорвали немцам атаку, но сами ввязались в бой на малой высоте, для них это плохо, очень плохо. Один уже горит. Но подскочившие «чайки» утянули два «месса» в бой на виражах. Два других набирают высоту после победы над правым ведомым тройки «МиГов», мы продолжаем идти в сторону шоссе.

Опять валится пара «мессов», и я встречаю их отсекающей очередью из пушек и «ультраШКАСов». Шарахнулись! Очередь прошла совсем рядом, может быть, и попал из пулемета. Уже видно шоссе. Пройдя прямо

над Виплаукской кирхой, на вираже ухожу влево, ребята растягиваются в цепочку. Шоссе забито отступающими нашими войсками, которые разбегаются, увидев незнакомые самолеты. «Илы» еще не называют ласково «горбатенькие», пока мы чужие для всех. Назад посматриваю, хотя высота такая, что чуть зевнул, и... Нет, «мессеров» связали боем, да и действовать на такой высоте истребителям сложно. Можно подскочить чуть выше, ушел на стометровую высоту. Есть! Вижу колонну немцев, впереди несколько танков, потом длинная вереница «гробиков», за ними автомашины с пушками. Тщетно пытаюсь что-либо увидеть в прицел. Забросало выхлопом, хотя перед вылетом протирал. Придется по капоту. Так, от поворота до поворота семьсот пятьдесят, пересчитываю поправку. Выровнял крен, переключил ЭСБР на крайний левый. Товсь! Сброс! Лишь бы идущему следом хватило дистанции! Щелчок на средний правый, сброс. Щелчок на выбор боеприпаса. Нос чуть вниз и залпом все РС в поворот дороги. Эрэсы у меня особенные: у них закручено на два градуса оперение. Сходят все. Огонь из пушек не открываю, а вываливаю еще два чемодана гранат и отваливаю в сторону. Лишь после этого замечаю открывший огонь «эрликон», но к нему уже тянется белая струя двух РС, кто-то сзади меня их пустил. На отходе хорошо видно горящие машины и даже танки. Наблюдаю, как разлетаются сброшенные «чемоданы», и внизу грохочут взрывы. Довольно сильные. Пожалуй, что посыпать так много самолетов не стоило, обошлись бы и половиной, но замыкающее звено работает с головы колонны еще раз, добивая то, что не добили ведущие.

Опять к земле, и подываем прикрытие. У них – потери. Правда, это пока еще своя территория. Двоим пришлось прыгать. «Мессера» ушли, и мы уходим по новому маршруту, удлиняя противнику путь нашего перехвата. У Шауляяворачиваем вправо и идем к дому. Под нами изгибается Дубисса, наконец, посадка с ходу, заруливаю, и стартовая команда заталкивает машину в лес. Жрать хочется! Как по волшебству, появляется полуторка с обедом.

Собираемся в импровизированной столовой, тут же в лесочке. Батальонный комиссар здесь же. Между ложками борща делятся впечатлениями от разгрома двух девяток Ju-87. Считает, что «Ил-2» может действовать как истребитель.

– Да нет, это произошло потому, что немцы без прикрытия шли. Только напрасно вы, Алексей Михайлович, вплотную полезли. «Ил» – машина тяжелая, хорошая платформа для пушек. Снаряды «ВЯ» и «МП-6» тяжелые и мощные, требовалось зайти в хвост и бить издали, чуть ли не одиночными. Больше бы насшибали, но че уж там, как получилось, так

получилось. «Аисты» прилетали? – спросил я у начштаба Колыванова.

– Один прилетал. Сказал, что сели на другой площадке нашей, должны скоро перелететь сюда. Вон, кажется, идут!

– Кучерова ко мне!

По лесу раздалась эта команда, которую передавали дальше. Он подошел, когда я заканчивал обед традиционным компотом.

– Что с осмотром?

– Три машины имеют повреждения крыльев и хвостовой части фюзеляжа, все крайней серии, с деревяшками. Два осколками побиты, один получил пять пробоин из «эрликона». По нему работы много.

– Раз много, то переделывайте ему кабину под стрелка. «Чашки» привезли?

– Да, привезли, и сегодня еще с Ковенского завода обещали доставить.

– На все машины этот подголовник ставьте, имеется в виду серийные.

– Там засверливаться тяжело, Сергей Петрович, но сделаем, шесть машин осталось из крайнего поступления. В Кейданы пришло еще две машины, собирают, надо бы летчиков туда отправить.

– Вон «А-38» сели, сейчас перенаправим.

К столовой подходило человек двадцать летчиков Ковенского ЛИСа и эскадрильи связи. Они рассовали свои машины по лесу и теперь спешили на обед. Капитан Мальцев, их командир, который и принимал решение о передислокации, шел впереди. Мы обменялись рукопожатиями.

– Достали налетами, шесть машин потеряли на земле. Экипажи вывезли, так что принимай пополнение. Двадцать шесть летчиков и стрелков.

– Стрелков? Это то, что нужно! Уже надо четверых. Ну, и кто из вас лучший?

– Я! – ответил высокий звонкий голос. – Сержант госбезопасности Голубева, чемпион округа по воздушной стрельбе.

Я удивленно посмотрел на худощавую девушку, потом недоуменно уставился на Мальцева.

– Да, Аксинья – лучший воздушный стрелок округа и давно рвется на боевой самолет, считает, что на «связниках» делать нечего. Чего застеснялся? Из двадцати шести человек шесть летчиков – командиры РККА, и все стрелки у меня девушки, шестеро из них военнослужащие, остальные вольнонаемные. Весь ЛИС – только гражданские. Самолет-то легонький, так что обеспечил я тебя головной болью. А Ксюху бери, не пожалеешь. Ее отец – начальник Ковенской погранкомендатуры.

Что такое не везет и как с ним бороться! Сам себе «особиста»

присвatal! Кто меня за язык тянул? Впрочем, нет худа без добра! Наводчики нужны, а тут без взаимодействия с сухопутчиками никак. Даю заводчанам время поесть, а сам под руку объясняю Мальцеву задачи.

– Первое! Отправить двоих летчиков перегнать новые машины из Кейдан. Второе: кого-то послать посмотреть, откуда немцы работают по Кейданам. Машины у тебя похожи на немецкий «шторых»...

– Почему похожи? – продолжая пережевывать пищу, ответил Коля. – У меня три настоящих немецких «шторыха» есть, с немецкими двигателями.

– Вот их и пошлешь, «чайки» сопроводят до линии фронта. Вот только радиостанций нет.

– На «немцах» стоит.

– А принимать чем?

– Ну, да, нечем. А почему нечем? Их же три! Один покрутится возле аэродрома и будет меня слышать, а передавать третьему, что я говорить буду.

– Сам пойдешь?

– Сам, я немецкий знаю.

– Блин! Так, все сбил, будем передумывать. Так, так, так, так! Ксюша!

– Слушаю.

– У тебя отец сейчас где?

– На Острове, там штаб обороны.

– Там рядом сесть где-нибудь можно?

– Только на заводе, но это рядом.

– Бесполезно! – вставил Николай. – Завод под минометным обстрелом, так что и не надейся, что сможешь сесть.

– А если на улицу?

– На «Иле» – ты чего?

– На «аисте».

– Ты ж на нем не летал, говорил же тебе, сядь.

– Ну, вот и покажешь.

– Когда?

– Да прям щаз.

– Ну, пошли, коли жизнь не дорога. – Коля быстренько докидал в рот картошку, запил компотом, и пошли к его машинкам. Через десять минут взлетели и сделали несколько посадок.

– Зови стрелка.

– Да вон она сидит!

Садились прямо на улицу, пустынную, потому что все по подвалам прячутся. У машины с пулеметом остался Гайдамец, а мы, пригибаясь и прижимаясь к стенам, побежали вдоль улицы. У меня был ППД, у Ксении – ТТ. Не добегая квартала до набережной, Аксинья рукой показала забирать вправо. Пробежать через двор тихо не получилось. Кто-то открыл по нам огонь с верхних этажей. Пришлось немного пострелять, чтобы проскочить. Дальше ползком, и не стесняй. На мосту – блокпост из мешков с песком и несколько человек с пулеметом. Ксения помахала рукой и прокричала:

– Прикройте!

Рванули зигзагом к мосту. Плюхнулись за мешками. Ксения с кем-то поздоровалась. На той стороне моста бункер, нырнули туда, потом какими-то потернами и траншеями добрались до КП крепости Ковно. Ее обнял полковник-пограничник.

– Лейтенант Шкирятов, командир 8-й эскадрильи 61-го ШАП.

– Почему здесь, а не в воздухе? Полковник Голубев, комендант района. Где воздушная поддержка? Весь день просим!

– За этим и прилетели. Связи нет ни с кем из сухопутчиков. У нас на связи только наш полк, там тоже никакой связи нет, поэтому задачи ставим из того, что успеваем перехватить по радио. Нанесли удар по колонне в районе Плунгян, больше никакой информации нет. Утром работали по мостам и переправам на Немане.

– А, так это вы работали! Отлично, но вот тут вот немцы поставили батареи и долбят так, что долго нам не продержаться.

– Связь нужна и авианаводчики. Плюс нужны люди, которые смогут сработать в тылу противника: снайперы и пулеметчики. Чем забросить их в тыл и забрать оттуда, у меня есть. И еще, в доме напротив моста – противник.

– Знаем, уже один раз выбивали.

– Кстати, у них должны быть неплохие радиостанции. Хорошо бы такие заполучить.

– Где базируетесь?

– В Зибулях.

– Людей я пришлю. Ближе к вечеру, сейчас никак. Дай поддержку, лейтенант.

– Дадим, товарищ полковник. Сейчас машины заправляются, и дадим. Топливозаправщиков мало, вот и мучаемся.

– Пришлю человека, который разберется. Спасибо, что дочь привез.

– Пап, а я с ним, я улетаю. Я теперь его стрелок.

Полковник с шумом выдохнул, но было видно, что знал – спорить с

дочерью бесполезно.

– Каверзин! Возьми штурмовую группу и обеспечь проход. Доведешь, куда скажут!

– Есть! – молодой старлей выскочил из бункера. Ксения поцеловала отца, они о чем-то пошептались, и мы пошли обратно за провожатым. Увидели, что штурмовая группа уже бежит через набережную к дому напротив. Мы припустили за ними. Гайдамец сидел на месте в подъезде ближайшего дома. Вместе с ним развернули «аиста» в обратную сторону и взлетели. С нами полетел еще один командир-пограничник в санитарном отсеке.

Прижимаясь к земле, перескакивая через лесочки, двадцать минут, и мы на месте. Заправляют крайний «Ил», начинаю знакомить нового стрелка с машиной. Так как самопал, то кроме переговорной трубы со свистком ничего нет. Лямка, слева направо пересекающая кабину, и два карабина, которые крепятся прямо к подвесной системе парашюта. Вот и все хозяйство.

– Это «ультраШКАС», и вот полторы тысячи патронов. Ровно на полминуты непрерывного огня.

– Сколько весит?

– Пятьдесят килограммов.

– Так, может быть, второй ящик взять и вот тут закрепить, я сама вешу пятьдесят четыре.

– Заклинит.

– С направляющими.

– Ну, бери. Только крепи normally, в расчете на истребительный бой.

Через пятнадцать минут заправка машин закончилась, и я собрал личный состав на постановку задачи.

– Идем к Ковно. В рощах на левом берегу противник установил артиллерийские и минометные батареи, из которых обстреливает город и оборонительные позиции. Там же замечены pontoны для переправы, чтобы заменить выведенные нами утром мосты. Задача эскадрильи: нанести бомбоштурмовой удар по позициям артиллерии. Задача прикрытия: обеспечить работу эскадрильи. Построение: машины «ноль два», «ноль три» и «ноль четыре» со стрелками – замыкающие. Канал связи три, веду группу я. Запасной канал шесть, мой заместитель – батальонный комиссар Мирошкин. В воздухе не шуметь, соблюдать радиомолчание. По машинам! К запуску.

Все разбежались по машинам, через пять минут после прогрева мы в воздухе. Позиции немцы растянули вокруг Гарлявы, спрятались по лескам

и рошицам. Выковырять их будет сложно. Часть машин взяла и бомбы, потому что контейнеров осталось на полтора полных вылета. Связаться с 15-м полком не удалось, высотного прикрытия просто нет.

Еще на подходе стало понятно, что в воздухе мы не одни. У нас один заход, а дальше требуется разбираться с пикировщиками. Бывший немецкий «аист» поймал их канал, они тоже идут к Ковно. Раздаю целеуказания, но с кодами, каждый квадрат шифрован. Улавливают. Три четверки и пара перестраиваются для работы.

– Напоминаю: в случае появления противника основной режим – «змейка». Следим за хвостами! «Ноль два», «ноль три», «ноль четыре»! Ваша задача – найти противника и выстроить оборонительный круг до подлета прикрытия. Как поняли? Прием.

– Принято!

– Атакуем с одного захода и уходим в набор! Две минуты до атаки! Приготовиться!

Щелчки докладов от ведущих. Все в курсе, что лишние разговоры смерти подобны. Атака!

Освобождаемся от бомб и РС и ползем на высоту. Пятнышки Ju-87 уже видны справа по курсу. Кажется, они влипли! У них нет прикрытия! Идет полная группа: три девятки и пара «мессов». Наши «чайки» уже на высоте прикрытия и атакуют. А мы заходим сзади. Скорость у них триста сорок, носы белым покрашены. У нас в наборе четыреста. Мужики, вы попали! Я открыл огонь одиночными с семисот метров. Два выстрела – «юнкерс». Через четыре минуты, кроме свалившихся на крыло и сбросивших бомбы на свои войска шести «юнкерсов», машин больше не было. Немного погонялись за уцелевшими. Двух «мессов» отрезали и уничтожили истребители прикрытия. Теперь сами валимся на крыло и уходим вниз. Нам на высоте делать особо нечего. Отходим на запад, потом доворачиваем домой.

Дома тоже подарок! У нас в шесть раз больше топливозаправщиков! Тот самый старлей, что мы привезли на «шторьхе», наловил «сачков» на дорогах и засунул к нам в эскадрилью.

Связи нет, Мамушкин тоже ее не имеет. Солнце садится, и мы идем спать. Еще одна новость: Ксюша со всей серьезностью в землянке вытаскивает «ТТ» из кобуры и сует его под подушку.

– Я сразу предупреждаю! Только сунься!

– Ты че, дура? На хрен ты мне сдалась? Спи, Аника-воин.

Часть 3

Второй день войны. ПВО на участке фронта

Три часа якобы сна, и:

– Серега, вставай! Ксюша!

– Пусть спит!

– Я встаю...

– Что там, Коля?

– Во-первых, завернули радиостанцию «5-АК», драпали от самого Тильзита, хотя там обороны еще стоит. Так что связь появилась. Как и начальство. Улетели за Ионовым, минут через пять сядет. Не будил, дал тебе поспать.

– Спасибо, Коля. Где Мирошкин?

– Вместе с Капитоновым войска останавливает.

– Хренью маётся! Дежурный! – мы уже подходили к штабной землянке.

– Лейтенант Хаустов, товарищ командир.

– Пошли кого-нибудь за Мирошкиным к шоссе. Так, а это что за «гроб», и где с него люди? – за землянкой стояло две машины с «Редутом».

– А хрен его знает, товарищ командир. От шоссе прислали, я их всех щели послал копать!

– Идиот! Щаз сам побежишь щели копать и нарядов нахватаешь по самое не хочу. Быстро найди этих людей! Не дай бог они ноги сделали! Расстреляю! Бегом!

Коля удивленно спросил:

– Ты чего расшумелся?

– Это – РЛС. Она должна работать, а не стоять за штабом.

– А что это «РЛС»?

– Радиолокационная станция, вот это горизонтальная, а это – вертикальная.

А на посадке зажгли костры – бензин в банках. «Аист» с генералом Ионовым заходит на посадку. Экипажи РЛС не разбежались. После получения втыка бросились настраивать и растягивать свое хозяйство. От шоссе появилось несколько подслеповатых фар. «Аист» сел, подруливает к КП. Иду встречать начальство.

– Товарищ командующий! Командир 8-й эскадрильи 61-го ШАП младший лейтенант Шкирятов. Эскадрилья отдыхает после боевых вылетов.

Ионов протянул руку, и я пожал ее. Спустились в землянку. Здесь даже электричество есть. Тут же распорядился насчет кофе и чая начальству. Впрочем, мог бы этого и не делать. Кажется, что моему командованию пришел конец. Генерал с собой притащил какого-то майора, который стоял рядом с ним и слушал мой рапорт о проделанной работе. Слава богу, появился Мирошкин.

– Товарищ генерал, комиссар 61-го полка батальонный комиссар Мирошкин, разрешите присутствовать.

– А, начальство все-таки есть, а то доклады идут только от имени мамлея Шкирятова.

– Вообще-то эскадрильей и приданым прикрытием командует он. Приказ об этом подписан еще в мае. Я только наблюдаю за работой и выполняю боевые вылеты в составе эскадрильи. Надобности вмешиваться в работу не возникало.

– Связь с полком есть? – спросил у меня генерал.

– Есть, товарищ генерал, и снабжение оттуда поступает. Садились там на дозаправку. Ожидаем поставку боеприпасов к часу ночи. Сейчас шесть штурмовиков готовятся к вылету в район Рагнита, там у немцев организован полевой аэродром и днем наблюдалось большое скопление авиатехники. И истребителей, и пикировщиков.

– Кто поведет группу?

– Я.

– Допуск к ночным есть?

– Получен в мае этого года.

– Какие машины пойдут?

– «Ил-2», шесть машин нами подготовлено к ночных полетам: удлинены выхлопные патрубки, сделана охлаждаемая накладка на них, чтобы в ночи не светились. Загружены кассетными осколочными бомбами и ракетами. Обеспечивать подсветку целей будет разведгруппа, которая вылетит в район заранее на самолете «шторых» с немецким двигателем. Разведгруппу должны прислать из Ковно.

– Так! Днем в районе Плунгян вы работали?

– Да, вот отчет.

– Чем бомбили колонну?

– Гранатами Ф-1 и РПГ-40 в контейнерах. – Я достал из стола фотографии кассетных бомб. – Вот только картонные трубы у нас

кончаются, товарищ генерал, на полтора полных вылета осталось.

– А где брали?

– В Ковно, на картонажной фабрике. Она сейчас под обстрелом.

– Образец есть?

– Найдем. Лейтенант Хаустов, распорядитесь принести от вооруженцев.

– Есть.

– Знакомьтесь, майор Ложечников, командир 241-го ШАП. Вот он считает, что эскадрилья недопустимо мало произвела самолетовылетов.

– А вы не могли бы дать в цифрах ваши выкладки, товарищ майор? С учетом того, что самолетов у меня: семнадцать «Ил-2» и шестнадцать, теперь уже четырнадцать «чаек», а топливозаправщик до вечера был один. Сейчас – семь.

– Причем здесь топливозаправщики? – спросил майор. – Один ТЗ может заправлять восемь самолетов в час.

– «Чаек», и только два «Ил-2», на заправку каждого уходит двадцать семь – двадцать восемь минут. Плюс переезд к следующей паре. Считай, полчаса. Полчаса на восемь – четыре часа. Вы «Ил-2» освоили?

– Нет, мы их еще не получали. Почему вы не организовали постоянное прикрытие войск? – спросил майор.

– Потому что действовать надо большой группой, иначе возрастут потери. Немецкие истребители работают парами на свободной охоте. Небольшие группы самолетов для них – семечки, а с большой группой им не справиться. Во время вылета под Плунгяны три пары «мессеров» пытались сорвать штурмовку колонны, и ничего у них не получилось. Наши потери – два самолета, и у немцев повреждено два. Сбить не удалось, но повредить – повредили. А колонну разнесли в пыль.

– Не спорьте с ним, майор. Этот мальчишка в «Илах» и их боевом применении разбирается лучше нас с вами, – вставил комиссар. – Я не против, товарищ генерал, чтобы майор поприсутствовал здесь и посмотрел, как организована боевая работа. К утру дневные потери мы восстановим за счет резервных машин полка. Я в своих донесениях в ПУ ВВС фронта указал, что кроме мостов, стационарных и наплавных, колонны противника, артиллерийских батарей у Ковно, группой Шкирятова и моей группой сбито и повреждено почти сорок пикирующих бомбардировщиков. А потери группы всего две машины. Летчики живы и уже в расположении полка принимают в Кейданах новые. Утром будут здесь. Полк успешно провел первый день войны, особенно отличилась группа Шкирятова.

В разгар спора появился полковник Голубев, который прибыл вместе с

батальоном погранвойск НКВД – то, собственно, за чем я к нему и летал. Охранение аэродрома у нас никакое, а вокруг шныряют «брэнденбурги» и «саюдисы» разные. Они нас в покое не оставят – ну, если начальство само в распыл не пустит. Комиссар понимал, что заслуги полка пытаются принизить деятели из соседних дивизий, которые стремятся прибрать к рукам «его» произведение. Он-то в эскадрилье дневал и ночевал все эти месяцы. И сейчас, когда все путем и восстановлено управление, появляются «варяги», которые готовы влить свою ложку дегтя в наш чистейший мед.

В окошко землянки втаскивают провода от «Редута».

– Что это? – недовольно спрашивает генерал.

– РЛС «Редут» настраиваем, товарищ генерал. Перехватили по дороге отступающие части ПВО от границы. Бежит воинство. Тормозить приходится. Вот и дивизионную радиостанцию прихватили. Обогащаемся потихоньку.

– А что с ними делать, с этими живопырками?

– Организовывать противовоздушную оборону на участке фронта. Кто бы еще «мигарей» и кислородчиков прислал, мы бы еще иочные полеты на перехват немецких ночников организовали.

– Откуда ты такой умный?

– Борисоглебское училище летчиков, товарищ генерал.

Принесли два индикатора и большой кусок плекса. Я уселся транспортиром и здоровенным циркулем делать планшет, а генерал и полковник Голубев разговаривали. Генерала интересовал бой под Каунасом и мнение полковника о качестве работы эскадрильи. Через пятнадцать минут у нас появились отметки на мониторе, которые я перенес на планшет. Через три минуты обстановка была нанесена.

– Штурманы требуются, товарищ генерал. Пока есть только операторы. Давай, веди! – сказал я сержанту в очках. – Время! Товарищ полковник? Вы разведгруппы привезли?

– Да, как обещал.

– Давайте троих сюда, поставим задачу.

Вошло три человека. Двое со снайперками СВТ и один с дегтяревым.

– Старший разведгруппы сержант ГБ Гуськов.

– Смотрите сюда, сержант. Группа будет доставлена самолетом «шторых» вот сюда, под Рагнит. Машина сядет в поле за железкой. У Гаулгаллена – аэродром противника. Получить на складе 40-миллиметровые парашютные ракеты и подсветить стоянки. Днем стоянки находились на восточной стороне ближе к роще. Задача снайперов –

прожектора ПВО противника. Отход сразу после их уничтожения. Летчик будет вас ждать. В случае любых накладок уходите в Траппонер-форст, там поменьше фольварков, постараемся забрать вас вот с этих двух площадок. «Северок» я у вас вижу. Задача ясна?

– Да, товарищ командир, все поняли.

– Товарищ Мальцев! Кто летит?

– Хлопонина. Сержант, после получения снаряжения ко мне подойдите.

– Есть! Разрешите идти? – он забрал подписанное требование.

Еще сорок минут ждали, когда Хлопонина доложится, что они сели, затем в два сорока пошли на взлет. На всякий случай идем не слишком высоко, держим три километра. Через двадцать минут под крылом Юрбаркский лес. В Немане отблескивает предательница луна. Уменьшаем обороты, идем над Траппонерским лесом, планируем, чтобы выйти в точку поворота на север. Плавно перевожу машину в вираж, мы на курсе. Сообщил на КП. У немцев зажигается несколько прожекторов, нас услышали. Можно прибавлять, продолжаю снижаться. Держу сто пятьдесят, чтобы гранаты начали рваться в воздухе на высоте около двадцати – тридцати метров. Есть ракеты, и в течение нескольких секунд гаснут прожектора. Как бы под этот свет не попасть! Высоковато висит люстра, но стоянки я увидел. Доворот! На боевом, считаю секунды. Немцы сбили мешающую мне ракету, но отсчет продолжается. Сброс, сброс, сброс, и последний. Полный газ и в набор, уйти от собственных взрывов. Есть! Вижу в зеркалах разгорающиеся самолеты. Встал на вираж, вижу темный прямоугольник бочек и посылаю туда два РС. Доворот, казармы, четыре РС, доворот, позиция «эриконов», и все оставшиеся РС пошли туда. Вираж, и грохот «ультраШКАСа» за спиной. На всякий случай обворачиваюсь. Нет, Ксюша бьет по земле, что-то увидела там. Подал команду отходить по окончании работы. Кто выполнил два захода, как я, кто растянул удовольствие аж на четыре, так как ПВО подавлено. Запросил КП, что с подбором.

– Подбор выполнен. Один раненый.

– Мы возвращаемся.

Теперь идем, прижимаясь к земле. Высота двести метров. Группу собрать не удалось, за мной идет только одна машина. И мы садимся первыми. Следом за нами сел один, потом пара. Потом довольно долго ждали Пашу. Наконец, определили, где он, по локатору и помогли добраться до дома. Малость плутанул.

– Че ты по пустым бочкам-то бил? – смеялась, спросила Ксюша.

– Откуда я знал, что они пустые? Ладно, Вильгельм Телль, сама-то по чему стреляла?

– По бочкам, там рядом другие лежали, те загорелись.

– Ну и молодец, пошли, закажи мне завтрак, я скоро.

– В штаб принесу, тебя ж оттуда не выпустят! – Смотри, заботливой становится, а то сразу: «Убью!»

Подошел Алексей Михайлович, похлопал меня по плечу.

– Молоток, Сережка, вывел точно и операцию хорошо продумал. Я все голову ломал: почему напрямую не идем, там вроде бы удобнее? А после виража понял, что мы сразу на вторую площадку носом вышли. Пошли в штаб, доложимся Наумычу. Где, интересно, остальные машины?

– Там на РЛС и посмотрим.

– Как тебе стрелок?

– Да ничего! Глазастая.

– И симпатичная, и наша! – он погрозил мне пальцем. Все Кристину простить мне не может. Кстати, с ее запиской надо что-то делать. Там агентура немецкая в Кейданах.

– А зря вы ее ругаете.

– Кого?

– Кристину. Смотрите, что перед отъездом передала.

– Она уехала?

– Не знаю, говорила, что через час поезд и в Москву. Она слышала по радио, что будут призывать поляков в польскую армию на территории СССР.

– Я такого не слышал. Ладно, передам Евсееву. Сегодня там буду. А что сам не передал?

– Сразу на вылет пошел, а его в штабе не было. Отдавать через трети руки не хотелось.

В штабе выяснилось, что никого из начальства нет. Остался только майор Ложечников. Как стало известно, у него в полку нет летчиков, только десяток «чаек». Проще говоря, полка нет, вот он и подумал увести из 8-й в 7-ю САД практически целый полк. Хитрец. Оставлен Ионовым для получения опыта руководства штурмовым полком на «Ил-2».

После принесенного Аксиньей завтрака с горячим какао захотелось спать, поэтому, оставив в штабе дежурного, расположились по землянкам. На этот раз пистолет под подушку никто не совал. Мирный договор вступил в действие. Но долго рассыпаться не дали. Подскочившую было Ксению уложил обратно в койку:

- Ты спи, тебе еще рано.
- А ты?
- А мне пора.

Утром на вылет пошли без меня, у меня две дырки штопают: осколки от «феньки» дотянулись и перерубили стрингеры на хвосте. Так что ремонт. Ребята бомбили со ста, как положено, у них дырок нет. Опять вылет к Ковно, уже знакомая обстановка, только, если повезет, подольше поработают над целью. «Повезло»! Три машины возвратились похожими на решето, и именно в звене комиссара. Видимо, неправильно были выставлены задержки у «соток». На земле тоже новости от Ионова: переброшена 2-я эскадрилья старшего лейтенанта Васина из 15-го полка. У нас появились «МиГи», и прибыл 516-й батальон аэродромного обслуживания. Пока не в полном составе, только командование и одна рота на автомобилях, но приказ у них имеется, так что ждем. Официально закрепили две батареи тридцатисемимиллиметровок за нами и передали радиолокационную роту 12-й дивизии ПВО в количестве восьми человек и двух радиолокационных станций. Теперь это не захомяченная, а собственная, пусть и отдельная часть. Приказом закрепили приданный эскадрильи Мальцева. Прилетели Мамушкин и Гущин. Несмотря на раннее утро, от обоих несло хорошей порцией коньяка, правда, прилетели они пассажирами, так что ничего не нарушили. Комдива вижу второй раз в жизни. Он довольно высокий, с зачесанными назад волосами, в пилотке, а не в фуражке, причем пилотка старого образца, синяя, с голубыми кантиками. Сухо отмахнулся от рапорта, спросил только, почему не в воздухе.

- Ночью бомбили Рагнарский авиаузел, прилетело по машине, в ремонте. Через два часа закончат, клей еще не высох.
- Комиссар где?
- В воздухе, он повел группу.
- Почему мне не доложили, что новые бомбы сделали?
- Я не знаю, командир эскадрильи связи с комдивом не имеет.
- Показывай, приказано развернуть их производство и сборку.
- Это вон там! – я показал на лес, где находились вооруженцы. Чуть помотав головой, комдив понял, что идти придется. Ташить сюда тяжеленную бомбу никто не будет.
- Где все остальное делали?
- В полковой столярной мастерской, чертежи есть у ее начальника, начальника вооружений и у старшего техника полка.

- А эта проволока зачем?
- Разрезать контейнер после сброса. Гранаты должны выпасть из него и сбросить предохранительные рукоятки.
- Сам придумал?
- Сам, но они находятся на испытаниях, там немного другой взрыватель к Ф-1, а РПГ-40 используется как есть.
- Ладно, особо сложного ничего нет.
- Важно соблюсти вот этот размер и равномерно пробивать проволокой. В заводском контейнере будут пирозамки, и он состоит из двух частей. Но в полевых условиях такой не сделать.
- Давно придумал?
- Осенью сорокового.
- Нас вчера возили под Плунгяны, и я, как дурак, не мог ничего сказать, как удалось так раздолбать полковую колонну. Подставили вы меня, Степан Наумович, да и ты тоже хороши, не мог в прошлый раз сказать?
- Вы не спрашивали, вы тогда больше о торпеде говорили. Моряки же здесь были.
- С торпедами придется повторять, только еще левее. Немцы прорвались на левом фланге, завтра-послезавтра будут у Немана.
- Торпеде крыло требуется и пиропатрон его сброса. Три торпеды из шести зарылись в грунт. Возвращаются! – я показал пальцем в небо.
- Пошли встречать.

Первыми сели поврежденные машины – сплошное решето. Как дошли, непонятно. Летчики разводят руками, утверждают, что проверяли задержку. Возвращаемся в парк, поставили задержку на осколочный взрыватель. Вместо десяти секунд он рванул на шестой – брак. Роемся в бумагах – партия на задержку не проверялась. Неправильно установлен лимб, смешен на четыре секунды у всей партии. Шум, визг, поиск врагов, ты виноват! Но обошлось, так как партия вскрывалась ночью, до этого мы бомбы с этими взрывателями не использовали, в момент подготовки я находился в воздухе. Так что попало только вооруженцам.

- Вышли с позиции. Успокоившись, Гущин сказал:
- Ладно, не беда, идет эшелон с «Илами», сорок штук, я его направил к тебе, Наумыч. А с тебя, лейтенант, обучение всех, кого направлю. Быстро и качественно. Понял?
 - Понял, товарищ полковник, вот только увеличение групп потребует увеличения численности прикрытия и замены самолетов «И-153» на «ЛаГГ-3».

– Где ж я их тебе возьму? Даже в армии нет ни одного «ЛаГГа».

– Я знаю, но вопрос надо поднимать именно сейчас. Немцы рано или поздно соберут в кулак истребительную авиацию и постараются с нами разделаться. Чем больше мы их будем кусать, тем резче будет немецкий ответ. Пару или четверку восьмерка «чаек» отгоняет, а с большим количеством справиться будет очень сложно. Мы, конечно, поможем, чем сможем, но задача истребителей – затягивать немцев под наш огонь.

– Ладно, лейтенант, не сгущай краски, и так хватает неприятностей. Фактически из дивизии летает только 15-й полк, двести два вылета за вчера, ну и твоя группа произвела сто двадцать семь вылетов.

– Сто сорок восемь, товарищ полковник, еще «аисты» не посчитали, а они вели разведку, подбирали летчиков, обеспечивали переброску л/с. Много летали.

– Ты чего, Наумыч, к титьке припал и сидишь в Кейданах?

– Мне что, работы не хватает? Полк по разным точкам сидит, всех обеспечивать надо. Только и успеваем вагоны разгружать. Там станция, и держаться надо за Кейданы двумя руками, а помощники у меня хорошие – и Мирошкин, и Шкирятов, и другие.

– Сколько он у тебя?

– Третий месяц.

– И все и.о. и младший лейтенант? Несолидно! Ведь почти полком командует! Подавай документы, Ионов подпишет, вернулся очень довольным.

– Напишу, – мрачно ответил Мамушкин.

Подбежал посыльный.

– Товарищ полковник! Разрешите обратиться к младшему лейтенанту Шкирятову!

– Обращайтесь.

– Товарищ командир, просили передать: большая группа самолетов курсом на нас, дистанция сто километров.

– Объявите тревогу. Товарищ полковник! Разрешите идти! Вам лучше улететь. Видимо, по нашу душу идут.

Бегу на КП. Дежурный докладывает: группа самолетов около пятидесяти – ста отметок появилась на высоте четыре тысячи метров от Инстербурга. Пеленг на цель не меняется, идут сюда. У КП командиры, в том числе командир дивизии.

– Слушай боевой приказ! – все застыли.

– Группа вражеских самолетов, двумя эшелонами, следует к аэродрому. Высота нижнего эшелона – две тысячи метров, верхнего –

четыре. Скорее всего, нижний – Ме-110, верхний – Ju-87. Им идти пятнадцать минут. Взлетаем все и набираем в стороне шесть – семь тысяч, пропускаем под собой, истребителям связать боем прикрытие, штурмовики займутся пикировщиками, с Ме-110 будет работать артиллерия и те, кто провалится вниз. Полное радиомолчание до моей команды, канал связи два, запасной – семь. «Мигари», у вас связи нет, держитесь поближе. Будет туга, подводите «месссы» перед нами. Поможем. По машинам, прогреваться на рулежке! Взлет по готовности, высоту набирать в стороне от аэродрома. Всем – к запуску!

Я и Ксюша рванули к машине, помогаем сбросить маскировку и запускаемся, двойной свисток о готовности стрелка, взлет с места. Отхожу к Шуливе, и там, прикрываясь кучевыми облачками, начинаю набирать высоту, за мной идут и истребители, и штурмовики, пока вразнобой, но перестраиваются. Че-то у меня машина тяжеловато высоту набирает! И тут я вспоминаю, что вылет-то мне отменили, но четыре осколочных контейнера у меня с собой. Смотрю вниз в прицел, подо мною машины, не сбросить. Беру по сетке дистанцию и понимаю, что могу довольно точно ее измерить! А прицел мне выдаст точную поправку по разнице скоростей. Тоже дело! Выругался, но ползу вверх, на пяти тысячах дал поддув в кабину. Мне-то хорошо, а каково сейчас Ксюхе! Подул в трубу.

- Справа маска, только кислород старый, осторожнее. Как ты там?
- Пока в норме.
- Начнешь терять сознание – стреляй.
- До шести я летала.

Шесть, значит, шесть. Перешел в горизонталь. Получаю с земли курс, дистанцию и курсовой угол на цель. Все, доворот! Дал команду доворачивать, покачав крыльями.

Курсовой слабо меняется на корму, чуть повернулся. Нас пока скрывает довольно большое облако, но оно скоро кончится. Им до цели осталось семь минут. Цель вижу, и немецкое прикрытие нас обнаружило. Шесть пар немцев полезли наверх, четыре пары крутятся у бомбардировщиков. Черт, «МиГам» не передать команду атаковать низких. Впрочем, смотрю, Васин сам сообразил, что делать, он разделился: две четверки атакуют поднимающиеся «месссы», а одна пошла ниже.

– «Чайкам», атака! «Горбатые» за мной! – валюсь на крыло и ухожу в пикирование, одновременно прикрывая щитки двигателя. С интересом заглядываю в нижний прицел, он имеет привычку забрызгиваться маслом. Слегка успел, но еще видно, взлетели всего восемь минут назад. Предупредил своих, чтобы близко к бомберам не лезли, работать пушками

с пятисот метров, бомбера поджались и готовятся отражать атаку. Так, последняя девятка вползла в прицел, эх, высоковато иду! Накренил нос, дав десять градусов пике, выровнялся, и сброс. Обороты, и наверх. Одна, две, три, четыре, пять, шесть! Звучит свисток Ксюхи! И по радио: «Ни хрена себе!» А мне ни фига не видно! Чертов «Ил», все, что сзади, рассмотреть почти невозможно. Наползает еще одна девятка, эти по мне ведут огонь. Маневрирую активно, выполняя «змейку». В прицеле, сброс, загрохотал «ШКАС», замигали лампочки:ворот вправо. Иду вправо, в зеркале вижу хищную морду «мессса». Опять «ШКАС», и «месссер» запарил движком. Второй проскочил подо мной, так как я сбросил скорость. Бью вдогон из всех стволов. Есть! Свисток от Ксюхи – короткий, чисто! Иду на третью девятку, доворачивая влево. Есть, сброс. И вижу, как «юнкерсы» валятся в разные стороны на крылья и их строй распадается, они уходят в пикирование, не доходя до цели. Четвертая впереди, крайняя кассета.

– Не будь жадным, нам оставь! – послышалось в наушниках.

Дую в трубу Ксюхе:

– Обстановку сзади дай!

– Наши ведут огонь по «девятке», они ниже трехсот, «мессеров» не видно, они пошли за третьей, наверху бой, много парашютов, в основном белые, немецкие.

До четвертой дойти не успел, она рассыпалась, собираю своих и командную прикрытию выходить из боя впереди нас. Налета верхних не будет, теперь бы узнать, что там внизу. Снизу докладывают, что несколько «мессеров» обстреливают лес и пустые стоянки, 15-й полк идет на выручку. Просят продержаться пять минут. И мы начали спускаться, находясь в постоянной готовности встать в круг. Несколько «чаек» притащили за собой хвосты, которые пришлось отсекать пулеметно-пушечным огнем, но разгром эскадры убавил желание у немцев разделаться с нами прямо сейчас. «Чайки» уверенно маневрируют на виражах, прикрывая нас огнем и маневром. В Зибулях приземлились только подбитые машины, остальные ушли в Кейданы. Я там завис с машиной на сутки. Около сотни пробоин и куча вмятин на броне.

А женщины любят героев! Теперь я точно это знаю. Мы плюхнулись на поле в Кейданах, и я зарулил в свой капонир. Развернулся прямо перед ним. Еще не успел отстегнуться и нас заталкивали назад под сеть, как Ксюха выскочила на крыло, открыла мой фонарь и сунула мне в руку осколок, который срикошетил от пулемета и упал ей на колени. И начала меня целовать. Видимо, перепугалась. Я встал и поцеловал ее по-

настоящему. И она ответила. Мы так и стояли на виду у всех, а все аплодировали. Мудаки! Страху и я, и она – мы натерпелись! Сто метров – это не дистанция! Потом она зарделась, вырвалась и закричала: «Больше двадцати бомбардиров за вылет и два «мессера»! Я его люблю, ура!!!» Большая часть людей тоже начала орать «ура», и лишь пожилые, видавшие виды механики понимали наше состояние. И не сильно верили в случившееся. Я ничего не видел, но сзади сели мои ребята, которые гурьбой бежали к моему самолету. Что-то переспросив, они принялись кричать «ура», и только Мирошкин стоял и улыбался. Потерь не было! И аэродром мы отстояли! Я спрыгнул с крыла и протянул руки Ксюше. Она буквально упала мне в руки, и пришлось звать доктора.

– Перенапряжение! – констатировал он. У меня ноги тоже подкашивались. Ксюху положили на носилки, а мне дали посидеть у колеса самолета. Полет окончен! Все живы!

Ну, а насчет остального... Вечером мне дали окончательный ответ: «Да, я тебя люблю. Я согласна. Поссовет через речку. И у нас все будет хорошо!» Я взглянул на хронометр на руке – 19:45.

– У тебя платье есть?

– Какое и зачем?!

– Свадебное! Я щаз!

Бегу в «Слизняк». Бургомистра, то есть председателя поссовета в одном лице, нет. Говорят, что плохо себя чувствует и дома сидит. Ну, не дома, а на гауптвахте, не фиг общаться, с кем не следует, плюс ключи от сейфа с печатями у него изъяли. Короткий визит к Евсееву.

– Ты че, с дуба рухнул?

– Ну, товарищ лейтенант ГБ, наверное! Но моя невеста требует, чтобы все было оформлено по всем законам. А если ждать перевыборов, то я помру холостым.

– Ты? Точно! Кто невеста?

– Дочь коменданта Ковенской погранкомендатуры.

– Ксюша?

– Она.

– Дежурный! Открой пятую! И арестованного ко мне!

Нас «повенчали». Но на этом мои приключения не кончились! Пришлось гнать Колю Мальцева за матерью и отцом невесты на «шторье», потом выслушивать то, что они нам пожелали. В общем, полковник Сергей Голубев сказал самую мудрую фразу:

– Я женился на Алевтине на третий раз, как ее увидел. И ничего, на других баб не тянуло.

– Примерно то же самое мне отец рассказывал.

– Время сложное, Серега. А она – стрелок.

В общем, пока я бегал и извлекал «бургомистра» с «губы», дружный коллектив ДКС-5, в котором мы проживали в тот момент, под чутким руководством сержанта ГБ Голубевой и жены батальонного комиссара Ефросиньи Андреевны отправили в Ковно Колю Мальцева за родителями невесты, благо что тут всего сорок пять километров, остальные обитатели ограбили весь «Слизняк»: выносили из комнат и сдвигали столы на втором этаже общаги с коридорной системой – «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Их было, правда, две, и две большие умывальные. Душа не было, вернее был летний, во дворе. Посланы гонцы в столовую за харчем, в четырех печках запекались курицы, немногочисленные еще не уехавшие жены летчиков всего полка потянулись к ДКС-5 со своими припасами, все равно их девять некуда, только бросить. Из Даукши начали подтягиваться знакомые девушки летчиков, тоже не с пустыми руками. Запахло чесноком и приправами на твороге. Появились музыканты с пейсами, которые не могли пропустить бесплатную выпивку. Подключился Мамушкин, который выдал наркомовскую водку, которую задолжал эскадрилье, и за сбитые тоже – в общий котел выставил. Я появился вместе с Евсеевым и «бургомистром» в момент, когда нас уже устали ждать и начали разогреваться перед процедурой. Невеста, как положено, была бледна и взволнованна. Платье ей ушили крупными стежками чье-то свадебное. Была даже фата. Под «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью», которую подхватили все, процессия двинулась через плотину к бывшей мэрии, теперь посовету. На крыльце дома нас спросили о согласии на добровольное заключение под стражу, на что мы оба согласились, а потом все закричали «горько». Невеста запустила свой букет на кого бог пошлет, и мы вернулись к праздничному столу. Уже пошли разговоры: «Ты меня уважаешь?», когда дневальный внизу прокричал: «Смирно!» Мамушкин тут же навострил уши, поднялся, схватил чью-то пилотку и побежал вниз. Вслед за ним побежал и Мирошкин. Меня, само собой, не отпустили, а попытку подняться блокировали очередным «горько». Полковник Голубев был уже внизу.

Часть 4

«Ваш опыт необходимо немедленно передать в войска!»

Какие гости! Сам представитель Ставки Главнокомандования, и с ним ЧВС фронта корпусной комиссар Дибров с группой товарищей. Очень самоуверенные летчики побежали за дополнительными стульями и посудой. Разноса не последовало, более того, штрафную все накатили. Закусили. Проникновенную речь толкнул товарищ Мехлис и лично сказал, что ему «горько». Свадьбу не испортили, а вот брачную ночь просто в ноль раскатали.

Минут через двадцать ко мне подошел старший майор ГБ и на ухо велел вместе со всеми выйти для разговора. Попробуйте не послушаться генерала КГБ! Само собой, прошептал на ушко невесте, что я скоро. Ее «угу» было наполнено такой печалью! Она-то понимала, что неизвестно, когда я вернусь и вернусь ли вообще в ближайшие дни. Надев пилотку, спускаюсь вместе с начальством. Мехлис быстрым шагом идет в сторону штаба, в машину не сел, хотя они завелись и едут за нами.

– Лейтенант, вам утром надо быть в Москве. Ваш опыт следует немедленно передать в войска, сделать это можно только там.

– Что передавать, товарищ армейский комиссар 1-го ранга?

– Что что?! Как сбивать двадцать шесть самолетов за два дня.

– На чем?

– Как на чем? На «Ил-2»!

– А я на нем не летаю. На нем это невозможно выполнить.

– Не понял!

– Я летаю на полевой переделке самолета «ЦКБ-57» под самолет «ЦКБ-55». Таких машин в мире всего две, и они обе у нас в эскадрилье.

– Так, а почему мне об этом никто не доложил? «Летчик на «Ил-2» сбил за два дня двадцать шесть самолетов противника» – что за херню мне передают! – он шумел минут двадцать и обещал всех отдать под суд военного трибунала, меня в том числе. В конце концов успокоился и произнес: – Что за машина и почему возникла путаница?

– Эта машина имеет схожие очертания с «Ил-2», это ее прототип, но бронекорпус у нее от другого самолета, который в серию не пошел: «ЦКБ-55» – прототип двухместного штурмовика Ильюшина. На который и

существовало государственное задание. Но из-за того, что двигатель АМ-35 не развивал достаточной мощности, а двигатель АМ-38 не прошел к тому времени заводских и государственных испытаний, этот самолет не мог развить скорость, прописанную в техзадании. Требовалось либо уменьшить бомбовую нагрузку, либо снять стрелка и его вооружение. Просто сняв стрелка и его вооружение, не получилось. Этот самолет имеет меньшую на пятнадцать километров в час скорость, чем в техзадании. Тогда инициативным порядком КБ Ильюшина режет бронекапсулу и делает его полностью одноместным. Забронирован только двигатель спереди, с боков и снизу, и бронеспинку переместили сразу за летчика. Вместо стрелка воткнули бензобак, и влезли по дальности. Сумели сдать такую машину и запустить ее в серию. У нас две машины имеют корпус и бронекапсулу не обрезанную. Бензобак мы удалили, восстановили кабину стрелка и поставили туда пулемет. Можем пройти в ПАРМ и посмотреть. Машина получила сотню пробоин, и большое количество пуль срикошетировало от брони. Но эти повреждения незначительны для нее, и мы свободно дошли, несмотря на потерю части горючего, и сели на основном аэродроме.

– Так, минуту, но ту же операцию мог выполнить и одноместный самолет.

– Нас еще на подходах ко второй девятке атаковало прикрытие: два «Мессершмитта-109-ф». Один был сбит стрелком, вы ее видели, это моя жена, она мне жизнь подарила, вот я и стал ее мужем, а второго сбил я, когда он проскочил подо мной. После этого мы разделались со второй и частью третьей девятки. Могли сбить и четвертую, но ребята упросили ее им оставить. В общем, товарищ армейский комиссар, рекламировать пока нечего. Контейнерные бомбы, которые мы применяем, изготавливаются кустарно. Взрыватель у них – стандартный УЗРГ, который имеет малую задержку, и взрыв происходит, когда самолет находится в зоне поражения осколками самой гранаты. Конструкция бомбы передана мной в наркомат вооружений еще в ноябре, но воз и ныне там. Так что никуда я не полечу, а буду показывать свои цирковые номера здесь, под куполом литовского цирка. Немцы слева от Ковно подходят к Неману, нужно бить мосты там. Кроме этих самолетов выполнить торпедную атаку наплавного моста никто не может.

– А танки чем бьете?

– Тоже контейнерными несерийными бомбами с гранатами РПГ-40. По nim замечаний нет, только их достать трудно.

– Да, задал ты задачку, лейтенант, – задумчиво сказал Мехлис, сдвигая кожаную фуражку на затылок и почесывая себе лоб.

– Товарищ Мехлис, разрешите вопрос? – с сильным акцентом сказал тот самый старший майор ГБ. Мехлис мотнул головой, разрешая.

– Аткуда ви, товарищ Шкирятов, так хараошо знаете, что дэлалось в КБ товарища Илиюшина? Эта сэкрэтные свэдэния.

– Эти машины я испытывал на практике в ЛИС 18-го завода в Воронеже. В документах четырех из пяти первых машин в полку стоят мои подписи под военной приемкой.

– Могу подтвердить это! – сказал Мамушкин.

– И я. Это я разрешил переделку машин в двухместный вариант, когда узнал о нем, – не побоялся ответственности батальонный комиссар Мирошкин. – И я сам летаю на такой машине, со стрелком и полной бронекапсулой. Машина очень хорошая, а то, что радиус меньше, так мы далеко не летаем, и лейтенант Шкирятов уже изготовил дополнительные баки для них. У него много предложений по использованию и боевому применению машины. Очень эффективных предложений.

– Вы в состоянии командовать этой эскадрильей, если товарищ Шкирятов ненадолго уедет? Я имею в виду немецкие переправы.

– Сам я бросал торпеды. В мае, в море. И один раз в реке, но неудачно. Но можно попробовать противотанковыми кассетами их достать. Как считаешь, Сергей?

– Трудно сказать, щелей там много, если попадет в трюм, то толк будет, а взрыв сверху может перебить тросы. Торпедой надежнее, но много сложнее. Там крыло нужно и устройство, которое освободит торпеду от него. Его нет пока. Так что бомбами и кассетами придется бить.

– Тогда так и решим. Вы, товарищ Шкирятов, летите в Москву.

– Есть смысл лететь на моем самолете. На пальцах объяснять очень сложно.

– Он же в ремонте, когда он будет готов?

– Обещали, что завтра.

– Товарищ Мамушкин, выделите необходимое количество людей для его ремонта.

– Даже если собрать вместе девять беременных баб... Есть, товарищ армейский комиссар.

– Что вы хотели этим сказать?

– Клей АК-88 имеет строго регламентированное время сушки, товарищ армейский комиссар.

А наш Наумыч – орел! Не смотри, что мелкий. Впрочем, мал клоп, да вонюч.

– Так, все вон! Лейтенант, останься.

Кроме меня остался и старший майор, он, видимо, «не все». Мехлис достал бумагу, золотой «Паркер» и начал писать что-то на листе хорошей бумаги. Я сидел и помалкивал, потом мне надоело, я сказал:

– Может, я пойду? Там меня невеста ждет...

– Нэ нэвэста, а жена, она уже ныкуда нэ дэнэтся! – и сам рассмеялся своей шутке майор. Ухмыльнулся и Мехлис.

– Я пишу товарищу Сталину, вы можете потребовать, чтобы я ничего не перепутал. Я не специалист в авиации.

Писал он долго, несколько раз действительно спрашивал о тонких вопросах, уже рассвело, но он продолжал писать. Судя по всему, он писал не только обо мне и авиации. Затем запечатал конверт и передал его майору. Тот вытащил какую-то тетрадь и записал туда что-то, достал ленту и еще раз проклеил конверт, зажег маленькую спиртовку, накапал сургуч. Мехлис подошел к столу, где колдовал майор, и прислонил свою печать. Майор прислонил к пакету какие-то штампы. Вытащил из портфеля бутылку с КС, проверил крепление ампулы, обернул пакет вокруг бутылки. Достал еще пакет и упаковал все сооружение в него. Опять полез в портфель и достал оттуда фельдъегерскую сумку. Уложил и скрепил своими печатями закрытые замки. Ключи от нее сунул себе в карман. А Мехлис переспросил имя-отчество и номер командирского удостоверения личности. Заполнил бумажку и передал ее мне.

– Это пропуск в Кремль с пометкой «лично в руки». У секретаря Сталина вскроют пакет, сам пакет передадите лично, и ожидайте в приемной ответ. Все понятно? Пакет особой важности, так что до вылета будете оставаться здесь, под охраной.

– За женой моей надо послать.

– Это еще зачем?

– Она – стрелок-радист моего самолета.

Мехлис усмехнулся.

– Сплошная семейственность. Пусть поспит, но я распоряжусь, чтобы не препятствовали члену экипажа.

– А завтрак? И все прочее?

– С бытом? С бытом вопрос решаемый, фельдслужба поможет, но только с сопровождением. До свидания, товарищ Шкирятов. Рад был познакомиться с таким знаменитым летчиком.

Я обернулся направо и налево, за спиной никого не было. Мехлис понял мою шутку.

– Все впереди, а начало, начало – прекрасное, особенно на фоне событий. Жаль, что не смогу вылететь с вами. Дела, и не очень радостные.

Я пристроился на стульях и малость придавил. Брачная ночь закончилась, не начавшись, затем около половины одиннадцатого принесли новенькую форму – с лейтенантскими петлицами, попросили передать удостоверение личности. Вместе с формой принесли шикарнейший черный кожаный реглан. Летом это, конечно, излишество, но такими регланами могли похвастаться только очень старые летчики. Он был новый, где-то висел на плечиках, но петлицы аккуратно пристеганы именно лейтенантские. Не иначе Наумыч распорядился. Их уже пару лет не выпускают. Новенькие, надраенные до зеркального блеска хромовые сапоги. И все моего размера. Гимнастерка даже ушитая. Вспоминаю, что Ефросинья Андреевна – начальник швейной мастерской. В общем, полк своих не бросает и хочет утереть нос «московским». Затем прибыл штурман полка и передал мне полетную карту с нанесенной обстановкой на двух участках фронта. На карте пометка «001», пришлось расписаться в получении.

– На виду не держи и перед вылетом обратно не забудь заранее сдать ее в штурманскую часть в Москве. Там нанесут, с изменениями. Отметка об этом есть. Машина будет готова через час-полтора.

– Зовите фельдъегера, мне завтракать пора или обедать, хрен разберешься.

Чекист, который охранял меня, куда-то позвонил, через некоторое время мы с ним пошли в столовую. Прямо у штаба на скамейке в курилке сидит Ксюха.

– Пошли завтракать, стрелок!

– Ваши документы, пожалуйста, товарищ сержант ГБ! – вежливо попросил лейтенант. Он старший по званию, поэтому право на проверку он имел.

– Это мой борт-стрелок.

– Насчет борт-стрелка распоряжение было. Вы с нами?

– Минуту! – она вошла еще раз в курилку и взяла с собой ворох обмундирования, в том числе такой же реглан. Ну, Наумыч расщедрился! Завтракали мы за отдельным столиком, вместе с лейтенантом. О том, что, зачем и куда – ни одного слова. Присутствие двух чекистов возле меня у всех отбивало настроение что-либо спрашивать. Вернулись в комнату уже втроем. Расписались в передаче сумки. Звонок, машина готова. Лейтенант потащился с нами на старт, сучок! Поэтому, приняв машину у техника, я и лейтенанта отправил подальше:

– Ваша миссия закончена, отойдите от машины и уйдите со старта.

Примета плохая.

Лейтенант улыбнулся и откозырял, только открыл рот пожелать...

– К черту, иди, иди! Не фиг на старт таскаться.

Не, ну, я крут сегодня, как командир корпуса или армии: восемь «чаек» выруливают вместе со мной и после взлета пристраиваются сзади. Свисток от Ксюши, ей поболтать хочется.

– В чем дело и почему тебя задержали?

– Летим в Москву с пакетом Сталину. Мы с тобой сегодня фельдъегеря!

– Фу, перепугалась, просто слов нет.

– Все, не болтать, следи за воздухом. Идем до Смоленска, если будет ветер, то до Орши. Хотя топлива до Смоленска должно хватить, если боев не будет. Как поняла?

– Все понятно!

Я вставил свисток на место. «Чайкам» до Смоленска тоже хватит топлива. Держу триста восемьдесят, чтобы им было удобнее. Идем по разрешенному коридору от одного поста ВНОС до другого. Чем дальше от линии фронта, тем больше истребителей в небе. Дежурят, мать их за ногу! Да еще и перехватить пытаются, а у «мигарей» связи нет, да и мозгов маловато. Дважды сопровождению приходится отсекать попытку сблизиться со мной предупредительными очередями.

Наконец, сели в Смоленске. Очень жаль, что топлива мало. Приходится смотреть, что наделали «юнкерсы» на наших аэродромах. Больше часа сидели у машин, прежде чем подвезли топливо. Пришлось сгонять жену на КП, чтобы навести порядок. Не успели заправиться, еще закрываем пробки, как дежурный орет, чтобы мы взлетали и уходили, идет большая группа «юнкерсов» и Ме-110. Правда, они еще до Орши и Витебска не дошли, но уже море мата в эфире. Взлетаем. Как мужики будут обратно добираться? В Москву с вооружением не пускают. У Кубинки нас перехватывают, и, уже по радио, «МиГи» требуют произвести посадку и разрядить оружие. Садимся. Предъявляю предписание, что мне на Центральный аэродром. Мужиков оставляют здесь, а я, в сопровождении одного «МиГа», иду на Центральный. Заход только с запада, отворот вправо запрещен.

– Понял, принял. Прошу добро!

– Ожидайте!

Убавляюсь до предела, выпустил щиток, иду. «МиГ» так не может, ему приходится нарезать виражи, но у него посадки нет вообще. Наконец:

– «Восемь два ноль десять», вам посадка.

Чуть прибавляю, и опускаю нос, затем парашютирую, ловя встречный ветер. Слыши сзади ругательства «мигаря», типа нет чтобы на второй уйти. Хрен тебе, я на минимале подхожу на «Т» и касаюсь третьей точкой в двух сантиметрах от него. Садиться с шиком мы можем! Рулю, направляют обратно в самый дальний угол. И хрен с вами, завтра вручную будете его толкать к парадному входу.

Не успел сесть, как на крыле оказался еще один работник НКВД. Показывает запрещающий сигнал глушить двигатель и требует предъявить документы. Не открывая фонаря, показываю фельдъегерские бумаги. Большой палец вверх, и перекрещивает руки, разрешая заглушить двигатель. А вот толкать на место машину приходится нам вдвоем, как и ставить расчалки и упоры. Целую Ксюшу и оставляю ее заниматься заправкой машины, а сам иду на КП выяснять, что дальше делать. От Ходынки до Кремля довольно далеко, и с такими бумагами не походишь. Угу, служба здесь поставлена неплохо, сразу получил замечание за расстегнутую пуговицу и распахнутый реглан.

Ждать автобус возле спецчасти, он развезет фельдъегерей. А времени уже 17:20. Сижу. Подошла и уселась рядом Ксюша. Глаза усталые, ночь ведь не спали, и три перелета.

– Узнай, где можно поселиться, я в любом случае приеду сюда, и пообедай в летной столовой, талоны ведь есть.

Уныло помотала головой, желая лично убедиться, что я сел в автобус. Наконец «носатый друг летчика» подъехал, я предъявил предписание, и меня посадили в него. Вернулся из здания КП сопровождающий, и машина сразу завелась и тронулась. Налево, направо, еще раз направо и стоп.

– Вон в те ворота.

Я еще не успел убрать вторую ногу со ступеньки, а он уже умчался.

Перешел через площадь и успел четыре раза предъявить документы. Наконец, пропустили через узкий проход и показали, куда идти. В Большом дворце сдал оружие и позволил охлопать себя.

– Следуйте за мной, лейтенант.

Лестницы, ковры, коридоры, много военных, постоянно приходится козырять, наконец, практически пустой коридор.

– Четвертая дверь направо, – а сам стоит и смотрит, куда я иду. Дошел, повернулся на него. Он кивнул. Я вошел. Темновато, но горит яркая лампа у стола. Хотел доложиться, но смотрю, что кругом довольно много народа, все в таких званиях, что мама не горюй. Все сидят и курят. Создают рабочую обстановку. Прошел к столу и предъявил предписание. Секретарь нажал на кнопку и показал рукой на стул напротив. Появился командир с

нашивками фельдсвязи, осмотрел сумку, протянул мне руку, чтобы взять сопроводиловку. Расписался в ней и вынес сумку из кабинета. Вернулся буквально мгновенно и передал пакет мне. А секретарю – записку. Тот кинул на нее взгляд и рукой показал мне новое место, где я должен сидеть. Разговаривает он по телефону так, что его совсем никому не слышно. Несколько раз выходили люди из кабинета, после этого секретарь показывал на кого-то рукой и молча на дверь. Так что следить приходилось постоянно. Вдруг он показал на меня, хотя в комнате было еще большое количество людей, пришедших раньше.

– Лейтенант Шкирятов с пакетом от комиссара 1-го ранга Мехлиса. лично в руки.

И подаю сопроводиловку, а не пакет. Сталин взглянул на бумагу, ухмыльнулся, но бумагу подписал, и я передал пакет. Стою.

– Приказано дождаться ответа. Разрешите идти, товарищ Сталин?

– Да, посидите в приемной, вам сообщат, если ответ будет.

Отдал честь, повернулся и вышел. Я его по-другому представлял. И на картинках, и на фотографиях он другой. Может быть, освещение такое или устал сильно. И трубку не увидел, несколько смятых папирос лежало в пепельнице.

Закрыл за собою дверь, подошел к столу и передал слова Сталина. Мне показали мое новое место. В кабинет больше никого не направили. Послание большое, так что можно и перекурить. Показал папиросу секретарю. Поскребышиев это или нет – не помню. Наверное, он. Тот мотнул головой, разрешая курить, и мой дым смешался с маршальским! Круто, сижу, курю у кабинета Сталина. А под ложечкой посасывает – кроме завтрака перед полетом, ничего не ел с утра. Папироса кончилась, хоть я ее и пару раз по-новой поджигал. Ответа нет. Звонков оттуда тоже нет. Наконец, секретарь снимает трубку, кстати, все без звука – видимо, лампочки, отсюда не видно. Повесил трубку и кому-то позвонил. Так несколько раз. Сижу, больше курить не хочется. Тянет поспать и поесть. Еще раз жестами напомнил о себе, секретарь махнул рукой, мол, сиди, сидеть тебе еще долго. Влип. Прошел час, появились новые люди, а нескольких человек секретарь подозвал к себе и отправил куда-то из кабинета. Вошел комиссар второго ранга, протянул руку секретарю, потом обернулся и сел рядом со мной.

Я попытался встать, но он остановил меня.

– Армейский комиссар Щербаков, товарищ Шкирятов, мне звонил товарищ Мехлис и приказал обеспечить ваше пребывание в Москве.

– Моя жена и стрелок-радист Голубева Аксинья Сергеевна находится

на Центральном аэродроме. Ищет место, где командированным можно остановиться. А меня отсюда не выпускают. Жду ответа товарища Сталина.

Щербаков написал на листочке несколько строк и махнул кому-то рукой, на ухо что-то сказал подошедшему и передал записку.

— Товарищ Шкирятов, внизу вас будет ждать машина Политуправления и тот старший политрук, который сейчас выехал за вашей женой. Ждем вас у себя. Не прощаюсь. — Он протянул руку, мы обменялись рукопожатиями, и он вышел. Вошли еще люди, которых сразу направили в кабинет. И трое из находившихся в кабинете вышли. Из-за слабого освещения лица сильно меняются, и я из них никого не узнал.

Вдруг, после снятой трубки, рука секретаря указывает на меня и направляет к двери.

— Лейтенант Шкирятов прибыл по вашему приказанию.

— Знакомьтесь, товарищи, лейтенант Шкирятов, Сергей Петрович, на самолете «ЦКБ-57», переделанном в полевых условиях в самолет «ЦКБ-55», сбил лично двадцать шесть самолетов противника за два боевых дня. А его товарищи — у них еще один такой же самолет, остальные «Ил-2», «чайки» и «МиГ-3» — еще тридцать шесть или тридцать восемь машин. На земле группой товарища Шкирятова достоверно уничтожена полковая колонна противника, более тридцати самолетов противника на аэродроме в Рагнаре, шесть стационарных железнодорожных и автомобильных мостов и несколько переправ. И все это потому, что товарищ Шкирятов использует нестандартные приемы и вооружения, заявку на их изобретение и практические разработки он подал во все инстанции, но эти вооружения остались на бумаге, а вместо перспективного и хорошо защищенного штурмовика «ЦКБ-55» был принят на вооружение совершенно ошибочный проект одноместного самолета «Ил-2», который не позволяет в полном объеме использовать даже имеющиеся боеприпасы и которых мы за три дня боев потеряли более трехсот. А группа товарища Шкирятова действовала активно, наступательно, эффективно, сорвала наступление немцев на участке от Тильзита до Ковно, и при этом не имела потерь в самолетах-штурмовиках, потеряно только два самолета «И-153» двадцать второго июня и три истребителя — двадцать третьего. Что скажете, товарищи руководители ВВС и НКАП? Кто приказал принять на вооружение самолет, не соответствующий техническому заданию на него? Кто тормозит в НКБ прием на вооружение новых видов боеприпасов? Кто допустил разгром нашей фронтовой авиации в первый же день войны? Товарищ Шкирятов, помогите товарищу Жигареву восстановить картину дня начала войны.

– Я заступил дежурным командиром звена на аэродроме подскока «Тушки», недалеко от Тильзита, и дежурным по группе в 16:00 местного времени 21 июня. Обратил внимание на отдельные щелчки на линии телефонной связи и понял, что кто-то к ней подключился. Мною был издан приказ, в котором оговаривался переход на запасной канал радиосвязи в случае возникновения помех на линиях. Была условная фраза, после получения которой дежурные звенья переходили на связь с дублированием каналов. В 20:00, сразу как стемнело, я передал условный сигнал и принял доклады с аэродромов подскока, что они выполнили мой приказ. С нуля часов, выяснив, что телефонные линии отключены, перешли полностью на радиосвязь и только кодом. В 01:00 получил из штаба ВВС округа по радио сигнал «Гроза» и перевел всю группу на дежурство по готовности номер один. Самолеты были заправлены и вооружены. Мною же по тревоге были подняты части ПВО округа, которые располагались по соседству. Они обнаружили большие группы самолетов, идущие на нас, и я приступил к исполнению сигнала «Гроза». По нему штурмовая эскадрилья, с придаными силами и средствами, наносит удар по мостам через Неман. У меня было шесть специально подготовленных самолетов «Ил-2» и «ЦКБ-55» дляочных полетов. Они имели на борту две пары стокилограммовых бомб, связанных между собой тросом и установленным дополнительным взрывателем. Ими все мосты от Тильзита до Ковно были разрушены. После этого мы взяли торпеды 45–36 и попытались ими атаковать переправы через Неман. В трех случаях из шести нам это удалось сделать. Остальные переправы были разрушены бомбоштурмовыми ударами. Девять самолетов «Ил-2» были направлены с прикрытием на поиск и уничтожение бомбардировщиков противника, которые в тот день летали без прикрытия, так как немцы считали, что внезапность нападения принесет им больший успех. Мы действовали только большими группами и по заранее разведенным целям. Связи ни с кем не было, приходилось принимать решения самостоятельно. Ближе к вечеру смогли установить связь с комендантом погранкомендатуры Ковно и отработали БШУ по артиллерийским батареям, а затем практически расстреляли в воздухе полный полк, двадцать семь машин, «Юнкерсов-87» всей эскадрильей. В этом нам помогало то обстоятельство, что мы сразу взяли на вооружение автоматическую пушку ВЯ-23, а не ШВАК. На практике в Воронеже я пробовал все виды вооружения «Ил-2» и «ЦКБ» и пришел к выводу, что 23-миллиметровые пушки МП-6 и ВЯ значительно повышают возможности самолета.

– Ну, что, товарищ Жигарев, вы готовили такой приказ, как товарищ

Шкирятов, на случай воздействия противника на линейные средства связи?

– Мы готовили такой приказ, где рекомендовали подготовить подобные приказы на местах.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Кивок. – В апреле месяце я прибыл из училища в Кейданы, радиостанции были свалены на складах, и даже КП полка командной радиостанции не имел. В полку не было, штатом не предусматривался, радиоинженера, и отсутствовала радиослужба. Теперь все «чайки» нашего полка имеют радиостанции. А 15-й полк на «МиГ-3» эти радиостанции так и не установил. Физически они имеются. Тем самолетам, которые попадали в нашу группу, мы помогали ставить их и обучали летчиков.

– Я и говорю, что все решалось на местах.

– Если бы вы, товарищ Жигарев, отдавали приказ, а не рекомендации, то все бы было исполнено! – с горечью проговорил Сталин. – Теперь, товарищ Шкирятов, расскажите о втором дне, как удалось избежать штурмового удара по вашему аэродрому. В письме товарищ Мехлис немного сумбурно об этом написал. Как вам одному удалось сбить двадцать два самолета?

– Сколько? – переспросил Жигарев.

– Двадцать два.

– Сколько я сбил, я не знаю, самолет устроен так, что назад смотрит только стрелок. У меня, кроме зеркал, нет возможности посмотреть назад и вниз.

– Нет там никаких зеркал, – недовольно пробурчал командующий ВВС.

– Вечером 22 июня мы перехватили отступающие без приказа части 12-й дивизии ПВО. В составе задержанных машин обнаружили действующую РЛС «Редут», которую поставили на дежурство. Ночью вылетали на бомбекку Рагнита, там пришлось бросать кассетные осколочные бомбы с превышением высоты. В этом случае после разрыва контейнера осколочная оборонительная граната Ф-1, которой начинены контейнеры, взрывается ближе к самолету, так как она продолжает полет практически с той же скоростью, что и самолет, и плохо тормозится воздухом. Но в этом случае больший процент осколков попадает в цель, чем при наземном взрыве. Несколько осколков попали в мой самолет, который должен был утром идти на штурмовку немецких позиций под Ковно. В итоге на момент обнаружения идущих на аэродром немцев я взлетел с четырьмя осколочными контейнерами во всех бомбоюках. Сбросить их было некуда, так как подо мной находились наши самолеты. У

всех штурмовиков есть болезнь: маслом забрасывается объектив нижнего бомбового прицела, и через него ничего не видно. Но мы перед вылетом всегда их протираем. Увидев в прицеле «чайку», по угловым размерам я посчитал, что имею превышение двести метров, и понял, что могу сбросить контейнер на немцев, а в контейнере – двести гранат Ф-1. С разлетом осколков на двести метров. Первая девятка Ju-87 по мне даже огня не вела, видя, что я иду мимо, не пытаюсь их атаковать. Прицелившись, я сбросил контейнер, который по моим расчетам должен был поразить все самолеты, так как бомбардировщики сближаются перед атакой их истребителями. Результата я лично не видел, но все говорят, что упали все машины. Атаку на вторую эскадрилью пытались предотвратить два истребителя прикрытия, но один из них был сбит стрелком, а так как я сбросил скорость, то второй истребитель прошел подо мной и был сбит пушечно-пулеметным огнем. Эскадрилья попыталась сбить меня из пулеметов МГ, но я прошел и отбомбился и по ним, упало сразу семь, по докладу стрелка, а два упали чуть позже. Третья эскадрилья, увидев, что я над ними, сбросила бомбы и ушла в пикирование, но две машины из пике не вышли. После посадки в машине насчитали более сотни пробоин в хвосте и плоскостях и множество отметин от пуль на бронекорпусе.

– Врет, как сивый мерин! – не выдержал опять Жигарев. – У тебя бы крылья отвалились!

– Совершенно верно! Если бы это был «Ил-2». Но это «ЦКБ-55». Крылья у него – стрельчатые и цельнометаллические. Как мы видим, генерал Жигарев прекрасно знает уязвимую пяту «летающего танка». Да, на нем эта атака завершилась бы после атаки «мессершмиттов», а такой плотный огонь целой эскадрильи бомбардировщиков разорвал бы все в клочья. Машина, после двадцати часов ремонта, прилетела в Москву и стоит на стоянке Центрального аэродрома, товарищ Сталин. Сразу, как высох клей на заплатах.

– Товарищ Сталин, но вы ставили задачу как можно больше использовать дешевые и доступные материалы, – высказался какой-то гражданин, которого я не знал, не Ильюшин и не Яковлев, которых я узнал среди присутствующих. – Ведь алюминиевых заводов у нас мало, и весь металл идет на бомбардировщики. Стоит потерять еще один, и даже эту программу мы осилить не сможем.

– Что скажете, товарищ Шкирятов?

– Если будем использовать авиацию так, как сейчас, то потеряем не один завод. Сегодня летел с фронта в Москву. Чем дальше от фронта, тем больше в воздухе истребителей. Они занимаются барражированием

окрестностей и вписывают себе в книжки боевые вылеты. Вместо создания ПВО участка мы жжем топливо и ресурс двигателя. Для примера, 22 июня 15-й полк нашей дивизии выполнил двести два самолетовылета, провел двенадцать боев. Три машины потеряны, четыре сбито ими. Во второй день эскадрилья, приданная нашей группе, выполнила шестнадцать самолетовылетов. Летчики провели шестнадцать воздушных боев, один самолет потерян, восемь сбито. Каждый из ведущих сбил по самолету, один ведомый потерян. Больше над нашим участком немцы не летали.

– Нам кажется, что товарищи из BBC и НКАП вам не верят, товарищ Шкирятов. Мы все едем на Центральный аэродром. – Он рукой показал, что все могут встать и двигаться к выходу. Я не знал, что делать. У меня машины не было.

– Товарищ Сталин! Разрешите вопрос?

– А что вы так засмущались, товарищ Шкирятов, что-то не так?

– Я не знаю, как смогу попасть на аэродром, товарищ Сталин. Здесь километров восемь, а машины у меня нет.

Сталин засмеялся. Выходящие из его кабинета остановились и с удивлением смотрели на Сталина.

– Он сказал мне, что пешком не успеет! Кто-нибудь, довезите его до аэродрома! Впрочем, товарищ Шкирятов, вы едете со мной!

Как я и предполагал, мой «горбатенький» был уже в ангаре, а рядом находился новенький серийный «Ил-2». Возле него стоял Владимир Коккинаки, с которым мы обнялись на глазах у всех. У «Ила» были фанерные крылья и перкалевые рули. Мой походил на большого оспой в тяжелой форме: звездообразные наклейки из перкаля густо усеяли плоскости и рули. Их просто приклеили kleem и даже не покрасили.

– Да, сильно отличаются, – резюмировал Сталин. – И что было переделано?

– Здесь кабина стрелка полностью была зашита листом дюраля, фонарь и пулемет были сняты. Восстановили кабину, сняли гаргрот и поставили на шкворень «ультраШКАС». Поменяли местами пушки и пулеметы на крыльях, поставили дульный тормоз и уменьшили разброс. К сожалению, баки плохо протектированы, и потери топлива при простреле большие. И много хлопот доставляют колеса. Они не прикрыты броней и не имеют централизованной подкачки. Вообще нет информации, в каком состоянии у тебя колеса до посадки. Ну, и СПУ у него с «У-2». То есть отсутствует.

– Мы устанавливаем все баки с протектированием! – возразил

Ильюшин.

– Пули при простреле дюраля загибают ему концы, которые не дают резине быстро затянуть пробоину. Проще и дешевле делать бак не из дюраля, а из фиброкартона, тогда бак будет и легче, и фибра не будет загибаться.

– Так вы знакомы? – спросил Сталин у Коккинаки, показывая на меня.

– Да, товарищ Сталин, мы с ним познакомились осенью сорокового, потом он работал у меня в ЛИС завода, хотел его к себе забрать, но не сумел из-за травмы. Талантливый парень и очень тонко чувствует машину.

– Как вы оцениваете их работу по переделке машины?

– Ну, фонарь сработан на коленке, стрелок полностью открыт, и на предельную высоту ему можно только с кислородной маской, но это по бедности. И пулемет требуется посолиднее стрелку.

– У нас в полку ни одного УБТ просто нет. Этот «ультраШКАС», если помнишь, они штатно здесь в крыле стояли. Когда заявку на пушки выполнили, он и переехал с крыла в кабину. Хотели спарить, но не получилось.

– Где это тебя так отделали?

– В крайнем вылете пришлось дважды пройтись над огрызающимися девятками Ju-87 на высоте сто – сто двадцать метров и подставлять брюхо.

– Красиво разукрасили! А зачем?

– Контейнер с осколочными гранатамибросить.

– А к нам контейнеры еще не пришли.

– Помнишь первый вариант, который мы испытывали?

– С деревянными держателями? Конечно, помню! Мы их испытывали, товарищ Сталин, в Воронеже, замечательно по пехоте работают!

– Да, я уже в курсе. И не только по пехоте. Так что, товарищ Горемыкин, что вы можете сказать про контейнерные бомбы?

– К нам такая заявка из НКО не поступала.

– Что вы, товарищ Шкирятов, можете сказать по серийной машине?

– В условиях отсутствия сильного истребительного сопровождения летчик этого самолета больше похож на смертника, камикадзе. Не знаю, правда или нет, о таких во время халхингольских событий много писали. И деревянное крыло при попадании в него снаряда теряет до квадратного метра обшивки. Иногда больше. Или просто отлетает. Неустойчив продольно, и много приходится работать рулём высоты. Главное, заправочное отверстие одно, и топливо медленно перетекает из заправочной емкости в остальные баки.

– Товарищ Ильюшин, что вы можете сказать, как быстро вы сможете

устранить недостатки «ЦКБ-55» и поставить его на поток?

– Очень многое зависит от смежников, товарищ Сталин, ведь только-только наладили выпуск бронекорпусов...

– Их все равно придется выпускать на других заводах, уже бомбят Смоленск, – тихо заметил я, и все замолчали.

– Что скажете, товарищ Жигарев? – спросил Stalin. – Нашли зеркала в кабине? Молчите лучше! Все понятно, возвращаемся.

Stalin по дороге молчал, я – тоже. Поднялись наверх, и тут началось! Ох, и крут «хозяин»! Жаль, что поздно. Я сидел тихонечко, чтобы под разборки не попасть. Голос у него тихий, и от этого только еще страшнее становится. Угроз прямых не было, будет действовать по закону. А закон что дышло. Ильюшин со страху пообещал, что через два дня партия в двенадцать машин будет собрана и отправлена в распоряжение товарища Шкирятова. На первом заводе есть двенадцать бронекорпусов «ЦКБ-55». Первый завод – это Москва. Он знал, что делает. Непринятие на вооружение кассетных бомб свалили на Ивана Филимоновича Сакриера, который, наоборот, увидел их действие первым из большого начальства и очень заинтересовался ими. Но в апреле сорок первого он был арестован вместе с бывшим командующим BBC Рычаговым и помощником начальника Генштаба по авиации Смушкевичем. Так как испытания курировали Сакриер и Рычагов, то после ареста про них просто старались не вспоминать. Пришлось подать голос, и я, как образцовый ученик, поднял руку. Некоторое время на нее внимания не обращали, затем Иосиф Виссарионович недовольно посмотрел в мою сторону и спросил, в чем дело. «Отпроситься пописать, что ли?» – промелькнула идиотская мысль.

– Дивинженер Сакриер присутствовал на первых испытаниях, помог оформить заявку, и его АГ-4 должен был стать основным взрывателем на осколочных бомбах. Скорее всего, испытания остановили не потому, что их остановил он, а потому, что его сняли с должности.

Stalin промолчал, а я сел на место. Точки над i расставлены, теперь будем ждать реакции. Совещание, если его так можно назвать, закончилось за полночь, и ни плюшек, ни пряников я не получил. Тупо отсидел на месте в виде укоризны остальным участникам. Но на этом ничего не закончилось! Как только я покинул дворец, ко мне навстречу вышел тот самый политрук, о котором говорил Щербаков. Я про него попросту забыл.

– Вас ожидает замначальника ГПУ комиссар 2-го ранга Щербаков. Мне приказано доставить вас к нему.

Я посмотрел на время – 01:20, и тяжело выдохнул. Но приказы в армии не обсуждаются. И мы сели в машину.

– Мне говорили, что вы должны были найти моего стрелка и жену. Где она?

– В гостинице «Метрополь», там Управление селит отличившихся.

Больше ни о чем не разговаривали. Щербакову я сказал, что совещание закончилось, но никаких указаний от товарища Сталина я не получал и, честно говоря, совершенно не настроен говорить о том, что произошло в воздухе и на земле, пока не выясню позицию товарища Сталина до конца. Тем более это не должно уйти в газеты.

– Но товарищ Сталин подписал представление на звание Героя Советского Союза, и к ордену Ленина представлена ваша жена, точнее ваш стрелок-радист. Женой она стала позже.

– Но указа еще нет, и после совещания неизвестно, появится ли он. Вскрылись некоторые, не очень приглядные странички теперь уже истории.

– Вы серьезно?

– Да.

– Вас это касается?

– Меня персонально – нет. Но еще раз повторяю, товарищ Сталин мне лично ничего о каких-либо награждениях не сказал. Не ругал, но и не благодарил. Давайте подождем до утра.

– Утро начинается в Кремле в 14:00. Новости, скорее всего, поступят раньше. Так что находитесь в гостинице. Сейчас вас отвезут.

Так, еще новость! У меня и Аксиньи – разные номера! Сменить удостоверение личности она не успела. Хорошо, что вылетали прямо со свадьбы, и свидетельство о браке было в кармане. Сговорились они все, что ли, так стараются, чтобы мы ни в коем случае не стали супругами. Впрочем, из-за нервотрепки вообще ничего не хочется. Но добился от дежурной перевода нас в один номер – а это принципиально, потому что поселили ее в женском номере и не одну, а меня в мужском, где хранило еще трое товарищей. Сходил в буфет на первом этаже, но там, кроме водки и котлет, ничего нет. Поулыбался хмурой продавщице, в итоге раздобыл шампанское и коробку конфет. Не успели разлить его по фужерам – гости! Ильюшин и Коккинаки с коньяком, фруктами и шоколадом. Ильюшин знакомиться решил, и они каким-то образом уломали дежурную их пропустить. Узнав о поводе для нашей «маленькой пьянки» и что нас прямо из-за свадебного стола утащили в Москву, тут же из номера решили вытащить нас в ресторан. Оказывается, в Москве и тогда существовалиочные рестораны. А у меня приказ Щербакова гостиницу не покидать. Так что остались в номере, но с гостями. Нашу «малышку» ремонтируют,

меняют крылья, фонарь, ставят СПУ-2У, турель с УБТ, новую радиостанцию. Таким образом Ильюшин хочет замять дело. Тут же предлагает вариант «небронированного стрелка», как было в конце сорок второго. Но я ему напомнил, что Сталин приказал доводить «ЦКБ-55», поэтому второй раз подставить вместо коровы козу не удастся, и кончиться все может совсем плачевно. Здесь он со мной согласился, немного погоревав о будущих неполученных рабочими премиях. Просидели они почти час, затем удалились. Настроение устроить вечер со свечами исчезло, так как оба не спали всю прошлую ночь. Да еще и койки узкие и к полу прикрученные. Я проверил. Так что спать пришлось на разных кроватях. Садисты! Не успели закрыть глаза, звонок: Поскребышев, приказано прибыть в Кремль. Время – четыре утра. Ну и режим!

Спустился, внизу стоит машина – Сталин помнил, что у меня машины нет. Поднимаюсь, сразу рукой показали на кабинет. Кроме Сталина в кабинете Шапошников, Жуков и Тимошенко, доложился о прибытии.

– Из всего сказанного остался непонятным радиус действия новых штурмовиков, товарищ Шкирятов. Нам требуется силами четырех механизированных корпусов пробить коридор для вывода с Белостокского выступа третьей и десятой армий, которые уже, по оперативным сведениям, находятся в окружении. Сможет усиленная группа ваших штурмовиков действовать на таком удалении от вашей базы? Считая те машины, которые обещал поставить товарищ Ильюшин.

– Разрешите? – я показал на карту, разложенную на столе и прикрытую калькой.

Сталин взглянул на маршалов и генералов. Не заметив их возражений, рукой показал, что я могу ею воспользоваться. Я взглянул на масштаб и приложил линейку.

– До Белостока включительно, но с одной атакой в полной загрузке.

– Можете познакомиться с планом операции.

Мне подали листки. Дата, время, рубежи атак, задачи, силы, средства, силы противника, разведанные аэродромы. И ни одной пометки, что где-то действует наша авиация.

– Это, – я показал на прочерк в таблице, – полностью соответствует действительности?

– По всей видимости, да, – ответил генерал армии Жуков.

– В этом случае требуется ограничить продвижение частей 10-й и третьей армий рубежом Сувалки, а лучше Сейни, и ожидать подхода войск с северо-востока. С топливом и боеприпасами. Атака на Сейни предпочтительнее.

– Что я говорил! – сказал Шапошников.

– Мы примем это к сведению. Вы сможете обеспечить авиаподдержку прорывающихся частей по обе стороны выступа?

– Силами одной дивизии – нет. Требуются истребители, средневысотные и высотные.

– Много?

– Еще пару полков.

– Они у вас будут, двадцать шестого в 04:00 Москвы – начало операции.

– Есть.

– За работу, товарищи. А вы, товарищ Шкирятов, задержитесь.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» – послышалось мне в тоне Сталина.

– Вы в курсе, что командующий ВВС Западного особого застрелился в 18 часов 22 июня?

– Нет.

– Вы понимаете свою ответственность, товарищ Шкирятов?

– Отчетливо, – чуть ухмыльнулся я.

– Что, тяжела шапка Мономаха, товарищ лейтенант?

– Младший лейтенант, товарищ Сталин. Это ничего, меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Терять мне особо нечего.

– Берите пример с меня: я тоже никогда Главнокомандующим не был. А войну требуется выиграть. Идите, полковник. Удостоверение получите у товарища Поскребышева.

«Шуточки у вас, однако, товарищ Глава Ставки Верховного Главнокомандования!» – подумал я, выходя из кабинета. Поскребышев рвет какую-то бумагу и протягивает мне приказ и уже подписанное удостоверение. Смотрю в него: выдано полковнику Шкирятову С. П., то есть фамилии совпадают, звания – не очень. Командующему Особой авиационной группы Северо-Западного фронта, далее ОАГ по тексту. Полномочия – так, мировая демократическая общественность отдыхает, исполнить ее затаенное глобальное желание и отстранить будущего Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза не могу, так как напрямую ему подчиняюсь. В оперативном отношении мной командует «главный мясник». Придется срочно поправлять ножи! С волками жить – по-волчьи выть! Командует совместной операцией двух фронтов генерал армии Жуков, видимо специальноозванный из-под Киева. С полномочиями у меня полный порядок! Имею право привлекать, снимать, отдавать под суд военного

трибунала всех военнослужащих, действующих в полосе действий ОАГ. Им надлежит дрожать и слушать. В общем, четвертый после бога и двух командиров. Получил свой «ТТ», выщелкнул из запасной обоймы патрон и сунул под петлицу реглана. Чтобы не забыть. Иду пешком от Кремля к «Метрополю». Возле него сидит инвалид с финской, или немецкий шпион, и, несмотря на раннее утро, торгует знаками различия, петлицами, всякой мишурой типа пряжек для ремня, частями портупеи, знаков родов войск. Так сказать, филиал военторга. Знает, стервец, в какое время раздаются пряники в Кремле. Скупил у него все шпальы и две пары пустых авиационных петлиц.

- Поздравляю, товарищ лейтенант.
- Не мне, командиру.
- Ну, все равно поздравляю командира.

Оставил ему трешку на чай. Точно шпион. Но меня сейчас это не касается. Поднялся на четвертый этаж. Ксюша спит, даже не проснулась – устала, да и выпила ночью шампанского. Белокурые волосы красиво разметались по подушке. Остренькая грудка под белой маечкой соблазнительно торчит, не прикрытая простыней. Правая рука засунута под щеку. Повесил реглан и спустился в буфет. Там привезли пирожные, свежайшие, есть кофе и разнообразные бутерброды. Вот только официантку навязывают, чтобы отнесла. В отличие от меня, она имеет ключ от лифта, поэтому пришлось воспользоваться услугами, но дальше дверей лифта я ее не пустил, подхватив поднос с завтраком в постель. Запах хорошего кофе и черта разбудит, Ксюша непроизвольно запахивает грудь. Ей помогают усесться на кровати и передают пирожное «Метрополь», бутерброды с черной икрой, твердой колбасой, вяленым мясом и чашечку кофе. Правая щека у нее в полоску, щеки розовые – смущена и еще не привыкла к такому пробуждению. Впрочем, это, наверное, повторится не скоро, так что не привыкнет. Свой завтрак расположил на тумбочке.

- Давно пришел? Я не слышала, как ты открывал дверь.
- Ты крепко спала. Но пришлось разбудить. Завтракай, и надо добираться на аэродром. Мы улетаем.
- Но Щербаков сказал, что сегодня состоится награждение.
- Есть дела более важные, Ксюша, времени задерживаться в Москве совсем нет.
- Вкусно! Никогда такое не пробовала!

Я передал ей еще одно пирожное, а она отдала мне часть бутербродов. Я забрал у нее поднос, когда она закончила завтрак. Потом она несколько секунд раздумывала, что делать со мной, ведь ей нужно было вставать.

Потом решительно скинула простыню, показав длинные и ровные ноги, скинула их с кровати и встала. Я стал рядом и поцеловал ее. Фигура у нее что надо! Такую фигуру и в форму! Это издевательство над женской натурой.

– Доброе утро! И с началом нового дня! – я разжал объятья, потому что это могло затянуться на очень долго, а приходилось поспешать. Ксюша красиво и грациозно потянулась, продемонстрировав поднявшиеся за руками красивые небольшие груди с острыми сосками. Взяла со спинки кровати лифчик и, отвернувшись, подцепила его.

– Застегни, пожалуйста!

Крючков и пластиковых застежек не было, две белые пуговицы и довольно тугие петли. Она прошла в туалет, которым, к счастью, был оборудован номер, и через несколько минут мы вышли из номера, сдали ключи и расспросили дневальную, как добраться до Центрального. На выходе «инвалид» внимательно посмотрел на мои петлицы: лейтенант, как и было. Ох, неспроста тут сидит этот инвалид. С регланами в руках – было жарко – мы подошли к остановке и минут пять ждали первый автобус. Движение только начиналось. В половину седьмого мы были в ангаре. Бригадир слесарей сообщил, что им осталось полчаса и что можно начинать подготовку к вылету, самолет они нам подготовят. Отнесли карты в штурманскую часть, сообщили в Кубинку, что вылетаем, я составил заявку и расписался в журнале регистрации полетов, получил каналы связи и позывной. Выходим из здания КП и идем к ангару.

Часть 5

Здесь доверяют только проверенным

Перед ним стоит автобус с военными номерами. Вошли в ангар, а там целая делегация: Щербаков привез награды и вручил их нам, нас несколько раз сфотографировали, но Щербаков сказал, что мои снимки будут отретушированы перед публикацией. И не будет указано, за какие заслуги вручена медаль Героя. Выкатили самолет, осматриваем его, еще одна делегация – Жуков остановился возле машины.

– Будешь раньше меня, займись комплектацией группы. Почему у самого не все затребовал? Голой жопой воевать собрался.

– Буду позже вас, товарищ генерал армии, у меня две промежуточные посадки – в Кубинке и в Вегайцах.

– А в Кубинке зачем?

– У меня ни одного патрона.

– Твою мать!

В бомбоубежище погрузили свежие газеты «Правда» и «Красная звезда», кстати, с Указом о награждении. Проследил, чтобы не напихали слишком много. Осмотрел самолет, расписался в журнале и запросил разрешение на запуск, сунув одну из газет под спинку парашюта. Неожиданно быстро получил добро на запуск и прогрев на рулежке. Меня выправаживали, освобождая место для взлета «ПС-84» и прикрытия Жукова. У них боеприпасы, само собой, присутствовали. Взлет-посадка. Правда, на этот раз никто не сопровождал до Кубинки. Там ставлю машину на стоянку, и приходится ждать вооруженцев.

В подвале «Правды» опубликовано об аресте бывших ответственных работников Жигарева и Яковлева. Хоть и по делу, но я им не завидую, совсем.

А Ксюша прикольно смотрится с громадной пулеметной лентой для УБТ, которую ей самой приходится спускать в кабину в новый ящик. На крыльях возятся вооруженцы, раскладывая шесть тысяч выстрелов для «ультраШКАСа» и триста выстрелов для пушек. До Верайцов летим без РС. Обязательный долив топлива, стоим неподалеку, наблюдаем, как медленно это делается. Затем заправщики затирают маленькие разливы, и машина готова. Восьмерка, которая сопровождала меня сюда, усохла до пары. Так втроем и стартуем в сторону Белоруссии.

По дороге меня вовсю развлекала Аксинья. Теперь ей для этого достаточно нажать на кнопку. У меня новое кресло, и у нее – тоже. Вместо сплошной брони между кабинами толстое 68-миллиметровое бронестекло, а головы у обоих дополнительно закрыты сферическим подголовником, достаточно просторным, чтобы шлемофоном не цепляться. Надо еще переделать немецкий шлемофон под наши «папа-мамы», и будет совсем хорошо, а то в нашем «летнем» недолго и тепловой удар получить. Ксюша ржет над тем, как ее встречали в ГПУ, рассказывает смешные истории, которые произошли вчера, но в зеркале вижу, что головой постоянно крутит и осматривается. Доклады об обнаруженных целях идут регулярно, так что я ее не прерываю. Вообще-то мы с ней хорошо если десятком-другим фраз с момента знакомства успели перекинуться, а в остальном и я для нее, и она для меня совершенно темные лошадки. От ГПУ разговор плавно перешел к семье, она – старшая дочь, есть еще две. Жили в Крыму, а после сентября тридцать девятого отца перевели на западную границу. На заводе работает второй год, работа ей нравится, тем более что удалось осуществить мечту и начать летать, пусть и стрелком. Заканчивала аэроклуб при заводе и должна была получить удостоверение летчика, надеялась стать испытателем ЛИСа.

– А у тебя парень был?

– Был, теперь уже был, он в Каче учится. Ой, неудобно получилось, я же ему еще не написала, что замуж вышла.

– И не пиши, не расстраивай человека. Адрес у тебя сменился, поэтому никакие письма уже не дойдут. Не жалеешь, что так скоропалительно вышла замуж?

– Я не знаю, что со мной произошло. Обычно я очень долго схожусь с людьми. Здесь еще и специфика работы сказывалась. Пытался за мной ухаживать один товарищ с завода, но у нас ничего не получилось. Как стена встала. А ты ни одного знака внимания мне не оказал. Вообще. Все сухо, чисто по делу, да еще сказал, что я тебя не интересую. Я считала, что тебе худенькие не нравятся.

– Нет, фигура у тебя замечательная!

– Правда? Мне все вокруг говорят, что я худышка и грудь маленькая.

– Не маленькая, а аккуратная.

И уже нажав другую кнопку:

– Восьмой – ноль первому. Справа, час, выше два – группа самолетов.

– Ноль первый, принял, наблюдаю.

«Чайки» перестроились, заняв позицию впереди меня.

– Что там? – спросила Аксинья.

– Пока не видно, четверка какая-то. Наши так не летают.

Но самолеты оказались нашими, «Ил-4», возвращается «девятка» из дальней авиации.

На подходах к Верайцам приказал уйти на бреющий, так около часа и летели. На этой высоте не поболтаешь!

В Верайцах выгрузили газеты из обоих внешних и подвесили восемь РС. Руки бы, сволочам, поотрывал! Пришлось пассатижами править мятые «крыльшки»! Раскрываемые так и остались на бумаге! А ведь все оформлено, и даже патент выдали, только все остановилось непонятно, вернее понятно, на каком уровне. Абвер форева! Не удивлюсь, если это уже там.

– На хрена такое дерымо повесил?

– Своим править не успеваем, – буркнул пожилой вооруженец и свалил.

Я в эскадрилье «правилку» сделал, которая одним щелчком их и правит, и закручивает под углом два градуса. Здесь это никому не нужно, есть же пассатижи, ну и что, что полетит криво? Наконец, дозаправились и взлетели. Время идет, а оно бесценно, но связью не воспользуешься, по местным нормам я никто и звать меня никак, так как в командование группой не вступил, не расписался в соответствующих журналах и не получил право доступа к ВЧ, свой позывной и код. Поэтому и приходится гнать лошадей. Хорошо, что обслуживают быстро, кстати, из-за газет. Их чуть ли с руками не отрывают. Дела на Западном совсем плохи. Легкая паника видна невооруженным глазом.

Срываемся и уходим на предельно малой высоте на Кейданы, курсом двести шестьдесят два. Маршрут я проложил так, что ни одной деревни под нами нет, никакого ВНОС не будет, если только случайно кто обнаружит. Каналы наверняка вскрыты противником и читаются как книга. По ним и наводят свои «мессеры». Где-то у Бряслава войдем в зону их действия. Слева они уже могут иметь аэродромы или площадки подскока. А пара «чаек» и «Ил» для них семечки. Вот и прижимаемся к верхушкам леса. Режим огибания местности в местном исполнении. В районе игналинских озер слева шел воздушный бой, но мы проскочили слишком и низом. У Свентожи последовал запрос позывных от операторов родного «Редута». Бдят! И это здорово!

Прокакиваем последние километры и с воздуха обнаруживаем большое количество танков. А летаем тут не только мы! Ju-86 нам попросту не достать. Бардак! Сажусь и заруливаю к своему капониру, но он занят! В

нем стоит какой-то ПС. Мне дают отмашку рулить к лесу у Смилды, что совсем мне не нравится, и я направляю машину обратно и рулю прямо к стоянкам напротив штабной землянки. Что-то командира Особой не так встречают, как положено! Где почетный караул? Где оркестр, в конце концов? Начинаю злиться на устроенный бардак. Операция еще не началась, но диспозиция уже у противника. Так в войнушку не играют!

– Ксюша, скажи, чтобы под сеть затолкали.

По-прежнему ни одного встречающего. В Верайцах, пока перезаправлялись, свои кубики успел поменять и на реглане, и на гимнастерке на кучу шпал. О, бежит встречать! Никак дежурный! Орет на ходу:

– Лейтенант, какого хрена свою корову сюда припер? Убирайся на назначенную стоянку! На губу захотел? – это майор Туровцев, помначштаба, и с повязкой дежурного по аэродрому. Я остановился, подбоченился, распахнув при этом реглан. Ха-ха! Кто из нас, интересно, сейчас на губу пойдет? Блестящая звездочка с орденом Ленина привлекла внимания больше, чем петлицы, густо усаженные шпалами.

– Найдите место для стоянки поближе к штабу. И не слышу доклада, товарищ майор!

Красную рожу полноватого майора надо было видеть!

– Товарищ полковник, 61-й штурмовой полк проводит боевые вылеты в районе Ковно – Тильзит, личный состав рассредоточен по аэродромам подскока. Здесь на аэродроме располагается штаб оперативной группы товарища Жукова.

– Здесь в первую очередь располагается штаб Особой авиационной группы. Прибыл ее командающий, а его никто не встречает. Его машину засовывают куда-то в задницу... Что за дела, товарищ майор?

– Нас не предупреждали об этом.

– Ладно, распорядитесь, чтобы машину убрали в капонир, кстати, кто мою стоянку занял?

– Борт товарища Жукова.

– Переместите куда-нибудь. Мне там привычнее.

– Но как же, это же самолет генерала армии!

– Он что, там в него садиться будет? А её экипаж точно из полковников не состоит. Это мой капонир.

– Есть, товарищ полковник! Сейчас организую.

– Пусть ракеты снимут и заменят на наши, и там в бомболяках – газеты утренние. Разгрузите и отправьте на аэродромы подскока.

Так, одного построил! Но это мелкая сошка. Все остальное впереди. В

штабной землянке пусто, кроме дежурного по штабу, никого.

– Где Мамушкин?

– В штабе, его там дрючат уже пару часов, – ответил капитан Никольцев, с которым у меня были очень хорошие отношения.

Вышел и пошел к зданию штаба. Совсем бояться налетов перестали! Не дело! Крыша у штаба оцинкованная, и никто ее так и не покрасил. Сверкает, как медный грош прямо со станка.

– А, прибыл, лейтенант! – громогласно объявил генерал Жуков. – Ну и бардак здесь у тебя!

– И я даже знаю, кто его устроил! Степан Наумович! Шифровальщика сюда вызовите, пожалуйста! Шифрой! «Москва Кремль товарищу Сталину точка прибыл на место, запятая, план сосредоточения войск стал известен противнику из-за несоблюдения элементарных правил маскировки силами 3-го межкорпуса. Точка. Отсутствует транспортная авиация, запятая, не подготовлено топливо к переброске окруженным частям. Точка. Приданные силы Особой авиационной группы по-прежнему работают по старым планам Ковно – Тильзит. Точка. Готовлю штурмовые удары в районы Пренай, запятая, Алитус. Точка. Командующий Особой авиагруппой полковник Шкирятов». Отправляйте.

– А кто тебе сказал, что план известен противнику? – взревел Жуков.

– Степан Наумович! Разведчик в 04:30 пролетал?

– Конечно! У него расписание.

– А я с высоты пятьдесят метров все машины сейчас пересчитал. Они что, на маневры сюда прибыли? Не в курсе, что противник за ними наблюдает и здесь под каждым кустом сидит агент абвера? В войнушку решили поиграть? Это не войнушка и не маневры, и противник у нас очень серьезный. Гот сейчас уже разворачивает свои силы против обнаруженного корпуса. Мы и так у него занозой здесь сидим, а тут к нам танки подтянули. И вместо того чтобы наводить порядок в собственном огороде, тут моих людей строят. Ионова вызвали?

– Нет, сам приедет.

– Степан Наумович, распорядитесь пригласить командующего ВВС фронта. И связь с Мирошкиным где?

Мамушкин показал рукой на угол. Я ушел туда и связался с Зибулями. Мирошкин в воздухе, на месте Николай Мальцев.

– Коля! Организуй разведку участка Пренай – Алитус – Вильно. И готовь к вечеру машины в район Белостока, и с немецкими, и с нашими движками. Сейчас тебе доставят приказы, которые необходимо отправить командирам двух корпусов – 17-го и 6-го, и командованию двух армий – 10-

й и З-й. Мирошкину передай, чтобы сворачивал работу и шел домой. Направление работы срочно меняется. Как понял?

– Понял, направляю.

– Товарищ генерал армии! Направлена разведка в треугольник Пренай – Алитус – Вильно в целях предотвращения флангового удара по нашей группировке. Работа в направлении Ковно – Тильзит остановлена, группа в течение часа будет перенаправлена на направление действий по деблокаде Белостокского выступа. И, товарищ генерал, этот домишко виден на сотню километров в округе. Для штаба он совсем не годится.

Вошел шифровальщик: «молния» на имя генерала Жукова и полковника Шкирятова.

– Давай! Успел нажаловаться!

Прочитав, передал мне и приказал всем выйти. Мы остались один на один.

– Вот что, Шкирятов, давай по-честному, ты всерьез считаешь, что операцию удастся провести?

– Если не пороть горячку, то да. Очень жаль, что Генеральный штаб не обратил особого внимания на скрытность переброски войск. Теперь к нашим баранам: с одной стороны, для меня это хорошо, что нас обнаружили. Гот не рискнет рыпаться на Вильну, пока у него на левом фланге межкорпус. Но, товарищ генерал, 12-й корпус необходимо перебрасывать скрытно. А я буду долбать колонны Гота. А строить меня не надо. У нас цели и задачи разные. Вас отпустили, а меня оставили, помните?

– Ну, помню.

– Знаете, что он мне сказал?

– Нет, конечно.

– Он напомнил мне, что командующий ВВС округа застрелился в 18:00 22 июня. Я думаю, что Птухин сделает то же самое. И Ионов тоже бы застрелился, если бы не действия моей группы, но немцы уже под Либавой. В общем, вот здесь у меня лежит «последыш», и мне терять особо нечего. Мы это сделаем, лишь бы снабжение не подвело, но это уже больше по вашей части.

– Ладно, полковник, настроение мне твое понятно, вот только сил у тебя маловато. И там ничего не попросил.

– А там ничего и нет, мне «ЛагГи» нужны, а их на Дальний Восток отправляют.

– Вот это решаемо. Обещал же он два полка.

– Обещал, только где их взять. Ладно, вы все-таки переберитесь

отсюда. Слишком заметное сверху здание. А я пойду посмотрю, сколько машин собрано. Разрешите идти?

– Не держу.

Я вышел из зала связи, увидел Степана Наумовича.

– Степан Наумович, разрешите?

– Слушаю вас.

– Может быть, прогуляемся до ПАРМа?

Он пожал плечами. Не думаю, что такая перемена позиций его устроила, но деваться некуда, 61-й полк, 7-я и 8-я САД переданы в Особую группу. Приказ об этом уже получен. Не было указано, кто группой командует, но упомянут личный Представитель Ставки. То, что им оказался бывший младший лейтенант 61-го полка, вызывало определенные «но».

– В группе должен быть толковый замкомандующего, который возьмет на себя все тыловое обеспечение, связь и тому подобное. Группе поставлена задача обеспечить воздушную поддержку прорыва из окружения двух армий, находящихся на Белостокском выступе. В кольце немецких войск. От Ковно до Августова – сто тридцать четыре километра. Сил у нас немного, примерно полнокровная дивизия, может, чуть побольше. Основной ударной силой будет наш полк: наших семнадцать машин плюс сорок, которые собираем, и из Москвы завтра должны прилететь еще двенадцать.

– У нас шестнадцать машин, Грушин погиб. Над целью засбоил мотор, Михалыч приказал выходить и четверке его прикрыть. Двое из «ястребков» выйти из боя не смогли. Тройку перехватили «охотники» и всех сбили.

– Вечная память. Первым в полку.

– Не первым, шестым, это в твоей группе первый. Так ты говоришь, замом? Ну, деваться некуда. Как там, в Москве?

– Долго рассказывать. Устал. Нервная там обстановка. Арестован Жигарев, снят и арестован Яковлев. Приказано доводить «ЦКБ-55» до ума, и дальше будем получать двухместные машины в старом корпусе. Но когда это будет, неизвестно. Двенадцать машин идут собранные в старых бронекорпусах.

– Ну вот, собираем. Тридцать два готовы. К вечеру закончим остальные. Из Зибулей прислали восемь человек, они облетывают. Двенадцать человек пересадили, зачеты сданы. Сегодня должны и остальных пересадить, вот только количество истребителей уменьшается. Тришкин кафтан какой-то. Ноги укрыл – плечи мерзнут.

– Вон Ионов летит, за счет других полков будем затыкать дыры. Всех безлошадных сюда сгоним. Пойдемте встречать, Степан Наумович?

– Ну, да. Начальства развелось, плюнуть некуда!

С Ионовым ссориться не пришлось, он прочел удостоверение и приказ Ставки, понял, что судьбу генерала Копеца он не повторит, поэтому согласился срочно перебросить сюда зенитную артиллерию и транспортники и передать всех безлошадных в Особую группу. К 16:00 Жуков обещал перебросить дизельное топливо и бензин для танков, тару и людей для организации воздушного моста в Белосток.

Тут прилетел Николай с данными по треугольнику: все три моста в Алитусе целы, в городе немцы, танки на правом берегу Немана. Колонна танков движется к Ковно по грунтовой рокадной дороге. Кампфгруппу он засек. Я показал большой палец и созвонился с Зибулями. Через тридцать минут взлетаем.

Мою машину переснарядили кассетами и подвесили все шестнадцать ракет РС-82. Гришин и Петров уже находились здесь. У Петрова только тридцать пять «ишаков», которые тоже пойдут под Алитус, у Гришина полк Бобрика и полк Путивко: «ишаки» и «МиГи». К вылету готовы. Группа собралась у Ионавы. Построение – этажеркой. «Илы» и «чайки» внизу, сверху тридцать шесть «ишаков» и еще выше двадцать восемь «МиГОв». РЛС видит несколько машин в районе Преная, дальше не достает, нужно сменить место, но не сейчас.

Я нашел дорогу, и мы идем над ней. Коля летал на бывшем немецком «шторьхе», так что нас не сильно ждут. Другая авиация там не летала. Колонну прикрывало двенадцать «мессеров», но их сумели утащить на виражи «ишаки», а мы поймали колонну у входа в Визионскую рощу. Колонна жутко пылила, поэтому не смогла нас обнаружить. Южный ветерок помог. Шестнадцать машин прошлись над ней, сбрасывая кассетные бомбы, как противотанковые, так и осколочные. Затем тремя заходами отработали эрэсами. Вторая волна штурмовиков, где летели почти сплошные «перворазники», отработала 50-килограммовками по второй колонне, где в основном была пехота. Три штурмовика получили повреждения и ушли домой, но под прикрытием. Было немного странным для остальных летчиков, что немецкие истребители от боя уклонялись. Ждали отставших и поврежденных. Возле них они проявляли активность, но если прикрытие не ошибалось, то все заканчивалось благополучно. На возврате один из «Илов» сел на вынужденную и был сожжен «мессерами» до того, как приехала техпомощь. Во второй вылет с нами пошло три девятки «СБ» и «АР-2» 46-го полка фронтовой авиации, которые смогли разбомбить один из трех мостов, потеряв шесть машин над Алитусом.

Мосты хорошо прикрыты зенитной артиллерией. Там ее много.

Но день оказался полон неожиданностей! Ближе к вечеру я уже еле ноги переставлял после двух бессонных ночей и трех вылетов подряд, забрался в комнате на кровать и уснул. Честно и откровенно послав все подальше. Ночью опять предстояло лететь к этим дурацким мостам. Два из них продолжали функционировать.

Поспать дали чуть более часа. На аэродром приземлилось шесть «ПС-84», которые привезли дивинженера Сакриера и опытную партию тех изделий, которые испытывались до апреля сорок первого на полигонах Управления снабжения и вооружения ВВС. Ну, внешне Сакриер выглядел не лучшим образом. Он сидел возле колеса «ПС-84», но на нем была форма. Мне были переданы грузовые документы на содержимое самолетов. Отряд машин прибыл в наше распоряжение из Москвы. Требовалось их разгрузить и использовать для переброски топлива и других грузов. Он не стал здороваться, отдал честь первым и спросил:

– Машины есть? Подавайте машины и людей на выгрузку.

– Что здесь?

– Взрыватели АТ-4 на двух бортах. Контейнеры на одном борту, остальные идут литерным. И ракеты РС-82рк с направляющими для «Ил-2». По сорок восемь на машину. И необходимые приспособления для пуска этой модификации с крыльевых установок. До сорока восьми ракет.

– Сколько установок?

– Двадцать восемь, на четырнадцать машин. Обещали срочно изготовить партию на шестьдесят четыре машины. Почему столько, мне не известно. Вчера ночью чертежи ушли на завод. Сюда я, собственно, для того, чтобы обучить вооруженцев обращаться с взрывателями и снаряжать кассеты, показать, как ставить пусковые установки и подвешивать на них ракеты. Потом обратно в Москву.

– Так вас освободили?

– Не совсем, но к исполнению обязанностей я приступил, так же как и Таубин. Соберите людей, времени, говорят, у нас совсем мало. Когда успел? – он пальцем показал на звезду.

– Двадцать второго – двадцать третьего.

– Неплохо для начала.

Я показал в направлении классов для занятий, и он попросил меня помочь донести ящики. Одна рука у него не работала. Чекист пошел за нами, помочь он не стал. Благо не так далеко. Так что утром будем испытывать полностью ракетный «Ил-2».

Если со взрывателем ни у кого особых вопросов не возникло, внешне

он выглядел абсолютно точно как верхняя часть УЗРГ, остальная суть спряталась внутри и была понятна, то удлиненная «труба» без выступающих «крыльышек» вызвала аплодисменты. Из-за них, проклятых, ракеты летали куда хотели. Без взрывателя ракета была «инертной» и «безопасной», поэтому «перегружали» ее нешибко аккуратно товарищи красноармейцы. В итоге, после многочисленных перегрузок, стальные выступающие крыльшки оказывались смяты так, как бог на душу положит. Их правили в основном пассажирами. Я, да и другие «умельцы» делали приспособы различные, чтобы их расправить и даже подкрутку дать. Но далеко не всегда эта приспособа оказывалась под рукой.

Эта модификация была круглой, без выступающих частей. Шесть довольно длинных, складных крыльев были прикрыты специальным стаканом, который улетал назад, а стягивающаяся нитка перерезалась в момент схода ракеты с направляющей. Крылья раскрывались под строго определенным углом, придавали ракете вращение с довольно значительной скоростью и стабилизацию в полете. Дополнительной изюминкой являлась новая боевая часть с двумя запалами, как и прежде для ОФ, но с готовыми осколочными элементами, и кумулятивная – для стрельбы по бронетехнике и дзотам. Ракета была длиннее на треть, по весу тяжелее на девятьсот граммов, из них шестьсот граммов приходилось на вес новой боевой части. По весу заряда она равнялась 132-миллиметровой ракете. Температура осколков при разрыве почти тысяча триста градусов. Вместо одного орудия РО-82 устанавливалось три, так как размах крыльев старой ракеты был двести миллиметров. Всего сорок восемь штук, по двадцать четыре на крыло. Дальность стрельбы не изменилась и составляла шесть километров сто метров. Сама установка запитывалась от стандартного ЭСБР-Зп(РО). Стрельба велась поодиночке, разнесенной парой, тройкой, через одну, шестью ракетами или все двумя залпами через одну. В общем, все, что я хотел, было воплощено в металл. Это предстояло проверить на войсковых испытаниях. Полигонные на самолете «Ил-2» были завершены на семьдесят два процента, потом встали из-за ареста.

Я спросил у Ивана Филимоновича, сколько новых ракет привезли и сколько их выпущено.

– Привезли мы только то, что было на складе: триста двадцать штук. В Ленинграде, на Арсенале, вся необходимая документация имеется, одна из линий была настроена, там дополнительно всего несколько операций. К сожалению, сказать о том, выпускаются ли они сейчас, я не могу. Приказ о выпуске Народным комиссариатом боеприпасов существует, но ему еще суток нет. Горемыкин вчера подписал. Ждем.

– Тогда вешайте на мою машину, у меня ЭСБР-Зп(РО) стоит. Он у нас не на всех машинах. Больше половины имеют один ЭСБР-Зп.

– Значит, требуется дополнительно монтировать второй. Какие ракеты грузить?

– Осколочно-фугасные с готовыми элементами. Предстоит работать по МЗА и прожекторам.

– Тогда, товарищи, приступим. Я, к сожалению, пока только пальцем могу показывать, куда и как ставить.

Я добрал еще полтора часа сна, затем более получаса меня инструктировали, как пользоваться моей же установкой, поставил везде подписи о внеплановом инструктаже, а как же: «бухгалтерия» и «бюрократия». Теперь, если я не вернусь, то сам допустил ошибку – «человеческий фактор» и «ошибка пилота». Пять машин загруженоарами бомб, а моя – сорока восьмью ракетами. Подсвечивать нам будет «СБ» из 46-го СБАП, экипаж которого посмотрел на нас как на сумасшедших – штурмовка, и ночью! Ниче, парень, ты у нас главным отвлекающим поработаешь, ты, главное, шуми побольше и свети поярче. И не упади не вовремя!

«Редут» к тому времени сменил место дислокации и отьюстировал антенну на новом месте. Ему бы гирокомпас поставить, чтобы курсы давал, а не курсовые углы, но сельсина у него соответствующего нет. Не предусмотрен.

Все, проинструктировал ведомых, отдал приказ, доложился в Ставку, что вылетаем. Ждать ответа не стал, взлетел. Уже в воздухе получил ответ Сталина. Не спит, как и мы. «Редут» немецких ночников не видит, подходим по графику. Сорок шестой полк старается, все это осиное гнездо разворошил. Ни хрена себе, сколько прожекторов и зениток наставили! Понимают, стервецы, что все на этих двух ниточках держится. С высоты пятьсот вхожу в пологое пикирование. Дальномер бы! Но приходится работать по ориентирам. Справа от моста – аэродром, на котором явно готовят «ночников» к вылету. Сработала ОАБ, и я вижу «мессера» на взлете. С трех с половиной километров атакую его ракетами. Трассера нет, виден только хвост пламени, а я перенавелся на батарею осветителей. И послал туда пару. Отворачиваю, доклад Ксюши: два взрыва на аэродроме, два прожектора погасли, на аэродроме – пожар. Столбы прожекторов заметались. Кто-то, видимо, услышал звук моего мотора. ОАБ погас, пока, кроме прожекторов, ни фига не видно. Аккуратно разворачиваюсь, мои еще далеко, работаю я и «СБ». Его захватил прожектор, и заговорила батарея 88-миллиметровых. Резко доворачиваю ипускаю три раза по паре ракет.

Затем опять по прожекторам, которые его поймали.

– Спасибо!

Он, гад, меня еще и сдает! Стучу пальцем по кнопке рации: «Молчи, самка собаки!» Медленно выкручивается, увалень! Проходит почти пять минут, еще раз ОАБ. Так, «месс» на месте, похоже, не взлетел, рядом что-то горит. Прожектор работает один, захожу на него, пуск. И тут же слышу:

– Сброс! – это Михалыч.

Два взрыва, похоже, двойных. Эх, подсветить бы! Блин! Фотаб! Промаргиваюсь с отворотом. Предупреждать надо! Но «СБ» на боевом, еще раз вспыхнул ОАБ, и через минуту Паша сказал:

– Сброс.

Тоже два взрыва. Пять минут маневрируем, у немцев все погасло. Но загорелись огни на аэродроме. Ни хрена не вижу, но бью в район их старта. Опять фотаб, и опять без предупреждения, сволочь.

– Оба в воде, я – домой.

– Свечку сбрось!

– Бросаю.

Взрывы на аэродроме впустую, огни погасли, кто-то взлетел. Но мы отходим. Работать без осветителя невозможно, а этот – слишком медленный. Снизились и идем домой. «Редут» поймал немца, он сзади и много выше. Пусть полетает. Доклад в Москву через штаб группы: мосты через Неман у Алитуса уничтожены.

Пуповинку мы у Гота оторвали. Утром зачистим! Могут сразу начать наводить понтоны. Они ребята упертые. У меня открыт один бомблюк. Курс держать неудобно. Но это мелочь. На земле разбремся.

– Ксюшенька, ты как?

– Люблю тебя, чисто!

Да, с любовью у нас при такой работе напряженно. Только по СПУ. А самолет решил в прятки поиграть: при посадке бомблюк закрылся.

На земле немного грустные новости: приказ удалось передать только в два штаба – 17-го межкорпуса и 3-й армии. Штабов 6-го корпуса и 10-й армии на найдено. Армейский приказ передан 6-му кавалерийскому корпусу, а штаб 3-й армии обещал найти свой 6-й межкорпус. За ночь выполнили тридцать один самолетовылет с топливом для Т-34 и КВ. Бензин для старых танков прибыл только к утру, когда возить было уже слишком опасно, транспортников было слишком мало, да и раскрывать операцию мы не рвались. Из-под Ленинграда в наш адрес вышли еще машины 5-го воздушно-десантного корпуса. В кotle техника стоит без топлива, армейских запасов на сутки не хватило, а склады в Белостоке и

Бресте сожгли.

Ночью вернулся из частей Жуков – охрипший, серый от усталости и впечатлений. И это здесь, где относительно хорошо и оборона держится. Ввалился в штабную землянку, адъютант быстренько налил ему почти стакан коньяку, тот мотнул головой, появился второй стакан, и налили мне. Капитан извлекал из мешка закуску, сдвинув карты, нарезал все прямо на столе.

– Давай!

– Не могу, мне на вылеты.

– Пригуби – за мосты и за удачу. Она нам потребуется.

Затем начал диктовать начштаба группировки диспозицию и рубежи частей прямо по памяти. Минут через сорок закончили, зашифровали и отправили в Москву. После этого сел закусывать и еще «злоупотребил».

– Ох, все на ниточке держится, но твои вовремя и качественно сработали на левом фланге, щаз бы такое началось! Противотанковая оборона здесь отсутствует. Чем люди занимались всю весну? Сколько бумаг сюда отправляли! Что будешь делать?

– Сейчас готовим вылет всем составом с рассветом на Алитус. Наверняка там скопление будет, отработаем по нему.

– Что с коридором на Сейни?

– Войск полно, они еще не тронулись, как следует, Августов держится. Им не на Сейни отходить надо, а на Гродно.

– У нас приказ!

– Приказ приказом, а передать этот приказ 10-й армии не удалось. Средств для форсирования многочисленных каналов у 3-й армии нет. Так что на Липск и на Гродно, а мы, не пересекая Неман, ударим на Гродно с севера и отрежем передовые части Гота, ушедшие к Минску. В Гродно цели мосты, и техника сможет уйти через Неман, если немцы не подорвут. Вот этот лесок набит войсками так, что плюнуть некуда. Атаковать Сувалки – нет переправочных средств. А тут – чистое поле, где моим штурмовикам удобно работать по артиллерийским позициям.

Жуков молотил пальцами по столу, нарушать приказ Ставки ему не хотелось, но он понимал, что в моих словах доля правды есть.

– Утро вечера мудренее, – резюмировал он и ушел на ВЧ, которое по-прежнему находилось в здании штаба полка.

К утру он передвинул 3-й и 12-й мехкорпуса в леса и рощи между Ковно и Вильно. Забрав из 8-й армии 12-й мехкорпус, он фактически оголял правый фланг, но других войск не было, они все находились в кольце. Снабжение немецких войск не прервано, хотя цепочка чуть

удлинилась. Теперь оно шло через Гродно. Либава еще держалась. Зубки у Гота мы выдернули, и он был вынужден маневрировать, чтобы поддерживать наступление и там, и там.

Утром мы пошли на вылет, а вместо нас начали приземляться два обещанных Сталиным полка истребителей. Один из Ленинграда на «МиГ-3», второй из-под Смоленска на «Як-1». Теперь у нас четыре полка истребителей и почти шестьдесят восемь «чаек», на которые пересадили безлошадных, собранных со всей армии. Слетанность, конечно, нулевая, приходится много орать в воздухе в момент сбора группы. Наконец, уходим к Алитусу.

Сто двадцать шестая стрелковая дивизия героически удерживает Пренай, ведя бой в полуокружении. Они сами успели взорвать мост еще 22 июня. Триста шестьдесят шестой, 550-й и 595-й полки неполного состава держат правый берег, не давая немцам переправиться через Неман в этом районе. Там по левому берегу отработал 46-й бомбардировочный полк. А мы пошли дальше, наша цель – станция Алитус и огромный склад леса, из которого немцы городят новый мост через Неман, ну, и сам мост, по которому начали работать «чайки» бомбами с пикирования. Мы же утюжим набитые техникой улицы и дороги, склад горит, на него сброшено большое количество «КС». Немцев в городе очень много, не меньше двух-трех дивизий. Все улицы буквально забиты автотехникой. В воздухе тоже изменения, кроме зеленого «туза червей», которых мы щипали до этого, появились «мессера» с черным тузом пик. Но тактика не изменилась. В драку особо не лезут, стараются бить на отходах зазевавшихся и отставших. Сегодня у нас довольно большие потери в «чайках», более десятка «чаек» оторвались от группы, на выходе из атаки на переправу. Их ведущий почему-то не слышал моих команд и никак не отреагировал на предупреждение об атаке «мессов» сверху. Похоже, что отказала или он выключил радиосвязь.

Возвращаемся с пустым боекомплектом – и ШКАСы, и пушки пусты. У Ксюши осталось только штук пятьдесят патронов на всякий пожарный, тоже работала по земле на выходах. Настороженно осматривает небо, так как самолетов много и можно пропустить внезапную атаку. Все, распускаю группу, заходим на посадку. В воздух поднялась шестерка «Яков» нас пасты. Летают по старинке, тройками. Но РЛС работает, так что это просто перестраховка – вдруг чужой затесался. Я их отправил на посадку и провел занятие по тактике с новыми полками. Полки радиофицированы, но жалуются на плохую работу радиостанций. Приказываю поставить мощные конденсаторы на цепь питания и заземлить их. По возможности

экранировать высоковольтные провода двигателей. Начали подбирать им площадки для рассредоточения, иначе нас немцы достанут. К двенадцати приземлились новенькие «Илы» с испытателями первого завода, и их командир с ходу заявил, что они только перегоняют машины, что им требуется самолет в Москву.

– На, читай, сейчас подойдут стрелки из 9-го СБАП, и вся группа идет на боевой вылет вместе с нами.

– Вы не имеете права, это самоуправство, мы – испытатели.

– Так, ты мне не нужен, ташкентский герой, ты и технику, и людей угробишь. Идешь в штаб, получаешь отметку в командировочном и пинок под зад, да такой, чтобы до самого Ташкента почесывался. Вон отсюда. Еще ташкентские герои есть?

Летчики попереминались с ноги на ногу, но больше никто ничего не сказал. Их пересадили на одноместные «Илы», а их машины заняли уже обстрелянные летчики. Людей, освоивших новую машину, у меня не было, и пусть обо мне пойдет такая же слава, как о «мяснике Жукове», я переживу. Право привлекать всех для выполнения задания у меня было. Кстати, до Москвы этот герой так и не доехал, а ребята туда вернулись почти все. Один погиб при посадке с пробитыми колесами.

Получившиеся фотографии налета посмотрел Жуков, подошел к БОДО и отстучал что-то кому-то.

– Сколько твои будут переснаряжаться?

– Два тридцать.

– Даю четыре часа, и мы начинаем. Вот, смотри!

Действовал он по-своему, вовсе не так, как говорили ночью. Два межкорпуса и две моторизованные дивизии пойдут на Алитус, оттуда на Гродно. Третья армия продолжает удерживать Августов, туда же для усиления перебрасывается 17-й, 6-й межкорпуса и 6-й кавкорпус. После взятия Алитуса все части начинают штурм Гродно с двух сторон. Моя задача за ночь перебросить максимально возможное количество топлива под Августов.

– Ставка план утвердила, 10-я армия должна продолжать удерживать районы фронтовых складов артвооружений и боеприпасов. После взятия Алитуса обратно ты перемещаешься в тот район и оттуда уже сможешь достать Бяло-Подляску, Соколов и Остролек, откуда немцы выбивают 10-ю армию. По количеству самолетовылетов там сейчас пик. Задача ясна?

– Да, товарищ генерал армии.

В это время и прилетели московские «Илы», так что выбора у меня

особого не было. Группу штурмовиков я разделил на две части, Михалыч будет непосредственно работать над полем боя, а я пойду на Даугай и Варену, погоняю немцев на дорогах, так как малые кампфгруппы, чуть ли не ротные, наверняка расположились по этому району, наводя панику, сея смерть и разрывая линии связи.

Идем группой в шестнадцать «Илов», половина со стрелками, прикрытие – шестнадцать «Яков» и шестнадцать «МиГов». После Транкоса на всех дорогах – немцы. Отряды небольшие: несколько мотоциклов впереди, пара-тройка танков Т-2 или Т-3, пара БТР SdKfz 251 «Напомаг» и несколько грузовиков с пехотой, на крыше которых держатель для MG34. Разъезжают по дорогам, грабят села, отлавливают отбившихся бойцов РККА. Цели как раз для наших машин, так что развлекались полтора часа, порядок на дорогах восстановлен. Правда, истребителям пришлось подраться, но штурман «Редута» заранее предупредил о подходе группы истребителей противника, поэтому у немцев не сильно получилось. «МиГ» на высоте вполне успешно с ними дерется. Их еще ободрить не успели, так что у него три крупнокалиберных БС и БК и два ШКАСа. Вполне хватало. Летчики в московских полках были натасканные. И похоже, на нас немцы реагировали и о нас сообщали, а вот про верхнее прикрытие забывали сообщить, так как долго поговорить им не удавалось.

В лесной Варене немцев видно не было, но какие-то ребята попытались по нам стрелять из винтовок и пулеметов. Ой, зря они это попробовали! У бывшего жителя дерьмократической России совершенно отсутствует классовая солидарность с литовскими бандитами. Получили НУРами от всей души!

Прорыв Жукову удался. Он активно расширял его. Если возникали заморочки, то тут же срабатывали авианаводчики, которые паслись на вольных хлебах, в случае необходимости Коля Мальцев их перебрасывал даже в тыл немцев. Во втором налете на Алитус накрывали левобережную часть и лишь на выходе работали по правой. Немцы не успели эвакуировать техсостав и склады люфтваффе с аэродрома, и мне достался новенький немецкий шлем с русскими «папой-мамой». Оказывается, они такие делали для нашей трофейной техники. Явно заранее! Я им был очень благодарен. Жарко! Очень жарко! Печет так, что закрывать заслонки можно только на время атаки. Вышел из пике, и крути колесико. Сегодня уже четвертый вылет, если считать с ночи. Или с утра – третий. У штурмовиков потерь нет, немцы еще к ним не приспособились. Но пытаются. У Ксюши еще один сбитый. А у нас первые дырки в корпусе от пушек «мессера». Но 12.7 немцу сильно не понравились. Он нагло попытался пристроиться и

обработать нас в упор, так как я довольно интенсивно маневрировал. Ксюха взяла его всего двумя очередями. После первой он клюнул, Ксюха заорала: «Влево вверх!» по СПУ, я дернул машину, и она опять пустила пулемет в действие. Стреляет она и правда хорошо. Выполнили облет района, нашли горку, где установить локатор, и три площадки у Цепкелайских болот, рядом с которыми шла железная дорога из Вильно, с нашей колеей. Здесь еще встречается немецкая. От них до Друскининкай рукой подать! Там немцы, но они ушли по шоссе на Гожу, а тут пусто. Высадили туда десант посадочный с батальоном НКВД. И отправили горючее, предварительно обрезав связь, идущую на Гродно. Ночью переселимся. А пока погранцы работают, занимая оборону и обеспечивая безопасность БАО – батальона аэродромного обслуживания. Не зря по Варене отработали!

«Паровозик из Ромашково» подтащил к деревне Маргионис платформу с топливом, с нее бочки перегрузили на подводы, реквизированные у местных, и перевезли на поле, которое у местных называется Волокай. Туда сели шестьочных «Илов», которые были дозаправлены, и им подвесили вооружение, туда мы летели только со стрелковым. Оттуда курсом сто девяносто семь вылетели к Бяло-Подляска. Пришлось сделать круг, потому что тройка «СБ» не успела подойти точно в срок. Наконец они наверху, мы внизу. Я битый час разъяснял им задачу: вешать ОАБ на семистах метрах, если сбрасываете фотаб для фотографирования результатов, то предупреждайте о времени вспышки. Ведущий отработал как надо, но похоже, что ведомые ему только мешали. Но цель он осветил. Вначале косо и криво, было не понять, куда стрелять и что бомбить, потом на обратном заходе поймал цель нормально. Было трудно промахнуться: по нему в этот момент было все, что было на аэродроме. На четвертом заходе, а ему пришлось делать четыре, в него попали, и вытаскивал его Коля Мальцев двумя бортами. Кстати, после этого и к этим заданиям у бомберов изменилось отношение. Одно дело, когда тебя бросают и выбирайся сам, другое дело, когда тебя пасут и вытаскивают, даже если ты был вынужден выброситься в тылу у немцев. Приземлились они у наших и помогли найти 86-ю дивизию десятой армии.

Обнаруженные Ju-87 в Бяло-Подляске мы уничтожили, но израсходовали все новые ракеты, больше их не было. Я направил радиограмму Сталину об этом, Иван Филимонович уже улетел в Москву. К 04:00 прибыл самолет с ними из Ленинграда, так что без ракет сидеть не будем. В четыре утра танки и бронемашины вошли в Дзуйкийский лес и двинулись на Друскининкай и Гродно. Их сопровождали переброшенные по воздуху части пятого десантного корпуса, которые ночной атакой

захватили и подорвали мост в Меркине. Вторая колонна вошла в тот же лес со стороны Варене и двигалась по двум дорогам вдоль железнодорожного полотна. Мы нанесли удар по Озерам и вывели из строя радиостанцию в них, которая активно работала все эти дни. Видимо, какой-то штаб. Там появились наши танки, и все внимание немцев было приковано к этому небольшому городку. В Друскининкае стояли только тыловые части, для немцев это глубокий тыл, сопротивляться танкам они долго не смогли. Вызванная авиация до него с бомбами не дошла, об этом мы позабочились. Ну, а фланговый удар вдоль реки мало кто может выдержать. Гродно взят, и части третьей и одиннадцатой армий соединились. Приказ Ставки выполнен. Плотно прикрытие с воздуха части 3-го и 12-го корпусов проделали за два дня 25 и 26 июня марш в сто сорок километров, по семьдесят в день, не хуже немцев. Правда, на путях этого марша осталось приличное количество вышедшей из строя техники, которую приходилось вновь ремонтировать, но в котел пошло топливо. А танков там было еще достаточно, все их выбить немцы не успели. Берега Немана прикрыли наш маневр и превратились в крепость, которую немцам еще предстояло взять, и небескровно, как в ночь с 21 на 22 июня.

Основные ударные части Гота находились у Налибокской пущи, завершая штурм Минского укрепрайона и окружение 10-й армии. Справа от нас действовал 20-й армейский корпус, который был связан боями с третьей армией под Августовым.

К нам привезли генерала М. Г. Хацкилевича – командира самого большого в округе механизированного корпуса. У него в корпусе на начало войны было тысяча двадцать четыре машины. По моим сведениям, он должен был погибнуть вчера под Зельвой, но нет, жив, и его корпус ударили от Белостокской пущи на Гродно, а не отходил к Минску. Штаб и основной аэродром для связных самолетов у нас теперь в Соловарте, небольшой деревушке на берегах небольшой реки Меркус. Жители деревни почти полностью ушли. Лабусы! Немцы им больше нравятся. Свой полевой штаб Жуков расположил в Варене, которую основательно «почистили», оставив только служащих железной дороги. В городе, как я уже писал, активно действовала банда местной организации «Шаулю саюнга». Правда, во время нашего налета были убиты ее главари. Меня Жуков высвистал из Волокая. Требовалось решить, что делать дальше, и определить задачи для ОАГ. Задачу минимум мы выполнили – мешок разорван. Генерал Хацкилевич был не парадный: в черном промасленном комбинезоне и в танкистском шлеме. От него пахло потом, кровью, сгоревшим порохом. Лицо грязное, в потеках от пота. В общем, его Колины девушки прямо из

танка выдернули под Гродно, и сюда. На Жукова это не слишком действовало, поэтому после короткого разноса за потерю управления и отсутствия на связи в течение двух дней генерала отправили мыться.

— Приведите себя в порядок, потом и поговорим. Теперь с тобой, Сергей. Не знаю, что и как, но вместо тебя назначен генерал Красовский. Я ничего не понимаю в этих играх, но тебя отзывают в Москву.

Я вытаращился на него, но он протянул мне текст шифровки. Подписано Сталиным. В той же телеграмме содержалось требование немедленно вернуть по железной дороге 12-й корпус на место дислокации под Елгаву. Шестьдесят первый штурмовой полк отвести в Лосики под Даугавпилсом. Части и соединения 3-й и 10-й армий придаются Северо-западному фронту, Августово и Белосток оставить и отойти за Неман. Красовский менял не только меня, но и Ионова. BBC Северо-Западного фронта упразднялись и формировалась первая воздушная армия, 61-й ШАП в ее состав не вошел. Вот она, царская милость!

Часть 6

В каждой бочке затычка или пожарменеджер

Делать нечего, группа расформирована. Прилетел на «аисте» в Волокай и передал командование обратно Мамушкину вместе с приказом о перебазировании. Приняли топливо, вооружение и вылетели строем в Двинск. До Вильно нас прикрывали, дальше пошли без прикрытия. Из Лосиков отпустил испытателей и запросил Москву о порядке прибытия. Приказано самолетом. Отсюда полтора часа лётом, так что сели в машину с Ксюшой и летим на распыл. Ведь во время успеха обычно не снимают. А тут такая задница. Непонятно: что не так? Либава еще держится, действия Северо-Западного фронта существенно улучшили положение на советско-германском фронте. Правда, на юге дела из рук вон плохо идут, но отвели нас в Двинск, а не на юг. И должности никакой не дали, даже не комэск.

— Тебе выспаться надо, — сказала Ксюша по приземлении на Центральном. Кстати, пустили на него без предварительной посадки и разоружения самолета. И сразу поставили машину в ангар. Оставил Ксюшу устраиваться в гостинице, а теперь у нее уже новое удостоверение личности, сам отправляюсь в штаб BBC. Кадры BBC информации никакой не имеют, посоветовали записаться к командующему. Дескать, вызывал он. Командует сейчас Новиков. Записался к нему, а пока сидел — задремал.

Меня разбудили, только когда командующий был готов меня принять. Чуть проморгался и вошел. Впрочем, адъютанты тех лет на подобные казусы особого внимания не обращали. Спали все урывками. Где появилась возможность, там и уснул.

У генерал-лейтенанта довольно полное лицо, позднее он выглядел не так, но это, видимо, в тюрьме желудок испортил. Сейчас — пышет здоровьем, хотя и у него глаза красные от недосыпа.

— Полковник Шкирятов, бывший командующий ОАГ Северо-Западного фронта. Отозван в Москву в связи с расформированием Особой авиагруппы. Назначение не получил.

— Ну и зря сидел у меня. Назначение получишь завтра, после показа новой техники самому. Езжай отдыхай. Кстати, где остановился?

— Не знаю, стрелок ищет место на Центральном.

Генерал посмотрел на часы, было около шестнадцати.

– Вот что, возьмешь мою машину, и тебя отвезут в Марфино, а стрелок пусть в казарме на аэродроме спит.

– Вообще-то это моя жена, и она – сержант ГБ.

– Это несколько меняет дело. Васильев! – он подписал какую-то бумагу. Вшел майор, адъютант.

– Заполните сами! – он протянул мне путевку в санаторий «Авиатор». – Майор, обеспечьте транспортом и отвезите в Марфино полковника с женой. Завтра обеспечить его прибытие на Центральный к 13:00. Отдыхайте, товарищ Шкирятов.

Еле нашли Аксинью, которая добралась до кровати и мгновенно вырубилась. Разбудили и с шиком, на «Паккарде», доехали до санатория. Там для старшего комсостава выделены отдельные коттеджи. В санатории, правда, шумновато, теперь большая часть зданий используется в качестве казарм для безлошадных, а они шумят, ругаются, пьют, требуют их обратно на фронт отправить. Вот только где их машины? И где Родина-мать их возьмет? Из пальца высосет? Но в столовой сохраняется пока дух ВВС: обязательная фреска с голубым небом, с Чкаловым, Сталиным и Байдуковым, и летящим высоко в небе «АНТ-25». Кругом лозунги: «Выше, дальше, быстрее». Очень неплохой буфет, забитый довоенными вкусностями. Можно составить неплохую винную карту. Без изысков, но качественно и добротно. Нам же по сути предстояла брачная ночь! А заводящая процедура свадьбы с ее «горько» была слишком давно, придется пользоваться другими способами. Поэтому тщательно подбираю все. Еще бы снять накопившуюся усталость, но это только мечты. Лишь бы кто-нибудь не приперся! Но не тут-то было. Среди безлошадных полно выпускников нашего и предыдущих выпусков. И началось: расскажи да расскажи, покажи, да ты гонишь! Сам Сталин,олько сбитых? В общем, лучше бы мы в номер заказали, но таких услуг санаторий не предоставляет. Насилу вырвались из кольца, хуже, чем под Белостоком. Ура! Кровати двигаются и их можно спарить! В коттедже есть и душ, и ванная. Все условия! Усадив на колени Ксюшу, попытался обставить этот момент красиво. Но оказалось, что этого не сильно требуется, потому что после нескольких легких поцелуев мы вдруг стали жадно целовать друг друга и сами не заметили, как все это и произошло.

– А сколько страхов мне рассказывали! – резюмировала Ксюша, пристраиваясь поудобнее и так, чтобы ничего не испачкать. Впрочем, буквально через минуту нас обоих это уже совсем не волновало. Сон закрыл разум, а разбудил нас только звонок по телефону, что за нами

выехали.

Вылезать из-под простыни совсем не хотелось. И мы решили «успеть». Успели, но не на завтрак. Одевались на ходу и, схватив со столика остатки вчерашней роскоши, вылетаем к гудящей машине у коттеджа. Не могли раньше позвонить!

Пожилой водитель «Паккарда» внимательно рассмотрел наши красные запыхавшиеся рожицы в зеркале, видимо, понял это по-своему и закрыл непроницаемым бронестеклом свой отсек, отделив нас от всего, что происходит в мире. Мне положили правую руку на бедро и сказали:

– Я считала это сказками, честное слово, думала, что мои подружки просто врут и дразнятся. Теперь я знаю, что это правда.

– Одна маленькая проблема: война идет, и личное счастье в ней не предусмотрено, Ксюш.

– Я понимаю отчасти, но ничего не хочу и не буду делать, чтобы разрушить эту идиллию. Пусть будет так, как получилось.

Что ж, не будем разрушать ничего! Достаточно тех бомб, которые мы бросаем. И не стоит заводиться, опять и опять целуя милое и родное лицо. Из машины мы вылезли несколько помятые. Аккуратно поправили прически перед зеркалом, при этом Ксюха постоянно строила рожицу, а потом принимала очень серьезный вид. Ее забавляла ситуация и собственные ощущения. А война ушла далеко-далеко! До нее целых два часа лета. В таком виде мы предстали перед представителями НКАП, BBC и охраны Сталина.

– Сейчас перелетаете в Чкаловское, там вам поставят задачу. К запуску.

По дороге я с трудом удержался, чтобы не обнять жену. Влез на крыло и подал ей руку, что никогда не делал. Помог забраться в кабину и сел сам. Незнакомый техник захлопнул фонарь мне и Аксинье, и нас вытолкали из ангаря. Прочел молитву, запросил добро на запуск. Запуск разрешили. От винта! Двигатель тяжело и неровно повернулся, дернулся и выбросил целое море сизого дыма – хыррр! И я убавляю обороты, ставя машину на прогрев. Время от времени раздаются характерные хлопки с выбросом пламени из ночного коллектора.

Сорок градусов, мотор перестал плеваться огнем и дымом. Запросил добро на полосу и взлет. Поехали! Короткая пробежка с опробованием тормозов, запрос на старт, добро на полосу. Ждем посадки встречного борта, крутя винт на нулевых. Добро, обороты, щиток во взлетное, отпускаю тормоз и плавно прибавляю обороты, изменяю шаг, парируя момент винта и оборотов. Разбег, отрыв, шасси. В наборе чуть прибрал

ручку, убрал щиток. Доворот на курс ноль. Набрал положенные полтора, прошел деревушку Шереметьево и лег на курс семьдесят. Над Пяловским водохранилищем вираж, и запрос на посадку. Добро, я на курсе сто двадцать, снижаюсь, чтобы сесть в Чкаловском. Давненько я здесь не был! Дают отворот и цель на Малопрудном полигоне. Об этом на земле не говорили. Доворачиваю, вижу мишени – это грузовые автомашины, легкая бронетехника, наша и немецкая. Приказано атаковать ракетами. Начал работу, стараясь побыстрее избавиться от груза, под конец прошел над целью и отработала Ксюша. БК подошел к концу.

– Восемьсот двадцать один два нуля, вам посадка. Зайдите на второй круг.

– Могу срезать.

– Работайте.

Валюсь на левое крыло и вхожу в крутой вираж, щитки, шасси, и я на глиссаде. Единственное «но» – СПС нет, никто и ничто в кабине не звенит. Все на тебе и твоем глазомере. Притерся у «Т», бегу по полю. Мне машут флагками, подгоняя к нескольким деревянным домикам на северной стороне аэродрома. Там я заглушил двигатель и вылез из машины. Представителей партии и правительства не видно. Что за дурь? Наконец от Щелково появляется несколько автомашин, в том числе пять или шесть «Паккардов» правительенного серого окраса. Вышло довольно большое количество людей, в том числе и Новиков, который почему-то грозит мне пальцем. Тут я вспоминаю, что шлемофон у меня немецкий, у Ксюхи – тоже. Они сетчатые и коричневые. А наши черные кожаные. Стою, сделал тупое выражение лица, дескать, моя твоя не понимай.

Подходит Сталин и протягивает руку. Отдал честь и пожал ее.

– Трофейный? – первый вопрос про шлемофон.

– Да, товарищ Сталин, в Алитусе захватили с нашими разъемами. Удобный, не так жарко, и ларингофоны хорошие.

Сталин улыбнулся, и гроза прошла мимо, все заулыбались тоже. Посмотрел на Аксинью.

– Стрелок-радист сержант ГБ Шкирятова, – выпятив грудь, представилась Ксюша.

– А почему аттестацию не прошли? – задал вопрос кто-то из окружения.

– Война началась, не успела.

– Сбитые есть?

– Два, товарищ Сталин.

– Вы опять без машины, товарищ Шкирятов?

– Только эта, – я показал на «Ил».

– Садитесь в мою, – и я увидел большой кулак, который показывал мне Новиков. Ксюшу подобрал Новиков, вся кавалькада тронулась обратно к Щелковскому шоссе. На высочайший осмотр ушло всего несколько минут. Кстати, пока ожидал начальство, самолет вновь украсили ракетами, как новогоднюю елку. Вешаются они довольно быстро, особенно такой толпой. Показуха! Но было видно, что козлы для пушек поставили и готовятся их чистить. Вот бы в полках довести до такого состояния техническую службу!

По дороге Сталин расспрашивал о моих впечатлениях от первого наступления РККА.

– Оно больше на рейд походило, товарищ Сталин, хотя почти все элементы наступления присутствовали, кроме артподготовки. Воспользовались отсутствием сплошной линии фронта, а плотное авиационное прикрытие дало возможность передвигаться маршевыми колоннами. Бронетранспортеров пехоте не хватает, а грузовик есть грузовик, это не оружие.

– Как настроение у трудящихся, особенно в тех районах, которые побывали под немцем?

– Мне сложно сказать, товарищ Сталин, мы базировались в таких местах, что с населением не поговоришь. Аэродромы подбирались специально в стороне от населенных пунктов, чтобы облегчить охрану. Контактировать пришлось всего пару раз. Люди испуганы как немцами, так и боевыми действиями. Но помогают, и охотно.

– Откровенно говоря, товарищ Шкирятов, надежд на успех было совсем немного, не только у меня, но и у всего командования РККА, задание вы получили невыполнимое, но нашли способ и средства его решить, и не в лоб, а грамотным обходным маневром, и генерала Гота просто переиграли.

– Мне не понятна причина моего отзыва и снятия 61-го полка с этого направления, там сейчас начнутся атаки с двух сторон на Гродно, и склады из Белостока надо выводить и прикрывать этот вывод.

– Мы перебросили товарищу Красовскому дополнительно истребительную авиацию и провели с ним работу по изучению вашего опыта использования истребительной авиации и средств обнаружения.

– Одного «Редута» на такой фронт явно не хватит, товарищ Сталин.

– Так вы не в курсе, что туда направлен радиолокационный полк из Ленинградского округа?

– Нет. Двадцать шестого июня этого полка еще не было.

– Странно, мне докладывали иначе. – Он сделал отметку у себя в блокноте. – Меня интересует один вопрос, товарищ Шкирятов, почему вы попросили через товарища Жукова себе самолеты «ЛаГГ-3», от которых категорически отказываются наши авиаторы?

– Авиационные генералы или летчики?

– И те, и другие. Говорят, что слабая и вялая машина. Вооружение навешено много, а толку никакого. Рекомендуют снять его с вооружения и заменить более легким самолетом конструкции Яковлева. Ваше мнение по этому поводу?

– Двигатель М-105 для него мало подходит, товарищ Сталин. А вот если на него поставить М-82 воздушного охлаждения, то машина полетит, и еще как!

– Вы на нем летали?

– Да, немного летал.

– Мы переводим один из полков из Сибири в Двинск. В ближайшее время решится вопрос о переводе еще одного полка. Вы получите ту технику, которую просите. Нами принято решение сформировать смешанную дивизию Резерва Ставки с перспективой развертывания ее в корпус. К сожалению, практически все самолеты «Ил-2», выпущенные в этом году, потеряны. Кроме вашего 61-го полка, больше боеспособных частей, вооруженных этой маркой самолета, у нас не осталось. То, что мы решили отвести этот полк и разукомплектовать ОАГ, говорит о том, что мы хотим сохранить его уникальные пока кадры, чтобы восстановить этот вид нашей авиации и укомплектовывать ее таким образом, чтобы командир штурмовой дивизии или корпуса имел возможность руководить всей цепочкой проведения операции от ее разработки и до разбора каждого вылета. Ваши действия показали, что эффективность использования авиации над полем боя во многом зависит от правильной организации, здоровой инициативы, решительности и глубокой продуманности действий. Во многом это зависит от действия разведки, специальных сил, технического состояния, средств обнаружения и наблюдения. Требуется учить таким действиям и других командиров авиационных соединений. Ваш полк и ваша дивизия должны стать образцом, эталоном, по которому будут формироваться такие силы.

Я даже не ожидал от Сталина такой длинной тирады. Политик и есть политик. Возразить ему сложно, ведь при всей кажущейся продуманности решения слишком многое находится в скрытом состоянии. В концепции есть гигантские подводные камни, о которые может разбиться подобное начинание. В первую очередь, это командиры. Будь тот же Мамушкин чуть

более боязливым, и не поддерживай меня Алексей Михайлович, который сам летчик от бога – с прекрасной техникой пилотирования, так еще и заводить людей умеет на нужные дела, – то ничего бы у меня не получилось. Топлива бы не дали и полеты на боевое применение, так называемый «второй раздел» программы переучивания, провести бы запретили. Там много опасных и затратных элементов пилотирования и требуется практическая слетанность эскадрильи. Не будь ее у меня к 22 июня, выходил бы сейчас пешком из-под Каунаса, как отец, через всю Прибалтику к Луге.

Сталин мое молчание воспринял по-своему и спросил, поддерживаю ли я линию партии.

– Обдумываю ваше предложение, товарищ Сталин. Есть некоторые сомнения в качестве как техники, так и набора личного состава в такие полки и дивизии. Требуется каким-то образом заинтересовать людей служить в таких соединениях.

– Принято решение о создании Советской гвардии. Приказ об этом будет опубликован в ближайшее время. Все полки и соединения, отличившиеся в боях под Ковно, Алитусом и Гродно, получат специальное наименование: гвардейских. Какие замечания по самой технике у вас возникли?

– В первую очередь, необходимо прикрыть объектив бомбардировочного прицела шторкой. И так оптика не слишком качественная, так еще и капли масла по нему растекаются. Вторая большая проблема – пневмосистема, точнее ее герметичность. И тросы управления на новых машинах устанавливаются без предварительного вытягивания. Очень большие люфты механизма привода триммеров рулей. Требуются новые серводвигатели приводов, электрические. И автомат курса и тангажа гиростабилизированный, требуется улучшить и упростить прицеливание. Точность и количество ракет увеличилось, а при цельные приспособления остались прежними. В общем, там работы много.

– Товарищ Ильюшин интересовался, когда вы появитесь в Москве. Свяжитесь с ним по этим вопросам. Вы у нас теперь специалист по этой машине, к которому все прислушиваются. Вы давно женаты?

– Нет, 23 июня расписались. Свадебным путешествием у нас был прошлый прилет в Москву.

– Молодожены! В трудное время родился ваш брак. Жена откуда?

– Перед войной жила и работала в Ковно, на авиазаводе, начальником З-го отдела летно-испытательной службы. Ее эскадрилья, кстати, осталась под Гродно, я совсем забыл об этом. Она добровольно вызвалась быть

стрелком на моем самолете. У меня все стрелки – добровольцы и из этой эскадрильи связи и управления Ковенского авиазавода. Штатом штурмового полка стрелки не предусмотрены, они под одноместный «Ил-2» создавались.

– Как всякая бюрократия, военная бюрократия всегда отстает и действует по сложившимся обстоятельствам, но мы рассмотрим этот вопрос в ближайшее время.

Само совещание было достаточно коротким, для меня, во всяком случае. Коротко отчитался о проведенной операции, задействованных силах и средствах, высаженных авианаводчиках, потерях своих и противника. Получил приказание подготовить полный отчет об операциях с 22 по 28 июня и прочитать в академии Генштаба доклад на эту тему. Так что отдыхаем еще целую неделю в санатории «Авиатор». Правда, попутно предстоит решать кучу поднятых вопросов. Ракеты РС-82РК и подобные РС-132РК вместе с установками РО-82РК и РО-132РК приняты на вооружение РККА и запущены в массовое производство. Контейнеры КМГ-100, -250, -500 и -1000 постигла та же участь, кроме того, АТ-4 и АВД-41 – взрыватели мгновенного и замедленного действия для осколочных гранат, кумулятивных бомб и авиаустановляемых мин и мелких бомб – также встали на поток и массовое применение. Больше не придется бомбардировщикам таскать тяжеленные и неудобные РРАБы и постоянно заниматься их сборкой и разборкой. Собранный контейнер мог храниться долго, в том числе и со взрывателем АВД, в котором колба с кислотой теперь разбивалась при ударе. А время выставлялось в момент установки взрывателя на изделие, то есть при снаряжении. Поставлены в производство зажигательные баки ЗБ250АС и ЗБ500АС и похожие серии Р и РТ, снаряжение которых происходит на заводе. Бак РТ при сбрасывании разделяется на три части. Все это вооружение разрабатывалось и испытывалось в ведомстве Сакриера, но попасть на вооружение не успело. Сейчас ускоренным образом оно вводилось в бой. Я-то считал, что небольшого толчка хватит, чтобы разбудить болото Управления снабжения и вооружения, но оказалось, что проблема была давно запущена и, скорее всего, чьи-то разведслужбы постарались помимо обычных в этой среде завистников и карьеристов.

Лавочкин доводить машину решил с М-107. Ну, и пусть ждет его, проще всего оказалось договориться с Гудковым, которого мы и уволокли с собой в дивизию. Тот смекнул, что при таком внимании к ней ему удастся вывернуться из застарелого конфликта с Лавочкиным и Горбуновым. Он

стал исполняющим обязанности инженера дивизии.

Для Ксюши настали райские денечки и ночки. Так как она была в Москве до этого один раз, то ее интересовало все в столице, и иногда удавалось выкроить время и для посещения театров и музеев. В общем, она повышала культурный уровень, а я – обороноспособность страны. Но дважды меня выволакивали на культурные мероприятия. Однако, как любой отдых, и этот имел свой срок, и после лекции в Академии 30 июня мы заняли места в кабинах.

В Двинске и рядом с ним уже сидит три полка из пяти по штату. Штурмовой полк медленно, но пополняется по пятиэскадрильному штату: четыре по семнадцать самолетов «Ил-2», из них один учебный, и эскадрилья разведки, связи и управления. Истребительные полки пришли большими, старого штата – шестьдесят четыре самолета «ЛаГГ-3». Создавались они весной сорок первого, а приказа переходить на тридцатидвухсамолетный полк еще не выпустили. Мамушкин принял должность замкомандира дивизии, теперь он подполковник и получил Красное Знамя за бои в Литве и Белоруссии. Командиром штурмового полка стал полковой комиссар Мирошкин, кавалер ордена Ленина. Народу стало много, все разношерстные, большинство истребителей участия в боях не принимали, но с переводом строевых полков, вооруженных «МиГ-3», возникла заминка. Сейчас снять с фронта два полка практически невозможно. Выручило то обстоятельство, что отыхал в «Авиаторе». Забросил удочку Новикову и потихоньку провел собеседования с большой группой безлошадных. Плюс составил собственное мнение по некоторым товарищам, так как на отыхе видно, кто чем занимается. Пьяниц в полках и так хватает. В результате приняли пополнение в семьдесят пять человек, полностью освоивших «МиГ-3», и начали поступать машины, часть новых, из Харькова и Москвы, а часть из ремонтов, но с новыми двигателями. Кроме того, под Москвой начал формирование 401-й ИАП, набираемый подполковником Супруном, известным на весь Союз летчиком. Он тоже войдет в состав дивизии.

Чуть позднее поступила команда формировать 215-й штурмовой ЗАП, для подготовки летчиков-штурмовиков, но это произошло на полмесяца позже, когда был выполнен план развертывания 61-го полка. Шестнадцать двухместных машин в полку, из них четырнадцать нормальных, а две – полевая переделка из стандартного одноместника. Мирошкин гоняет более молодых на бомбометание и ракетные стрельбы. Машины поступают в час по чайной ложке. Ни одноместные, ни двухместные не идут. Так в неполном составе 2 июля были переброшены под Овруч, на место

будущего котла. Контратака 5-й армии Потапова захлебывалась в условиях безраздельного господства в воздухе немецкой авиации.

Утром второго мы приземлились в Овруче, но толку от нас – никакого. Говорили-говорили о воздушной войне, а на место мы прибыли без локатора. В дивизии три полка, один из них штурмовой, а два на «ЛаГГах», разведчики остались под Гродно, у нас всего два «аиста». В общем, слепые и глухие, а Птухин уже кричит по телефону: «Давай-давай». Свои самолеты он уже пожег, теперь за moi взялся. Так как мы – Резерв Ставки, доклад пошел туда, рассредоточил самолеты и выслал «аиста» на разведку.

Немцы накопились у переправы через Случь у Чижовки и Новоград-Волынском. Южнее еще есть переправы. Пришлось идти туда полным составом, только две эскадрильи остались прикрывать аэродромы. Появления большой группы самолетов немцы не ожидали, а когда ракетные «Илы» начали гвоздить по батареям МЗА, то возникла паника, которую мы гасили, с одного захода сбрасывая весь имеющийся боезапас контейнерных бомб. Провели одну атаку и пошли домой. Пусть разбираются сами с этими завалами. На отходе появились «мессеры», но группы у нас плотные, никто не отстал, прикрытие большое, истребители в штурмовке участия не принимали и имеют большой боезапас. Идут в лобовые и отсекают немцев от штурмовиков. А навстречу еще идет тридцать два самолета с полными танками и боезапасом.

Сели все, несколько «ЛаГГов» нуждаются в ремонте. Однако звонок из Киева: большая группа немецких самолетов следует к нам в гости. Но отбомбились они не по нам, а по плохо замаскированным и частично ложным аэродромам у Коростеня. Кто-то поднял остатки истребителей оттуда, и мы успели дозаправить свои машины. Через двадцать минут после начала бомбардировки аэродрома в Коростене подошли наши «ЛаГГи». Состоялся довольно сильный воздушный бой, из которого немцам пришлось выходить досрочно, в результате потери у них были выше, но и нам досталось: семь машин вынужденно сели в Коростене, две перевернулись на воронках, четверых сбили. Больше топлива и боеприпасов не было. За каким хреном нас сюда послали – неизвестно! Лишь к вечеру пришло топливо на железнодорожную станцию и боеприпасы в Овруч. Но одновременно с этим и приказ Ставки вылететь в Славутич.

Здесь наши действия были запоздальми и отвратительно организованными. Списали все на Птухина, дескать, он виноват. Он действительно добивался перевода ОАГ к нему, чтобы хоть чем-то помочь наземникам, а меня держали в Москве ради лекции в Академии.

Отход на Славутич сопровождался капитальными проблемами! Аэродромы там оказались не подготовленными к посадке в вечерних иочных условиях. Пришлось садиться в Чернигове и потом перебираться на место. Потеряли целые сутки, а немцы за это время заняли Житомир. Наконец приехал локатор и прилетела эскадрилья управления. У них скоростенка маленькая, а нас гоняют на пределе нашей дальности. Немцы держат свои Ju-87, которых у них здесь много, на пределе нашего радиуса в Остроге. Пришлось вешать ПТБ ночникам, которых уже шестнадцать. Все двухместные «Илы» переделаны в них. В качестве разведчика и осветителя задействовали «Пе-2» 45-го СБАП. На нем вылетел лично Астахов, бывший шеф Ивана Филимоновича, который четвертый день командует ВВС фронта, больше ни одного летчика-ночника, освоившего «Пе-2», у него не было. А в авиации так: некому выполнить – выполняй сам. Правда, на постановку задач он не прилетел, отдался телефонными разговорами.

Мы прибыли раньше него и уже работали по прожекторам и позициям артиллерии, когда он подсветил цели. Восемь из шестнадцати машин пошли на стоянки «юнкерсов», а остальные работали ракетами по местам скопления снабжения и боеприпасам. Взрывов было много, ночников у немцев не оказалось. Генерал Астахов мужественно выполнил пять заходов, и база в Острове была разгромлена. На утро ее прилетели добивать СБ, но по ним даже зенитки не стреляли. Вхолостую сработали, только два бомбардировщика потеряли на отходе.

Астахов как бывший начальник Управления снабжения смог организовать более-менее регулярный подвоз и боеприпасов, и топлива, и запасных частей, но и он не волшебник! Там в Славутиче, на лыжной фабрике, родился «Гу-82», его слепили из битого «Су-2-м-82» и «ЛаГГа», который сел с заклиненным двигателем по воде. Несмотря на возражения Гудкова, маслорадиатор ушел за кабину, а два воздухозаборника для него поместили в центроплане. Вооружение – четыре пушки ШВАК, которых у нас было много: снимали с «Илов». Поверх обшивки пустили стальной лист, а одну верхнюю юбку коллектора намертво пришили к корпусу. Машина получилась очень даже ничего. Худовата с боков, если смотреть сверху. У «Ла-5» там фальшборт шел, но пока не до изысков, тем более что с двигателями М-105П возникли серьезные перебои.

Я сфотографировал машину и отправил снимок в Москву с нарочным. Места для крепления РО – подвески для ракет – у него имелись, и точки подвеса могли быть поставлены, но мы делать ничего не стали. Готовили еще двигатели с разгромленного 211-го бап, потому что с ремонтом основных двигателей возникли солидные сложности. Двести одиннадцатый

бап отошел сюда после Житомира, и у него было исправно семь «Су-2», остальные одиннадцать стояли без колес и каннибализировались. На «Су» уходили «М-88», а «М-82» – на «Гу».

В итоге собрали восемь истребителей – два звена, которые активно задействовали в качестве верхнего прикрытия. Они, конечно, уступают и «мессам», и «МиГам» по высотности, и обзор назад слабоват, хотя зеркала заднего обзора у всех есть, но летают, и скорость у них не меньше, чем у «фридриха» на средних высотах, у которого у самого с обзором не сильно хорошо обстояло. Два отражателя воздуха, расположенные за двумя верхними парами цилиндров, и низкая температура масла позволяли не перегревать двигатель даже на форсаже, так что держать повышенные обороты он мог довольно долго – до двадцати минут. После этого требовалось открыть «жабры» на две-четыре минуты. Была мысль сделать автомат, следящий за температурой, но интенсивность вылетов мешала этому.

Семнадцатого июля немцы пошли на Белую Церковь, пытаясь отрезать наши части под Уманью. Ситуация стала совсем поганой, похоже, что паника охватила наши войска 6-й и 12-й армий. Мы продолжали работать в южном направлении и иногда помогали в обороне Коростеньского УР. Но немцы ударили на Бобруйск и взяли его. Нас переключили на Гудериана, работать в двух направлениях становилось совсем неудобно. Требовалось постоянно решать, где в данный момент потребность в нас выше. Эту информацию можно было получить только от собственных авианаводчиков, остальные безбожно врали. Но радиус в триста километров удавалось держать.

К исходу третьей недели боев подошел к концу моторесурс всех машин штурмового полка и большей части «ЛаГГов». Заявки на двигатели и новую технику ВВС не выполняли, и я был вынужден запросить Ставку о наличии сменных машин и двигателей. Ставка молчала двое суток, затем поступила команда отводить поэскадрилью на 16-е САМ – самостоятельные авиамастерские – в Конотоп. Но в тот день немцы завершили окружение 6-й и 12-й армий, двумя колоннами вышли к Днепру у Карнауховки и Днепропетровска. Захватили целенъкими мосты и форсировали его. А я туда не достаю! Туда триста восемьдесят километров. Высадили наводчиков и ждем. Телефоны надрываются: давай сюда, давай туда, плохо там, плохо тут. Терпение, ребята, только терпение. У меня всего по пять-шесть часов на машину осталось. И переснаряжаться некогда. Уже пошли угрозы, когда пришло сообщение от наводчика, что немцы повторяют ошибку Гота. Видимо, этот маневр у них отрабатывался и

является стандартным в их тактике. Прорвав оборону, они стремятся максимально быстро сменеврировать направо или налево, чтобы перерезать как можно больше путей снабжения, и Клейст бросился влево, на Киев. К Щербакам, к двум мостам через Псел. А там и сидели мои наводчики и диверсионная группа осназа НКВД. Звоню Астахову:

– Федор Алексеевич! Шкирятов.

– Что ж ты, гад...

– В Миргороде или Полтаве топливо и боеприпасы для меня найдутся через два часа?

– Не понял!

– По моим данным, Клейст повернул на север, это точные данные. Иду к Щербакам всей дивизией. Топлива назад не хватит. Нужна посадка в Миргороде или Полтаве.

– Вот теперь понял! Поэтому никуда и не вылетал?

– Поэтому. Было непонятно, что он будет делать, а удар я могу нанести только один.

– Взлетай, топливом обеспечу точно и посмотрю, что можно сделать с 82-РК. Сообщу на подходе. «Двойка» – Миргород, «Тройка» – Полтава.

Дал команду «по машинам, к запуску». У немцев впереди действует «Бранденбург», потому что мосты через Ворсклу тоже захвачены, Коля передал, что два «БА» и десяток крытых «ЗиС-6» и две «тридцатьчетверки» – это диверсанты. Он перелетает от Дашковки на север. Ну, а теперь кто кого обгонит! Мы, правда, больше трехсот пятидесяти держать не можем, иначе все болты высыпятся. Через полчаса вслед за нами взлетают «ЛаГГи» и «гушки». Они нагнали нас за Оболонью, сбросили ход, перестроились для боя. Сюда наш хлипкий локатор не достает, вся надежда на наводчиков. Колонну Клейста немцы прикрывают. В воздухе у них до двадцати четырех «мессера», сменяющих друг друга. Немецкая разведка свернула от Волошина вправо, там пролетел немецкий разведчик, который увидел, что наши войска занимают оборону. Звено «Илов» зашло с севера вдоль дороги. Красиво идут, не «Илы», немцы, красное знамя развевается. Вниз пошли кассеты. Они еще и по радио кричали на чистом русском: «Мы свои, «горбатенькие», мы свои!» Были своими, я не сомневаюсь.

Немецкая колонна растянулась километров на сорок. В Кишеньках довольно большое скопление войск, там мост, а берега Ворсклы болотистые. «Гушки» и «МиГи» закрутили карусель с «мессерами», а «ЛаГГи» следуют за штурмовиками. Большая часть из них с ракетами для подавления ПВО. Кроме «ЛаГГов» ракеты на машинах командиров

штурмовых эскадрилий. Остальные загружены кассетами, а полный боезапас нам уже не поднять.

Здесь голая степь, практически ни кустика. Небольшие лесопосадки в один ряд, чтобы зимой снег с полей не сдувало. Поля все в золоте спелого хлеба, а мы по этой красоте кассетными бомбами и ракетами, напалмом и ливнем пуль и снарядов. Впервые немцы попытались атаковать «Илы», потому что мы были вынуждены растянуться. Но «ЛаГГи» среагировали сразу, и десятку «мессеров» прорваться к нам не удалось. Двадцать пять минут штурмовки, и начинаем отход вдоль Ворсклы к Полтаве. Есть потери, сбито два «Ила», шесть «ЛаГГов» и три «МиГа». Потери в штурмовой группе от зениток. Немцы теперь их прячут. Открывают огонь с очень коротких дистанций, чтобы ракетами не досталось. Заградительного не ведут. Обучаются!

Садились с ходу, на последних каплях горючего. Я стоял на крыле и наблюдал за посадкой. Очень волновался за двухместные «Илы», у них топлива меньше всех, а покрутиться пришлось много и долго. Они сели все, правда один застрял на краю аэродрома, у него двигатель остановился. У остальных топливо еще было, и они выстроились в «коробочку» и садились. Прикрытия, как водится, не оказалось. Аэродром толком и артиллерией не прикрыт. Накроют – мало не покажется, немцы видели, что мы к Полтаве отходили. Поэтому «ЛаГГи» крутятся над аэродромом, и в первую очередь заливают горючее в «МиГи» и «Гу». «Гу» жрет топлива гораздо больше «ЛаГГа», и радиус у него меньше, если с форсажем поработать.

Подхожу к КП, там какой-то генерал от политики разносит моих истребителей, что они уклонились от боя и вернулись с перкалем на пушках и пулеметах. На петлицах «птичка» и два ромба. На рукаве – звезда. Представляюсь.

– Полковник Шкирятов, командир первой гвардейской смешанной дивизии.

– Дивизионный комиссар ВВС Юго-Западного фронта Гальцев. Полковник, почему ваши гвардейцы не стреляли?

– Эти? Стреляли, как видите, ракет под крыльями нет. Значит, шесть раз стрелял каждый.

– А пушки, а пулеметы?

– Это истребители непосредственного прикрытия. Немцы к строю этой эскадрильи не прорывались, а использовать боезапас, предназначенный для воздушного боя, им запрещено.

– Кем запрещено?! Каждый снаряд предназначен для гитлеровцев!

– А чем он мою задницу прикроет, если все выпустит по земле? Пальцем? Пальцем не получится. Эскадрилья выполнила свою задачу, мои штурмовики вернулись без потерь со стороны воздушного противника. И она подавляла работу ПВО. Именно такую задачу я им иставил. Товарищ комиссар, почему так мало топливозаправщиков? Мне генерал Астахов сказал, что нас обслужат, но здесь нет ракет 82-РК.

– Возьмете РС-82 и повторите атаку.

– Это невозможно, товарищ комиссар. Эти ракеты не могут обеспечить подавление ПВО, и их будет в три раза меньше, чем требуется. И у меня приказ Ставки на перебазирование для смены двигателей и профилактического ремонта. Все машины выработали свой ресурс. Откуда я могу связаться с генералом Астаховым? Он в курсе, что я могу нанести только один удар. Я его нанес. Больше дышащие на ладан самолеты я в бой не пошлю. У нас скорость всего триста пятьдесят километров, моторы полной мощности не развиваются. И здесь нет готовых «КМГ-100», а «КМГ-250» мы можем поднять только один. А это запрещено инструкцией по эксплуатации.

Глазки комиссара превратились в щелочки, острый подбородок еще более заострился. У него давно выработалась привычка, что его приказы не обсуждаются. Попытку перейти на крик я остановил подписанным Сталиным и Шапошниковым предписанием на вылеты, где вылет на Щербаки не был обозначен.

– Я и так выполнил ту работу, которую должны были делать люди, базирующиеся южнее. Щербаки находятся за радиусом действий моей дивизии. Далее ВВС фронта управляет ситуацию самостоятельно, у меня есть другие, поставленные мне лично задачи. Действовать с аэродрома, где нет даже локатора, это подставить вполне боеспособную часть под штурмовой удар немцев. Дивизия является Резервом Ставки Верховного Главнокомандующего. Вот тут написано. Взгляните, товарищ дивизионный комиссар. Разрешите идти? Мне разбор полета провести нужно.

«Телега» на меня поехала в Москву, но не для того я слепил дивизию, чтобы ее угрошили на неподготовленных позициях. А дыры затыкать пальцем я и сам умею. Четвертая эскадрилья ушла в Конотоп, мы – в Славутич. А комиссар вылетел в Киев. Понимая, что этим все не кончится, решил позвонить по ВЧ Сталину. Позывной я имел, но еще никогда им не пользовался для связи с ним. Только в Москву в Управление ВВС и по заводам звонил. Доложился о штурмовке кампфгруппы Клейста и о тех проблемах, которые возникли с техническим состоянием машин в дивизии.

Практически только недавно прибывший 401-й ИАП и две эскадрильи 400-го полка боеспособны. Быстрой замены самолетов не предвидится. А нами пытаются заткнуть все дыры, которые образовываются каждый день. Stalin меня отругал за то, что я не докладывал лично ему.

– Поймите вы, наконец, что Резерв Ставки подчиняется мне, и от вас требуются ежедневные доклады о выполненной работе и положении на фронте. Вы же выполняете распоряжения, которые Ставкой не принимались.

– У меня, в моих документах, это не прописано, товарищ Stalin. Любой командующий старше меня по званию или должности имеет полное право отдать мне приказ. Я обязан его выполнить, а позже обжаловать это приказание в установленном законом порядке.

– Это наша с вами недоработка, – разделил со мной ответственность Stalin. – Дивизию отведут в Харьков на переформирование. Вас заменит другая дивизия. К тому же немцы могут попытаться взять Харьков, поэтому мы отведем ее целиком, а не по частям. Но профилактику проводить так, чтобы дивизия оставалась боеспособной. Тридцать два самолета «Ил-2» новой серии будут направлены в Харьков завтра.

– Вас понял, товарищ Stalin. Разрешите после перелета в Харьков прибыть в Москву с новым истребителем «Гу-82»? Он уже прошел войсковые испытания. Сбито тридцать самолетов противника, потеря среди восьми самолетов нет.

– Хорошо, прилетайте.

Часть 7

Снова Прибалтика и новые задачи

Нас сменила свежая дивизия примерно такого же состава, только 571-й ШАП, которым командовал хорошо мне знакомый Михаил Васильевич Котельников, один из летчиков-испытателей ЛИС 18-го завода в Воронеже, вооружен старыми, одноместными, машинами. А истребительные полки были на «И-16» и на «МиГах». Радиолокационные станции пришлось оставить, но рота входит в дивизию, поэтому они поехали за нами в Харьков. Обещают передать новую модификацию РЛС.

Перелет прошел нормально, полки встали вокруг Харькова на трех полевых и двух стационарных аэродромах. На заводе наконец поставили на «Гу-82» новые двигатели. Здесь выпускали «Су-2», в том числе поэтому все было сделано быстро. Я прозрачно намекнул директору завода Ю. Н. Карпову, что, скорее всего, все сто двадцать восемь машин «ЛаГГ-3» предстоит снабдить такими двигателями. Карпов отмахнулся, зная, какой путь предстоит пройти машине, чтобы быть принятой в серию. Тем не менее, звено «Гу-82» вылетело в Москву, туда же полетел и Гудков, только на штабном «ПС-84». В день прилета мы дрались с «Мессершмиттами Ме-109Е», которые были куплены в Германии еще до войны. Затем с двумя восстановленными «фридрихами». Нам замерили скорость и скорость маневров. В нормативы BBC мы вписались. Скорость намерили 595 км/ч, с третьего виража заходил в хвост «фридриху», но проигрывал ему в высотности и скороподъемности. Да, чуть не забыл! Температура воздуха в кабине, даже при перегреве мотора до предела, не поднималась выше тридцати!

На следующий день приехали Сталин, Шахурин, Лавочкин, Сухой и Поликарпов. И началось! «Из-за юбки вы теряете минимум тридцать километров! Зачем так много пушек, если боезапас к каждой всего сто двадцать пять выстрелов. Снять две и поставить двести пятьдесят выстрелов на ствол. Машина плохо покрашена, это снижает еще скорость. Мотор стоит неправильно! Поэтому пушки расположены ниже, чем необходимо! На фига утащили так далеко маслорадиатор, ему теперь масла придется лить больше» – в общем, самолет полное дермо, и зачем мы тут время теряем.

– Зачем вы тут время теряете, могу сказать: восемь полевых переделок

со старыми, довольно изношенными двигателями от «Су-2», в пяти боях сбили тринадцать истребителей противника. Без потерь. Дальность у него выше, чем у «ЛаГГа». Этот самолет нужен на фронте сейчас. Немедленно. А доводить его будем по мере сил и возможностей. Четыре пушки сбивают одной очередью любой самолет противника, а времени долго стрелять в воздушном бою обычно нет. И отказ одной на боеспособности не отражается. Сейчас самолеты моей дивизии находятся на Харьковском заводе № 135, где быстро их можно переделать в «Гу-82». Другой такой возможности для дивизии Резерва Ставки может и не быть.

Постановление подписали, машины загнали в цеха и довольно быстро и качественно переделали, правда, все четыре машины из Москвы так и не вернулись. Остались там на доводку и испытания, но вместо них из Тбилиси привезли новые «ЛаГГ-3», которые тоже переделали. За месяц укомплектовали второй штурмовой полк, в дивизии стало шесть полков. Выполнять предписание о переходе на тридцатидвухсамолетные полки я отказался и решил этот вопрос через Сталина. Да, для замены «сточившихся» полков это удобно, но для Резерва Ставки большие полки предпочтительнее, так как уменьшается количество начальства и всякой нелетающей гвардии. Летаем мы большими группами пока, до осени – точно. А там и поглядим.

В конце июля и в начале августа на югах было тихо, относительно начала июля. Немцы вынуждены были перейти к обороне на многих участках. Ввод Южного фронта Буденного позволил забрать обратно Днепропетровск и Днепродзержинск и деблокировать 6-ю и 12-ю армии, но удержать, а тем более забрать назад уже сданную территорию, возможности не было. Боеспособность этих армий была нулевая. Тяжелейшие бои, постоянные бомбекки опрокинули устойчивость соединений. Технику они побросали без топлива и боеприпасов, их требовалось отводить для отдыха и пополнения. А чем пополнять?

Двадцать первого августа доложился в Ставку, что переформирование закончено, дивизия полностью боеготовна.

– Готовьтесь обратно в Литву, там идет подготовка немцев к новому наступлению, начинайте переброску передовых частей в Кейданы, – ответ Сталина был короток и без подробностей, а их требовалось знать. Все полетели в Ржев-Ерши, а мы с Ксюшей в Москву, в расчете на то что успеем к перелету из Ржева. Я в штаб ВВС, затем в Генштаб. Получил документы, карты, разведдонесения. Работать будем по району Либавы. Придется вспоминать давно утраченные навыки торпедометания, но в море, без прибамбасов. И с доработанной передней точкой подвески.

Немцы подтянули свой флот и стремятся выбить наши войска тяжелой артиллерией. Это тоже наша задача. Отказываясь, выехал обратно на Центральный. Задача совсем не простая. Немцы атакуют из Бартовского леса. Ракетами и кумулятивами там не поработать: взрыватели чувствительные, поэтому эффективность их использования почти нулевая. Ну, а с флотом мы вообще не работали, кроме нескольких человек.

Первый гвардейский штурмовой авиаполк разделен, теперь там половина людей, которые еще на «Илах» в боях не были. Вторая часть ушла во второй полк, он сейчас носит номер десять. Десятый ШАП. Второе название, почти неофициальное, но часто используемое: «Первый-второй» полк. Это от способа деления первого полка: «На первый-второй рассчитайся! Первый-второй! Первый, шаг вперед! И в рай!»

В Ржев мы успели. Дозаправились и полетели дальше вместе со всеми.

Уходим курсом двести шестьдесят от родных березок в надвигающуюся тучу облаков. Осень в Прибалтике ранняя всегда. Но циклон разразился довольно сильным дождем на перелете, и опять засверкало солнце. Пока шли тылами, летели без прикрытия, затем они нас нагнали и закружились над нами. «Гушки» идут с дополнительными баками: два по сто литров – и для уменьшения полетной скорости, и для того чтобы хоровод поводить вокруг нас свободно. Затем подтянулись «МиГи». Все в сборе, и никто не сумел потеряться в облаках и дожде.

Зона ПВО здесь довольно хорошо оборудована. Уже от Двинска ведут диспетчеры, передавая нас друг другу. У Ленаса нас делят и направляют каждого на свои площадки: две под Гайжулем, две в Паневежисе, остальные садятся в Кейданах. Наши бывшие площадки заняты, там работают другие полки. Мы прибыли на усиление, и это временное жилище и временное место для расположения штаба дивизии. Пока привлекать внимание немцев прилетом большой группы самолетов не стоит. На полевые площадки уйдем скрытно, малыми группами и на малой высоте.

Нам – правее. Там на берегах Венты и на песчаных островах Моозунда в полном окружении сражаются морские пехотинцы Балтфлота и приданые им части. Балтфлот изредка умудряется поставлять им боеприпасы и продовольствие, но силы неравны. Главный ключ к участку находится возле форта Плантаген на берегу Курской косы. Восемь крупнокалиберных зенитных батарей спряталось там. И сама коса утыкана зенитками по самое не хочу. Плюс из Кенигсберга туда-сюда мелькают транспортные и танкеры, подвозя все необходимое для дивизий в бывшем старинном герцогстве Курляндском. Наши гарнизоны чудом держатся за

этот золотистый песок. Наша задача: действуя совместно с переформированной 10-й армией раздавить фашистского таракана, заползшего на эту землю. Отдавая приказ дивизии, я не мог сказать своим ребятам, что в мое время на этой земле будут сносить памятники им, а ставить памятники войскам СС и вермахта – в память о сорок четвертом году. До него еще куча времени, а там будем посмотреть.

Из люфтваффе здесь активно работают «Юнкерсы-88» с отличных бетонированных, с прикрытыми бетонными укреплениями орудиями ПВО, аэродромов в Восточной Пруссии. Все «юнкеры» стоят в бетонных капонирах, так что Красовский напрасно жжет свои «СБ» и «пешки», пытаясь пробить их оборону. Даже ночами эти «узелки» не развязать. Требуется иной подход и иные боеприпасы, чтобы снизить нагрузку на наши войска.

Первая сложность – разведка. Самолетов-разведчиков попросту не было. Триста двенадцатый ОРАП – отдельный разведывательный авиаполк – потерял все свои машины еще в июне-июле, и безлошадные летчики убыли на переформирование. В исправном состоянии было три «Р-5» и два «СБ», и полк уже имел предписание следовать в Смоленск и переучиваться на «Ил-2». С водного аэродрома Кихельконна действует 85-я морская разведэскадрилья на самолетах «МБР-2», и под Ленинградом стоит 19-я дальняя разведэскадрилья на «МДР-6». Вся остальная разведка выполняется на истребителях «МиГ» без применения фотоаппаратов. Так называемая визуальная разведка. Особенно пикантна была ситуация, что летчики выполняли ее на высоте в двенадцать тысяч метров. «Мне сверху видно все, ты так и знай!» А местность вокруг лесистая, хрен чего увидишь!

У соседей, Западного фронта, дела еще хуже: у них 314-й разведполк вооружен «Як-4», снятыми с производства из-за неудовлетворительного качества постановлением правительства от 11 февраля 1941 года. Летчики этого полка чуть морду не набили представителю бюро Яковлева, к счастью, это оказался не яковлевский человек, а ведущий инженер НИИ ВВС А. Т. Степанец, который был ведущим испытателем этой машины, так что обошлось без мордобоя. Полк спилился уже в июле, но до конца месяца успел принять еще восемнадцать машин, в том числе несколько «Р-12». Остальные машины, не уничтоженные противником, использовались в качестве ложных целей в контрразведывательной борьбе с немецкой авиацией.

Но удалось выпросить звено из трех «Пе-2р» в 410-м полку в ВВС Западного фронта. Снабдив их солидным прикрытием, обеспечили

аэрофотосъемку интересующих нас районов. Загружаем контейнеры минами и идем к Заргау, самой узкой части Куршской косы, и ночью минируем ее плотно и на неизвлекаемость, с воздуха. Это, конечно, немецким минерам создаст несколько дней творческой работы, но работу трассы нарушит ненадолго. Батарей они наставили действительно много. Вся коса в них. Много работы для ракетных «Илов». После разгона прислуги ракетами с начинкой обрабатываем позиции осколочными контейнерами со взрывом в воздухе. Теперь КМГ позволяет раскрыть его на ста двадцати метрах без вреда для собственного здоровья. Небольшое удаление от линии фронта позволяет пока работать без прикрытия ночью, но основные события еще впереди. Долго нам забавляться в одиночестве не дадут. Здесь, в Восточной Пруссии, готовят кадры для всего люфтваффе, и хороших летчиков здесь много.

Но ничего! Беда Мемеля не в том, что он есть, а в том, что он узкий и маленький. С востока ограничен «железкой» и всего семь километров в длину при ширине два и восемь. Как раз мои машины укладываются в три волны. А они рассосались по площадкам, так что даже не видно. Плюс еще Ксюша «подбадривает»: ее отец, полковник Голубев, погиб две недели назад, при бомбежке Ковно.

Шестьдесят машин, строем фронт, несколько больше ширины города. Один ЗБ-250АС накрывает на семь минут полосу триста на двести метров сплошным огнем. Лететь чуть больше ста пятидесяти километров. Мы взяли в перегруз: сто двадцать «Илов» по пятьсот килограммов напалма. И сбросили это на небольшой городок, через который питалась вся группировка немцев в Курляндии. Сбросили без сожаления: за памятники «воинам СС», за забытую память о латышских 24-м и 130-м стрелковых корпусах, за выгрузку танков НАТО в Вентспилсе в 2015 году – за все. Черную плесень требуется выжигать медным купоросом, иначе она опять расплодится. Вот теперь пусть помнят, если кто останется. Немцам и японцам показанного хватило, сидят и не чирикают, а переметнувшись к победителям – верещат, что нас неправильно победили! Хорошо, мы перепокажем! Были бы желающие! Мы повторили налет три раза, но в двух крайних в основном использовали стокилограммовки. В крайнем налете принимала участие дальнебомбардировочная авиация, они работали по железнодорожным путям четырех станций – там, где мы можем только пальчиком поковыряться.

Один из «ТБ-7» сел на возврате у нас. Им управлял полковник Голованов. В середине августа наша авиация совершила несколько налетов на Берлин, а немцы из-за этого решили захватить Моонзундские острова и

готовили мощный десант на Саарему. Нас и перебросили сюда, чтобы этого не произошло. Все находилось на контроле Ставки, и Голованов, роль которого в АДД заметно повысилась, сел, чтобы согласовать еще один налет – на Виндаву. Мы должны были подавить ПВО, расправиться с истребительным прикрытием и обеспечить отход его машин своими истребителями прикрытия. Больше двух часов оговаривали и просчитывали варианты. Рассматривали аэрофотоснимки порта и города.

Для обеспечения успешного налета мне требовалось переместиться на аэродромы в Тальсене, чтобы использовать перегрузочную схему, которая напрашивалась сама собой, ведь целями были порт, железнодорожная станция и элеватор. С площадок в Литве так не сработать. Разведчиков Николая и три аэродромные роты направил туда.

На следующий день опять работали по позициям батарей в Мемеле: дожигали ожившие спаренные крупнокалиберные зенитки-восьмидесятивосьмимиллиметровки у Гирулай. Пришлось поработать кумулятивными бомбами и ракетами – очень хорошо оборудованные батареи. Они же держали здесь и противодесантную оборону. Расположены были на самом берегу и с востока прикрыты обрывом. Подобраться к ним сложно. Пришлось повозиться с вариантами разновысотной одновременной атаки с разных сторон. Не менее сложный налет был выполнен на батареи Нерунгфорта. Там пришлось работать и зажигательными баками, и 250-килограммовыми бомбами. То есть максимальным калибром, который влезает в бомблюк.

В первый день нами из строя полностью была выведена только одна стационарная батарея у Кайриайя. Так что немцы продолжали огрызаться, несмотря на то, что город и порт разрушены. Множество десантных судов и кораблей выгорело в порту. Видимо, основной десант готовился отсюда. На третий день перелетели, ближе к вечеру, на площадки под Тальсеном и ночью решили пощупать готовность немецкой ПВО у Виндавы. Сверху шумели бомбардировщики АДД, а мы шли низехонько-низехонько, на высоте летающих крокодилов. Задача – выполнить минные постановки на аэродромах противника. Здесь их семь. Отсюда они пытаются сорвать работу нашей авиации с Эзеля и Сааремы. Много ночников. На возврате Ксюше и мне пришлось здорово покрутиться, чтобы оторваться от нахального Ме-110. Но малая высота и большая относительная скорость в сочетании с нашим маневром и ответным огнем не самый приятный подарок в августовскую ночь. Я его на выходе подловил, заставил шарахнуться в сторону от трасс, и он зацепился крылом за что-то. Мы-то ползли на самом малом, чтобы ему было как можно неудобнее нас

атаковать. Чуть ли не с посадочной скоростью. А прибавляет «Ил» очень неплохо. Динамика у него – как у истребителя поначалу, потом падает из-за «горбатости» и прочих аэродинамических излишеств. Пилот «мессера» этого и не учел. Не рассчитал он, что я могу резко и резво пойти за ним. Хотел блинчиком развернуться и зайти прямо мне в хвост. Ну, а когда четыре трассы и очередь из РС перед носом, то любой запаникует.

Утром мы навалились всей толпой на аэродромы противника, с которых взлететь немцы не могли: они вручную перекатывали машины на новые места, сняв с них маскировку. Удобная цель! Все как на ладони. «Прикрышку» у местного ПВО мы сдернули, и нашим на Эзеле теперь полегче станет. Поработали по МЗА на восточных окраинах и отошли.

Затем истребители отбивали массовый налет Ju-88 уже на наши аэродромы. Вскрылся еще один аэродром у фермы Веде, куда мы не замедлили наведаться следующим вылетом. «Юнкеры» до нас не дошли. Для «Гу-82» это нормальная цель, а прикрытие у них было слабое: одна «группе» «мессеров» на девять девяток бомбардировщиков. Нам передали их, когда они шли еще над заливом. Красовский тут же решил помочь. Еле-еле его остановил, что они нам нужны здесь. «Мессеры» шли с дополнительными баками, поэтому были тяжелые и неповоротливые. Первыми ударили «МиГи» 401-го полка, затем у них эстафету перехватили «Гу» двух полков. Видя, что наша берет, немцы начали избавляться от бомб и поворачивать назад, превращаясь в мишени из-за отсутствия четкого строя. И хотя оборонительных установок у них много, но верх прикрыт слабо. Разгром был полный. У нас, правда, не вернулось одиннадцать самолетов: кто сел на вынужденную, кто сбит, трех летчиков потеряли. Супрун сел довольный и радостно потирал руки. Уже месяц истребителям в боях принимать участия не приходилось, а тут такой успех!

Заправляемся, заряжаемся, перезваниваемся по ВЧ, ведем прокладку полета трех полков АДД. Семь девяток в воздухе идут из Смоленска. Каждая машина загружена от двух до четырех тонн, смотря у кого в каком состоянии движки. Велком флай, ребята! Ждем, все готово! ПВО Виндавы в подметки не годится Мемело.

Взлетаем. Короткий сбор у Эве, и – вперед! У Скараса начинают работать зенитки, еще вчера не было! Паша выходит вперед и накрывает их сорокавосьмиракетным залпом. Действует! Стрелять прекратили или нечем, потому что на земле сильные взрывы.

– Справа, два, площадка со складом, работаю! – это Михалыч что-то обнаружил, теперь там большой пожар.

– Всем! Принять влево двадцать, курс два пять ноль, работаем! – это

уже я цель вижу. «Гушки» отработали по МЗА, больше она не стреляет.

– Первая, пять, четыре, три, два, один. Сброс!

– Я восьмой, иду прямо! Станция, цель вижу! Работаю!

Гвалт в эфире такой, что хрен чего поймешь, а сзади еще и «адэдэшники» подпирают. Они тоже нужны! Надо бить по «горловинам» – стрелкам выхода со станций. А здесь их тринадцать, и у восьми – парные. Туда пойдут двухтонки. К девяткам АДД подошли «МиГи», и я получил «единицу» – условный сигнал, что все в порядке, по радио от штурмана наведения. Сам работаю по МЗА на крышах домов. Ее много. Но бывают не согласованно. Единого управления нет, видимо нарушили.

Добиваем «эрликоны», и «Илы» начинают сбрасывать ЗБ с пирогелем на транспортные суда в порту и во внутренних гаванях. Пожар сильный. Крутимся на юг и начинаем отходить от города. У Кирпстене пытаются взлететь «мессеры», но их взлет прекращает кто-то из комэсков ракетами. Мы пошли в набор и домой. По сравнению с Мемелем здесь делать особо нечего. Ботва! А на таком коротком плече можно и еще двести кил подвесить! Однако солнце в закат движется, день к концу. Спать пора малышам. День был очень насыщен эмоциями.

Часть 8

Союзники и организационные вопросы

Но человек предполагает, а начальство располагает. В Тукум, где находился штаб дивизии, опять садится Голованов, и меня, едва уснувшего, будят и засовывают в «ТБ-7» 412-го БАП. В трех машинах везут в Англию двадцать четыре летчика для переучивания на машины, которые будут поставляться по ленд-лизу, чтобы работали потом инструкторами в ЗАПах. В конце июля в Москву прилетал Гарриман и присоединил СССР к ленд-лизу. С аналогичной миссией вылетел в США известный полярный летчик Байдуков. Меня воткнули в состав делегации для красоты. Получил большой пакет от Сталина, сижу, читаю ЦЭУ. Мне поручается... – и далее следует длиннейшее описание того, что именно предстоит сделать. Внутри моего пакета нашел еще запечатанные конверты, которые предстоит передать различным адресатам, в том числе и Черчиллю. Уже над Сааремой пришлось включаться в СКУ. Сам Голованов в Англию не полетел. А на меня возложили представлять BBC СССР и всю Красную Армию. Дескать, лучший ас Союзной авиации. Главное, быстро отстреляться и домой, там дел невпроворот, а тут – митинги, встречи, речи. Но знакомство с иной техникой и тактикой – дело полезное. Хотя у них танков на аэродромах не может быть по умолчанию, а у нас это главное ПВО противника. Чуть пехота зазевается, и они уже в гостях. «Мы их не звали, а они уже пришли!»

Из самолетов показали «Спитфайр MkV» и «Харрикейн MkII». «Харрикейны» они снимают с вооружения, поэтому могут поставить много, а «спиты» этой серии выпускаются и для RAF, поэтому поставки их ограничены. Несмотря на возражения посла Майского, у которого были иные распоряжения, настаиваю на поставках MkV, пришлось связываться со Сталиным и говорить ленинскими словами: «Лучше меньше, да лучше». Тем более что англичане сразу заговорили о возможности передачи лицензии на выпуск «Мерлинов Mk45» и оказания помощи в оснащении и запуске завода по их производству. То, что они сделали чуть позже в США, но США пока не воюют, и поставки от них идут невоенные в основном. Тем более что современных самолетов у них еще нет, которые бы превосходили «спитфайр» или «Мессершмитт-109F». Там пока только «Кобры P-39», решение о поставках которых уже принято в США, но

Англия ближе, и пока существует ближневосточный коридор, так что поставки пойдут и относительно быстро.

По второму, очень важному для нас вопросу удалось зацепиться в присутствии Теддера и Черчилля. Обсуждался вопрос, как удалось избежать избиения нашей авиации в ПриБОВО и Одесском ВО, ведь в остальных местах фронта в первые часы войны авиации досталось очень сильно. Черчилль сказал, что с 1 июля RAF начала операцию «Циркус», пытаясь облегчить положение нашей авиации, которую продолжает до сих пор, хотя успехов пока не слишком много. Немцы оставили на Западном фронте две истребительные дивизии, одна из которых вооружена новейшими истребителями «Фокке-Вульф 190». И англичане понесли значительные потери и перешли к ночным действиям.

– Мы, впрочем, как и вы, использовали для отражения атак разработки профессора Бонч-Бруевича – РЛС. К сожалению, пока дальность ее не очень нас удовлетворяет. Инженеры говорят, что мощность магнетронов недостаточная. Ленинградские ученые говорят, что сдерживает только их отсутствие, хотя они почему-то производятся в других странах, тогда как созданы именно в Ленинграде.

– Может быть, это происходит потому, что изобретение не было запатентовано?

– Нет, многорезонансный магнетрон имеет всю патентную документацию. Только его разработчик умер чуть более полутора лет назад, и разработки были приостановлены. Теперь мы испытываем нужду в этом виде электронных ламп. Хотелось бы решить эту невеликую проблему, и как можно быстрее, так как противник на многих участках обороны действует безнаказанно. Вам в этом отношении несколько проще: вы находитесь на острове и у вас большой флот. А мы вынуждены содержать огромный штат постов наблюдения и оповещения о воздушном нападении в условиях прифронтовой полосы, что серьезно подрывает нашу оборону. Там, где данные приборы не успели начать использовать, имеются большие потери в авиации. Наша промышленность обеспечить полностью нас этими приборами пока не может. Хотя поставки и идут. В моей дивизии уже два радиолокатора с дальностью сто пятьдесят километров. А требуется охватывать фронт радиусом в триста километров. Примерно так, как сейчас работает ваш центр ПВО.

Теддер переглянулся с Черчиллем, ведь у них прекратились налеты на Англию, вся авиация немцев находилась сейчас на Восточном фронте, лишь в Африке и на Средиземноморье шли вялые, осторожные бои. Конечно, если смотреть по карте, то «язык» немецкого наступления

выглядел жутко: захвачена почти полностью Белоруссия и почти полностью правобережная Украина, лишь несколько приморских областей и часть Молдавии удерживаются нашими войсками. Но Красная Армия выдержала удар трехсот дивизий противника. Первые несколько панических недель закончились, и мы стали проводить и наступательные действия: 10-я армия заканчивает очистку захваченных ранее противником территорий и вышла на Неман в нижнем течении. Захвачен аннексированный Германией в тридцать девятом Мемель. Советская авиация бомбит Берлин.

– Ваш лидер в своих письмах мне говорит о скором наступлении на Винницу с двух сторон с целью окружения трех глубоко прорвавшихся немецких армий: 1-й танковой, 17-й и 11-й. Как вы считаете, такой удар может иметь место? Как настроение в войсках?

– Мы полтора месяца назад базировались недалеко от Киева. Армии генералов Малиновского и Коротеева вышли из мешка, устроенного им под Уманью, и перевооружаются. Нас перебросили на северо-запад, где сразу началось наступление. Думаю, что по возвращении мы отправимся под Киев. Хотелось бы, чтобы в дивизии к этому времени были бы полки на «спитфайрах» для прикрытия верхнего эшелона.

– То есть вы считаете, что обещания господина Сталина могут быть выполнены? – спросил еще раз Черчилль.

– Мы крайне заинтересованы в скорейшем разгроме немецких армий и армий их союзников. Для этого нам необходима не только истребительная, но и бомбардировочная авиация. С правого фланга мы можем наносить чувствительные удары по территории Германии, Чехословакии и генерал-губернаторству, что существенно подорвет экономику Германии. Лично мне кажется, что окончательная зачистка Курляндского полуострова предназначена для этого. Не случайно она совпала с началом бомбардировок Берлина. Нам необходимы бомбардировщики. Летный состав у нас имеется.

– Немцы пишут, что русский летный состав плохо подготовлен и несет огромные потери, как в материальной части, так и в личном составе.

– По своей дивизии могу сказать следующее: на фронте мы с первого же дня, отводились в тыл один раз для замены двигателей. Во всех остальных случаях пополнялись за счет поставок новой техники. Потерь в полках около пяти – семи процентов. Мы действуем достаточно эффективно, есть потери среди истребителей, но штурмовики обычно потерь не имеют. Их охраняют, они – наша основная ударная сила. Ведущий восьмерки несет сорок восемь ракет с дальностью действия

больше, чем дальность эффективного огня немецкой ПВО, на нем лежит ответственность по подавлению ПВО противника и управлению ударными самолетами. Истребители непосредственного прикрытия тоже имеют по двадцать четыре таких же ракеты. Мы эшелонированы по высоте и находимся под наблюдением штурманов наведения, которые подсказывают нам, с какой стороны приближается противник. Прикрытие успевает занять максимально удобную позицию для атаки. Дивизия смешанная. Есть высотные самолеты «МиГ», они работают наверху, и к штурмовке никогда не привлекаются. Непосредственное прикрытие идет на малой высоте, чуть выше штурмовиков, участвует в подавлении ПВО, и между ними и «МиГами» находятся облегченные «Гу-82» без ракет и бомб, которые держат средние высоты. В этой компоновке они превосходят все немецкие машины как по скорости, так и по маневренности и вооружению. Несут четыре пушки ШВАК 20-миллиметровые. В дивизии два полка «МиГов», два полка «Гу-82» и два полка «Ил-2» – в сумме более четырехсот самолетов, две трети которых – истребители. Штурмовики очень плотно прикрыты и действуют наверняка. Как в наступательном, так и в оборонительном боях. Часть самолетов находится на земле и встречает возвращающихся из боя, не позволяя немцам атаковать израсходовавших боезапас и топливо летчиков. Так что справиться с таким сплоченным и слетанным боевым коллективом сложно. Потери, конечно, бывают, но в основном носят случайный, а не системный характер.

– Но ваша дивизия имеет статус Резерва Ставки, люди, наверное, там отборные, с гораздо лучшей подготовкой, чем в остальных строевых частях, – усомнился Теддер, командующий RAF.

– Нет, основу дивизии заложил 61-й штурмовой авиаполк, теперешний 1-й гвардейский ШАП, элитная часть только одна – бывший 401-й истребительный авиаполк, теперешний 3-й ГвИАП. Второй и 4-й ГвИАПы – обычные линейные полки, были расквартированы до войны в Сибири. Бывший пятнадцатый ИАП, теперь первый гвардейский, входил в нашу 8-ю САД еще до войны. С первого же дня воюем вместе. Они на «МиГах», а мы на «Ил-2» и на «И-153» – «чайках». Провели уже три крупные операции. Ну, или четыре, смотря как считать. Так что лорд Гав-Гав немного подвирает об успехах люфтваффе в небе России.

– Не подвирает, а врет как сивый мерин! – уточнил посол Майский.

Полетать на «спите» мне не позволили, они ж не знали, что он у меня уже давно освоен. Но я и не слишком сильно рвался, это еще совсем не та машина, на которой я летал в Жуковском на МАКСе. Тот был с «восьмидесят пятым гриффоном» и пятилопастным винтом. Зализанный и

максимально облегченный, он, конечно, привлекал массу внимания и был звездой салона. Эти трудяги ПВО еще не имеют каплевидного фонаря, он изуродован накладным бронестеклом, имеет выпуклые боковые грани, наверху – уродливое зеркало заднего вида. Все рули – перкалевые. «Костыль» не убирается. Но соглашение подписано и распространяется на всю серию машин всех модификаций. Главное, прицелы у всех хорошие с гиростабилизацией и вычислителем.

Мой немного затянувшийся визит заканчивается, назад меня подбрасывают на «галифаксе» прямо в Тукум. В отличие от нас, их BBC Швеции совершенно свободно пропускало через свое воздушное пространство!

Часть 9

Во главе корпуса Резерва Ставки и детские болезни роста

Прилетел, а моей дивизии уже нет! Перебралась на новое место дислокации! Меня, вместо того чтобы доставить по месту службы, направляют в Москву для отчета, что я наворотил в Англии. Сижу, ругаюсь с Новиковым:

– На хрена подписан контракт с «Роллс-Ройс»? Нам что, своих двигателей не хватает? И так все склады забиты М-82, которые ставить некуда! Ты что, белены объелся? Они ж не технологичные, требуется ручная доводка!

– У тебя есть лучше? С 1515 или 1585 лошадиными силами при весе в семьсот килограммов.

– Сколько?

– Семьсот сорок четыре килограмма, две тринадцать силы на кило. Есть такие?

– Нету, но обещают! Швецов говорит, что...

– Пусть говорит! У него сколько граммов в час на силу выходит? Триста сорок пять? Вот пусть и таскает бомбы до Берлина и обратно, а мы на двухстах двадцати пяти полетаем. Что за вопрос? Я не спорю, хороший двигатель М-82, эксплуатируем, но, Александр Александрович, есть лучше и бесплатно.

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

– Это верно. Победим – будем разбираться. А сейчас надо плюхать их на бомбера и вбивать Германию в средневековье. Другого не дано. Сколько безмоторных «ТБ-7» сейчас в Казани?

– Штук восемьдесят, не считая тех, что в полках.

– Придут моторы – у нас должно быть все готово. Это задача.

– А...

– Никто ничего не отменяет, все продолжают работать, появится что-то – хорошо, потому что не из нашего кармана. Не появится – нам от этого не жарко и не холодно. Восемь двигателей с пятьдесят пятью карбюраторами я привез. Они высотные. Давайте ставить! А там разберемся. В любом случае на две машины больше.

Вылетали мы вечером из Англии, три машины были транспортными, у

них сокращены экипажи до четырех человек. Девять бомбардировщиков боевые, до освоения машин больше пока перегонять не будут. Все самолеты одной серии и выпуска тридцать девятого – сорокового годов. На всех «Мерлины ХХ». Не самые лучшие машины, но они все без верхней турели, поэтому более скоростные. Главная заморочка в том, что бензин они кушают стооктановый. Поэтому одна из машин привезла присадку для топлива, еще две везли двигатели «Мерлин 45-50с», которые и собираются передавать, и кучу армированных шлангов к пневмосистеме для наших «Илов». Ахиллесова пята нашего любимого штурмовика. Подходишь домой с задания, глядь, а воздуха для выпуска шасси и тормоза нет. И на заводе эти трубы дурацкие какой-то замазкой мазали, чтобы сдать приемке, а через месяц эта замазка выкрашивалась, и начиналась борьба с утечками. Поэтому, увидев человеческие шланги, я напрягся и выбил их поставку. Чаще всего подтекало на перезарядке оружия, там удары мощнейшие, и стальная труба не выдерживала.

Так как дивизии на месте не было, то на этих двух машинах и прилетел в Москву рано утром. Рабочий день у Сталина недавно кончился, вот и было время предстать перед грозны очи командования ВВС. Четыре двигателя тут же забрали в Импортный отдел ВВС – его уже создали. Им предстояло быть разобранными до нуля, все секреты будут изучены и запротоколированы. Всю войну этот отдел напряженно воровал секреты. Дело нужное и полезное. И работали там отличные специалисты.

Новиков тоже не удержался и посмотрел на распакованный «Роллс-Ройс». Лишь после этого осмотра удалось удержать в целости и сохранности все движки. Чего торопиться, еще придут, пойдет партия, тогда и не грех будет разобрать. Здесь же ограничились постановкой на стенд одного из двигателей для замера мощности.

К полудню вернулись в саму Москву из Чкаловска и направились в Кремль. Новиков не упускал момента предстать перед Сталиным в случае малейшего успеха.

Я передал письма Черчилля Поскребышеву, тот их вскрыл и передал переводчику. А мы тихонько сидели в приемной, дожидаясь приема и продолжая разговор вполголоса о том, что происходило в Англии. Где-то минут через пятнадцать меня вызвали. Письма уже были у Сталина. Тайны мадридского двора: через приемную в кабинет никто не проходил. Насколько я понял, читал Stalin их без переводчика, в руках были оригиналы. Я доложился о выполнении всех поручений, перечисляя каждое из них, и передал ему сводную записку с пометкой об исполнении. Stalin слегка улыбнулся такому повороту разговора.

– С исполнительской дисциплиной у вас все в порядке. Это хорошо!

Затем стал расспрашивать об общей атмосфере на переговорах. Выяснилось, что задержка моя была не случайной. После первого разговора о локаторах англичане попросились в Ленинграде в институт Иоффе, посмотрели на разработки, вживую увидели локаторы «РУС-2», «Пермагдит», «Редут», «Редут-К» и «Гнейс-1». Лишь после этого вновь подняли разговор о магнетронах.

– Мы не рассчитывали, товарищ Шкирятов, на успех этой миссии. До этого Черчилль отказывал нам в поставках бомбардировщиков и электронных приборов. Сейчас тон довольно сильно изменился. Как вы считаете, в чем тут дело?

– Немцы активно распространяют слухи о том, что РККА разгромлена и лишь очаговое сопротивление не позволяет вермахту победоносно завершить войну, BBC СССР не представляют никакой силы, летчики слабо обучены и не рвутся в бой, предпочитая уклоняться от боя с немецкими истребителями. Общее название всех наших самолетов у них – «русфанер». Англичане этому верят.

– Да, на фронте они практически не бывают. Как вам их бомбардировщик?

– У них есть лучше, но о нем даже и разговор не поднимался – пока. Насколько я понял, их интересует аэродром подскока или возможность сквозного пролета через Германию к нам и обратно. При этом они не против посадить туда наших летчиков.

– Да, Черчилль пишет об этом. И если бы не его поддержка правительства Сикорского, мы бы тоже не возражали против этого, но пока с польским правительством слишком много разногласий. Армию их мы формировать начали, хотя официально находимся в состоянии войны с Польшей. А «МИ-5» поддерживает это противостояние. Поэтому комплектовать мы будем полностью свои экипажи. Пока польский гонор никак не унять. – Stalin левой рукой что-то нажал под крышкой стола, через несколько секунд в кабинет вошел Новиков.

– Мы переходим к авиационной части разговора, товарищ Новиков. Что нам даст новая позиция Англии в вопросах поставок по ленд-лизу, ваше мнение?

– Интересны несколько машин английского производства: «ланкастер» до десяти тонн грузоподъемностью, «галифакс» – шесть тонн, «хемпден» – две тонны, ну и «спитфайр» как высотный, так и низковысотной конфигурации. Интересной особенностью английских машин является общая моторами, как для двигателей «Геркулес», так и для «Мерлинов». То

есть совершенно не принципиально, какой двигатель ставить.

– Речь о «ланкастерах» пока не идет. Могут поставлять «шорты» или «стирлинги», – сказал я.

– «Стирлинги» похоже остальных, более тихоходны, но в качестве ночных – пойдут. Они шесть с половиной тонн берут, товарищ Сталин. Тут товарищ Шкирятов интересную идею подкинул: у нас безмоторных «ТБ-7» по разным местам штук шестьдесят – восемьдесят болтается, а он доставил восемь высотных двигателей «Мерлин», лицензию на которые нам передают. В общем, мы решили попробовать их на двух машинах, и если поставки пойдут, то перемоторить все «ТБ-7» и «Ер-2».

Сталин с интересом наклонил голову в мою сторону, но я молчал.

– Что ж, перемоторизация «ЛаГГ-3» дала нам самолет, способный навязывать противнику оборонительную тактику боя. Принято решение о серийном выпуске самолета «ЛаГ-5» на четырех заводах. С немного измененными обводами капота, согласно рекомендациям НАСА, конструкторы изменили и вооружение: на него устанавливается новая пушка Б-20, либо три с двумястами пятьюдесятью снарядами на ствол, либо четыре со ста пятьюдесятью. Ваше предложение по переделке пулемета Березина на снаряд ШКАС успешно завершилось, и легкая и мощная пушка у нас есть. И главное, и стволы, и затворные рамы производятся массово и серийно. Завод № 19 в Молотове перешел на выпуск новой модификации двигателя М-82Ф и готовится выпускать еще более мощный вариант ФН. Товарищ Швецов показал, что его двигатель по целому ряду показателей превосходит и английские, и немецкие двигатели. Но тем не менее Ставка приняла решение не отказываться от предложения англичан и построить заводы по выпуску легких и мощных двигателей «Роллс-Ройс» в Ленинграде и Рыбинске. Доставлять туда оборудование из Архангельска удобнее. – Сталин закурил трубку и, встав, начал ходить по кабинету. – Нам совершенно необходимо в кратчайшие сроки создать такие же эффективные подразделения дальней авиации, какие мы создали в штурмовой. Вторая дивизия Резерва Ставки уже получила необходимое количество самолетов...

«Интересно, а кто там командир? – промелькнуло в голове. – Ничего себе, сходил за хлебушком!» А Сталин продолжал развивать мысль о решающем влиянии авиации на ход наземных операций. Двум летчикам доказывать, что они не зря свой хлеб едят. С одной стороны, его можно понять: внезапная атака очень мощного противника – не самая приятная штука, при условии того что пехота оказалась безоружной даже против легких танков противника, а уж тем более в условиях захвата им господства

в воздухе и при умелом маневрировании крупными подразделениями, которые не прут в лоб, а обходят узлы активного сопротивления, ставя перед обороняющимися дилемму: оставаться на позиции и умереть, или отходить. Умело и эффективно применялся немцами и вертикальный охват, радиовойна, отлично действовали и диверсионные группы. И там, где нашим авиационным командиром не хватило решимости и умения руководить большой массой авиации, потери были огромными. Хоть стреляйся. Что некоторые и сделали. А так не настроен немец-летчик умирать. К крупному соединению, умело управляемому, они и не подходят. Так, пасут, как волки, прячась от боев, и ждут сосунков за штурвалом. Подбитых артиллерией и отставших. Спортсмены.

Однако углубляясь в собственные мысли, слушая ИВС, не стоит. Он внимательно следит за вниманием зала.

- О чём задумались, товарищ Шкирятов?
- О том, где моя дивизия, товарищ Сталин.
- И как вы считаете, где?
- Наверное, под Киевом.

– Нет, под Могилевом-Подольским, там мы еще удерживаем плацдарм на левом берегу Днестра. Задача 1-го штурмового корпуса: проложить дорогу нашим войскам на Винницу. Действуйте, товарищ генерал. Идите!

Я встал, откозырял и вышел из кабинета, а Новиков остался. У Поскребышева получил назначение, приказ о новом звании и два пакета. На выходе из Дворца почти столкнулся с Кристиной. Она в английском мундире, в «рогативке», и с одинокой звездой на «голом» погоне. Рядом с ней – минимум генерал, судя по количеству нашивок и украшений. Обменялись отдачей чести, в глазах у Кристины явное удивление. Но, она на службе, служит Великой Польше. А меня только что Верховный накрутил по поводу поляков. И в Англии мне все сказочных вралей из 303-го сквадрона пытались подсунуть для фотографирования с ними, как будто я не знаю, что про сто двадцать пять сбитых самолетов они попросту наврали.

Перегрузил шланги на борт «С-47» – машина новенькая, с иголочки, и тронулся на ней к месту назначения – городу Киев. Рядом идут восемь «Гу-82», впрочем, их велено называть «ЛаГ-5». Капот действительно чуть удлинили, поострее сделали, больше кок винта и совершенно другие заслонки, поставили бронестекло сзади и чуть понизили гаргрот, сделав его прозрачным. Все равно пока обзор назад никакой, но все же много лучше, чем на «ЛаГГе» и «Гу». Я теперь большое начальство – командир корпуса,

хотя оно мне надо? При условии того что командир второй дивизии мне неизвестен пока, что там за порядки – тоже, и вообще подобный быстрый рост приведет к многочисленным ошибкам.

В таком не очень веселом настроении прибыл в Княжичи. Там находится штаб ВВС фронта. Хоть из города на левый берег догадались перенести! Астахова уже здесь нет, не долго прокомандовал. Теперь здесь Фалалеев, Федор Яковлевич. Прислали с Дальнего Востока вместе с частью его армейской авиации. Звания у нас одинаковые, только ему генерал-майора год назад присвоили, а мне – сегодня. А вот возраст у нас совсем разный, хотя для генерала он тоже юн! Ему всего сорок два года – ровно в два раза старше. Густые «брежневские» брови командующего авиацией взлетели, небольшие глазки округлились, когда я вошел и доложился. Пацанов в генеральской форме ему видеть еще не приходилось. Мой «лучший друг» – дивизионный комиссар Гальцев – находился здесь вместе с ним.

– Вам пакет, товарищ командующий, – я протянул ему засургученный коричневый спецсвязной пакет и сопроводилку. Недобро посмотрев на меня, тот расписался в получении и вернул бумагу мне. Молчит. Ну, пусть читает, жалко, что ли.

– Где я могу ознакомиться с обстановкой, товарищ генерал?

Фалалеев оторвался от бумаг.

– Предъявите ваши документы.

А зараза комиссар молчит рыбой об лед! Так и ждет, чтобы еще раз «телегу» в Москву отправить. Достаю новое удостоверение, только-только получил у Поскребышева. Там написано, что я – командир авиакорпуса Резерва Ставки и Представитель Ставки по авиации, то есть прямой начальник Фалалеева. Брови взметнулись еще выше, он потянулся рукой к столу и начал другой рукой застегиваться на верхние пуговицы. Зачем-то нахлобучил фуражку, рявкнул: «Смирно!» – и доложился по форме.

– Вольно.

Точки над i во взаимоотношениях расставлены. Любит товарищ Сталин устраивать внезапные проверки и сталкивать всех лбами. Но памятую о том, как пытались растащить нашу дивизию еще недавно, я ему благодарен за то, что он вывел меня из-под прямого подчинения командующему авиацией фронта.

Мы подошли к карте, и я наконец увидел, где находятся мои дивизии. Первая рассредоточена в лесах под Могилевом, а 230-я здесь, под Киевом. Поблагодарив командующего, оставил его в полном недоумении, убыв в штаб 230-й дивизии в небольшой поселок Десна на левом берегу Днепра,

чуть выше по течению. Хватит болтаться безлошадным. Оттуда отправил самолет со шлангами вкруговую в Могилев-Подольский. Междууречье Десны и Днепра – сказочно красивое место. Отсюда есть пошла Русь. Самолеты спрятались в лесу, небольшие ВПП хорошо замаскированы. Командует дивизией подполковник Гетьман, бывший командир 4-го ШАП, который первым в Западном особом освоил «Ил-2» и на них вступил в войну еще под Бобруйском, на переправах через Березину. Пока меня не было, исполнял обязанности замкомдива и проходил стажировку в 1-й гвардейской штурмовой дивизии. Успел выполнить двадцать четыре боевых вылета в составе дивизии, дважды водил ее на задания. Маловато, конечно, но больше времени не было. В основе дивизии два штурмовых полка: 4-й и 272-й. Четвертый все время на штурмовиках, а «два семь два» только-только переучился с «И-16» и «И-153». Одноместных машин, слава богу, не очень много, правда, во всех эскадрильях есть минимум три штуки, в некоторых и больше. А вот РО-82РК стоят далеко не на всех машинах.

– Сколько старых РО на вооружении?
– Восемьдесят три.
– Заявку подавали?

– Конечно, товарищ генерал. Обещают к наступлению поставить полностью на все машины.

– А у истребителей?

– У нас один полк на «Яках», у них невозможно поставить РО-82РК, только старое. Не совпадают отверстия под расстояние между нервюрами. Их для «ЛаГГа» делали. А вес солидный получается, поэтому только три ракеты можно подвесить.

– А почему «Яки»?

– «МиГи» почему-то сняли с производства на трех заводах. Нет двигателей для них, уже несколько катастроф из-за крыльчатки, и изготавливают их плохо. В общем, Новиков приехал на первый завод, поднял новый, только принятый военприемкой самолет и не смог на нем разогнаться даже до пятисот километров. Плюс летчики боятся летать с закрытым фонарем. На большой скорости он не открывается.

Все понятно! Начали проявляться детские болезни, и проще снять, чем исправить, а тут еще и я влез со «спитами». Ну, Новиков, вот сукин сын! Он же ничего не сказал об изменениях в комплектации дивизии. Ладно, будем воевать дальше. Выбьем мы себе «МиГи» или «спиты». Скорее всего, генералов от авиации смущила цифра пустых вылетов «МиГов». Немцы на высоту в нашем небе лезут редко, основные удары по ним наносятся на малой высоте. «МиГи» с двумя ШВАК довольно уверенно

работали по Ju-88, и те прекратили разбойничать и летать без прикрытия. И теперь ходят на высотах не выше четырех – пяти километров. И экипажу легче, и кислород не требуется. И наши потянулись туда, куда нас тянет противник.

Второе, чего не было в дивизии, этоочные «Илы». Приказал послать инженера дивизии в командировку и изготовить в Киеве патрубки и накладки для двух эскадрилий в обоих полках, тем более что ночники были, но если долго не летать ночью, то навыки утрачиваются. До начала наступления еще две недели, должны успеть.

Но главное не это, главное – тактика, поэтому собрал всех командиров от звена и выше на дивизионную конференцию по тактике штурмовой авиации. Затем проверил работу авианаводчиков и радиометристов со штурманами наведения. Расстановку и маскировку РЛС и сил прикрытия. «Аистов» в 230-й дивизии нет, обходятся санитарными «У-2». Ковенский завод пока работать не начал и, скорее всего, уже и не начнет.

В 1-й ГвШАД заморочек с «окой» хватало! Больше всего боев у них было – с нашими самолетами. Они от «шторыха» только звуком двигателя отличаются. Ну, и если снизу или сверху смотреть, то наш более остроносый и нос чуть более вытянут, а если сбоку, то видно, что у него костыль без колеса. Коля Мальцев еще и вооружил «шторых» ракетами, теперь это легкий ночной штурмовик. Хохоту было море, пока конструировал, – прицела-то нет, но Николай и тут всех уделал! На куске целлулоида нанес круги и отметки тысячных, с помощью АК-88 приkleил рамку для донесений изнутри на лобовое стекло с парными винтами: справа-слева и сверху-снизу, – пристрелял, откорректировал, и получился вполне приличный прицел. Теперь, когда идет на задание по наведению и один, то вешает до двадцати ракет, если дополнительный бак не берет. В общем, колдует с весом, у него каждый грамм на учете. А хотели все только до того момента, пока Коля не нарисовал себе две звездочки на фюзеляж. Его атаковала пара «Мессеров-110», а это шесть огневых точек на каждом. Чтобы сбить наверняка, немцы решили действовать в плотном строю, видимо хорошо слетанная пара была. Николай быстро развернулся и сорвал им атаку маневром вниз – в сторону. Не отстали, да еще и стрелки начали помогать. Немцы начали широкий размашистый вираж и вновь зашли для атаки. Коля развернулся и атаковал их в лоб, выпустив очередь из шести ракет, и опять – вниз со скольжением. Одна из ракет попала в ведущего. Его развернуло, и с ним столкнулся ведомый. Два – ноль в пользу капитана Мальцева. И по колоннам ночью у него очень удачно получалось. Самолет у него был немецкий, только звезды на крыльях и

хвосте. Ночью немцы его не боялись, поэтому охота у него получалась знатной! Вот после такой охоты им и занялись «охотники». Видимо, кого-то важного зацепил.

Немцы ожидать нашего наступления не стали и начали наступление на Центральном фронте, но направляясь на юг, а не на Москву. Им очень мешала 5-я армия Потапова, окопавшаяся в неудобных для немцев местах, где они не могли использовать преимущество в маневре. Двести тридцатая дивизия вступила в бой у Рогачева, где немцы второй раз попытались форсировать Днепр, чтобы выбить армию Кузнецова с позиций в междуречье Днепра и Сожи. Целью немцев был Гомель. Однако зацепиться за левый берег им не удалось. Впервые мы столкнулись с притопленными переправами, две из которых продолжали действовать двое суток, пока были обнаружены. Тут Потапов, который тихо-мирно дрался с другой группой армий немцев, форсировал Припять, взял Калинковичи и двинулся на Бобруйск, а 230-я дивизия активно занялась мостами и переправами через Березину. Гетьман, хорошо помнивший свои безуспешные налеты на переправы и большое количество потерь в 4-м полку, наглядно увидел, в чем заключалась его ошибка: не подавив надежно ПВО противника, соваться на переправу бессмысленно. Его подвела именно тактика в тех боях: поставлена задача – переправа, у тебя «летающий танк» – вперед. Очертя голову можно и более ценный прибор сломать.

Мы отработали ракетами по позициям немецких зениток, расположение которых было предварительно разведано высаженной разведгруппой, которая выставила маячки и повесила обыкновенные простыни на верхушках деревьев, обозначающие направление и рубежи открытия огня. Залпы РС обрушились на позиции зенитчиков, которым стало не до самолетов, атакующих переправу. Точно уложенные связки стокилограммовых бомб разнесли металлодеревянные пролеты, разбили предметья, и дивизия пошла к следующей переправе. А крайний штурмовик сбрасывал зажигательный бак на остатки былой роскоши. Тренировки просто так не прошли, мазали немного, в основном попадали, так как знали, что их прикрывают и при попытке открыть огонь прикрытие сразу же подавит огневую точку.

– Работаем! – звучала команда ведущих, и люди работали! Спокойно, как на полигоне, отправляли вниз подарки фюреру.

После шести вылетов в составе новой дивизии, выправив встречавшиеся косяки в подготовке и в проведении операции, вздернув на дыбе начальника снабжения и обеспечения дивизии полковника

Морошкина, убыл в Могилев-Подольский. Дивизия боеспособна! В Киеве ждал подарок – тридцать два «Спитфайра MkV» прибыли в Сумы из Баку и разгружаются. Вместе с ними прибыло такое же количество «харрикейнов» – вот гады! Вместе с первой поставкой прибыл бензин, масло и боеприпасы для их вооружения. Не слишком вовремя, требуется отводить один из полков, а он нужен на местах, поэтому принимаю соломоново решение, по две эскадрильи с двух полков поехали переучиваться в Сумы. Куда бы сбыть «харрикейны»? Но документы выписаны в адрес корпуса, поэтому все машины придется принимать на баланс, а избавляться надо потихоньку, отправляя машины в нужные места. Самое мерзкое, что у «спитов» и «харь» кабины не совпадают по конфигурации. Совершенно разные, одни и те же приборы стоят в разных местах. И «харрикейн» не имеет приборов для слепого полета. Вообще.

Приняв перелетевших истребителей и немного организовав обучение, наконец добрался до своей дивизии. До наступления три дня. Вроде все готово, но есть привычка проверять лично. Еще одна заморочка: моей дражайшей нет на месте. Она в госпитале. Несмотря на мой приказ, она продолжала вылетать на самолетах 1-го ГШАП, причем с новичками. Вводила в строй. После гибели отца стала совсем малоуправляемой. Долеталась. Привезли обратно без сознания и отправили в госпиталь. Приговор врачей суров: я буду папой. Ее не выписывают, ждали меня, а она каждый день закатывала скандалы.

– По закону никто не имеет право отстранить меня от полетов по беременности до седьмого месяца. Я буду летать.

– А смысл? Зачем?

– Я поклялась отомстить за отца.

– Ты уже отомстила.

– Нет!

– Не нет, а да. А вот если погибнешь или с ребенком что случится, вот тогда месть не состоится. Впустую погиб твой отец, ведь его дело никто продолжить не сможет. Что ты упираешься в вылеты? Учи стрелков! Работы – непочатый край, опытных стрелков-радистов практически нет. У нас две дивизии такие. Все. Споры закончены, назначаешься старшим флаг-стрелком корпуса. И через неделю буду проверять, как и что сделано для обучения личного состава. А в беременном состоянии ты сама по себе представляешь угрозу для жизни летчика. От боевых вылетов ты отстранена моим приказом.

– А если бы я не была твоей женой?

– Уволил бы из армии за создание аварийной ситуации на боевом

вылете. А так – я добрый и люблю тебя. Все, спорить заканчиваем, и никаких отговорок, товарищ старший флаг-стрелок.

Наше наступление началось с сильнейшей артподготовки, потом подняли «Илы» и пустили их над танками. Почти сразу танки уткнулись в противотанковый рубеж и начали активно гореть, а наших наводчиков из наблюдательных пунктов дивизий и корпусов не выпускали. Генералам хотелось покомандовать авиацией.

– Там в овражке фрицы, летун, давай!
– В котором из трехсот? Обозначить можете?
– Чем я тебе его обозначу? С дуба рухнул? Давай огня!
– Где мой наводчик?
– Я его, козла сраного, арестовал! Он какие-то координаты спрашивал! Давай, летун, давай! В овражке они, в овражке.

И вот так весь вылет. Сел на «аиста», лечу на НП фронта. Там Буденный и командарм 18-й Смирнов. Я поставил на стол рацию и включил звук. Запросил «Десну-235» – это НП 130-й дивизии. На связи был «553-й» – это полковой комиссар Гольдштейн из 55-го корпуса, но до этого работал кто-то другой. Запросил еще раз своего наводчика, он так и не освобожден. Танки отошли и вернулись на свои позиции. Атака сорвана, наступление не состоялось. Доложил командованию, что произошло.

– На участке 55-го корпуса на НП 130-й дивизии арестован авианаводчик старший лейтенант Кондратенков. В результате не смогли оказать поддержку наземным войскам на этом участке, товарищ маршал Советского Союза.

– Андрей Кириллович, разберитесь! – не стал занимать никакой позиции Буденный, а начал диктовать на Бодо какую-то телеграмму, не забыв упомянуть, что авиация не смогла оказать поддержку войскам 55-го корпуса.

– Прошу! – рукой показал мне на дверь в кабинет генерал-лейтенант Смирнов. У него худое лицо, три ордена: Ленина и два Красных Знамени, и медаль «XX лет РККА». – Объясните в чем дело!

– Я не смог получить с земли наведение на цель: кроме какого-то овражка, мне ее так и не дали. На связи вместо моего наводчика оказался неизвестно кто. Позывных не называл, точных координат цели дать не смог. Заявил, что арестовал моего наводчика. Матерился. После посадки я решил доложить о случившемся комфронта.

Генерал назвал позывной и позвонил на НП 130-й.

– Виктор Алексеевич, докладывайте! – телефон громкий, так что все

было слышно.

– Танки наорвались на невскрытый узел сопротивления у Карповки. Несколько батарей противотанковых орудий, воздушное прикрытие оказать помочь не смогло, не смогли найти цель.

– У меня сидит комкор Шкирятов и говорит, что его авианаводчика арестовали и не смогли дать координаты цели.

– Это так, на НП находился командир корпуса генерал Коротеев, он не разрешил авианаводчику покинуть расположение НП. Тот сказал, что обязан видеть цель, чтобы дать ее координаты, а его никуда не пускают: ни на передовую, ни к приборам наблюдения. Командир корпуса приказал арестовать его и попытался навести авиацию самостоятельно.

– Так, понятно, наводчика освободить! Предоставить ему возможность нормально работать.

– Не могу, его комкор с собой увез, – ответили генералу с другой стороны. А в соседнем зале, где собралось начальство, возник шум. А голос – голос напоминал того идиота, с которым я по радио говорил.

– Товарищ генерал! Вот с тем, кто сейчас кричит в соседней комнате, я в воздухе и говорил.

– Пройдемте.

Вышли в зал, вижу своего наводчика: без ремня, без пистолета, с фингалом под глазом, губы разбиты. Рядом с ним толстый лысый бородатый продолжает орать, что вот этот хлыщ сорвал героическую атаку его корпуса на Жмеринку. Буденный сидит на стуле и теребит усы. Увидел Смирнова:

– Андрей Кириллович, так что?

– Атака и наведение сорваны генералом Коротеевым. Константин Аполлонович, что вам говорил старший лейтенант Кондратенко перед тем, как вы его арестовали? – задал вопрос командарм.

– Он требовал освободить его место для наблюдения, чтобы он смог давать какие-то координаты, вместо того чтобы сказать своим орлам, что надо подавить пушки у овражка. Они с фланга били. Или отдать ему стереотрубу и карту, и он уйдет в другое место.

– Где находился старший лейтенант? – спросил опять Смирнов.

– За мной стоял. Я ему и врезал, тут танки горят, а ему координаты подавай!

– Не ему, а мне, а я – представитель Ставки на этом и соседнем фронте. В результате вашего самодурства целая дивизия не смогла уничтожить всего несколько орудий противника. Сожгли кучу топлива и моторесурса вхолостую. И подскажите мне статью в Уставе РККА,

разрешающую рукоприкладство, товарищ командир корпуса, – заявил я Коротееву.

– Ты, эта, Апалоныч, не прав, совсем не прав, ты, эта, на хрена летунам работать мешаешь? Ты забурел! Звездочки лишние завелись, што ле? Так щаз положишь. Я те это гарантирую! Не зря я тебя с армии снял, как в воду глядел! Так до командира взвода докомандуешься. Извиняйся перед капитаном, и ты, капитан, зла не держи, нервы, они у всех есть, – сказано было все маршалом гораздо резче, но пришлось бы ставить много многоточий. Из штаба Коротеев вышел командиром 130-й дивизии с приказом взять Карповку и обеспечить работу авианаводчика. А начштаба фронта разослал приказ Буденного, регламентирующий положение авианаводчиков на НП и КП подразделений, соединений и объединений войск фронта, в котором всем командирам всех рангов запрещалось вмешиваться в работу наводчиков, использовать их средства связи, за исключением случаев выхода из строя самих наводчиков. Командирам предписывалось обеспечивать наводчиков охраной, прикрытием и питанием по летной норме. Взаимодействовать с командованием авиацией разрешалось только через них, с использованием кодов и условных фраз, установленных на этот полетный день. Неисполнение приказа будет отслеживаться и пресекаться вплоть до судов военного трибунала. Грозный приказ полетел в войска, а 1-я гвардейская опять нависла над Карповкой, наступление продолжилось.

В общении Буденный произвел очень неплохое впечатление: неторопливый, вежливый, но, когда требовали обстоятельства, быстро менялся, думал и принимал решения быстро. Там, где требовалось, мгновенно переходил с нормального языка на казачий говор. Остер был на язык и за словом в карман не лез. Фронта не боялся, по войскам мотался часто и с толком. Мне в первый же день высказал пожелание в довольно мягкой форме, но показал, что в случившемся есть и моя недоработка.

– Я понимаю, что ты генерал без году неделя, но коли назначен представителем, так будь добр на совещаниях в штабе фронта присутствовать, а не так, что прилетел и только в своей епархии и пасешься. Соответствуй!

– Есть, товарищ маршал. Задержался на Юго-Западном, там немцы наступление начали на Гомель, и было всего три дня на проверку готовности дивизии к наступлению.

– Ну вот, я тебе и говорю, что дивизию ты подготовил, а взаимодействие с наземными войсками – упустил. Но ничего, первый блин – комом, так бывает. Поглядим, как дальше пойдет. Хотя тебя в Генштабе

хвалят. Но мы оба отвечаем за южное направление, и действовать тебе придется на всем направлении. Моего вмешательства в эти вопросы не требовалось. У тебя достаточно и прав, и обязанностей, чтобы приструнить зарвавшегося комкора. А ты жаловаться ко мне прибежал. Поэтому бывай чаще на совещаниях и сделай так, чтобы тебе подчинялись. Все! Мы отвечаем за направление, а не в бирюльки играем. Молод ты еще, чтобы сразу все понять и поднять, но должен стремиться к этому. Соответствуй.

Замечание верное, отвлекаться на организацию переучивания не стоило, есть задачи поважнее и помасштабнее, там и заместители могли сработать, но хотелось посмотреть, что англичане прислали, а то не пришлось бы бежать к царю и кричать: «Англичане ружья кирпичом не чистят!» А местность здесь складчатая, множество оврагов и довольно густого кустарника, отличная «зеленка», где пушки и танки спрятать, таким мастерам маскировки, как немцы, как два пальца об асфальт.

Наступление шло с напругом, довольно медленно. Стремительных бросков не наблюдалось, сопротивление немцы оказывали сильное, хорошо, что погода стояла нормальная, мешали лишь дымы пожаров и несброшенная листва. Наступление шло вдоль железной дороги Могилев – Жмеринка. Напрямую было бы быстрее, но логистика хромала на обе ноги, приходилось придерживаться железной дороги. На севере армия Власова забрала обратно Фастов, мы подошли к Шаргороду, и только после этого наша воздушная разведка заметила некоторое оживление на дорогах внутри будущего котла. Немцы начали сосредоточение на внутренних фасах наступления, видимо решив изнутри подрезать клинья наступающих войск. Немецкая 1-я танковая армия находилась справа от нашего наступления в районе Кировограда. И мы, поручив поддержку войск армейской и фронтовой авиации, повисли над железными и шоссейными дорогами, нарушая снабжение многочисленных немецких войск. Одновременно с этими мероприятиями корпус вел активную разведку. Все крупные железнодорожные станции были подвергнуты штурмовке. Больше всего интересовали топливные цистерны и горючее в бочках. Неожиданно много целей давало НКВД по своим каналам. Правда, с некоторым запозданием, поэтому удары приходилось наносить в других местах, не тех, что указывались в шифровках.

Через неделю после начала наступления активизировались 4-я и 6-я румынские армии. И нас переключили на работу в двух направлениях. Южный фронт взял Жмеринку, в тот день капитан Мальцев обнаружил крупное, до двухсот танков и самоходных установок, соединение немцев под Маяками. Выкристаллизовался замысел немцев. Если вы полезете в

Википедию про Комаргород, то вам поведают, каким прекрасным городом он был до 1650 года. Дальше история обрывается, и начнется она снова, когда пшеки из-под стекла выкопаются. Но до остекления еще семьдесят пять лет, поэтому поведаем о поселке городского типа в Винницкой области, куда ночью прилетело три самолета нашей эскадрильи разведки и связи. Говорят, что был основан Комаром-Забужинским. Судя по фамилии, за Бугом комары его и съели. Знаменитый камень надгробный – на нем буквы выбиты на иврите или идише, скорее второе. Это не потому, что меня еврейский вопрос интересует, а потому, что их здесь много было... Но до войны. Теперь здесь их нет почти. А этот самый Коломойский последним в Лондон улетел. Зато бандеровцев много. Гетто здесь были в каждом селе и в каждом городе, и понятно, что организовывали их вовсе не немцы. Местные старались, и у каждого из них было имя. Вот только последыша их до сих пор живы.

Самолеты не садились, они выбросили семь человек: шестерых наводчиков и одного «дальняка». Дальняком была девушка из этих мест. Скинув парашют, она сняла и положила вместе с парашютом комбинезон, облила все серной кислотой и закопала. Приземлилась группа между «железкой» и селом, на опушке небольшой рощицы. Оттуда Натуся, как ее в детстве звали, отправилась в село, а группа двинулась в сторону станции Вапнярки. Между селами есть дорога, и в одном месте стоит небольшая рощица. Там требовалось организовать наблюдательный пункт и подать сигнал о том, что немецкие войска выдвигаются на исходные. Задание Натуси не знал никто. От речки Русавы здесь прорыта протока, которая образует ряд прудов, в которых разводили карася и карпов и использовали под мельницы и для вымачивания конопли. Места здесь хлебные.

Натуся пробралась к собственному дому и залегла у оградки, наблюдая за несколькими домами. В двух из них играла музыка и раздавались пьяные голоса. В остальных – даже огонька не было видно. Тренированным движением девушка перемахнула через плетень и двинулась к дому. Было странно, что Дружок не лаял. Будка оказалась пуста, расстегнутый ошейник и цепь лежали возле нее. Дверь в дом даже не на защелке, открыта. Света в окнах нет. Требовалась маленькая бумажка, которая лежала в верхнем ящике буфета. Она подтверждала, что Натуся – полунемка, фольксдойче. Чуть приоткрыв стволом «ТТ» дверь, девушка принюхалась. Чужой запах! И сильная вонь самогона. В доме кто-то был, видимо спал. Она отошла в сторону бани. Там из окошка чуть пробивался лучик неяркого света. Диверсантка достала небольшую трубочку и

прижала ее к раме, затем к стеклу. Голоса она узнала, но дверь оказалась запертой. Пришлось стучать своим детским стуком.

- Хто там?
- Це я, мамо!
- Ой, лышенько!

Натуся прижала палец к губам, показывая матери не шуметь. Ну да, попробуй уговорить кого-нибудь не думать о зеленой обезьяне. Насилу удалось заставить не причитать. Выслушав последние известия про то, какие гады жили рядом в одном селе, Натуся выяснила, что в доме живет Василь, ее одноклассник, подавшийся в полицаи. Он охраняет гетто, нехристь, организованное на западном краю села. Днем охраняет, а ночью пьет, как сапожник, видимо совесть усыпляет.

– Мама, помнишь, у нас была старая справка на немецком, что наша бабушка – немка, фон Браухич. Где она?

– Ой, туточки, я зараз! – Мать минут десять ковырялась в бумажках, все пытаясь рассказать о том, как она каждую из них получила, потом нашла необходимую.

- А папа где?
- Та нема батьки, йево 17 липня вбили, зараз як немцы прийшли.
- Я пойду, мама. Мне нужно. Береги себя!
- Ой, лышенько!
- Тихо! Кто-то во дворе ходит!
- Та то Василь, до ветру пишов.
- Тихо! Гаси свет!

Они посидели немного и дождались, пока хлопнула дверь дома. После этого Натуся засобиралась. Мать сунула ей в дорогу довольно большой узелок. Но напрямую к станции девушка не пошла. Ее заинтересовал дом с музыкой. На поручень крыльца она поставила РПГ-40, низ которой прихватила сюровой ниткой. Гранату прикрыла тряпкой, поднятой у крыльца. Нитку она прикрепила к двери, соорудив растяжку, вытащила чеку, усмехнулась и пошла огородами к станции Вапнярка. Грохот взрыва догнал ее через двадцать минут.

Услышав взрыв, командир группы старшина Савельев выругался: придется отходить от почти законченной лежки. Прошумели! Не любил он, когда группу объединяли с кем-либо или посыпали в партизанские отряды. Слишком часто явки оказывались проваленными, а связники находились под колпаком у немцев. Он подал сигнал сбора, и бойцы начали выбираться из-под наваленных старых веток. Отходили на юго-восток, к железной дороге, в одном месте на карте был скрытый лесом со всех сторон переход.

Следы отхода старшина присыпал кайенской смесью. Форсировав «железку», поменяли направление отхода на юго-западное и через тридцать минут начали устраиваться в небольшой рощице, в центре которой была вытянутая с запада на восток поляна. Шесть человек расположились в роще так, чтобы контролировать все подходы. Жилья рядом не было, если не считать будки обходчика на разъезде Комаргород в полутора километрах западнее. Целью для наблюдения была дорога на Могилев, поэтому отойти далеко старшине поставленная задача не разрешала. В селе шум, отдельные выстрелы, по шоссе туда проехала небольшая колонна автомашин и бронетранспортеров из Вапнярки. Благо что дождик небольшой начался, следы скроет. Через некоторое время в стороне отхода дальняка прозвучал еще один взрыв мины, послышались очереди из МГ и «шмайсеров». Глухо лаяли «маузеры». Но выстрелов из нашего оружия не было слышно. Видимо, группа преследования двинулась по следам отхода и нарвалась на растяжку. Девушка, как и было условлено, отходила к Маякам. Но немцы там траншеи роют, создают вторую линию обороны. В чем было дело, Савельев не знал, но послал в штаб код «Б» – группа под угрозой раскрытия.

К утру все затихло. Старшина, в свою очередь по времени, даже подремал. Вдруг свист пересмешника – сигнал: «Внимание, опасность!» В составе группы только бойцы-пограничники из Ковенской комендатуры. Воюют с первого дня, до этого по три года отслужили на границе.

От Комаргорода по дороге к разъезду шла колонна людей, человек тридцать, под конвоем. Через сорок минут процессия перешла через пути и повернула на восток, направляясь к роще. Один фельдфебель шел сзади-сбоку от колонны, он был с автоматом. В руке гибкий стек, пилотка под погоном. В бинокль старшине было видно его брезгливое отношение к идущим в колонне, которых он иногда подгонял ударами этой гибкой палки. Остальные охранники были в сапогах, заправленных в них гражданских брюках, в черных пиджаках и белых рубашках. На рукавах повязки: с одной стороны – белая с полосками и свастикой, на другом рукаве – красно-черная повязка с круглой отметиной посередине. Было восемь рядовых и сотник. У него на голове фуражка с синей кокардой и желтым тризубом. В колонне в основном женщины и дети, пара-тройка стариков и несколько подростков. Национальный состав – смешанный, большинство были евреями, но русские и украинцы тоже присутствовали. У нескольких человек руки были связаны. У большинства женщин порваны рубашки и отсутствовал лифчик, видать с ними провели отдельную «беседу». Колонна шла в рощу. Стало понятно назначение лопат, которые

были обнаружены еще ночью.

Но роща стоит в чистом поле – три тополя на Плющихе. В паре километров одно село – Антополь, где в усадьбе до батальона полицаев, в пяти – Марковка с одной стороны, и Комаргород с другой, где до роты карателей. Пришлось досмотреть до конца, как людей заставили рыть себе могилу, раздели их догола и расстреляли всех выстрелом в затылок. Расстреливал сотник, но не только он, еще и молодых кровью мазал, давая им в руки пистолет. Троих подростков поставили на колени, они так и стояли весь расстрел, а затем каждый из них убил по старику-еврею, и они долго работали лопатой, зарывая яму и маскируя ее дерном. Ушли подростки вместе с полицаями. Способ вербовки в ОУН.

Ночью группа снялась с дневки и ушла в ту рощу, где намечала находиться сразу. Через два часа после этого они дали сигнал: «ДК-270» – «Движутся в колонне на запад». Тот сигнал, ради которого они и высадились здесь. С аэродромов у Могилева сорвались две эскадрильи ночников с кассетами и напалмом на борту. На исходные немецкие танки не вышли. Под оркестр штурмовиков группа Савельева исполнила собственную партию, окружив и уничтожив казарму ОУН в Комаргороде. Держали их в здании, обозначив его огнем, пока штурмовик по их наводке не сбросил на нее ЗБ-100.

Мы усилили штурмовки станций на участках Южного и Юго-Западного фронтов, не давая немцам восстановить численность войск и их снабжение. Наступление продолжалось, начались бои за Винницу. Немцы остановили наступление на Центральном фронте и не давали приказа 17-й, 11-й и остаткам 1-й танковой выходить из намечавшегося все отчетливее котла. Активно заработали транспортники немцев по ночам. И нашим ночникам прибавилось работы – гоняться за этими «крокодилами». Днем мы пытались дотянуться до их аэродромов, но немцы предусмотрительно расположили их дальше нашего радиуса. И тогда я организовал челночные рейсы: 1-я гвардейская взлетала из-под Могилева, а садилась под Киевом, а 230-я действовала в обратном направлении. Удалось еще немного отодвинуть немцев и пощипать их на аэродромах, но и этого не хватило. А чертовы локаторы весь участок наступления не перекрывали. Немцы нащупали коридор, где мы не видели ихочные перелеты. Наконец войска соединились у Козятиня и начали расширять полосу наступления. Есть первый в этой войне наш котел!

В самом конце сентября на аэродромы Полтавы села третья штурмовая дивизия, которая тоже вошла в корпус, и поступил приказ Ставки перейти к

штурмовке войск противника внутри котла силами трех дивизий. Южный фронт начал общее наступление, уничтожить противника мог только он. У Юго-Западного фронта плацдарм у Киева был слишком мал, чтобы вместить достаточное количество войск. Назвать критическим положение немцев в кotle было нельзя: продовольствия было много, ночами немецкие самолеты поставляли необходимые боеприпасы и горючее. Какие-то запасы существовали и у самих осажденных. Но заметно ослабла зенитная артиллерия, и немцы берегут снаряды для нее. Работать стало свободнее. Группы стали меньше, и удары наносились по многим целям сразу. Однако с внешней стороны котла мы были вынуждены двумя дивизиями работать в прежнем режиме. В общем, как в известном анекдоте: «Барин, я медведя поймал!» – «Так веди его сюда!» – «Не могу, он не пускает!»

Меня вызвали в штаб фронта в Херсон 4 октября и устроили разнос, что не можем прервать снабжение войск противника по воздуху, как будто бы у меня целые дивизии ночников! У меня всего их четыре эскадрильи, и все на «Илах». Из него тот еще истребитель! При достаточно шатком положении на фронте кольца совать туда дефицитные локаторы смысла никакого нет. Однако и командование фронта и Ставка требуют от меня прервать эти полеты.

Собрал отцов-командиров истребительных полков, выяснил количество подготовленных ночников. Их оказалось всего шестнадцать человек, отогнал их в Сумы и пересадил на «спитфайры» всех. Летчики они опытные, поэтому освоили машины быстро. Перелетели под Киев. Там снял один из локаторов, работавший на самом правом фланге, и установил его в Фастове. У «спитов» радиус девятьсот километров, и можно ПТБ вешать.

В первый вылет пошел сам: опробовать, что получилось. На «спитах» стояли четыре Б-20 вместо английского вооружения. Вылет получился пустой, нервный и тяжелый. Оператор наведения меня чуть в землю не воткнул, но на транспорт так и не вывел, пришлось вызывать людей из первой дивизии. После этого дело сдвинулось с мертвой точки. Охамевших немцев быстро причесали, но началась плохая погода и низкая облачность, и у них опять появились «окна», так как по погоде они имеют более низкий порог, чем истребители. Опять пришлось пускать на охоту штурмовики и гоняться за площадками немцев в котлах. К сожалению, не обошлось без потерь: несколько аварий на посадках и по одному истребителю и штурмовику не вернулось с вылета.

Затем немцы ударили с двух сторон по перемычке между ними, держали ее открытой в течение пяти суток, и их армии вышли из котла! Он

оказался дырявый! Но трофеи мы собрали хорошие. Почти всю технику немцам пришлось бросить. В общем, почти полное повторение Демянского котла. При условии того, что у немцев теперь на юге очень сильная группировка, а фронт на Украине проходит по очень неудобным позициям, то ситуация даже ухудшилась.

Часть 10

На вольных хлебах стратегии

По итогам операции последовал разбор в Москве. Не хвалили, но и не ругали. Отмечалось слабое взаимодействие с фронтовой и армейской авиацией. А как с ними контактировать, если они не имеют единого центра управления, привязаны к своим армиям и в основном занимаются барражем над своими войсками? По рукам и ногам связаны приказом, что сбитые засчитываются только с подтверждением от службы ВНОС и от наземных частей. Кто-то кого-то сбывает, всем пишут. Они уже всю авиацию Геринга раза по три уничтожили. А мы сбиваем мало, в основном на земле уничтожаем. По мнению некоторых стратегов, напрасно жжем топливо. И если бы не действия четырех штурмовых полков, в конце операции шести, то работу корпуса можно было бы признать неудовлетворительной. За период операции всего шесть летчиков-истребителей награждены и шестнадцать представлены к званиям Героя Советского Союза, один из них посмертно. Остальные никак себя не проявили. Вот такую характеристику получили мы от Члена Военного Совета Южного направления, будущего Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева. В качестве доказательств он предъявил справку о расходе топлива и боеприпасов к пушкам истребительных полков корпуса. Налет – огромный, летали интенсивно, а расход снарядов – мизерный. Нерационально используем моторесурс и бензин! Сплошные холостые вылеты. Упомянуто и то обстоятельство, что стрелки мало используют штатное оружие. Немцы не дураки соваться под такое количество стволов! Я сидел и слушал этот бред, причем аргументированный и документированный, и понимал, что за всем этим последует мое снятие с должности и перевод на другую работу. Политотделу требуются подвиги, а мы их не совершаляем, мы – работаем.

– Каковы потери, товарищ Шкирятов, в вашем корпусе? – задал вопрос Шапошников.

– За сентябрь – октябрь в авариях на посадках в плохих метеоусловиях мы потеряли шесть машин, четыре из которых восстановлены, и двух летчиков в этих катастрофах. Два самолета не вернулось из боевого вылета, один летчик и один стрелок находятся сейчас в госпитале. И третья смешанная авиадивизия потеряла в первых боях семь самолетов, после проведенного контроля потерять более не имела. Там же отмечались

аварийные посадки на брюхо из-за невыхода шасси по причине заводского брака. Проведен сплошной анализ состояния машин 3-й САД, снят инженер дивизии, положение выровнялось. Сейчас уровень аварийности у нее среднестатистический. Плохо приняли самолеты и первые два дня действовали не так, как принято в дивизиях Резерва Ставки. Но мы не принимали участия в ее формировании. Более потерь не имеем, но нуждаемся в профилактике и замене двигателей у части машин.

– Чем вы можете объяснить такие низкие потери? – продолжил Шапошников.

– Значительным ослаблением ПВО противника после начала наших действий над его территорией. Хочу сразу отметить, что справка товарища Хрущева не содержит расхода ракет РС-82рк – основного оружия нашего корпуса. Мне кажется, что товарищ Хрущев намеренно вводит в заблуждение генералитет РККА.

Смотрю, Сталин чему-то улыбается, остальные смотрят в сторону: дескать, не ссы против ветра, пацан!

Плохо дело! Опереться не на кого, все в пас сыграли. И тут:

– Никита, а ты когда, эта, начал в авиации сечь, эта долбанная? И, х... хрена моржовый, почему раньше не сказал, я бы тебя, эта, вместо Шкирятова на корпус бы поставил. Че молчал, эта? Вот уж воистину услужливый дурак – опаснее врага! Ну, пожурил я при тебе, эта, его один раз, что не может всех транспортников сбить, эта. Так то потому, что оборвать транспортный мост, кроме него, никто не мог. А он за него не в ответе! Пришлось напрячь Резерв Ставки, так как остальные – обо... обгадились! – громогласно заявил Семен Михайлович. Знак «эта» на современном русском звучит как «собака» – значок в почтовом адресе. В исполнении Буденного подразумевалась особь женского пола, когда четырехногая, а когда и двуногая, ноексуально распущенная. Ругался он редко, только если его кто-то доводил до белого каления. Он продолжил:

– Меня с моим отчетом тоже сунули под занавес, чтобы не мешал спланированному концерту, а путем надо было меня вперед пустить, чтоб командующие армиями и фронтами так не врали откровенно, а отвечали на имеющиеся к ним вопросы. Плохо провели операцию, очень плохо, и противник почти без труда из котла ушел. Проигрываем мы ему в подвижности и организованности. И здесь корпус Резерва Ставки – это тот образец, на который следует равняться остальным. А так что получалось: требуешь от Савицкого нанести удар под Крымским Рогом, отвечает «есть», а потом пять-шесть часов ждешь этого удара. Он его наносит, но уже по пустому месту. Спрашиваешь: что так долго? «Да, понимаете, Семен

Михайлович, топливо застряло, машин мало готовых». А я так скажу: х... му танцору завсегда яйца мешают! Что понравилось у КРС: сами ищут цели, активно ведут разведку, и если попросил поддержки, то через пятнадцать – двадцать минут они уже на месте, а то и раньше, если в воздухе. И психологическое воздействие на противника оказывают высокое. Это не пара прилетела, пожужжала и улетела, а рев стоит такой, что хоть святых выноси. Так что ругать Шкирятова не за что. Косяки наши правил как мог, но решает все в бою – пехота, а у нее со скоростью проблемы. Медленно передвигается, всех тормозит. И качество танков низкое, встают, и плохо вывозятся и ремонтируются подбитые. Немцы свои сразу из боя вытаскивают.

Диссонанс внес своим выступлением маршал. Возник легкий шум, который остановил покашливанием Сталин.

– Товарищ Шкирятов, почему вашему корпусу не удалось разгромить немцев на отходе?

– Погоду они выбрали для прорыва соответствующую, товарищ Сталин, за пять дней смогли только два вылета сделать. Туман и дождь. А все пять дней работала только эскадрилья разведки, связи и управления. У меня здесь представление на звание Героя ее командиру, майору Мальцеву: за вскрытие положения группы Клейста 12 сентября, за обеспечение разведки в течение всей операции и заочные штурмовки немцев с помощью ночного легкого штурмовика «шторых-аист». Он переделал связной самолет в ночной легкий штурмовик с двадцатью ракетами РС-82рк. Кстати, «аистов» почему-то перестали выпускать, а этой машине цены нет!

– Это тот, который мне Геринг подарил? – спросил Сталин.

– Не знаю, у немцев он называется «Физилер Fi-156 Шторых», а у нас «Ока-38 Аист», они немного разные. У немца V-образный двигатель, восемь цилиндров, у нас рядный шестицилиндровый, а так похожи, только немецкий с радиостанцией, а наш – без, и это плохо. Их в Ковно делали, они с тех времен и у нас. Только с запчастями совсем плохо стало, только трофеинными и пользуемся.

Разборка закончилась, с корпуса меня сняли, правда сказали, что временно. И вместо меня назначили Мамушкина исполняющим обязанности. А замом ему назначили полковника Аладинского. Он раньше был командиром 12-й САД в ЗОВО, потом был командующим ВВС 43-й армии. Для него это – серьезное понижение, так что с назначением не все понятно, тем более что Мамушкин в начале войны был только командиром

полка, а Аладинский несколько лет командовал дивизией. Мы лично незнакомы пока, и у меня нет времени выяснять, что и как. Забрав с собой жену, чтобы не хулиганила – она тайком подлетывала, так как самочувствие у нее улучшилось, – мы на штатном «Си-47» летим в Воронеж. Там Ильюшин подготовил самолет на замену «Ил-2» по рекомендациям, которые получил от меня и летчиков. Бронекорпус оставил как есть, чтобы не снижать выпуск машин, уродливый воздухозаборник переехал в консоли центроплана, капот сверху закрыт броней и имеет нормальную аэrodинамическую форму. В четыре раза уменьшены лобовые размеры коков шасси. Старый «Ил» имел уменьшенное шасси «Ил-4» с вилкой для оси колеса. Этот – одностоечную консольную, разворачиваемую на девяносто градусов, переднюю стойку, убираемую в бронекорпус. Бомболовок теперь не четыре, а два под 250-килограммовые бомбы. Двигатель планируемый – АМ-38ф, но пока стоит старый АМ-38. «Эф» еще не прошел госиспытания. Увеличена высота киля и немного приподняты рули глубины, что позволило избавиться от постоянных рысканий по высоте, которые реально утомляли в полете. И изменена их форма. Дурацкий бензобак между летчиком и стрелком ушел под кабину и вперед на место воздухозаборника. Теперь он изготавливается из фибры. Радиус действия увеличился до пятисот двадцати километров. Костыль окончательно убран в корпус. Вооружение: четыре пушки ВЯ с дульными тормозами щелевого типа, или 2-ВЯ и две Б-20, и сорок восемь точек подвески ракет. Главное! Оборудование кабины выполнено для всепогодного и ночного полета. Стрелок может исполнять обязанности штурмана. Точнее, это штурман теперь. Отлакирован, как рояль! Если бы серийные так изготавливались! Ксюша с ходу уселась на место стрелка и на мое требование покинуть машину преспокойнейшим образом показала мне фигу. Пристегнулась, пошевелила Б-20, показала большой палец.

Взлетаем с полной нагрузкой. Немного покрутил триммер высоты, машина вверх лезть перестала. Идет устойчиво. В кабине удобно, хотя и маловат обзор, так как на заводе не заботились зеркалами, дескать, стрелок все видит, у него сплошная прозрачная броня. Прицел ОПБ-2 переехал к стрелку, он теперь выполняет сброс бомб с горизонтального полета, так было на первых «ЦКБ-55», а у меня – АСП-1 и метки на капоте для работы с пикирования. Пробуем на полигоне метнуть болванки с горизонтали. У Ксюши и меня не очень это получилось. Смазали, тренироваться надо. Хотя отклонение и небольшое. Затем я отбомбился второй парой «соток» с пологого пикирования, попал. Теперь ставим «Р» на прицел, поверх основной шкалы прищела появляется новая. Так она

лежит горизонтально, но новая не мешает использовать и пушечную шкалу. Здесь же прописаны дальности, удобнее стало. Выполнил заход, на полигоне стоит танк Т-IV. Эх, лазерный дальномер бы, а так приходится почти на глазок работать, хотя уже опыт какой-никакой накоплен. Щелкаю электроспуском, выбирая крайние ракеты. Пуск, второй, ракеты пошли. Сход плавный, видно хорошо. Первой попал, второй промахнулся. Работаю из пушек, трясти и дергать машину стало меньше. Есть попадания. Заморгала лампочка от высотомера, тяну на себя – моргать прекратила. Все боеприпасы расходовать не стал, посмотрим, как ведет себя на посадке в таком состоянии. Шасси теперь гидравлическое, а не воздушное. Вышли, щиток на пятьдесят градусов, и машина просто поползла на ста тридцати пяти километрах в час. Еще и подрабатывать машиной надо. Посадка без козла, сразу притер на все точки. Вылезли и осмотрели машину. Подошли Ильюшин и Коккинаки.

– Ну, как?

– Лучше! Много лучше, хотя совать ОПБ стрелку – это лишнее, мы с горизонтали фактически не работаем, и непривычно выполнять команды стрелка. Тут дело в чем: если стрелок дал влево, то надо быстро развернуть машину туда, там противник, чтобы стрелок успел его обстрелять. То есть резко даешь ногу, а потом отыгрываешь по его сигналу. Привычка. А здесь требуется плавно.

– Ну, что я говорил! – сказал Коккинаки.

– По нормам ВВС самолет, вооруженный бомбами, обязан иметь бомбовый прицел.

– Ой, да бог с ним, пусть будет! Теперь он при аварийной посадке не мешает, и правило выполнили. Буква – она превыше всего!

Машина понравилась, сильно возросла путевая скорость за счет отличной аэродинамики, вылизали ее просто. С ракетами у нас скорость едва за четыреста максимальная была, этот дает четыреста пятьдесят с ракетами, а если вешать их меньше, так еще двадцать километров прибавляешь. Без внешней подвески – пятьсот десять. Не пробовал, но в документах так написано. Связки бомб использовать стало легче: трос мешать перестал. Прицел удобный и в случае посадки на живот по башке бить не будет. Фонарь более обтекаемый, и бронестекло хорошо выполнено. Обзор вперед надежный и широкий. В общем, машину вплотную приблизили к «Ил-10». В чем-то даже превзошли этот самолет.

Из Воронежа летим в Крым, отвожу супругу к матери, несмотря на ее возражения. Но больше некуда. Квартиры у нас нигде нет. И оттуда к новому месту службы: город Тукум, Латвийской ССР, 81-я АД ДД.

Должность не указана, по имеющейся документации я, как и был, являюсь командиром авиакорпуса Резерва Ставки. Выполняю специальное задание Ставки. Содержание задания мне не сообщили. Сталин назначил, а потом отменил встречу. Причина мне не известна. Возможность отвезти жену в Севастополь мне предоставил Новиков.

В Тукуме и Елгаве сидят все полки 81-й дивизии: 412-й, 420-й, 421-й и 433-й. Как они там умещаются – непонятно. Но судя по тому, что читал об АДД тех времен, в каждом полку не более эскадрильи. Так оно и оказалось. Командует дивизией полковник Голованов, с которым я уже встречался в августе. Я прилетел ночью, Голованов был в воздухе. На земле удивились моему прилету, так как о нем никто не был проинформирован. Ситуация стала еще более запутанной. Поместили меня прямо в штабе, выделив комнату на втором этаже здания. Оставалось дождаться Голованова, может быть, он в курсе событий. Или связываться со Сталиным, хотя мне этого не хотелось. Была непонятна причина отмены встречи. Может быть, все, что я сейчас делаю, бессмысленная трата времени. Хорошо, что жену сумел вывезти, пусть и в Севастополь.

Прилег поспать, штаб недалеко от аэродрома, услышу, когда заревут моторы. Но поспать не дали, через час вошел шифровальщик и попросил спуститься к нему на БОДО. На связи хозяин. Мне передали довольно длинную ленту аппарата, стою, читаю: «Генерал-майору Шкирятову укомплектовать авиагруппу нанесения удара Варшавскому железнодорожному узлу обеспечить прикрытие подавление ПВО успех операции нарком обороны СССР И Stalin» – а это сорок первый год!

Почесал репку, отправил вопрос о сроках, силах и средствах, возможностях задействовать агентуру на местах, это же не прифронтовая полоса, там нашей корпусной разведкой не обойтись. Требуются люди и документы. И мне требуются люди, тот же Мамушкин и ремонтно-аэродромные роты. Проще корпус сюда перебазировать, чем тут на месте что-то развивать, тем более что у людей – свои задачи.

Ответ пришел быстро: «Операцию подготовить провести конца года задача дивизии вывести надежно на долгий срок весь узел транспортных средств или отдельные его части находится вашем распоряжении зпт может привлекаться решению других оперативных задач подготовку к операции вести не срывая боеспособности корпуса разрешается привлекать любые необходимые силы и средства исключением частей и подразделений непосредственно на передовых позициях вам помочь направляется представитель разведки Войска Польского нарком обороны СССР И Stalin».

Хоть какая-то конкретика появилась. Связался со штабом корпуса и отправил приказ Мамушкину обратным рейсом направить сюда группу квартирьеров и снабженцев. Подготовить несколько аэродромных рот к переброске в этот район. Точное место дислокации подскажу позднее. Пока ответа не получил, кроме подтверждения: «Принято». Вышел от связистов, так как послышался гул моторов, кто-то возвращался из вылета. На улице уже начало светать. Погода мерзкая, низкая облачность, моросит мелкий противный дождь. Подошел командир моего борта и получил от меня письменный приказ, аналогичный тому, который я отправил Мамушкину.

– Степан Николаич, времени мало, поэтому сработай быстро, ты мне здесь нужен, и пусть пару «аистов» побыстрее подгонят. Давай, лети!

– Есть! – откозырял старлей и не спеша отправился к стоянке. Планшет бил его по коленке на промозглом ветру. Облачность совсем низкая, в такую погоду только штабники и летают. Впрочем, еще и дальники, тяжелые машины которых появились над деревьями, вывалившись из туч. Две машины сели с ходу, видимо повреждены, так как к ним направилась «санитарка» и пожарные машины. Других пока не видно, но звук моторов иногда доносится. Еще один «Ер-2» – стойка не вышла, он пропахал поле не слабо, теперь его трактором оттягивают в сторону, а красноармейцы засыпают борозду до самого прилета следующей машины. Возвращаются поодиночке, видимо и действуют так же. «ТБ-7» коснулся земли и сразу заморгал АНО: требуется врач. Санитарная машина сорвалась к нему. Стоящий рядом летчик сказал, что это машина комдива. Самолеты продолжали возвращаться, но я уже выслушал как старший по званию доклад о бомбекже Берлина и пожал руку Голованову. Куда денешься – армия! Старшинство здесь определяется не возрастом, а знаками различия.

– Какими ветрами к нам занесло? – стягивая вторую перчатку с руки, спросил Александр Евгеньевич.

– Да вот, озадачили Варшавой.

– Меня с ней тоже напрягают, но вывести из строя весь узел практически невозможно имеющейся у меня авиацией. Я об этом ему и сказал четыре дня назад.

– Видимо, поэтому меня и прислали, хотя задача вовсе не штурмового корпуса. Мы же только погладить польку по заднице можем. Калибры не те. Так что пройдем в штаб, посмотрим, что есть. Или устали?

– Да ничего, сейчас нам кофейку сообразят и завтрак, и начнем. Вон туда, там столовая. – Так, не раздеваясь, он отправился в низенькое здание справа от штаба. Там, оказывается, и раздевалка, и столовая. После

завтрака перешли в штаб и начали изучать имеющиеся фотографии Варшавы.

Из-за ночного образа жизни АДД снимки в основном представляли собой темное пятно, украшенное сплохами выстрелов, разрывов, пламени горящих цистерн и косых теней зданий. Разведчиков в АДД не имелось, качественных снимков – тоже.

– Не густо!

– Ну, что есть! Вот Варшава-Восточная, вот Грохов, это Гварков, а вот это – Прага, все на правом берегу. Вот здесь – Варшава-Виленска. На левом: Варшава-Западная, это Голабки, вот тут важная ветка Воля к Гданьскому мосту. Так что одним ударом никак. Учти, что Прага – это три узловые и сортировочные станции подряд. И metallurgical завод в Хуте тоже может быть использован как склад и станция выгрузки.

Дозваниваясь до Сум, приказал перебросить сюда пару PR MkVI с аппаратами F.8 с 50,8-сантиметровыми объективами. Будем хитрить и заходить с запада. Машина – английская. Уже днем две машины сели в Тукуме. Однако погода позволила их использовать только через неделю.

Прибыл «поляк». Им оказался тот генерал, с которым мы столкнулись у Большого дворца в Кремле. С ним прибыла и Кристина, которая работает у него... как вы думаете кем? Переводчиком! А в Даукше она ни слова не понимала по-русски! Я сразу смекнул, что дело пахнет не сильно хорошо, и послал вызов Аксинье. Квартирный вопрос в гарнизоне не сильно напряжен, так как летчиков пока мало, а остальные по казармам сидят, и свободные квартиры для старшего комсостава есть. Но пока я живу в штабе. Атака со стороны Кристины последовала практически с ходу. Дескать, я так соскучилась. Пришлось отвечать напрямую:

– Кристина, ситуация в корне изменилась, я теперь не рядовой летчик, а генерал, исполняющий специальные поручения Верховного Командования. Контакт с представителем разведки иностранного государства может плачевно отразиться на состоянии моего затылка. Поэтому, смотри, вокруг так много свободных или почти свободных молодых людей, с которыми ты наверняка утолишь свои желания. И которые не откажут тебе в такой мелочи, и сами будут рады разрядиться. Так что тебе не придется вспоминать давно ушедшую любовь, заведи себе новую, если твой генерал тебя не удовлетворяет.

– Этот старый кокайнист вообще ни на что не способен, плюс женушка у него слишком богата, чтобы он ее бросил. А ты стал осторожнее!

– В тот момент мне было все равно, с кем спать, Кристи.

– А я любила тебя и хотела от тебя ребенка. Не получилось. И ты не был простым летчиком, ты был командиром эскадрильи, летавшей на секретном самолете.

– И не получится. Я вообще-то женат, и моя жена ждет ребенка. Хватит об этом! Считай, что мы все обсудили.

После разговора пришлось тащиться к представителю нашего РУ Генштаба, который приехал вместе с ними, и рассказывать ему о разговоре.

– Ну, и зря! Баба она смазливая, сочная, сам бы помял, но не предлагает! Хотя, конечно, товарищ генерал, вы правы, и спасибо за информацию. К тому же этот эпизод вашей жизни нам известен.

Для того чтобы не привлекать внимания немцев, мы работали через «МИ-5», то есть инфа из Варшавы шла вначале в Лондон, а оттуда поступала через Москву к нам. Требовались люди, работавшие на станциях, информация о расположении артиллерийских батарей и РЛС, если таковая имелась. РЛС у немцев была, но основой ПВО служили многочисленные звукоулавливатели: 88-миллиметровых «флаков» насчитали двадцать шесть восьмиорудийных батарей, разбросанных по всему городу, батареи ориентированы на заходы с восточной стороны. По части РЛС информации не было. Спецов по этой тематике у поляков не нашлось. Зато у наших такой человечек был! Эва фон Браухич, та самая Натуся, дальняя родственница генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича, теперь уже бывшего командующего сухопутными силами Германии, проживала в городе Варшава и вышла на связь с Центром.

РЛС была! Направлена на восток и запад, антенна располагается в форт Августов на южной оконечности Варшавы. Ведется строительство второй очереди антennы на восточном берегу Вислы у Букова. Она будет иметь круговой обзор.

По данным британской стороны, с северных направлений Варшава легко доступна для авиации, но тут сказалась широта русской души! Понимаете, страна у нас большая, богатая, и мы вечно сеем что-то разумное, доброе, вечное. Особенно любим это делать на территориях, с которых потом почему-то уходим, и просто оставляем такие подарки, что потом хоть стой, хоть падай. В данном случае мы оставили на территории бывшей Российской империи крепость Новогеоргиевскую, в которую еще перед той мировой войной вбухали хренову тучу бетона, стали и орудий. Так там немцы расположили аэродром и кучу зениток. И судя по всему, и круговой локатор имелся, но достоверных сведений об этом не было. Крепость занимала территорию больше шестидесяти квадратных километров на обоих берегах Вислы и Нарева. Кружок радиусом десять

километров, состоящий из восемнадцати фортов, расположенных в два яруса, и цитадели на обоих берегах реки с большим аэродромом возле нее. Кстати, оба железнодорожных моста в Варшаве имели зенитное прикрытие, расположенное в старых русских крепостях.

«Бег с крысами», однако, не закончился. На следующий день на моем самолете прилетел курирующий от РУ ГШ создание Войска Польского генерал-майор Панфилов вместе с Андерсом и офицерами его штаба. Дескать, Андерс беспокоится, куда начальника «Двойки» дели, не угнали ли его в Сибирь? Я сразу предупредил Панфилова и Боруту-Спеховича, что раскрывать, даже перед Андерсом, тему задания запрещаю. Тем более членам его штаба. Занимаемся заброской польской агентуры в тыл противника. Под надуманным предлогом сразу после встречи командования отправил генерала и Кристину в Ригу, проследив, чтобы они не контактировали ни с кем из поляков. А генерал давно просился туда, сразу по приезде. Видимо, там были какие-то его контакты. Андерс покрутился на аэродроме, поговорил с группой поляков, действительно отправляющихся в район Замбрува в партизанский отряд ZWZ. Сел в самолет и улетел обратно в Москву со своей шоблой. Тут, воспользовавшись отсутствием поляков, замначальника Разведуправления Генерального Штаба Красной Армии без обиняков выложил свое видение проблемы.

– Видите ли, Сергей Петрович, под давлением Великобритании мы были вынуждены пойти на создание Войска Польского, откровенно враждебной нам организации. Но поляки там разные, есть нормальные, которые хотят драться с фашистами, есть такие, которые предпочли бы нам нож в спину всадить. Генерал Борута-Спехович, начальник второго отдела штаба армии, «Двойки», именно из таких людей.

– А зачем вы его в мою операцию всунули? Мне такой помощник не нужен!

– Он никому не нужен! Дело не в нем, дело в подпоручнике Зайцевовской, она же Валевска, она же Маржинска. Дело в ней. У нас нет человека, работающего в «Двойке», который бы пошел на работу с нами. Этот отдел собирает досье на всех офицеров Войска Польского и сортирует их по трем группам: «А», «В» и «С». Первая – надежные, с их точки зрения. Вторая – сочувствующие Советам, и третья – колеблющиеся. В «Двойке» работают только офицеры группы «А», и только подпоручник Зайцевовская отметилась передачей нам в руки немецкой агентуры в Ковно, Кейданах и других городах Литвы. Причина передачи такой информации

осталась нам неизвестной. Она приехала в Москву и вступила в Войско Польское. Почти сразу попала во второй отдел, является секретарем и переводчиком его начальника. Имеет доступ к картотеке отдела. Нам требуется установить с ней контакт и попытаться перевербовать ее. Ваша связь с ней будет крайне полезной для того, чтобы расшифровать ее действительные намерения. Чтобы не возникло накладок, мы вернули вашу жену на работу в бюро Антонова, она останется в Москве, вам выделена там квартира, а ваша жена прошла переаттестацию и стала начальником особого отдела тридцать девятого авиазавода. В ближайшее время на фронте не появится. Мне передали содержание вашей беседы с подпоручником. Постарайтесь не отталкивать совсем этого человека, но и не стоит резко менять свою позицию по этому вопросу.

– Я вообще-то занимаюсь исполнением специального поручения командования, а не шпионскими играми. И без разрешения Верховного пойти на такое нарушение секретности не могу.

– Оно у вас есть. – Он достал приказ, подписанный Сталиным, в котором Панфилову разрешалось привлечь генерала Шкирятова к операции «Троянский конь». Начинаю сожалеть о том, что натворил в Даукше. Впрочем, знал бы, где упаду, соломки бы подстелил! Прошлое не вернешь. Панфилов передал мне досье на Кристина, впрочем, никакая она не Кристина и не жена Иозефа Зайцевского. Кадровый офицер польской разведки, заброшена в Кейданы при участии агвера, поэтому ее своячница и говорила мне о ее контактах с немецким агентом. Точного имени и фамилии у РУ РККА не было. Скорее всего, двойной, тройной или более агент всех разведок. Впрочем, как многие поляки того времени. «Ох, и не легкая это работа – из болота тащить бегемота». Но Панфилов зря на меня надеется. Я так подставляться не буду. Пусть его команда решает эту проблему самостоятельно. Жаль, конечно, что Ксюшу сюда не пустили, было бы немного легче. Но разведка знает, как избавиться от ненужного человека. Уж лучше так, чем... Будем надеяться, что «крыса» – честный человек, хотя чужая душа – потемки!

Панфилов долго меня пытался проинструктировать, мне приходилось выслушивать это и лишь под конец сказать, что все мои усилия будут направлены на решение основной задачи, и если кто-нибудь – Борута-Спехович, Панфилов или мадам Зайцевская – вздумают мне мешать, то я найду способ и метод обломать им рога и выбить мозг. На полном серьезе. Генерал от ГРУ расхохотался и сказал, что это – самое правильное решение!

– Не заостряйтесь на этом вопросе. Он вас особо не касается.

Полковник Максимцев, вы с ним уже знакомы, отвечает за эту часть операции, и он полностью в курсе событий. Вы свое отношение ко всему этому уже высказали и совершенно правильно поступили. Просто как руководитель операции вы можете принять жесткие меры по отношению и к вербумой, и к ее начальнику. Прежде чем это сделать, согласуйте с нами и Верховным этот вопрос. В остальном, само собой, вы абсолютно свободны в выборе сил и средств для достижения успеха в основной операции, которой Ставка придает первостепенное значение. Вот именно так меня товарищ Сталин и проинструктировал.

Угу, мы вам не мешаем, так, чуть-чуть палки в колеса вставляем. Хорошенькая перспектива, особенно если кто-то из двух «поляков» – немец из аввера. Или оба. Впрочем, я понимаю и Панфилова: эти двое крутятся возле руководства страны. Я же видел их входящими в Большой дворец. А для того чтобы совершить теракт, сильно много средств и не нужно для умелого человека. Бог с ним, понятно, что происходит, и впадать в эйфорию, что граждане Польши нам помогают, я не собираюсь. Нужны их агенты и их каналы связи, остальное будем использовать по мере поступления задач.

Основная проблема: нет сил. В четырех полках 81-й дивизии АДД семь «ТБ-7», двенадцать «Ер-2» и двадцать два «ПС-84». Где-то должны болтаться девять «галифаксов», но я почему-то их не видел. Зашел в помещение штаба 81-й, мне выделили несколько помещений под мои нужды, поэтому все происходит в одном здании, но на разных этажах и в разных помещениях. У 81-й – свои секреты. Ищу Голованова. Нашел, что-то обсуждает со штурманом 412-го полка. Я подождал, когда он закончит, и после этого спросил, есть ли у него время поговорить. Александр Евгеньевич посмотрел на часы и сказал, что полчаса у него есть.

– Я тут насчитал сорок один борт с суммарной грузоподъемностью восемьдесят тонн. Это все что есть?

– Ну, в общем, все. Двенадцать «ТБ-7» проходят перемоторизацию в Казани, и тридцать шесть «Ер-2» делают то же самое в Воронеже.

– Так, секунду, мне весьма компетентные товарищи сказали, что «Пе-8» значительно больше. Тридцать пять было принято армией и тридцать стояло без моторов в Казани.

– Семь машин потеряно в августе, точнее пять, две на ремонте, но это капитальный ремонт, надолго. Так что, считай, семь.

– Семь и семь – четырнадцать, плюс двенадцать – двадцать шесть. А остальные?

– Первый разбит в дым, второй в Казани, три под Киевом, шесть и девять в Полтаве. То есть еще про девятнадцать знаю, где стоят. Данных про остальные машины просто не имею. Что-то было в Орше. Непонятно, что в Витебске, внятного ответа я не получил. В общем, скорее всего, остальные машины на заводе в разной степени готовности. То есть там не только двигатели отсутствуют.

– Хорошо. Теперь об «Ер-2», что с ними?

– Здесь все четко, тридцать шесть на заводе, двадцать два у меня, остальные – разбиты и сбиты. Их всего семьдесят два выпустили. Больше всего разбитых. Взлетает он плохо, никогда не знаешь, взлетит или нет.

– Так. А вместе со мной из Англии прилетали девять «галифаксов», я их не вижу.

– Один лежит на кладбище, вон там, а остальные в Костроме.

– Что говорят о сроках перемоторивания? Потому что восемьдесят на ноль пять – сто шестьдесят бомб. С этим на Варшаву лететь бессмысленно. Мой корпус в пять-шесть раз больше поднимает как минимум, правда, пятисотки взять не сможет.

– Точно ответить не могу, потому что каждый день разные цифры.

– Я тогда в Казань слетаю, в Воронеж. А потом в Москву заскочу.

– Целесообразнее сначала в Москву, прихватить кого-нибудь из НКАП, а уж потом по заводам. Так скорее будет.

– Резон в этом есть, хотя раньше обходился другими действиями, но вам виднее, вы в этой кухне дольше варитесь.

– Еще не готов, жестковат, недоварился, – улыбнулся Голованов.

– Вас не затруднит отправить «спитфайры» по маршруту, как только погода позволит? Особое внимание Модлину. Он сейчас больше, чем Варшава, интересует. У меня радиус маленький, мимо него не проскочить.

– Да, конечно. Прослежу, чтобы сработали при первой возможности. А кто это днем прилетал?

– Бывший капитан русского Генерального Штаба, ныне командующий Войска Польского, ети его мать.

– Опять бомбить будут. Примета плохая. Впрочем, на поле особо никого и не было.

В Казань пошли двумя бортами: наспех залатанный «Ер-2» с дизелями М-40 – тот, у которого шасси не вышло, ему требуется ремонт центроплана, и мой «С-47», американский. По дороге «Ер-2» опять сдох и сел в Торжке, а мы дотянули засветло до Казани. Садиться пришлось на боковую ВПП, грунтовую, а не на асфальтированную. Летное поле было забито самолетами всех марок. Все ВВС спешили укрыться от войны здесь. Есть

серьезно поврежденные машины, без крыльев и моторов, есть такие, что хоть сейчас в воздух, есть совершенно новенькие, и все стоят. Чего-то ждут. Не зря Голованов советовал лететь сначала в Москву. Но не беда, их сюда заставят прилететь, и не я. Знакомлюсь с товарищем Горбуновым, который всем своим видом показывает, что гусь свинье не товарищ – это из-за исчезнувшей буковки «Г» в слове «ЛаГ-5». Аббревиатура «ЛаГГ» – Лавочкин, Горбунов, Гудков – ему больше нравилась из-за авторских. Он напрямую заявил, что фронт требует «Пе-2», и план по ним завод выполняет, конструкторская документация по перемоториванию тяжелых машин не готова, не пришла из Москвы от Петлякова, поэтому готова одна машина, и дальше, как в известном одесском анекдоте: «Войдешь на Привоз, купишь там петуха и будешь клевать мозг ему! Ты – стоишь на Дерибасовской!»

– Вы уже все сказали, товарищ Горбунов? – остановил я поток его красноречия, когда он перешел на сплошные лозунги, что у него фронт требует. Он несколько удивленно приостановился.

– Вот мои документы, вы разговариваете с Представителем Ставки по авиации, которому поставлена задача сформировать ударную авиагруппу, привлекая любые воинские части и любые предприятия для этого. Сколько двигателей «Мерлин-45» и «-46» имеется в наличии?

– Англичане прислали их больше тысячи, лежат на складе.

– Вы понимаете, что две страны организовали их доставку вам для того, чтобы наши машины летали, а не ползали по небу, как беременные тараканы? А вы третий месяц выпускаете один самолет. На фронт захотелось, товарищ Горбунов? Могу организовать.

– Но вы понимаете...

– Я не понимаю, я ничего не понимаю и не желаю понимать. Мне тут ваш друг, Лавочкин, мозги дрючил про «ЛаГГ» полтора месяца, мы на лыжном заводе сделали восемь «ГУ-82» за три дня. И ничего, летают до сих пор. Поэтому приказываю: организовать перемоторивание всех имеющихся «ТБ-7» на «Мерлин-46HL» и подготовить триста «Пе-2» с моторами «Мерлин-45». Иначе дело будет иметь со мной, и не только. Постановление правительства на эту тему давно существует. «Мерлины» предназначены для замены двигателей М-105, АМ-35А, М-40 и М-30. У вас есть это постановление?

– Такое постановление у меня есть, но КБ...

– Меня не интересует ваше «но», меня интересует срок начала работ – сегодня в 20:00. И срок окончания работ – 24:00 28 ноября. Вот мой письменный приказ. Неисполнение – расстрел. У меня тоже сроки!

Я вышел от него, смотрю, все забегали, поинтересовался у Степана, командира «Си-47», про его самочувствие:

– До Москвы дойдем?

– Машина готова, Сергей Петрович.

– Тогда запрашивай Москву, и по коням! Здесь он еще не валялся. Получать нечего!

Сели в Москве, не успели коснуться колесами взлетки, как на аэродром въехала машина с Шахуриным. Он отвел меня от самолета.

– Я понимаю, зачем вы прилетели в Москву. Давайте мы не будем вмешивать в этот вопрос товарища Сталина. Есть упущения, конечно, сами понимаете, продукция несерийная, поэтому отложили в долгий ящик. Петляков доложил, что отправляет чертежи в 02:00 в Казань. Работы на месте будут организованы круглосуточно. А шишек на голове и у меня, и у остальных товарищей достаточно. Мы рассмотрели график поставок новой техники для вашей группы. К 20 ноября поставки будут завершены, мое вам слово. Вас домой подвезти?

Я согласился, тем более что не знал, где искать жену.

– Заведите себе в Москве водителя и машину! Вы же имеете такую возможность. Так все командующие делают. Есть воинская часть коменданта Кремля, через которую все это и оформляется.

– Учу.

– А что ж «Пе-8» с «Мерлинами» не попробовали? Он уже летает, но на испытания в Москву еще не приходил.

– У меня с собой нет ни одного человека, кто его освоил, это к Голованову. Я, как и был, командир штурмового корпуса. Просто сейчас работаем вместе с дальней авиацией.

– Опять какие-нибудь «авиапоезда»? К черту эти эксперименты!

– Нет, просто совместное задание. После Винницы перебросили на него.

– Все, приехали. Вот здесь, на четвертом этаже. И недалеко от завода. Квартира бывшего главного инженера 39-го завода. Держали в резерве НКАП. Но тут такие люди просят!

– Я не просил.

– Да? А мне сказали...

– Нет, решили все без меня, я узнал об этом позавчера.

Шахурин уехал, жены дома не оказалось. Как и ключей. Правда, это в двух шагах от Центрального, на Беговом проезде. У дома странная архитектура: два подъезда трехэтажные, а середина имеет четвертый. Дом огорожен почему-то. Уже темно, светомаскировка везде, хотя Москву и не

бомбят, но немцы периодически летают на своих Ju-86r над Москвой даже днем.

Остановилась машина, из нее вылез незнакомый мне человек в фетровой шляпе. Он открыл заднюю дверь машины и помог выйти из нее женщине в форме. Они отпустили машину, но мужчина не стал провожать женщину, что-то сказал, пожали друг другу руки, и мужчина перешел через улицу и свернул к восьмому дому. Старший политрук, шедший к подъезду дома, оказался Аксиньей. Ее уже предупредили о моем прилете, и сам начальник КБ подвез ее домой. Он живет в доме напротив. Хочет познакомиться, но сегодня решил нам не мешать. Впрочем, завтра он этого сделать не успеет. На 07:00 у меня назначен вылет.

Квартира оказалась довольно неплохой, но есть проблемы – протечки, которые серьезно угрожают ей. Дом недалеко от завода Центрального аэродрома и авиазавода, а на ипподроме стоят зенитки. Металлическую крышу пробили осколки 85-миллиметровых снарядов. Обещали отремонтировать до зимы, а она начнется уже завтра-послезавтра. Придется подключать хозчасть корпуса. Ксюша недовольна назначением – отвыкла от этой работы, и появилось множество новой документации, огромное количество приказов, за нарушение которых следуют весьма серьезные приговоры. Работать стало очень тяжело, но она понимает, что решение принимал не я.

– Ну, потерпи немного, Ксюшенька, скоро уйдешь в декрет, а там что-нибудь придумаем. Работа для женщины с ребенком и впрямь не слишком удобная. Чуть позже переговорю с кем надо. Сейчас – никак. Пытался, но не получилось.

– Здесь какими судьбами? Опять уйдешь в Ставку на всю ночь?

– Нет, если не вызовут. Собирался, но решил вопрос на ином уровне. Экипаж отдохнет, и летим дальше.

– Ну, а у меня все плохо: завод выпускает «Ил-10», а нашему КБ выделили цех для производства «аистов». Так что начальников у меня прорва. Все под контролем. Давно в такой нервотрепке не работала. Летать стрелком несколько проще и не так опасно. Не вовремя я забеременела!

– Я тут вкусняшек разных привез, давай разбирайся. Пайки-то тыловые, а тебе за двоих нужно кушать. У меня борт часто на Москву работает, так что буду подбрасывать, у нас пока с продуктами неплохо, рынки работают, и у колхозников всегда можно и свежий сыр, и творог пастеризованный купить. Вот масло.

– Надо с соседкой снизу поделиться, у нее трое парней, вечно голодных.

Утром она проводила меня до самого борта и долго смотрела вслед улетавшему самолету. Тяжело вздохнув, пошла на нелюбимый завод и дико неприятную ей сейчас работу: бумажки, бумажки, доносы, расспросы, допросы. Чертова Крыська!

У Торопца меня подхватило прикрытие, можно сказать, что вернулся на фронт. Полет прошел спокойно. На земле есть новость: «спитфайры» в воздухе, из Варшавы передали, что погода там почти безоблачная. Из Либавы они ушли в море, там набрали высоту и, не долетая Бронхольма, повернули на Варшаву. Оба летчика предупреждены о наблюдении за аэродромом в Модлине. Маршрут проходит прямо над ним. Отход на запад аж за Тересин, и лишь после этого возвращение к Бронхольму, и домой. На участке до побережья будут использовать подфюзеляжный ПТБ, так что дальности у них с избытком. На этом участке фронта «спитфайры» еще не летали совсем. Сейчас они прошли Страсбург. Противник их не обнаружил, много облачности, но впереди видны просветы. Локатор в Модлине имеется, оттуда взлетели две пары «мессеров», но перехватить не хватило высотности. Перед полетом летчиков несколько дней донимали наши «гэрэушники», обучая разговаривать в воздухе по-польски с примесью английского истребительного сленга. Научить английскому бы не получилось, а так поляки, военнослужащие RAF, «звезды» мы смыли, а круги под ними проявились во всей красе. Немцы опознали их как «спитфайры» и как поляков. Отход на запад воспринят ими правильно, что пошли домой. У Тересина немцы попытались второй раз перехватить, но там локатора нет, перехват не состоялся. Уход на северо-запад немцы не обнаружили. Интересное кино получается! Не прикрыта Варшава именно с запада! Восток и северо-восток под наблюдением. «Спитфайры» дотянули до Тукума, снимки есть! Не совсем чистые, попадаются облака, но снята работа тяжелых зениток, по которой можно составить план расположения зенитных батарей.

Целью номер один стал локатор в Новогеоргиевске. Рассматривали снимки и так, и так. С такой высоты заметить антенну очень сложно. Наконец, один из шифровальщиков, рассматривавший в лупу снимок, сказал:

– Вот она! Форт три, за ним. И вот здание, где находится сам локатор. Она не круговая, смотрит на северо-восток. Направление двадцать-тридцать градусов, поэтому они так поздно взлетели и не смогли толком перехватить.

Понятно и почему там расположили: оттуда прямая дорога на мост через Нарев. Если заходить на него с востока, то как раз идешь над этим

локатором. За мостом дорога поворачивает и идет на станцию Прага. Еще одна ветка тянется на крупную станцию Тлущ, откуда начинается дорога на Брест, Белосток и Бяло-Подляску. Мостиком тоже надо озаботиться, недаром его так охраняют. Он связывает Восточную Пруссию и Варшаву. Но для начала необходимо выбить этот чертов локатор. Удобнее всего с земли.

– Господин генерал! – обратился я к Борута-Спеховичу. – У вас есть отряд, который действует в том районе? И чем он может нам помочь?

– В районе Назиелска действует отряд майора Волка, но сил у него недостаточно для такой операции. В этом районе действуют три аэродрома противника и танкоремонтный завод. Очень тяжелая обстановка для открытых выступлений. Отряд в основном занят разведкой и распространением информации о положении на фронтах, – перевела ответ генерала Кристина.

– То есть сидит по домам и схронам и баб мнет? Зажечь костры сумеют, там, где нам надо?

– Это конечно. Давайте точные места.

– Вот деревня Вымысли. Вот скотный двор. Вот этот дом должен загореться четко по времени.

– Но там же люди!

– Как это будет сделано, меня мало интересует, генерал. Мне нужен этот сигнал.

– Слушаюсь, господин генерал.

Начинаем готовить два «галифакса», которые загружаем на все шесть тонн кассетными и ротационными бомбами. В Англии в то же время в этом направлении начала работать 138-я эскадрилья транспортных «галифаксов» в интересах Армии Крайовой. Так что появлению «галифаксов» над Польшей немцы удивляться не будут.

Днем наконец прилетело два «шторьха» майора Мальцева. Коля всем показал свою новенькую «Золотую звезду».

Незадолго до вылета я собрал всех у себя в штабе на постановку задачи. Все готово. Дал команду приступить к исполнению. Когда все выходили, то я остановил генерала Борута-Спеховича:

– Вы получили подтверждение о готовности майора Волка?

– Так есть, господин генерал, – ответил он, приложил два пальца к козырьку «рогативки» и повернулся на выход. За ним повернулась Крыся и, незаметно для генерала, бросила скатую в комок бумажку. Дверь за ними закрылась, я поднял записку.

«Серж, огней не будет», – росчерк. Твою мать! Вызываю Колю.

– Николай, смотри! Отсюда – сюда, затем оттуда, после дозаправки – сюда. С четырьмя – шестью РС с осколочно-фугасной, так чтобы дом загорелся.

– Нет, все мокрое, вряд ли загорится, надо брать ЗАБы или выливной прибор.

– Ни того, ни другого нет.

– Бутылки с КС?

– Это есть.

– Мне нужно пять двадцать с посадкой, если ветра не будет. Сообщи по маршруту до Гродно, что летим. Парой. И вчетвером. Если что, вручную сработаем.

Цепляют дополнительные баки, до Таурая идут на самой малой. Там садятся и дозаправляются. Доложились о готовности. Отсюда им два часа двадцать минут лета. Даю старт «галифаксам». И через тридцать одну минуту стартуют два «шторыха». Только бы пронесло! Через пятнадцать минут Коля доложился, что прошел линию фронта, идет к месту. Никто не мешает. Был запрос со стороны немцев, ответил, что идет с документами к Варшаве в штаб фронта. Естественно, на немецком коде. Вроде больше не пристают. Я поднял еще самолет для ретрансляции того, что говорит Коля. Ходит вдоль линии фронта, настроенный на немецкую волну. Коля телеграфом передал маршевую скорость: 148 км/ч. На два километра меньше расчетной.

Через час все начали собираться у меня комнате «для контроля исполнения», даже Панфилов и Голованов, который не полетел с остальными на Берлин. Эта сука, Борута-Спехович, тоже крутится здесь, изображает крайнее волнение! Отвлекающая группа отбомбилась по Страсбургу, где пролетали наши разведчики, вторая уже выходит на Тересин. Немецкого противодействия нет. Борута здесь вместе с радиостанцией, якобы весь в работе.

– Осталось пять минут, господин генерал! Давайте сигнал зажечь привод. С этого расстояния его увидят.

– Есть, господин генерал! Даю! Не подтверждают получение. Сейчас повторим! Наверное, какие-то проблемы со связью. Ответа нет.

– Der Zweite! Passen Sie auf die Leuchte auf? – «Второй! Огни наблюдаете?»

– Nein. – «Нет!»

– Bestrafen Sie! Sie haben 3 Minuten Zeit. – «Работайте! У вас три минуты!»

– Verstanden. Bin ueber dem Zielobjekt in eine Minute. Fuehre aus. – «Вас

понял, буду над целью через минуту. Исполняю».

– Генерал, выключайте свою тарахтелку и сдайте оружие, вы арестованы. Со мной такие шутки не проходят. Самолеты над целью с точностью до тридцати секунд, а ваших козлов не слышно и не видно. От участия в операции вы отстраняетесь, вашу дальнейшую судьбу определит военный трибунал.

– Der Erste, hier ist der Zweite. Befehl ausgefuehrt. – «Первый, я – второй. Исполнено!»

– Там мирные граждане Польши! – завопил генерал.

– На войне мирных граждан не бывает. Ежедневные потери Красной Армии составляют более пяти тысяч человек в сутки, и две трети из них из-за того, что до сих пор работает Варшавский узел.

– Я – шестнадцать, привод вижу, меняю курс.

– Я – семнадцать, на курсе. Метку вижу.

– Увести!

И борова с радиостом, и Кристину вывели из помещения. На меня попытался накинуться Панфилов, но я остановил его:

– Не сейчас! Чуть позже!

– Я – шестнадцать, сброс. Цель вижу!

– Я – семнадцать, цель поражена, сброс!

– Отличная работа! Домой!

– Цель поражена! Понял, домой!

– Я – второй! Обнаружил две батареи «ахт-ахтов», иду домой. Дом-два, обеспечьте прикрытие. – «Дом-два» – это Гродно. На большее у них бензина нет.

– Вот теперь слушаю вас, товарищ генерал, – обратился я к Панфилову.

– На хрена требовалась эта картинка? Ты же завалил всю операцию!

– Я арестовал троих, и их в одной камере не содержат. Схожу, извинюсь и поблагодарю Кристи, остальное в ваших руках, товарищ генерал. Мне предатель в операции не нужен. От слова «совсем».

Генерала и остальных уже поместили на гарнизонной гауптвахте. Сначала я и Панфилов допросили радиоста, после этого пришлось еще посыпать людей и арестовывать еще нескольких радиостов польской миссии, которые работали с Лондоном и с отрядом Волка, изымать бланки радиограмм и коды. Требовались доказательства предательства. Работают чистенько, никаких следов не оставляют. Все радиограммы уничтожены, кроме копий, которые переданы нам. Исходящих радиограмм просто нет.

Шифровальные блокноты изъяты. Особый отдел дивизии приступил к работе по полной, подключилась Москва, служба перехвата армии и фронта. И я, и Панфилов пока запретили допрашивать Кристину. Требовалось раскрыть степень ее участия в операции. Один из радиостов пошел на сотрудничество и сдал место хранения шифровальных книг. Дело сдвинулось с мертвой точки.

Ни в Лондон, ни под Варшаву Борута координаты «привода» не передавал. Вообще. Зато сданы стоянки наших тяжелых самолетов и схема расположения зенитных батарей. Хорошо, что не немцам, а англичанам, но факт работы на иностранную разведку и передачи данных военного и секретного характера зафиксирован.

Лишь после этого принято решение о работе с Кристиной, так как ее роль в этом спектакле осталась за кадром. Никто из допрашиваемых ни положительно, ни отрицательно ее не охарактеризовал. Максимум любовница генерала, редкая сволочь, очень заносчивая аристократка. С членами польской миссии она отношений не поддерживала. Ни с теми, кто точно враг, ни с теми, кто сотрудничал с нами. Панфилов почесал репку и сказал, что она – профессионал и не раскрывалась ни перед кем из миссии. Судя по ее поведению, и не собирается этого делать. По моему приказу ее кормили из летной столовой, выводили на прогулку, в отличие от остальных, принесли в камеру личные вещи, естественно, после тщательного досмотра. Панфилов принял решение, что первым с ней должен поговорить я, и это не должен быть допрос. Ее камера находилась в другом крыле здания гауптвахты. Предварительно позвонили начальнику караула и коменданту, чтобы шум не поднимали при встрече. Было довольно поздно, но еще не ночь, а вечер, перед ужином.

– Алексей Павлович, если мы хотим привлечь ее на нашу сторону, то встречаться с ней нужно не в тюрьме. Это психологически давит. Лучше в ресторане или в домашней обстановке.

– Ну, с ресторанами напружно, да и летчики не упускают возможность там бывать. Засветимся. Есть одна квартира, сейчас распоряжусь.

Он кому-то позвонил. Затем мы с ним поехали в город. Это недалеко, за железной дорогой, которая находится за небольшой речушкой, которая служила как бы границей между нами, военными, и городом. Так повелось здесь с тридцать девятого года, когда Красная Армия вошла в эти места. Штаб дивизии располагался в самом большом местном здании, которое называлось дворцом Дурбе. На запад от него шли склады боеприпасов, обмунирования и ПАРМ. Небольшая роща отделяла военный городок от штаба, сразу за штабом жили технари и железнодорожники. А местные

жители в эту часть практически не ходили. Также и наши старались не появляться в городе. Вначале это было условие расквартирования наших частей в республике: мы не должны были вмешиваться в местную жизнь, — затем это стало привычкой. В общем, за «железкой» я ни разу еще не был. Мы остановились на Рижской улице, шедшей параллельно железной дороге, возле небольшого полутораэтажного дома, дверь которого располагалась низко, а окна выходили на улицу выше двери. Такое редко встречается в наших городах. Алексей Павлович постучал, дверь открыла пожилая женщина, которая проводила меня в правую комнату. Она что-то сказала на непонятном языке, Панфилов перевел, что ужин приготовлен, на кухне, посуда там же, вот ключи от двери.

— Посмотри, что и как, Стелла по-русски понимает, но не говорит. Она все покажет, я поехал за Зайцевской.

Из-за странного архитектурного решения две комнаты в доме сообщались через небольшой коридор, оттуда одна лестница вела на кухню и в подвальчики, вторая на выход из дома. Запутать можно. Женщина что-то говорила недовольным голосом, затем принялась накрывать и сервировать стол, видя, что я активных действий в этом направлении не предпринимаю. Подвела меня к буфету и ткнула пальцем в многочисленные бутылки. Из знакомых была «Зубровка», «зеленый змей» (водка с зеленой этикеткой) и крымский кагор. Остальные я никогда не видел и не пробовал. На большинстве бутылок были готические буквы. Присмотревшись, обнаружил армянский коньяк. Выбрал его, крымское вино и «Зубровку» — все ж таки считается польским напитком. Еще немного побурчав, дама удалилась, при этом долго показывала мне жестами, что я должен за ней запереть дверь. Махнув рукой, наконец удалилась.

Подъехала машина, из нее вышел Панфилов и открыл заднюю дверь. Появилась Кристина. Ей показали направление. Она осторожно открыла дверь и спросила:

- Куда идти?
- Одну минуту!

Я спустился, она напряженно выдохнула. Сукин сын Панфилов не сказал, куда и к кому ее везут. Так сказать, психологически надавил. Я закрыл дверь, и машина укатила.

— Не стоило меня так пугать: «С вами хочет переговорить один человек». Я черт знает что передумала, пока ехали. Так о чем пан генерал хочет со мной поговорить?

- Может быть, мы продолжим этот разговор за ужином?

– А это не повредит твоему затылку?

– Отвечать вопросом на вопрос – не лучший способ начинать разговор.

Прошу!

– Ты здесь живешь?

– Нет, я живу в штабе. В этом доме я впервые.

– То есть все прослушивается и просматривается.

– Не знаю, возможно. Это имеет какое-либо значение?

– Для меня? Нет, уже нет.

– Прошу! Если что-то не то выбрал, там внизу довольно большой выбор всяких напитков.

– Хотелось бы минеральной воды или лимонаду.

Я оставил ее одну и пошел вниз за заказанной водой. Сам я, конечно, об этом не подумал. И надо показать Кристине, что нас мало волнует ее побег. Возможность для этого у нее есть. Однако ее я увидел в той же позе, как и оставил. Но она вставала – на столе появился подсвечник.

– У тебя есть спички?

Я залез в карман и достал коробок.

– Зажги и погаси большой свет. Будем ужинать при свечах.

Я разлил вино и коньяк по рюмкам и бокалам.

– Я хотел сказать тебе спасибо за то, что ты не дала сорвать операцию.

– Это и моя война, и я два года ее веду. К сожалению, я не сразу разобралась, кто есть кто в этой войне. Так что и тебе спасибо за то, что меня задержали, но не арестовали. И ни разу не допрашивали.

Я немного поухаживал за ее тарелкой.

– Я не хотел начинать этот разговор в официальной обстановке, поэтому попросил Панфилова организовать эту встречу там, где никто ни из наших, ни из ваших нас не увидит.

– Те, кому нужно, все увидят и все услышат, я не сомневаюсь.

– И бог с ним, лишние не должны это слышать. У командования РККА большие сомнения по отношению к генералу Андерсу. Но несмотря на это, по просьбе английской стороны, мы оказываем помощь в формировании его армии. Однако толку от создания этих частей пока никакого нет.

– Не надо меня вербовать, Серж. Меня никто не просил отдавать тебе ни тот список, ни бросать тебе эту бумажку. Мне ты нравился именно тем, что никогда не вел никаких разговоров о войне, политике, своей работе. Я пошла работать в разведку по молодости и глупости. Мне хотелось быть полезной своей родине – Великой Польше. А в результате вышел один пшик: мой первый начальник меня изнасиловал и сказал, что это необходимо для дела. Правильно раздвигая ноги, женщина-агент добьется

большего, чем будет просто слушать и запоминать. Дальше больше, меня стали подкладывать под своих, которых в чем-то подозревали. Потом сказали, что надо работать с немцами, и подложили под них. Немец приказал мне лечь с тобой и узнать все о новом самолете. И не поверил мне, когда я ему сказала, что кроме физиологии, тебя ничего не интересует. Я ему отомстила: я записала нашу встречу с тобой на диктофон, который он мне дал, и, когда у меня были месячные, дала ему послушать наши охи и вздохи. Я в тот день еще к тебе Хильду посыпала, чтобы ты случайно не пришел. Как он злился! И он меня ударил. После этого я и решила его сдать. Начавшаяся война расставила окончательно все точки над i. Нам сначала говорили, что мы объединимся с Гитлером и отомстим за все унижения поляков русскими, потом немцы за месяц нас разбили. Дальше говорили, что Гитлер и Сталин союзники, и Гитлер просто защитил нас от Сталина. Но я видела, что происходило в генерал-губернаторстве, и жила потом в Даукше. Это небо и земля. Вы не оккупировали эту землю, вы освободили ее от тех, кто хотел лечь под Гитлера. Поэтому я не осталась в Даукше и не вернулась назад. Я уехала в Москву и думала начать новую жизнь. Кстати, не только свою, но и нашего ребенка. Но мне сделать этого не дали. Этот самый Борута-Спехович приказал сделать мне аборт, дескать, не время офицеру разведки заниматься такой ерундой. Я не женщина, а агент. И начал собирать данные на всех: кто о чем думает, – гнобить тех, кто считает, что мы должны все вместе уничтожить Гитлера и Германию. И все началось сначала. А потом я увидела тебя в форме полковника, а не младшего лейтенанта. Тебе твоя страна дала оружие, дала возможность исполнять свой воинский долг, и она тебе благодарна за то, что ты хорошо и умело это делаешь. С момента начала войны в России ты уже стал генералом, выполняешь специальные поручения своего командования, а не идиотские приказы: пойди, переспи с тем-то и узнай, что он делает и о чем думает. К сожалению, приходится воевать со своим начальством, а не за Родину. Устала я от всего этого, Серж, очень устала. А с Борутой? Мне очень хотелось, чтобы именно ты отомстил за меня и не родившегося ребенка. Ой, пока я болтала, все остывло. Дай спички, я разогрею.

Она взяла спички, выщелкнула «Герцоговину Флор» из свежеоткрытой коробки и спустилась на кухню, довольно долго отсутствовала, изредка чем-то гремя внизу, появилась с подносом в руках и в одной шелковой сорочке.

– Не ругайся и не уходи, командование и так в курсе. Нам дали время, и провести его надо так, чтобы это запомнилось. Попробуй, это вкусно. Это картач, не знаю, кто делал, но это нечто. Я попробовала, очень

понравилось, особенно с этим грибным соусом. Что сидишь, как на у тещи на блинах, у меня в рюмке пусто!

Да, на поле явный цугцванг: как ни поступишь и что ни сделаешь, все плохо. Надо было уходить раньше, но телефон на кухне. Здесь, в комнатах, связь отсутствовала, а задержанную одну не оставишь. Впрочем, мне неудобно только из-за Аксиньи. И задавись оно все навозом. Все на это и рассчитывали. Будем есть картач. Это жареные пельмени, только не с одним мясом, а с комбинированным фаршем, и в кружок их не сворачивают, и внешне они напоминают чебуреки, или даже больше похожи на вареники.

Но прежде чем перейти к финальной части встречи, с картачем во рту закусывая коньяк, я спросил у Кристины, или как там ее зовут:

– Ну, хорошо, мы вывели из расстановки Спеховича, но операция не закончена, нам требуются люди и действия в Варшаве. Кто сможет из разведки Польши провести эту операцию?

Кристина пальцем стряхнула мне с уголка рта какую-то крошку, приподнялась и поцеловала, пытаясь уйти от ответа. Я придержал ее за талию и чуть придавил, чтобы она села на место. Она ухмыльнулась, потом почесала себе кончик носа согнутым пальцем:

– Ладно, снявши голову, по волосам не плачут! В первую очередь необходимо отстранить от передатчика надпоручника Хмелю, он немецкий агент, все, что передает, рано или поздно становится известно немцам. В середине передачи должна отсутствовать одна точка. Присутствие всех или более одной пропущенной – знак работы под контролем. Среди остальных сотрудников миссии еще Ольшевский находится под подозрением, но по картотеке «немцем» не проходит. Всю работу Борута-Спеховича может выполнить только подпуковник Розумовский. Он не любит русских, точнее большевиков, он – русский граф, но немцев он не любит больше и не предатель по натуре. Теперь твоя душенька довольна? Да, я работаю на русских, они помогут нам освободить нашу Польшу. И помохи ждать больше не от кого. Я пошла одеваться, пан генерал.

Обиделась. Я задержал ее руку. Она попыталась вырвать ее, у нее не получилось, она села и расплакалась.

– Я не хочу, не хочу больше быть агентом, ты что, не понимаешь? Я не хочу этой грязи, подглядываний, перешептываний, шифровки донесений. Это для тех романтичных идиотов, какой была я пять лет назад. Меня, графиню Валевскую, превратили в «польскую шлюху», как сказал мне Вольтер, и всем позволено меня бить, пользовать и даже насиловать. Я очень хотела просто уйти, беременность казалась мне самым честным

выходом из ситуации, мол, на беременную никто руку не поднимет. Еще как! Впрочем, я сама виновата! Надо было не врать Спеховичу, что это случайно получилось, а сказать правду, тогда бы меня занесли в группу «В» и не стали бы препятствовать. Таких у нас не держат. Но и тебе я стала не нужна как женщина, тебе нужен агент.

– Мне требуется довести операцию до самого конца, без твоей помощи нам не обойтись. Ты их всех знаешь, а мне приходится придумывать подстраховку на все случаи жизни. С тем же домом: это случайность, чистая математика. Требовался объект, находящийся на строго определенном пеленге от основной цели, за периметром непосредственного охранения и на определенной дистанции. Взял линейку и циркуль, и на этом доме две черточки сошлись. Дал команду Борута-Спеховичу: выйти на командование партизан и обеспечить подсветку этого дома. Все. Я не приказывал его сжечь, тем более вместе с людьми. Договаривайтесь, уводите людей, а если там немцы, значит, жгите вместе с ними. Он «согласился», я не стал готовить группу, это не город, там разведгруппа может свободно сработать, что и было сделано. Но за шесть часов до начала операции мне «случайно» становится известно от бывшей любовницы, что операция находится под угрозой полного срыва. Пришлось сбрасывать «зажигалки» без выяснения, кто и что. Другого выхода у меня не было. Это не игра, это война. И у меня спрашивать не будут, почему я не учел возможность предательства со стороны поляков. Меня предупреждали об этом, что все может быть, значит, обязан был предусмотреть. У меня был единственный шанс, и я его использовал.

– Я видела. У тебя здорово это получилось. Боруту ты просто размазал. – Она опять полезла обниматься, целоваться и плакать. Что на самом деле происходило у нее в душе, я не знаю. Возможно, это была игра, возможно, нет. Она не стала предохраняться, скорее всего, рассчитывая с помощью Панфилова и меня выбраться из ловушки, в которой сама и оказалась. Я спросил ее утром об этом.

– Я была плохой матерью и не смогла его защитить. Если все получится, то я теперь знаю, через кого и как действовать. Панфилов ежедневно бывает в штабе армии. Правда, нет уверенности, что у меня все в порядке после вмешательства врачей. Хочется надеяться. А ты не волнуйся! Я тоже умею быть благодарной.

«Ох, отблагодарит! При случае», – подумалось мне. В три утра позвонил Панфилов, он выслал машину за Зайцевской, затем приехал сам. Не хамил. И то ладно. Поинтересовался, будет ли работать, сделав вид, что понятия не имеет об этом. Я передал деловую часть разговора о Хмеле,

Ольшевском, точке и подпуковнике Розумовском.

– О точке знали, за остальное ей благодарность объявилю.

– Она стремится уйти из разведки.

– Хочешь посмеяться: я тоже! Очень неприятное занятие, особенно агентурная. Прошусь на фронт, но сегодня назначен начальником Главного Разведывательного Управления Генштаба РККА. Учтем мы ее пожелание, учтем. Ее и трех сотрудников миссии сегодня освободят. Остальные поедут «отдыхать». Как старшая по званию она пока будет командовать миссией. Операция продолжается, я вылетаю в Москву и постараюсь прислать Розумовского. Тебя по нашей линии буду представлять к Знамени. Верховный просил тебя отдельно поблагодарить за провал Борута.

Часть 11

Поздравляю с окончанием операции «Горлышко»

Операция продолжалась, начала поступать техника и люди. Много сил и времени уходило на тактическую подготовку полков «Пе-4», как назвали новую машину. И обучали летчиков «Пе-8» и «Ер-2м» выполнять полеты в строю. У них это было не принято, каждый шел на цель отдельно, и на каждом командре и штурмане лежала полная ответственность за выполнение задачи. Происходило это потому, что скорости и тактико-технические данные всех машин были индивидуальными. Пролет одиночной машины реже вызывал реакцию ПВО противника, а бомбить... Бомбить наши штурманы ухитрялись точно, несмотря на плохие приборы. Индивидуальное мастерство находилось на очень высоком уровне.

Зимняя погода началась рано, много времени и сил ушло на смену камуфляжа. Даже беспокоящие бомбекки проводить не удавалось из-за сильнейших снегопадов. Вылеты делали максимум один-два раза в неделю. В основном занимались отработкой «слепых полетов». Пришлось перенабирать людей из действующих полков. Требовались хорошо подготовленные летчики. Седьмого ноября, в ночь на восьмое, решили попробовать себя на «оселке» Пиллау. Город насыщен зенитной артиллерией, кораблями, которые тоже не стоят без дела. Толчком к этому делу послужил прилет из Англии эскадрильи «галифаксов», один из которых был оборудован сантиметровым локатором. А на «Лысой горе» стоял маяк. Если над ним повернуть на пятьдесят градусов истинного, то через сорок километров ты оказывался над станцией Пиллау. Четко над линией путей. Слепая бомбекка под управлением РЛС.

Забрался в хвост «галифакса», попробовали отработать наведение. Нет, много машин он не возьмет, но с двадцатью справиться можно. На земле – метель, низкая облачность. Машины по одной отрываются от земли, потом долго собираемся. Я раскладываю «пасьянс» на планшете, приписывая каждой отметке позывной. Наконец легли на курс, ведущий в море. Рядом со мной сидит еще один будущий штурман наведения. Где-то под нами Либава, идем в сторону маяка Риксхофт. Не доходя него, ворочаем налево на курс сто сорок. Наш борт отходит от группы, она начинает перестраиваться в кильватерную колонну, набирая четкие дистанции между

собой. Внизу – сплошная облачность, высотой почти пять километров. Мы идем на шести двести сорок. Ходить на «четких» высотах немцы всех отучили. Зенитчики у них обученные.

Ищу позицию, когда одновременно вижу отметки с земли, но не сплошную засветку, и своих бомбардиров. Даю одновременно объяснения старлею Никифорову, ученику. Обнаружил маяк Кальберг,оворачиваю на него остальные машины, пересчитывая курсы каждому. Идут, пеленги не меняются. Поочередно встают на вираж, я – мористее и вижу всю цепочку и две точки, которые соединил прозрачной линейкой. Отрабатываю с каждым его курс и снос. Все идут как по ниточки. Немцы открывают заградительный, отвлекаясь и на наш самолет, не понимая, что происходит. Они точно не могут определить вслепую высоту и ставят разновысотное заграждение. Определил разрыв по высоте, передал на борты. Штурман пересчитал треугольник, дал дистанцию. Головная машина подошла к рубежу и сбросила пакетом все шесть тонн, отворот.

После первой очереди у немцев перестало стрелять на некоторое время большое количество батарей. Заграждение рухнуло. Во что попали, не знаю, но эффект был отличным. Затем огонь восстановился, но был неорганизованным. Каждая батарея была в свою точку, никакого переноса огня не было. Жаль, что не видим разрывов, но нам это и не требуется. Продолжаем высыпать как тяжелые двухтонки, так и всякую мелочь с кассетниками и РРАБами. Одна машина получила попадания, горит, но держится в воздухе. «Галифакс» неплохо переносит повреждения и имеет хорошую систему пожаротушения. Как и «ТБ-7». Главное, до конца бороться и применять все, что имеется. Машина самостоятельно освободилась от груза и доложила, что повреждена и отходит.

Машина, на которой летел я, шла без бомб, чтобы иметь превосходство в скорости, поэтому мы на цель не заходили и теперь активно собираем в ордер оставшиеся машины. Доложили в Москву об ударе по Пиллау. Даже не видя результатов, понятно, что эксперимент прошел довольно успешно. Ночники с Пиллау-Зюд не взлетели. Небо чистое, если так можно сказать. Осталось только сесть. Для этого требовалось пробить толстую облачность, восстановить ориентирование, найти привод, аэродром и сесть.

Подбитый борт доложил, что сел на брюхо в Мемеле, едва перевалив через линию фронта, а мы еще пробиваем облака. Вначале я видел машины, затем началась такая засветка, что локатор пришлось выключить. Облака просто набиты снегом, бесполезно. Сидим, прижавшись спиной к креслам, за иллюминатором темнота и пролетающие снежинки сплошным потоком. Легкое обледенение. Тоже может сыграть некислую шутку. По

СПУ командир то и дело просит штурмана сбросить наледь. Раздается дробь каких-то молоточков. О, разрыв, видим землю, передаем командиному.

– Я вижу, – отвечает лейтенант Молодчий. – Облачность мы пробили, Сергей Петрович. Осмотритесь, может, еще кто-то рядом.

Но кроме засветки локатор ничего не выдал. АНО горят, идем на базу.

Разворот, вышли шасси, и нас уже потряхивает на кочках. Сели не все, пять экипажей ушли на запасные аэродромы. Самое противное, требуется доставлять туда высокооктановое топливо, которого там нет. Следом за нами садится «ТБ-7» Голованова – одна из трех машин 412-го полка, которые ходили на задание. Остальные самолеты входили в 433-й АПДД, комплектуемый из самолетов, поставленных по ленд-лизу.

Мне этот полк достался по наследству от Водопьянова, который в августе сорок первого командовал 81-й дивизией, но после неудачного налета на Берлин из Пушкина, когда вернулось всего две машины из десяти, а он сам приземлился на территории, временно оккупированной противником, и считался без вести пропавшим, дивизию принял Голованов. Вернувшегося по земле комбрига Водопьянова на дивизию не вернули, и он летал в 412-м полку командиром корабля. Четыреста тридцать третий полк по бумагам имел тридцать шесть самолетов «ТБ-7», больше всех полков вместе взятых – Голованов стряхнул все нелетающие машины в него и отправил их на завод в Казань, где они успешно и застряли. Командования у полка не было, был помощник начальника штаба капитан Коротеев и четыре «ссыльно-каторжных» экипажа, чьи командиры допустили ошибки в пилотировании и разбили машины. Так как летать им было не на чем, они согласились переучиться на прилетевшие «галифаксы» еще в конце августа. Потом они перебросили восемь оставшихся машин (одну расколотили) в Кострому, где было организовано, наконец, переучивание летчиков с «ТБ-3» и «ДБ-3Ф» на эти машины. Я запросил борта обратно, и прилетело двадцать экипажей на восемь машин. И все, естественно, получили назначение в 433-й полк. Когда пришли новые «галифаксы» – а англичане их дали только после того, как «галифаксами» был уничтожен радар в Новогеоргиевске, – полк получил и их. Всего летающих машин у него теперь семнадцать. В общем, приказ № 0052 от 15 июля выполнен строго наоборот: 412-й полк, который должен был быть расформирован, летает на «ТБ-7», имеет одиннадцать летающих машин в пяти эскадрильях трехсамолетного состава и две эскадрильи «ЛаГ-5» в качестве штатного прикрытия. А в 433-м даже командинира полка нет. Подхожу к Лебедеву, он командинует 412-м, спрашиваю, кого он может

порекомендовать из состава 433-го на должность командира.

– Из своих – никого не дам, там такие сливки, что скоро от машин ничего не останется, – ответил Лебедев и, сославшись на дела, отпросился в ПАРМ.

– Че, побираешься? – насмешливо спросил генерал-майор Водопьянов.

– Побираюсь, Михаил Васильевич. Полк без командира и без начштаба – это не полк.

– Я там никого не знаю, а тех, кого знаю, близко к самолетам подпускать нельзя.

– Так, может быть, возьметесь?

– Нет, уж. «Не имею достаточных командных навыков и опыта в организаторской работе». Меня и командиром корабля неплохо кормят. С Асямовым поговори, может пойдет, и с Угрюмовым, он вроде из полка уходить хотел на «англичан».

Асямов – майор, а Угрюмов, хоть и комэск, но только старший лейтенант. Вызвал обоих знакомиться. Разговор начинаю издали: что, где, когда, сколько? Асямов отвечает неохотно, видимо уже знает, о чем пойдет разговор, а Угрюмов уже про себя решил переучиться на «галифакс». Тем более что его машина в ремонте, и он безлощадный. С Асямовым сложнее, у него машина предвоенная, с центральным М-100 в качестве нагнетателя. Высотная и скоростная. Налеты на Берлин ему удаются, он идет выше всех и на другой скорости, поэтому немцы по нему мажут. И он же не знает, что скоро погибнет в Англии. В общем, майор отказался. Начинаю перебирать личные дела командиров кораблей 433-го полка, так как знаю их меньше двух недель всех, и всего один боевой вылет с ними, а доверять назначение системе кадров ВВС дело и опасное, и неблагодарное.

Пролистываю одно за другим дела. Действительно, на английские машины летчиков сливали, никто не верил, что будут еще машины из-за перерыва в поставках. Стоп! Лизунов, Василий Кириллович, 1909 года рождения, призван в 1931 году, окончил Тамбовскую школу ГВФ, работал на Севере в должности командира авиаотряда. С 1941 года комэск 212-го полка, пятьдесят один боевой вылет, в пятидесятом в четвертый раз сбит. Тринадцать тысяч часов налета на двенадцати типах самолетов. А вот и то, что искал, наверное. И он служил в полку, который комплектовал лично Голованов, так что он его знает. Вызываю к себе. У капитана орден Красной Звезды, больше никаких наград нет. Вид довольно гражданский, не лихой вояка. Начинаю расспрашивать о работе на Севере. Летал в основном на «Р-5», занимался снабжением удаленных поселков, довольно быстро стал командиром отряда. Отряд был передовым из-за малой

аварийности. Стоп, то, что нужно от командира полка.

– Как вы сейчас оцениваете техническое состояние 433-го полка?

И тут полилось столько информации! Оказывается, что он очень недоволен тем, как обслуживаются самолеты, недоволен подготовкой специалистов технических служб, массой отказов вспомогательных механизмов и узлов.

– С такой подготовкой скоро все наши машины окажутся в карьере, – закончил он свое выступление.

«Карьером» называлось кладбище самолетов в конце ВПП на южной оконечности аэродрома. Там был песчаный карьер, куда и стаскивали разбитые машины.

– Я хочу назначить вас исполняющим обязанности командира полка с двухмесячным испытательным сроком. Необходимо навести порядок с документацией, летной подготовкой и техническим состоянием машин. Если возражений нет, то подготовьте план реализации этих мероприятий. Начальником штаба полка назначается майор Лышенко, имеющий опыт разработки операций авиации дальнего действия.

Лышенко был начштабом дивизии у Водопьянова, а сейчас болтался при штабе дивизии на второстепенных ролях помощником начштаба, две шпалы у него отрубили еще в августе. Мы с ним разрабатывали налет на Новогеоргиевск, и он помогал с расчетами на крайний вылет. Штурманом он был замечательным.

Идем к Голованову: дивизия его!

– Александр Евгеньевич, приветствую, как отдохнули?

– Тяжелый вылет, особенно возвращение, Сергей Петрович. Докладываю: топливо и присадка доставлены по всем точкам. Инженер 433-го опять тянет с отправкой людей к месту посадки подбитого самолета.

– Я как раз по этому поводу. Беда в том, что командира и начштаба там нет. У меня предложение назначить туда командиром капитана Лизунова, а начштабом майора Лышенко. Оба здесь, я их с собой привел. И что-то надо делать с полком: официально, по бумагам, у него числится тридцать шесть «ТБ» и семнадцать «галифаксов».

– Ну, да, я в курсе, поэтому полк до сих пор и не расформирован, потому что потеряем и самолеты, и личный состав некуда будет отправлять. Вся ремонтная документация на «ТБ-7» выполнена на него. Ее не переделать до возвращения в строй самолетов. В штабе ВВС меня об этом предупредили. В общем, это решает Москва, и пусть решает. Не наша задача. А с назначениями я согласен. Лизунова знаю по совместной работе, требовательный, исполнительный и талантливый человек. Лышенко мне не

сильно нравится, слишком педантичен, хотя и был на должности начштаба дивизии. Он был снят с должности в августе.

Он снял трубку и позвонил своему начштаба Шевелеву и попросил его подойти. Затем вызвал Лизунова.

– Василий Кириллович! Ты какими судьбами в 433-м? Почему из полка ушел? Он же к нам возвращается в 81-ю, приказ главкома уже есть! – Голованов решил сразу раскачать назначения, потому что ему не слишком понравилось, что в его дивизии кто-то еще командует.

– Здравия желаю, Александр Евгеньевич, после госпиталя в ЗАПе в Костроме переучился на «галифакс». Четыре раза горел на «ДБ-3», решил, что с меня хватит. Везение когда-то кончается. Самолет мне нравится. Он один как три «дэбэшки». С нашими, конечно, хотелось бы увидеться.

– А что ко мне не зашел после прилета? Так и болтался бы рядовым летчиком, а ты же комэск!

– Вы в Москве были, товарищ полковник. Мой экипаж всего пятый день в Тукуме. Но боевой вылет уже сделали.

В общем, опоздали вы, товарищ Голованов, со своими пряниками. Капитан прекрасно понимал разницу между возвращением в родной полк на ту же должность и получением собственного полка, тем более что еще один начальник покровительствует.

Пользуясь подходящей погодой и появлением в корпусе первых «Ил-10», подготовил еще один подарок «товарищу» Гитлеру. «Ил» обладал всем необходимым для «слепого полета», в том числе и радиопеленгатором, поэтому четверку «Илов» перебрасываем под Гродно, туда, где базировались в июле, на неприметный и маленький аэродром Волокай. Предварительно с помощью топографов выставляем две мощные дивизионные радиостанции на расстоянии двухсот пятидесяти километров друг от друга, которые образуют между собой створ сорок пять – двести двадцать пять градусов. Этот курс выводит прямехонько на antennу радиолокатора, установленного на форте Августов. Связываемся с Рейзendorфом в Крыму и заказываем работу его радиостанции на сходных частотах. Через Кристи нам дадут самую плохую погоду в Варшаве. Нам нужно, чтобы высота облачности была около ста метров, и желателен сильный снег. Налет готовим на дневное время. В обед. Он у немцев по распорядку.

Наконец, все необходимые условия совпали. Я ухожу первым, за мной с интервалом в десять минут вылетают еще три машины. Весь полет идем на высоте сто пятьдесят метров, иногда подскакивая вверх, когда замечаем

землю. Снежные облака неплохо глушат работу мотора. Штурман пеленгует поочередно работу то одной, то другой станции, и каждые десять минут берет пеленг на Крым. По счислению идем точно, скорость ровно четыреста километров. Курс проходит мимо всех городов и городков, лишь за сорок километров до цели слева есть небольшое село Лячов. Это контрольная точка. На тридцать пятой минуте полета лейтенант Кобзев сказал:

– Точка, вниз. Вверх, вижу. На курсе. Шесть минут, засек.

Вокруг сплошная пелена, лишь снег летит навстречу. Время как будто остановилось. Стрелка секундомера просто прилипла к циферблату.

– Есть пеленг, прямо по курсу.

– Минута.

Перехожу с циферблата на устный счет: сто двадцать один, сто двадцать два, сто двадцать три... сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят. Нос вниз, двенадцать секунд до залпа. Цель вижу, и очередь в двенадцать ракет срывается из-под крыльев. Доворот, и бью по огонькам открывшего огонь орудия. Тяну вверх, уходя в облака.

– На курсе!

Сейчас все зависит от штурмана.

– Вправо, триста.

Энергично виражу, с большой перегрузкой.

– На курсе.

Володя вслуш считает, чуть спешит, бью правым пальцем по СПУ, двадцать восемь секунд, я помню.

– Вправо, пятьдесят!

Так же энергично иду на курс пятьдесят. Десять секунд, нос вниз, орудия, бьющие вправо, залп.

– Цель вижу.

Выравниваюсь по крену, работаю одними педалями. Нитку на прицел уложил, откинул предохранитель, смотрю на ЭСБР-ЗБ – порядок, сброс, сброс и на себя, газ до упора!

Нет времени даже отстреляться по МЗА. Тряхнуло, просто подбросило, но машина слушается! Крепенько сделано.

– Есть пробоины, командр. И, кажется, скис пеленгатор. Антenna не вращается.

– Что с мостом?

– Не видел.

– Передавай! Цель один поражена, цель два вопрос. Имею повреждения, вариант «буки».

Для исполнения «буки» набираю пятьсот метров, доворачиваю на курс сорок пять градусов, и мы поползли обратно. Володя раскрутил механизм привода пеленгатора и развернул его фронтально, аккуратно продерживая руками трос. Но пеленгатор в таком положении находится не желает. Идем по счислению, больше ничего не сделать. Через десять минут Овчинников доложил, что один из пролетов пражского моста в воде, он отбомбился по второму с высоты сто пятьдесят метров, повреждений не имеет. Облачность поднялась. Я завернул остальные машины домой. Смысла рисковать людьми не было.

- Володя, доложи в Москву.
- С такой высоты не достанем.
- Все равно отстучи, нас хотя бы запеленгуют.
- Добро.

Он минут пять стучал на ключе, затем поймал подтверждение, что мы запеленгованы.

«Галифакс» подходит к линии фронта, но нас пока не наблюдает. Просит подняться выше и еще раз поработать на ключе. Так и делаем, у нас уже полторы тысячи метров.

- Первый, ноль семнадцатому. Вас вижу, вам курс тридцать восемь.
- Понял, исполняю.
- Первый, вам курс ноль, следовать шесть минут.

– Принял, курс ноль, – это, скорее всего, нас Белосток обойти заставляют. Через шесть минут дали курс сорок пять, но Волокай дал отбой по погоде. Принять могут Кейданы, и мы пошли туда. Под нами уже наши, так что выкрутились. «Галифакс» ходит кругами чуть выше облаков. Я запросил погоду в Кейданах, дали двести метров нижней кромки, и мы пошли вниз. Как только пробились и определились, так отпустили «бомбера», чтобы помог остальным дойти до Кейдан. Мы сели, через семь минут сел Овчинников, затем Степанов и Лужин. Рейд закончен. Варшаву мы временно ослепили. Теперь нужна высокая облачность. Километров пять.

Это было двадцать шестого, а двадцать четвертого ноября я докладывал в Москве Верховному о состоянии дел с операцией «Горышко».

– Из Казани поступило двадцать восемь «ТБ-7», перемоторенных на «Мерлин-46 HL», к двадцать восьмому обещают с ними закончить и перегнать оставшиеся семь машин. Одна машина остается на заводе и поставлена на средний ремонт. «Пе-4» поставлено двести двадцать шесть машин, но большая часть из них не облетана из-за плохой погоды.

Боеспособно только шестьдесят четыре машины. Остальные даже воздух не нюхали. Слетанность в составе полков проверена только в двух полках. Большинство пикировщиков слепых полетов не выполняло. Для проведения операции требуется относительно хорошая погода со сплошной облачностью высотой не менее четырех километров. Кроме того, из-за невозможности проведения операции ночью требуется скрытно перебросить 1-й гвардейский корпус на аэродромы в Литве и Белоруссии в полном составе. В 433-й полк поступила третья эскадрилья, и пополнена первая до девятисамолетного состава. Прибыл второй самолет с РЛС. Всего в строю двадцать семь бомбардировщиков «Галифакс», два транспортника и два самолета с РЛС, четыре машины выделены в звено связи и управления. Экипажи готовы как к слепым, так и к ночным боевым вылетам. Благодаря плохой погоде смогли накопить необходимое количество боеприпасов и топлива для трех планируемых ударов по Варшаве. В ближайшее время готовим операцию по уничтожению или повреждению второго радиолокатора Варшавского узла ПВО. До начала операции требуется подготовить тайный аэродром для вывоза летного состава, который могут сбить при налетах. Требуются самолеты «Ока-38». У нас только две машины, этого явно не хватит.

Сталин делал отметки у себя в блокноте и что-то складывал столбиком.

– По тому, что вы сказали, в налете примет участие тысяча двести самолетов, которые смогут сбросить суммарно за три вылета около двух тысяч двухсот тонн бомб. Вы считаете, что этого количества достаточно для выведения Варшавского узла из строя?

– Как минимум это сильно его ослабит, тем более что заготовлено семьсот тонных и сто семьдесят двухтонных бомб, значительное количество 500-килограммовых и основная масса бомб – сто килограммов. Кроме того, только зажигательных баков имеется восемьсот штук емкостью двести пятьдесят и пятьсот килограммов. Наличие большого количества штурмовиков даст возможность подавить работу зенитной артиллерии. Непосредственно Варшаву охраняет NJG3, «Nachtjagdgeschwader 3», оберста Йохана Шалька в составе трех полков из четырех. На вооружении двух из них истребители Ме-110, один из полков вооружен самолетами Ju-88. К дневной атаке ПВО Варшавы не готово. У немцев есть возможность подключить еще два полка истребителей Ме-109F и FW-190 с аэродромов в Лодзи и Торуне. Всего примерно сто двадцать пять машин. Из них только пятьдесят максимум – относительно опасных. Авиация двух фронтов будет блокировать работу прифронтовых аэродромов немцев. Примерно

четырехкратное превосходство в истребителях мы обеспечиваем. Хотя от двух-трех полков на «спитфайрах» я бы не отказался. Есть одна задумка, как растащить еще оборону противника.

– Что вы имеете в виду?

– Предварительный удар по аэродрому в Новогеоргиевске и мосту через Нарев, товарищ Сталин. Это вынудит немцев поднять самолеты в воздух, а мы туда не пойдем. Радиоигра с утечкой информации. Так как там радиолокатора не стало, то немцы поверят, что удар будет по нему. А несколько налетов туда мы совершим, ноочных.

«Спитфайры» мне были нужны для того, чтобы сопровождать тяжелые бомбардировщики. У «МиГов» был недостаточный радиус. Погода, как назло, не успокаивалась, продолжал идти сильный снег. Но из Варшавы хорошие сведения. Немцы локатор не восстанавливают, а переводят на новую точку в Даброво, чтобы прикрыть и Варшаву, и Новогеоргиевск. Отдельное здание – это отличная цель!

Наконец, дали погоду. Причем у нас погода еще нелетная, а к Варшаве подходят плотные и высокие облака. Жаль, что не все полки «Пе-4» успели обкатать, но пора лететь, командование уже начинает бить копытом. Еще ночью начинаем подготовку к вылету всех. Сам вылет назначен на 08:30. Коридор для нас будут делать летчики штурмовой авиации фронта, и они тоже готовятся к налетам на все аэродромы немцев в полосе нашего вылета. Готовятся шумновато, с радиодисциплиной у них не очень. Здесь и запускаем «утку» про налет на Новогеоргиевск, пару раз допустив упоминание Модлин. Кто-то кого-то попросил дежурную частоту Модлина.

У нас к утру закончился снег, разведчик погоды дал толщину облачного покрова две тысячи пятьсот. Вместо трехсот восьми «Пе-4» пойдут только двести двенадцать машин. У остальных летчиков нет сложных метеоусловий, сопляки после училища. Оба «летающих локатора» уже в воздухе, помогают собраться группам «Пе-4» и истребителям. К сожалению, не все: несколько машин потеряно еще при взлете и наборе высоты. Навыки слепого полета довольно нестойкие. Ладно, на земле разберемся, почему. Я в налет не иду, болтаюсь на «галифаксе», обеспечиваю и организовываю сбор группы. Гвардейский корпус набирает высоту вместе со всеми. Единственное отличие: «Илы» стелются по верхней кромке облаков. Появляются любопытствующие: два Ме-110, которых тут же загоняют опять под кромку. Где-то внизу, под облаками идет бой, а корпус и «пешки» догоняют ушедшие вперед тяжелые бомбардировщики. Последними пока идут «пешки». Несколько раз меняем

курс, чтобы сбить работу шумопеленгаторов. Два, так сказать, «ДРЛО», охраняемые шестнадцатью «спитфайрами», идут между ними и штурмовиками. У Острова Мазовецкого все сошлись и выстроились в огромную «этажерку». Появились отметки немцев, которые идут к Новогеоргиевску, а мы еще раз сменили курс и пошли на юг, на Минск Мазовецкий, откуда ушла «группе» прикрывать Новогеоргиевск. Локаторы у немцев не работают, так что они потратят немало топлива, мотаясь туда-сюда. Еще раз доворачиваем, теперь на Юзефов, проходим мимо хорошо укрепленных крупных железнодорожных станций. Лишь в одном месте возник слабый заградительный огонь, но в облака нырнуло несколько «Илов», и огонь прекратился.

Сами штурмовики выскоцили из пелены и начали пристраиваться к группе. От Борисчева довернули на курс триста и начали пробивать облака сверху. Первыми, четырьмя волнами, из облаков выскоцили «Илы», и воздух расчертли белые полосы пускаемых ракет на ожившую противовоздушную оборону немцев, следом идут «ЛаГ-5», дорабатывая за «Илами», которые приступили к обработке эшелонов на станции Ольштынка Гроховская. Вниз пошли стокилограммовки, зажигательные баки, кассетные боеприпасы. Их дело как следует задымить этот район. Целью для тяжелых машин является узкий полуторакилометровый коридор из трех горловин трех станций. Сюда пойдут двухтонные бомбы, которые тащат «галифаксы» – они тройками пробили облака, высипали восемьдесят одну бомбу и спрятались обратно. Артиллерия в этот момент уже не работала. Следом за ними появились «ТБ-7», на каждом по пять тонных бомб, в сумме двести тридцать, и начали точечно работать по путям, горловинам, стрелкам и горкам станции Прага. «Пешки», появившиеся последними, атаковали Данцигский мост, там же сработали «Илы» со спаренными сотками, несколько вспомогательных мостов пошли вслед за главными.

Такого количества НУР немцы никак не ожидали. Батареи опустели, лишь с левого берега пытались вести огонь крупнокалиберные орудия. Но тяжелые машины были далековато от форта Бема и шли практически на высоте облачности. Целей было много, а управление огнем – сильно нарушено. У Бялолеки самолеты уходили направо и, прячась в облачности, отходили к Острову. Несколько истребительных боев возникло над облаками, затем все немецкие истребители ушли вниз – ловить отставших и подбитых. Но их неверно проинформировали: внизу была прорва «ЛаГ-5», которым Ме-110 на один зуб. «Мессера» заметались, так как ожидали другого приема. Окрашенные в бело-черный цвет, они резко

контрастировали с нашими машинами, и за ними началась настоящая охота, которую я приказал прекратить, так как опасности они для нас не представляли, а топливо истребителям надо экономить.

Отход от цели не был тяжелым, и на посадке никто особо нас не беспокоил. Над Варшавой потеряли шесть «Пе-4», два «ЛаГ-5». Все «пешки» потеряны при атаке моста на левом берегу Варшавы: выход из пике на мост проходил над фортом Бема. Там девятку «Пе-4» и подловили. Кстати, мост не был их целью. Проявили инициативу.

В 14:30 пришло поздравление от Сталина всем участникам налета. В нем говорилось о представлении всех участников к орденам и медалям. На этом фоне было странно слышать о том, что в Лондоне министр иностранных дел правительства Польши в изгнании Август Залесский и командующий силами ZWZ генерал Казимеж Сосковский обвинили Советский Союз в варварской бомбардировке Варшавы и неумеренном применении силы против мирного населения Польши, разгроме важнейшей отрасли промышленности республики, создании невыносимых условий для мирного населения путем лишения их работы на крупнейшем транспортном узле Европы – городе Варшава. ZWZ объявила войну СССР, обещала активизировать действия своих отрядов на временно оккупированной Советами территории Польши. Сосковский потребовал от командования Войска Польского отказаться от контактов с командованием РККА и требовать эвакуации уже созданных подразделений в Иран. Получив такую информацию, я вызвал к себе подпуковника Розумовского и поручника Зайцевовскую. Дело заключалось в том, что информация о погоде в Варшаве шла через них, и похоже, что источник накрывался медным тазом.

– Что скажете, господа? Верховный Главнокомандующий не возражает против эвакуации армии Андерса в Багдад. В Иране ей делать нечего. Мне предписано уведомить вас, что препятствовать вашему отъезду мы не будем. Товарищ Сталин так и сказал: без них справимся. Второй раз за время операции польская сторона пытается отказаться от борьбы с немцами. Сами понимаете, что лучше не иметь такого союзника, чем его иметь.

– Мне пока не поступало никаких указаний от генерала Андерса о сворачивании миссии в Тукуме, господин генерал. Скажу больше, и я, и сотрудники миссии гордимся тем, что принимаем участие в осуществлении такой блестящей операции. По моим данным, бомбежка была просто ювелирной. Для восстановления потребуется не один месяц, возможно

несколько лет. Как транспортный узел Варшава перестала существовать.

– Можете хотя бы примерно оценить потери среди мирного населения?

– Потери среди железнодорожников огромны, немцы не отпустили их в бомбоубежища. Но они считаются вспомогательными подразделениями вермахта и ТОДТа, хотя и получают зарплату в треть от немецкой плюс паек. Они – остатки бывших рабочих. Разрушенных жилых домов немного, но есть, особенно там, где применялись бомбы крупного калибра в районах Грохова и Прага. Там до сих пор все горит и взрывается, большое количество боеприпасов, бензина. Есть потери среди пожарных. Имеются потери от разрывов ваших ракет, в основном на левом берегу, скорее всего зеваки, которые увидели налет на Прагу и вышли посмотреть. Центральная часть Варшавы не пострадала, но жители массово уезжают из города, так как понимают, что за первым налетом последуют и другие. Немцы с таким количеством авиации справиться не могут. Они перебрасывают еще самолеты. Есть данные, что часть летчиков отвели с фронта. Мои поздравления, господин генерал!

– Четверых ваших летчиков укрывают в городе. Все на левом берегу. Пока вывезти никуда невозможно, их активно ищет гестапо, – добавила Кристина.

– Не выдадут, после такого заявления правительства?

– Трудно сказать, таких сведений у меня нет.

– А вы что решили, подпуковник?

– Я не вижу повода прекращать работу в миссии. Идет война, и жертвы – неизбежны. Мы с самого начала знали, что подготавливаем удар по Варшаве. Мне кажется, что в Лондоне хотели провала этой операции. Все или не все, не знаю, но желали, чтобы она провалилась. Так войны не выигрываются. Хотя я, конечно, не Тамерлан.

– Что ж, господин подпуковник, распоряжением Верховного Главнокомандующего все участники операции «Горлышко» будут представлены к орденам и медалям Советского Союза. Подготовьте наградные листы. Вы свободны.

Только их выпроводил, прибегает начальник шифровального отдела:

– Товарищ генерал! «Воздух» на ваше имя!

Читаю, и волосы встают дыбом. Иосиф Виссарионович отжигает! Куй железо, пока горячо!

«Генерал лейтенанта Шкирятова вверенные ему части соединения поздравляем исполнением операции квч горлышко квч тчк Кратчайшие сроки перебазировать корпус усиливанием район наступления Тапа тчк Работу миссии войска Польского свернуть Нарком обороны СССР И Сталин».

Скорость реакции у него отличная! Он понимает, где лежит ключик от Берлина!

Подхожу к домику поляков, они поселены отдельно, вошел внутрь, там шум, какие-то разборки в их комнате связи. Дневальный крикнул: «Uwaga! Vacznosc!», – но шум затих только тогда, когда я вошел на пункт связи. Там за грудки таскали друг друга пара человек, у одного из них алел на щеке след пощечины. У Кристи рука на кобуре, а Розумовский стоит чуть в сторонке и чему-то улыбается. Пришлось гаркнуть: «Смирно!»

Пыхтя, драчуны отпустили друг друга и вытянулись, время от времени бросая яростные взгляды друг на друга и на Кристину.

– В чем дело? – спрашиваю у подполковника.

– Обсуждаем повесть Пушкина «Капитанская дочка», – съязвил Розумовский.

– Доложите по форме, – спокойно отреагировал я.

– Хорунжий Шилевич оскорбил поручника Зайцеховскую, за что и получил по физиономии. А у нее нашлись единоверцы. Из Москвы и Лондона поступила целая серия взаимоисключающих приказов, господин генерал. Выясняем, кому служим и кому служить дальше.

– У меня тоже новости: приказано свернуть работу польской миссии, а операцию по уничтожению Варшавского железнодорожного узла признать успешной и законченной. Бомбить Варшаву в ближайшее время мы не будем. Так что, господа офицеры и унтер-офицеры, благодарю за службу, и сворачивайтесь. – Я повернулся, чтобы выйти, но меня остановил вопрос по-польски, заданный унтером с черными петлицами и васильковым кантом, который стоял между Кристиной и хорунжим Шилевичем. Я посмотрел на Кристину, чтобы перевела.

– Сержант Лешек говорит, господин генерал, что он получил возвзвание генерала Берлинга и готов вступить в ряды польских частей РККА. Где и как он может это сделать?

– В любом военкомате, сержант, если речь идет о национальных дивизиях РККА.

Теперь заговорил хорунжий:

– Что будет с нашими частями? Нас опять интернируют?

– Если заявление командования ZWZ останется в силе, то части бывшей армии Андерса будут интернированы. Пока таких указаний не поступало, поэтому побыстрее сворачивайтесь и получайте предписание на поезд.

– А там без пересадки в Сибирь, – перевела слова хорунжего Кристина.

– Каждый должен сделать свой выбор, хорунжий. А предатели на войне никому не нужны. От них избавляются. А то сегодня мы с вами, завтра с Гитлером. Мотаетесь, как хвост собаки.

– Офицерам бывшей царской, потом белой, затем польской армий звания сохранят? – по-русски спросил Розумовский.

– Не знаю. Что касается вас, господин подпуковник, то вы, скорее всего, пойдете служить по ведомству генерала Панфилова. С этим вопросом обращайтесь не ко мне, а к полковнику Максимцеву. Он ваш непосредственный начальник. Речь идет о рядовом и сержантском составе.

– Я вас понял, – ответил Розумовский и стал натягивать перчатки.

– Все споры заканчиваем, радиостанции отключить немедленно, выход на связь запрещаю. О снятии радиостанций доложить через два часа. Все доклады – товарищу Максимцеву. Вы более не находитесь в составе моей группы. Благодарю за службу.

У выхода столкнулся с Максимцевым и коротко описал сцену.

– Я уже получил распоряжения, вас действительно этот вопрос более не касается. С сержантами и так было понятно, кто есть кто, ну, а Розумовский – это удача! До свидания, товарищ генерал! Наверное, в ближайшее время уже не увидимся.

В это мне слабо верилось, но я ничего не ответил Максимцеву. Пошел готовить перелет.

Поздно вечером позвонила Зайцевская и попросила разрешения зайти попрощаться.

– Нас отправляют в Москву, Серж, меня и Розумовского. Он сделал мне предложение, и я согласилась.

– Поздравляю!

– И еще одна новость, Серж. Со здоровьем у меня все в порядке! Я – счастлива! – она поцеловала меня, затем озорно улыбнулась и, покачав двумя поднятыми вверх пальцами в виде буквы «V», положила руки себе на живот чуть ниже талии, давая еще раз понять, о каком здоровье идет речь. Послав воздушный поцелуй, наконец удалилась. Она лет на пять-восемь старше меня, прошла огонь, воду и медные трубы. Никогда и не рассматривал ее как «претендентку на престол». Хотя чисто как женщина она и привлекательна, и опытна, и умело пользуется своей женственностью.

Часть 12

Куй железо, пока горячо

После организации перелета был отозван в Москву, принят и обласкан. Теперь у меня 1-я особая воздушная армия. Помимо штурмового, в ее состав вошел и бомбардировочный корпус: три дивизии бомбардировщиков «Пе-4» и две дивизии истребителей сопровождения на самолетах «спитфайр» и «кобра». «Кобр» всего два полка, причем маленьких, по тридцать шесть самолетов Р-39К и – L, все из Англии, но у всех есть подвесные танки, так что имеют дальность 1760 километров – чуть меньше, чем у «спитфайра». Состав меня устраивает, так как полки «Пе-4» имеют двадцать восемь самолетов на вооружении. Не такие большие, как штурмовые. Правда, запас в один самолет слишком мал, о чем и было сказано Сталину. Лучше было бы иметь десять машин в каждой эскадрилье и три-четыре в звене управления и разведки, обязательно включив туда истребители-разведчики «Пе-3МР» в высотном исполнении. Хотя бы по паре на полк.

Из Англии продолжают поступать «галифаксы», их уже два полка по тридцать машин, и обещают еще, но они входят в АДД, которая официально создана. Особая армия имеет возможность привлекать АДД для решения специфических задач.

Удалось поговорить и о семье. Аксинью наконец перевели в штаб армии, присвоили ей армейское звание майор, и она прекратила службу в НКГБ, чему искренне обрадовалась. И квартиру не отобрали. Долго засиживаться в Москве не дали: во-первых, начались капитальные морозы, во-вторых, требовалось организовать мощный удар по Хельсинки. Дело в том, что отделившаяся в семнадцатом году Финляндия прихватила, как и Польша, одну из мощнейших в мире морских крепостей – Свеаборг, где на 1918 год насчитывалось двадцать пять береговых крупнокалиберных батарей и семьдесят одна стационарная артиллерийская батарея по радиусу некогда русского Гельсингфорса. Можно, конечно, утверждать, что крепости к началу Второй мировой войны устарели, но если от острова Мойя (Исосаари) до Киила все было забетонировано и пристреляно еще в четырнадцатом – семнадцатом годах (27,4 км диаметр), то можно представить, насколько сложно это взять обратно. Это еще хорошо, что не успели поставить туда, как планировали, четырехбашенную 12-дюймовую

батарею. Просто не хватило времени, но стволы для них лежали на складах в Свеаборге. Любим мы подарки делать шикарные, хлебом не корми!

Так как на землю Северо-Запада пришел мощнейший сибирский антициклон и ночные температуры просто зашкаливали, то производить аэрофотосъемки местности было удобно и производительно. К великому неудовольствию финнов и финской авиации, весьма потрепанной и устаревшей. Из Гангута прилетели генерал-лейтенант Сергей Кабанов и генерал-майор Петр Симоняк. Их привез капитан Игнатенко из 81-й морской разведэскадрильи, а также привез много снимков, еще летних. Кабанов насторожен: он опасается, что наступившие морозы помогут маннергеймовцам и гитлеровцам взять штурмом Гангут. Какие к этому предпосылки, непонятно, потому что еще с лета там заложено множество мин, проволочных заграждений, настроена куча дотов и дзотов. Продовольствия и боеприпасов у него на год. Бензина – на шесть месяцев. Зарылись в землю они капитально, даже самолеты укрыли в бетонные капониры. О пехоте не слишком заботятся – это факт, но артиллерия и начальство прикрыты капитально. При мне зачем-то просит танки, причем тяжелые. Станный товарищ! Ему гаубицы нужнее! Их у него кот наплакал. И зачем он лично прилетал, для меня осталось загадкой. Я просил подвезти только снимки. Вообще моряки суетятся и прыгают возле нас много. Прилетал и Трибуц, и Кузнецов. Куча советов, их волнует поиск второго броненосца береговой обороны, доки и верфи, которые срочно требуется разбить, хотя у меня совсем другие указания. После стабилизации фронта в августе полуостров неплохо прикрыт авиацией с Моонзунда. Один броненосец на ремонте, а ледовая обстановка не дает использовать второй. Но моряки с тридцать девятого побаиваются лыжников Финляндии. Видимо, немного паникуют. Перешеек у финнов удерживают незначительные силы: 55-й пехотный полк и шведский добровольческий батальон. Остальные войска у них находятся восточнее: на Карельском перешейке, в Карелии и Приполярье. База Гангут их мало беспокоит. После бомбардировки финских аэродромов в июне активность немецкой авиации здесь резко снизилась. Собственной авиации у финнов недостаточно, и хотя война финнами объявлена, кроме столкновений за острова в Выборгском заливе и взаимных обстрелов вдоль всей границы больше ничего не происходит. Единственным местом, где граница нарушена, было Заполярье. Там и финны, и немцы на некоторых участках границы смогли продвинуться вперед, но были остановлены примерно на тех же позициях, что и в наше время. Но финская армия не отходила от границ, надеясь, что немцам все-таки удастся осуществить прорывы. По сведениям разведки, с

которыми меня познакомил Сталин, немцы начали переброску на Север двух горных корпусов из Австрии. Собираются усилить авиационную группировку и отрезать Москву от Баренцева и Белого морей. Поставлена задача предотвратить подобное развитие ситуации. Вот мы и составляем три карты Хельсинки: аэрографическую, экономическую и радиолокационную. Действовать предстоит быстро, пока немецкие силы скованы морозами, застывшим синтетическим бензином и отсутствием зимнего обмундирования. Все осложнялось тем обстоятельством, что боеприпасы у нас находились в западной части Литвы, Белоруссии и в Курляндии. А их требовалось много. Что-то удалось отжать у балтийцев, идут эшелоны из Ленинграда, Куйбышева и Горького.

Для бомбардировки Хельсинки готовим «подарок» – сборные шеститонные бомбы, девяносто шесть частей которых доставлены из Ленинграда в Тапу. Каждая часть весит тонну. Шесть метров длина и один метр диаметр. Бедные «галифаксы»! Над шестнадцатью из них сейчас издеваются ребята инженер-полковника Кравца. Сам Кравец очень обеспокоен морозами и возможностью того, что бомба закувыркается. Советую придать стабилизаторам небольшой угол и закрутить бомбу вокруг собственной оси. Расстояние до цели мизерное, так что топлива требуется совсем немного. Целями для этих бомб станут шестнадцать электростанций и электроподстанций Гельсингфорса. Для этого внимательно изучаем воздушные электролинии и аэрофотоснимки.

Наконец, на 16 декабря назначаем вылет. Тот день войдет в историю дважды: Гитлер стал главнокомандующим и отдал приказ каждому немецкому солдату, несмотря на отмороженные причинные места и задницу, держаться за каждый клочок отвоеванной земли до последнего патрона и ни в коем случае не отходить. И он официально приказал грабить население на предмет дров, угля и теплой одежды, то есть преступил ту грань, которая обычного солдата и генерала превращает в военного преступника. Ну, и наш налет на Хельсинки, который осуществлялся в три волны. Первыми, как всегда, штурмовики и «ЛаГ-5», их задачей было подавить зенитные средства противника. Три штурмовые дивизии в полном составе рванули на малой высоте через залив. Следом за ними шли «галифаксы» и «ТБ-7», прикрытые «спитфайрами», и замыкали все пикирующие бомбардировщики. На бортах находилось двадцать восемь тысяч ракет и тысяча тонн бомб различного калибра и назначения. Главными целями стали не дома и предприятия, а электростанции, склады угля, дров, бревен и пиломатериалов, на которые пошли ЗБ с пирогелями. Почти сто тонн пирогеля былоброшено со штурмовиков. Шеститонные

«сборки», имевшие внутри себя четыре тысячи восемьсот килограммов аммотола, применялись впервые в мире. Выла вращающаяся бомба при падении очень громко. Главное условие для всех: требовалось быть на расстоянии от взрыва не менее четырех километров. Поэтому я и разделил группу на волны. Шедшие на малой высоте «Илы» и «ЛаГи» в этот момент уже отходили над морем, а пикировщики еще не подошли. Пятнадцать взрывов сотрясло Хельсинки, и один – Веромаки. Что произошло со зданиями, описать просто невозможно: их сдуло, как домики пороссят в известной сказке.

Зашлифовали все пикировщики, обработавшие порт и береговые сооружения. В момент, когда они заканчивали работу, подошли еще раз штурмовики и добили остатки ПВО. Долго кружились над городом, не давая тушить пожары на складах, нанося точечные удары по вновь обнаруженным целям; «ТБ-7» обработали горловины всех станций тонными бомбами. Крайний бомбардировщикбросил большое количество листовок с требованиями Правительства СССР выйти из войны. При этом по центральной части города – русскому Гельсингфорсу – прямых ударов не наносилось. Однако две из электростанций – Ханасаари и Салмисаари – были почти в черте города, там разрушения были, и крыши некоторых домов приняли ракеты, так как на них находились наблюдательные и дальномерные посты ПВО. Александр Второй так и остался стоять на Сенатской площади. Цели разрушать город не стояло.

Из Таллина по радио выступил Жданов, ЧВС Северного фронта, который предупредил Правительство Финляндии, что участь Хельсинки постигнет все крупные города. Требование было одно: или капитулировать, или выйти из войны и разорвать отношения с Германией, вернуться к исполнению договора сорокового года. Двадцать четыре часа давалось на размышление.

Первой взвыла, естественно, Швеция. Они до сих пор помнят, что некогда это была их территория. И до 1865 года официальным языком Великого княжества Финляндского был шведский. Финны были никто, и звали их никак. Шведская партия была сильнейшей в Сенате. Шведские террористы убивали русских генерал-губернаторов. Шведские «добровольцы» расправились с «красными финнами» с помощью немецкой дивизии, но по современной истории это сделал непобедимый генерал Маннергейм. Он пережил бомбардировку в стороне от гибнущего города: вместе с инспектором от доблестного вермахта, он находился в передовых частях на месте будущего генерального наступления, когда узнал, что

инфраструктура города разрушена, водозаборная станция разбита и разморожена, в городе нет электричества, все подстанции разбиты в труху и восстанавливать нечего. Положение финской экономики и без этого было, мягко говоря, плачевным. Теперь же, при тридцатисемиградусных морозах, греться можно было только от горящих складов. Над четырехмиллионной Финляндией повис мрачно сияющий Марс. До нового налета оставалось три часа. Я приказал не наблюдать радиотишину, а в качестве цели обозначил Турку. Целеуказания раздавались прямо по радио. Распределялись приоритеты, полторы тысячи радиостанций отвечали на указания. Радиоразведка финнов доложила о подготовке к вылету.

– Что мы можем противопоставить? – спросил Маннергейм.

– Перебросить из Расти полк LeR 1, двадцать один самолет «Р-36».

– И все?

– Все. Остальные у нас «фоккеры». И можно немцев попросить перебросить группе из Копио, но там только двенадцать машин на подогреве.

Фельдмаршал надел наушники и взял микрофон.

– Дайте мне их канал.

Несколько минут слушал, кто и что говорит, потом выжал тангенту.

– Первый, ответьте фельдмаршалу Маннергейму. Здесь Маннергейм.

– Я – первый, вас слушаю.

– С кем я говорю?

– С командующим 1-й особой воздушной армией.

– Предложение господина Жданова о прекращении огня, перемирии и признании договора сорокового года мною принято. Соответствующую ноту вручат сегодня в Стокгольме полномочному и чрезвычайному послу СССР госпоже Коллонтай. Мы выходим из войны. Свяжитесь со своим командованием.

– Оставайтесь на связи.

По ВЧ связался со Ставкой и сообщил об услышанном.

– Это хорошо, товарищ Шкирятов, машины к вылету подготовить, но не взлетать. Передайте Маннергейму, что вылет отложен в ожидании подтверждения из Стокгольма.

– Маннергейм, первому.

– Здесь Маннергейм.

– По приказу Верховного Главнокомандующего вылет отложен и будет отменен после получения подтверждения ваших слов из Стокгольма. Как поняли? Прием.

– Я вас понял. Благодарю, первый.

Через три часа пришел отбой вылета, и бедным вооруженцам пришлось снимать навешенное вооружение, правда, не всем машинам. Новый приказ предписывал перелет на Север. Часть машин уходит сразу. Их ведут два лидера: самолеты «Пе-3МР», остальные штурманов не имеют, поэтому в такой дальний перелет идти самостоятельно не имеют права. Садиться придется на лед озера, где сейчас пыхтят «Сталинцы», расчищая снег под аэродром. Город называется Мончегорск, там сейчас почти нет народа, все эвакуированы, оборудование демонтировано. Но по сравнению с окружающей тундрой, их вполне хватает для такой работы. Привлекли батальон охраны станции и комбината. По меньшей мере есть жилье и какие-то условия для работы. Озеро Лумбонка – место для базирования истребителей, а бомбардировщики сядут на Койма-губе. Маленькая площадочка на двадцать пятом километре занята. Но ее БАО и привлекли к организации освещения и проверке готовности полос. Из Мурманска туда перебрасывают английское топливо, так что необходимая мощность у двигателей будет.

Я сам на «галифаксе» уже вечером 21 декабря был там. Вызвал командира местного полка, который базируется севернее. Самого командира нет, уехал в Архангельск, где находится штаб дивизии, здесь только одна эскадрилья капитана Семенова, семь самолетов «ЛаГГ-3», один «МиГ-3» и четыре «харрикейна». Капитан приехал на полуторке, не очень доволен, что на ночь глядя – здесь, вообще-то, полярная ночь, поэтому разобрать, где день, где ночь, сложно – его выдернули из койки.

– Передайте обстановку в районе!

– Товарищ генерал, я этим вопросом не владею. Мне приказали – я взлетел. Ну, вот тут немецкий аэродром в Алакуртти, а вот тут – два финских. Вот здесь и здесь. Только вроде вчера передали, что с финнами у нас опять мир.

– Мир, мир, вот только Алакуртти – это советская территория. Допуски к ночным у всех?

Комэск тяжело вздохнул:

– У всех, только подловить немцев никак не удается, сколько ни пытались. Прилетаешь – они в воздухе и ждут нас. Кроме потерь, ничего.

– И что предлагаете?

Капитан предусмотрительно промолчал.

– Снимки есть? Сколько их там?

– Нет, ни один из разведчиков не вернулся.

– Где у них зенитки?

– Не знаю, я только переведен в полк, даже боевых не сделал ни

одного. Это я со слов подчиненных говорю, – а так выглядел он браво, куртка расстегнута, чтобы все видели его Красную Звезду. – Я из 145-го полка, товарищ генерал, мы в Шонгве базировались. Сюда перебросили, так как 609-й «ЛаГГи» получил. У меня три сбитых. Приказали помочь в освоении.

– Понятно, прикажите привезти кого-нибудь из старых летчиков, кто давно здесь базируется.

– А летчиков таких нет. Есть штурман эскадрильи, но он не летает из-за ранения. Давно.

– Комполка скоро будет?

– Не знаю, основное место базирования полка южнее, в Восточном Первенце. Здесь редко кто бывает. До наступления дня летаем мы мало. Но «ЛаГГи» освоили.

– Орудия РО-82 заменили на РК?

– Нет, новые ракеты еще не приходили.

Итак, что имеем с гуся? В Алакуртти – локатор, немцы его сразу притащили, как фронт остановился. Он позволял контролировать как небо, так и появление железнодорожных составов. Мы находимся в зоне его действия, хоть и садились в темноте и на малых высотах, но вероятность того, что немцы знают об усилении группировки, совсем не маленькая. Местные мало чем помочь могут, они таких задач не решали. Но без разведки лезть к черту на рога не годится. И выполнить основную задачу будет сложно, так как с таким соседом провести тихо операцию не удастся.

Даю команду готовиться к перелету. А сам с Койма-губы поднимаюсь на «галифаксе» в небо. Отхожу на малой высоте с отворотом за Ловозеро – туда, где немец меня гарантированно не достанет. Опять шумим при подготовке к вылету. Оператор через пятнадцать минут после того, как начали готовиться и прошумели, устанавливая связь, запеленговал работу метрового локатора. То есть немцы его на постоянку не держат, включают по радиоперехвату. Замечательно. Немцы крутили его до тех пор, пока четыре эскадрильи не собрались над Мончей и не пошли на Север. Не в сторону немцев, а к Мурманску. Локатор выключили. После этого я набрал десять тысяч пятьсот – эта модификация имела двигатели для высотных «спитфайров» и «москито» и четырехлопастной винт «Ротол». Максимальная горизонтальная скорость у нее двести семьдесят семь узлов или пятьсот двенадцать километров в час. Набрав высоту и скорость, развернулся на Алакуртти. Над Кандалакшским заливом заглушил и зафлюгировал крайние движки, прибрал до самого малого ближние и начал

пикировать под небольшим углом, стараясь удержать максимальную скорость. «Мерлины» начали переохлаждаться, пришлось прикрыть полностью створки. Штурманята и бомбардиры готовятся к работе. Оператор РЛС пока молчит, активно радар не работает. Штурман дал удаление и высоту, бомбардир возится у носового прицела, подходим к точке доворота. Доворот, заработал локатор, и оператор снимает на трех диапазонах обстановку. Открываю люки. Штурман бросает фотаб, а затем высыпает тремя очередями кассетные КМГ-500.

– Отворот! – командует он, я закладываю вираж и ставлю винты на раскрутку крайних. Блин, длинные сплохи выхлопа, запуск, оба вперед, сзади загораются прожекторы, и в этот момент первая очередь из кассет достигает земли. Часть из них ударные, часть рвутся в воздухе. Я выполняю противозенитный маневр, сзади активно говорят зенитки, но сосредоточенного огня они открыть не успели. Мы отрываемся от них, а первые кассеты пошли в предвычисленную и несколько раз запеленгованную точку расположения локатора. Локатор вслед нам не работает. Навстречу спешит пара «спитфайров» 3-го гвардейского полка. На всякий случай прикрыть хвост. Но наш локатор показывает, что хвоста за нами нет. Можно заворачивать назад машины, ушедшие к Мурманску.

Немцев мы раздразнили и разозлили, топлива у меня еще много, поэтому кручуясь над аэродромом и контролирую обстановку. Локатор еще где-то в пути. Затем меня сменяет еще один «галифакс», а сами идем на посадку готовиться к вылету. Рядом заправляются и снаряжаются штурмовики. Задание тяжелое: ночь, возможно противодействие истребителей противника. Сам пересаживаюсь на «Ил-10». От винта! Идем на малой высоте, сверху нас ведет и расставляет оператор «галифакса». Еще один будет работать осветителем. Они же отвлекут на себя крупнокалиберную артиллерию и вскроют их расположение. Первыми, впрочем, начинают работу «спитфайры» прикрытия, которых оператор выводит на одинокий ночной истребитель противника. У немцев все налажено, по первому же перехвату начинает отход «мессер», но отходит так, чтобы сблизиться и атаковать осветителя. Первый ОАБ сброшен, все капитально замаскировано, даже следов от моей работы почти не видно. «Илы» начинают работу по прожекторам и 88-мм «флакам», ведомые работают по МЗА. Командир у немцев опытный, отменил огонь, дождался, когда потухнет ОАБ, и после этого опять дал команду: «Огонь!»

Нас на мякине не проведешь! Вниз летит зэбэшка, так что фиг ты уберешь огонь! Оператор РЛС вскрыл места стоянок и направил третью

пару «Илов» туда. Там отработали кассетами, появилось несколько костров. Меня на втором заходе направляют на другой конец аэродрома, там есть что-то металлическое. Даю туда очередь осколочно-фугасных РС. Топливо! И где-то рядом должны быть бомбы! Но их не видно даже при таком освещении. Работаем по казармам, обнаруженным капонирам и ангарам. Немецкие орудия практически перестали стрелять. Отходим, потому что подошли «галифаксы», которые работают кассетами и мелкими бомбами, завершая нашу работу. Бомб у них много.

А немец, который был в воздухе, уклонился от шести атак и ушел, сволочь! У них великолепно работает служба перехвата. Любая команда, данная в воздухе, тут же переводится, анализируется, и следует противокоманда. И на нашей, и на своей, и на англо-американских частотах. Вот гады! Поняв, что с этим как-то надо бороться, сам на «галифаксе» через час пошел на перехват разведчика, который летел из Норвегии. Без всяких команд, используя собственный локатор, подошли и расстреляли его из носовых спаренных Б-20. Do-217. Начни его перехватывать вслух, ушел бы. Что-то надо придумать! Но что? Цифровых станций нет как класса, а аналоговые фиг закроешь.

Мучились мы, правда, не долго: через сутки подошли дивизионные и корпусные РЛС, и мы их развернули, создав зону ПВО. Я доложился в Ставку, что приступаем к зачистке этого участка фронта от вражеской авиации. Район был давно поделен между немцами и финнами, зачастую вперемешку, командовал у финнов здесь группенфюрер СС Сииласвуо. Который, кстати, был не финн, а швед. В общем, BBC Финляндии прекращать войну вовсе не собирались. Немцев они не трогали, а так как мир не подписан, то могли свободно атаковать вместе с немцами над «своей» территорией – своей считалось все за линией фронта к западу. А линия фронта проходит по нашей территории. Я вышел на связь по 5К и открытым текстом заявил, что наша задача – выбить немецкую авиацию из этого района. Если финны попытаются помешать, то церемониться не станем.

Но группен NJSt.Norwegen и NJSt.Finnland под командованием генерал-полковника авиации Штумпфа не были мальчиками в коротких штанишках. И на их стороне преимущество в количестве аэродромов. Для меня сейчас главное, их со «стационаров» вытащить. Мы с озер так быстро сработать не сможем. Правда, у них истребителей совсем чуть-чуть. Можно взять на этом. Пораскинув мозгами, как говорится в анекдоте про Штирлица, и послав два часа, даю команду загрузить «галифакс» тремя

двуухтонками с 45-секундной задержкой. Пришла первая РЛС из Тапы, поэтому уже не страшно: через час развернут. Здесь недалеко. Мужики устали и считают, что мы уходим на РЛС-поддержку нашего аэродрома. Только Ксюха пытается сесть в самолет, откуда ее выгоняют и довольно успешно. Она показывает мне кулак в левое стекло кабины, провожая на взлет. Полоса разъезжена донельзя, надо бы замаскировать. Оторвались нормально, довернули от горушек, и я поставил машину на вираж. Внизу этот маршрут не обсуждали. Штурман корпуса полковник Хабаров сразу ко мне, дескать, командир, там никого нет!

– В курсе. Мне нужна точка в Нижней Иматре. Знаешь, где Верхняя в Нижнюю переходит?

– Конечно.

– Сколько до нее?

– Четыре ноль пять.

– Считайте!

В общем, сменив семь раз курс, я оказался в восьмистах сорока четырех метрах от «Музея Тирпица» в Каафьорде, недалеко от Альты. Я здесь уже бывал, в тринадцатом году, черное такое, невзрачное здание. С белыми пятнами. Под кригсмарине косят. А у меня три двухтонные с сорокапятисекундной задержкой. На все не хватит, но на кого бог пошлет!

А в Альте истребителей не оказалось! Их к нам послали – уничтожить большевистскую заразу. А мы «Тирпиц» завалили... Ну, так, плюшками балуемся.

Задачи попасть в «Тирпиц» и не стояло. Вылет был разведывательным, по просьбе англичан. То, что я бомбы с собой взял и полетел не на «спитфайре», а на тяжелом бомбардировщике... Так получилось. Если заходить курсом двадцать восемь градусов, то там нет ни одного поселка. В шести километрах от цели начинается довольно широкое ущелье, откуда до ближайшей дороги восемь километров. Она там вдоль реки Крокелвы идет, а в соседнем ущелье только небольшая тропа вдоль мелководной речушки. Кстати, очень рыбной. Так получилось, что отпуск я там проводил и присматривался к возможности подобного удара. Бомбил я по-штурмовому, без прицела. Кстати, ни стрелок, ни бомбардир так и не увидели, на что сброшены бомбы. Корабли стояли укрытые сетями, ветвями и снегом. Над целью мы находились всего двенадцать секунд. Для того чтобы включиться, прожекторам требуется около двадцати – двадцати пяти секунд. А в Альте зенитки заговорили, но вверх, тогда как мы прижимались ко льду. В этой части фьорда в холодные зимы битый круглый лед. И хорошо помогал снег: там, где он лежал, более-менее ровно, а чернели

только скалы. Правда, отход над Трансфарелвой пришлось отменить: ущелье показалось слишком узким и слишком темным. Взял чуть выше, все равно вслед никто не был. Перевалили через хребет и пошли на юг, стелясь над гористой тундрой и стараясь не попасть в поле зрения локаторов. Когда приподнялись чуть повыше, правый сказал по СПУ:

– Петрович, мы ж не на «Иле», чтобы в двух метрах от воды крыло держать. Когда сзади бухнуло, я подумал, что все, сейчас воткнемся.

– Нас скала прикрывала.

– А что бомбили? Там вроде пусто было.

– Черт его знает, может и пустоту, но судя по всему – сам глянь, до сих пор бесятся, – во что-то попали. Конфигурация берега не совпадает с картой, вот и сбросил. По данным английской разведки где-то тут немцы прячут флот открытого моря. Мы здесь по этому поводу. Как только район от немцев очистим, прилетят англичане. А пока на нас разведка фьордов. Вот один проверили. Василий! Видел что-нибудь?

Кормовой стрелок не ответил. Странно! Послал бортмеханика к нему. Через пару минут голос стрелка:

– Сергей Петрович, у меня СПУ вырубилось, все предохранители вылетели. У Иваныча нашлись запасные.

– Еще раз вылетят – в пехоту спишу! Видел чего, снимал?

– Снимал! Там четыре каких-то острова, только наши бомбы мимо них упали, хоть и рядышком. А взрывов я не видел, вспышек не было, только звук. Два раздельно и один слитно. И там зениток много, но они вверх били до взрывов.

Бортрадист рвался отстучать РДО Сталину, но я не разрешил выходить в эфир. Нас сейчас все ищут! Успеем сообщить, если долетим. Пока под нами родина финского Деда Мороза – Йоулупукки и его жены Муори. Этот козел отмечал вовсе не Рождество, а зимнее солнцестояние – 22 декабря, так что к нашему полету он имеет самое прямое отношение. Правда, сегодня уже двадцать третье, но вылетали мы двадцать второго. Так что мы были в роли нууттипукки и пугали непослушных детей Гитлера. Вон справа от нас немного видна на черном фоне неба его «хижина» – Корватунтури. Подходим к ее траверзу и поворачиваем на восток, на курс сто три градуса.

– Командир, сзади справа на четыре, выше три, отметка цели, дистанция семь километров, – это оператор РЛС, которую он периодически включает.

– Режим постоянный, докладывать об изменениях.

Чуть убавляю обороты, чтобы не выдать себя выхлопом.

– Это финик! – доложил радист. – Наводят на нас, но высоту не знают. По шумопеленгатору.

Нам до дома еще сто шестьдесят километров, или двадцать три минуты полета.

– Кто наводит?

– Немцы. Все по-немецки говорят, но на финской частоте.

Он забирает севернее, мы отходим южнее, и я еще больше прижался к земле.

– Одна из станций нас потеряла.

– Угу, и я его больше не вижу, сплошная засветка, – проворчал оператор.

Хабаров ушел к астролюку, тоже наблюдает. В отличие от бомбардиров, у нас верхней четырехствольной турели нет, от атак сверху мы не сильно защищены. Через три минуты я приподнялся над тундрой, чтобы оператор удостоверился, где противник. Тот проскочил, теперь он в трех километрах севернее.

А мы отдали «77» в эфир еще пять минут назад. Через пять минут здесь будут наши истребители, а пока играем в кошки-мышки, опять прижавшись к земле.

– Командир, вижу! На фоне сияния. На десять часов, выше два.

– Радист, кодом передай, он у Сурьярви, виден на сиянии. Высота два – два и пять.

– Первый, сорок первому, пять пять пять.

Это Степан Супрун, замкомандира 1-го корпуса по истребительной авиации, цель видит. Чуть в стороне от нас протянулись четыре трассы к маленькому «брюстеру буффало». Снизу-вверх, раздирая машину финна. «Буффало» живучий, он крутнулся и попытался уйти от «спитфайра» резким переворотом вниз. Но мы уже подскочили вверх, и наш оператор наводит «спита» на цель. Увидев заходящий точно в хвост истребитель, финн на бочке вывалился из машины, у которой горел хвост и вывалились шасси. Два «спитфайра» взяли нас на сопровождение, мы зажгли задний синий и пошли к Койма-губе.

– Володя! Вот теперь можешь давать РДО. «Действуя по плану операции «Вольфрам», провели разведку южной оконечности Альтен-фьорда. Атаковали предположительно обнаруженные цели. Произведено фотографирование объектов. На отходе самолетами 3-го гвардейского полка сбит истребитель «Брюстер» финских ВВС, который наводился немецким командованием на нас. Г-л Шкирятов».

Последовала целая волна приказаний: произвести дозаправку,

выяснить, уточнить. Фотографии у нас не получились, вообще ни одной! Не настроена камера снимать ночью без подсветки с высоты пятьдесят метров. А у стрелка, кроме разгорающихся прожекторов, камера ничего не запечатлела. Сталин рвал и метал, и требовал послать туда разведчик. Этого же требовали англичане. Все как с цепи посыпались. Пришлось лететь в Москву.

– Ви понимаете, что срываете важнейшее задание командования?

– Товарищ Сталин! Нет никакой надобности сейчас производить дозорную разведку. Немцы готовы к такому развитию событий и ждут нашего разведчика. Требуется запросить у англичан норвежскую разведгруппу. Пусть они посмотрят, что мы нашли. Второй раз пролететь там, где пролетели, нам не дадут. И от высотника толку мало, они поставят дымзавесу, и все. Я смотрел снимки, сделанные 118-м полком. Этот угол – Кая-фьорд – всегда был закрыт туманом или облачностью. Почему и решил идти на малой высоте. Только людей потеряю, и никакого толка не будет.

Не по телефону Сталин оказался сговорчивее, расспросил о полете и о странном способе бомбить корабли. Ему уже все уши прожужжали, что бомбил я неправильно и не точно. И, дескать, стрелок подтверждает, что бомбы упали мимо.

– Товарищ Сталин, бомбежка выполнена правильно. С такой высоты бомба скорость набрать не успевает, пробить палубу или башню не может, входит под довольно маленьким углом в воду и резко тормозится. Взрывается она на грунте, вся энергия взрыва направлена вверх и в стороны. Возникает гидравлический удар. Вырвавшись из-под воды, взрыв направляется во все стороны, но вокруг сплошные скалы, и взрывная волна идет вдоль ущелья, то есть следом за самолетом. Если бы она нас догнала, то переломала бы все. Корабли, если это были корабли, снизу защищены слабее всего. Там нет брони, и корпус и швы могут не выдержать удара. Две тонны и на воздухе очень сильно взрываются, а в воде это просто кувалда. К тому же один из взрывов был двойной на слух, как отметили все. В общем, сделали все, что могли. Теперь дело за наземной разведкой.

Сталин снял трубку и приказал Посребышеву передать его письмо в посольство Великобритании.

– Там содержится и эта просьба, товарищ Шкирятов. Я вас больше не задерживаю.

Он остался недоволен тем, что нет доказательств, что мы нашли и попали по «Тирпицу». К тому моменту, когда я вернулся в Мончегорск, там уже сидело две эскадрильи «ланкастеров». Из Скау, что на Шетландских островах, готовится к вылету четверка новейших разведчиков Mosquito

PR.Mk.IX и пара «Спитфайров PR» с новейшими двигателями «Мерлин 63». Готовится целая операция по переброске сюда тяжелых бронебойных бомб. Командует всеми англичанами прилетевший с 44-й и 97-й эскадрильями вице-маршал авиации Артур Харрис, которого день назад назначили командующим бомбардировочными силами RAF. У летчиков «ланкастеров» это первое боевое задание. До этого они только тренировались в Англии, осваивали новейшую машину. У 44-й стоят такие же «ХХ» как у нас, а у 97-й – новые «двадцать вторые».

Англичан не устраивает все: продукты питания, состояние столовой, жилые помещения и тому подобное. Задолбали командиров БАО до смерти, а в итоге сыплются команды из Москвы: обеспечить, удовлетворить, поставить, установить. А где это все взять? В общем, я послал Харриса к контр-адмиралу Бевану, который сидел в Полярном в штабе флота, дескать, только там все есть. Самое лучшее, английское! И только водку они предпочитали нашу. К этому времени армия переместилась полностью и осела на двадцати двух площадках. И без англичан хватало работы по наведению порядка и обучению личного состава. Всем пришлось осваиватьочные полеты. Плюс мороз, холодно было очень, много сил и времени уходило на подготовку машин к старту. Одних маслогреек и чехлов понадобились тонны.

К восьмому января все приготовления были завершены, в радиусе пятисот километров не осталось ни одного немецкого аэродрома с живой техникой. Поступили заказанные объемы авиабомб. Почти сразу после прилета Харриса на связи появился генерал-лейтенант (уже не группенфюрер) Сииласвuo. Надо отдать должное Харрису, что руки бывшему эсэсовцу, по его приезде, он не подал. Меня же интересовал только один вопрос: где находится центр перехвата. Уж больно тяжело было командовать практически без связи. И, когда финский генерал заговорил о том, что 168-я и 169-я немецкие дивизии не желают покидать свои позиции, ему и было сказано:

– Для эффективного изгнания гитлеровцев из Финляндии, генерал, недостаточно сменить эсэсовскую форму на финскую. Необходимо передать нам карты размещения немецких частей, мест складирования их боеприпасов и топлива, ликвидировать имеющуюся у них связь с вашими соединениями, прекратить союзнические отношения между вашими и немецкими войсками. По договору вы как командующий корпусом «Лапландия» обязаны были это сделать давным-давно, но, видимо, скучаете без черепа с костями на вашей ушанке.

Швед надулся, рассчитывая на поддержку со стороны англичан.

Однако Харрис сказал, что в условиях договора есть пункт о том, что необозначенные на картах союзных войск подразделения и объекты считаются вражескими и подлежат уничтожению. Он уже потерял двух разведчиков над Альтой и не был готов идти на компромиссы. Разведгруппу мы высадили довольно далеко от точки и теперь ждали ее подхода к месту событий. Харрис начал терять терпение, хотя неудачи с воздушной разведкой его отрезвили. Разведка регулярно летала туда, но Кая-фьорд рассмотреть не удавалось. Там находилась мощная установка по постановке дымовой завесы, и снимки не получались. А из-за антициклона ветров практически не было. Разведку англичане вели примитивно: до сих пор не были известны места расположения немецких РЛС. Так что сидеть ему тут до весны и не чирикать. Благо что военторг за валюту предлагает все и без карточек. Съездил он в Полярный, заглянул в Гнилую бухту, там английская эскадрилья с начала войны сидит, и понял, что здесь другая война, выговорил все своим орлам, и они немного притихли. Из Куйбышева наши девиц прислали в столовые, и ремонты сделали в этих столовых и в общежитиях, где поселили летчиков. Косметический, конечно, но и это требует сил, времени, и финансов.

Я закончил свои дела, и мы приступили ко второй части операции. До этого действовали в основном в районе Рованиеме, стараясь неходить севернее и лишь установив контакты с финнами, а Маннергейму пришлось отдать дополнительный приказ Лапландской армии о совместных действиях с русскими, и Сииласву передал нам обстановку, после этого наш корпус устроил разгром всех радиостанций и командных пунктов немцев. Немцы поняли, что их предали финны, и началась Лапландская война. Финнов усилили танковыми частями и придали им авианаводчиков, передали часть артиллерии, в основном устаревшие 76-мм пушки, полковые и дивизионные. Несколько складов финны захватили сами, поэтому не пришлось снабжать их патронами к пулеметам, а винтовки у них были под наш патрон. Немцы 168-й дивизии получили приказ отходить из района Рованиеме, так как снабжать их стало очень сложно. Сто шестьдесят девятая дивизия осталась на своих местах. В этот момент мы переключились на цели в районе Печенги. «Аисты» стали летать на лыжах, обеспечивая нам разведку и подсветку, плюс от англичан сумели получить очень мощные осветительные бомбы. Кстати, и перехваты немцами наших переговоров перестали быть такими оперативными и точными – судя по всему, наши соотечественники из Финляндии работали, финики их убрали, и у немцев таких спецов больше не нашлось.

В сорок первом немцы только начали строительство оборонительных

сооружений: Сенсенхаузе еще только разворачивал лагерь для военнопленных и размечал места под установку орудий на мысе Романов. Для башни и помещения для корректировщиков и наблюдателей на соседнем мысе Крикун только завезли цемент. В основном идет строительство подвесных дорог и оборудование дзотов на Муста-Тунтури. Вот туда, под склон, я и направил пикировщиков и штурмовиков с ЗАБами. Лучшее средство от усиленного окапывания. Так как снег, пришлось работать пирогелями. Не забыли и про батарею у Титовки, и на Могильном мысу. Больше всего досталось самой Титовке, где мне был знаком каждый бункер, нарытый немцами. Туда трижды слетало два полка «галифаксов». Два наших горнострелковых корпуса – 126-й и 127-й – перешли в наступление, и немецкому корпусу «Норвегия» пришлось отходить под непрерывными атаками с воздуха. «Ил-10» и «Пе-4» вместе с авианаводчиками методично обстреливали и бомбили все тропы и дороги. Немцы пытались сорвать подсветку и корректировку, оставляя у нас в тылу егергруппы, но Мальцев со своими ночными штурмовиками не давал им возможности разгуляться. Атакованная группа тут же вызывала «аист» с ракетами, и спор решался в пользу авианаводчиков. Больше всех боевых вылетов пришлось на полк «аистов». Лишенные воздушной поддержки, а мы контролировали все воздушное пространство, немцы, огрызаясь, отходили. Затем пришлось вплотную взяться за устаревшие, но мощные батареи спаренных пушек «Мастерсанд», «Бугоя» и «Бакфьорд», двумя батареями в Варде. Хорошо, что башенных батарей, как под Севастополем, еще не установили. Поэтому было достаточно «Илами» выбить прислугу и положить пирогелевый бак в орудийный дворик.

Утыканый зенитками Гулльсмедвика-форт потребовал большего уважения к себе, там стояли торпедные аппараты. Пришлось вспоминать хельсинкский опыт и класть туда шеститонную бомбу. Разбив четырехорудийную 75-мм батарею Хойбухтен, обеспечили высадку десанта в Зольдат-бухте и ликвидацию двух мостов, ведущих в Киркенес. Тактическое окружение корпуса «Норвегия» завершилось. В кotle оказалось около четырнадцати тысяч человек, без зимнего обмундирования, продуктов, с легким вооружением. Армия навалилась на Карасьеки, Петсамо и Киркенес. В налете на Киркенес участвовали и англичане из 151-го истребительного крыла, и тяжелые бомбардировщики «Ланкастер». Фон Фалькенхорст, а проще говоря, поляк Никола Ястржембский, командующий армией «Норвегия», воспользовался ситуацией, когда пропал без вестиobergruppenfueger Йозеф Тербовен, пытавшийся эвакуироваться в Тромсе из Киркенеса с аэродрома Luostari –

его самолет Ju-52 был сбит над Варагнер-фьордом. Фалькенхорст выслал парламентеров к войскам 14-й армии и финского корпуса «Лапландия». Сам же сдался своему приятелю Ялмару Сииласву.

Заняв аэродромы в непосредственной близости от Альтен-фьорда и лично разведав систему ПВО противника, я пригласил к себе вице-маршала Харриса.

– Вот сейчас у нас появилась возможность выполнить налеты на основные базы немецкого флота в районе Финнмаркена.

– Мне кажется, и давно, что вы и без нас справитесь, однако без трехтонных бомб просто не обойтись! – заметил Харрис.

– Давайте посмотрим план операции. Планом предусматривается вывод из строя антенн радиолокационных станций в Банаке, Альте, там их три, и в Маси. Станцию в Маси отключат наши разведчики, они же уничтожат наблюдательный пост в Гаргии и отключат там связь. Сейчас группы заброшены в район озера Лес-ярви и готовы действовать. В шестнадцати километрах от них – плотина электростанции, которая обеспечивает Альту электроэнергией. В водохранилище примерно шесть – десять миллионов тонн воды. Охраняет все это примерно взвод горных егерей. Каравулка находится в полутора километрах ниже по течению. Ее подсветят и уничтожат с воздуха. На поверхности водохранилища – лед. Выше по течению – вполне приличная полоса для «Си-47» на лыжах. Вот здесь разгружаем десант и заряды. Доставляем по льду к плотине, делаем полынью и топим шеститонную бомбу. Она у нас разборная. Можно катить, можно сани перебросить. Пока немцы будут заниматься самоспасением, выполняем налет на Кая-фьорд.

– Почему раньше не предложили, генерал!

– Вывод Альты из расклада – это только полдела! Требуется подавить хорошо укрепленные зенитные установки, а для этого требуются «Илы», а у них дальность маленькая. Из Зольдат-бухт мы их достанем, а ближе ничего не было, сэр Артур.

Перелетаем в Грязную, оттуда в Полярный. Хорошо, что у нас иностранцев любят – приняты на уровне всех и вся. Нам выделен батальон капитан-лейтенанта Инзарцева, в дополнение к имеющемуся батальону осназ НКГБ. Пришлось их немного переодеть и перевооружить. Операция началась.

В Маси все прошло чисто и быстро. А вот к Гаргии не подобраться: там штук триста ездовых собак, целая ферма! Пришлось совмещать с атакой на электростанцию. Коля на немецком «шторье» преспокойнейшим образом зашел на караулку, отстрелялся, и следующая машина положили

туда ЗБ-100, затем еще два. Дот на левом берегу хороший, бетонный, «сорокопяткой» не взять, но пулеметный. Расчет пушки бил осколочно-фугасными, пока не попал точно в амбразуру. А у Маси на лед уже плохались «Си-47» и катились на лыжах к самому горлу. Вперед рванули лыжники, а остальные бойцы впяглись в шесть разборных саней, которыми мы боеприпасы к самолетам подвозим. Эдакие бурлаки на Волге. Но народу много, поэтому санки почти летели. Часть батальона с ходу ушла вниз на помощь взводу с четырьмя сорокапятками, которые держали дорогу. Там они уже положили десяток «Ганомагов», но немцы подвезли минометы, и бойцам приходилось несладко! Инзарцев подоспел вовремя, и с минометами.

А у плотины собирали бомбу, долбили лед для зарядов, лед был толстенный. Наконец загрохотали взрывы, образовалась полынья. Сани с собранной бомбой зацепили довольно толстым концом. В это время Мальцев обнаружил колонну немцев, поднимающуюся к Маси, и обстрелял ее. «Си-47» перелетели к этому времени на Лес-ярви. Батальон начал отход, двенадцать взрывников впяглись в конец, чтобы сбросить бомбу в полынью. Не получилось, сил не хватило. Тогда двое из них кинулись к саням и пешнями помогли стронуть сани, и бегом оттуда. А бежать тяжело, в горку, да еще и с оружием. Убежище у всех в двухстах метрах от взрыва за каменной грядой. Смертники! Сани съехали в полынью, все упали и прижались к матушке земле, а командир крутнул подрывную машинку. Вообще-то, вырванный предохранитель основного взрывателя давал задержку три минуты, но подрывники беспокоились, что корпус может быть соединен негерметично, поэтому к главному взрывателю еще и заряд подложили. Давит на кнопку, подрыва нет.

– Все, северный пушной зверек, отходим! Сорвалось!

Перевалив за пригород, были сбиты с ног отраженной ударной волной: основной взрыватель сработал. В несколько плохо соображающем виде из-за контузии группа была обнаружена специально оставленной группой старшины 1-й статьи Леонова. Незадачливых минеров подхватили под руки и повели в сторону Лес-ярви.

В это время мы уже собирались и тремя огромными группами шли на Альту. Впереди в ста пятидесяти километрах двигались «Илы» – «вторые» и «десятки», с «ЛаГ-5» непосредственного прикрытия. Стелясь над поверхностью, шли в обозначенную приводом точку, где следовало снизиться и спуститься в Альта-каньон, по которому с ревом неслась вода. Она заглушит шум наших моторов и даст возможность беспрепятственно атаковать самолетам первой волны. Впереди держалась моя пара, у нас

самая прикольная задача. Все пойдут направо, а мы – налево. Прикрывшись скалой Сторванет и обогнув вторую скалу Квенвик справа, мы должны были ворваться в Каа-фьорд до основной атаки, пустить две осветительные ракеты и сделать снимки. Так приказал Сталин. «Мы должны иметь доказательство тому, что «Тирпиц» поврежден или утоплен до того, как союзная авиация и мы атакуем его второй раз. Вам лететь я запрещаю!» Ну да, и как я буду выглядеть в глазах подчиненных? Им это надо, соваться в эту ловушку? У них другая задача: обеспечить работу пикировщиков и бомбардировщиков. Это нужно вам, товарищ Сталин, для престижу.

Наш заход, с Пашей, немцы сорвали! Перед самым разворотом на заход краем глаза уловил тени от аэростатов заграждения и, качнув крыльями, ушел вправо, Паша Овчинников за мной. Я ж говорил, что больше пролететь над фьордом не получится. Стрелок докладывает:

– Более сотни аэростатов, они мешают немцам вести огонь по нам.

«А это выход!» Нас еще не обнаружили наблюдатели с эсминцев, фьорд начал наполняться дымом.

– Паша, по аэростатам! Атака!

Мы развернулись у самой воды и пустили осколочно-фугасные. Из шести пущенных ракет взорвались две. Пустая трата боеприпасов. Хотя несколько облаков пламени говорят о том, что аэростаты – водородные. Предупреждаю всех, что в дыму аэростаты, в Каа-фьорд неходить. Тут за нас с Пашей взялись эсминцы, стало не до того, чтобы заниматься фьордом. Уворачиваемся, маневрируем, бьют довольно точно, но повреждений не имеем пока. «Ничего, мальчики, сейчас Алексей Михайлович прилетит!» А вот и он! Заходит в атаку на ордер снимающихся с якорей эсминцев. Любит он это дело – торпеды таскать! Хотя всего два потопленных кораблика имеет. Сброс, отворачивает, эсминцы травят цепи, видно, как искрит на баке, а их засыпают кумулятивными и осколочными ракетами. Эсминцы отвечают и главным калибром. Вдруг над фьордом повисает пять офигенно больших разрывов. Ору Харрису:

– Работает крупный главный калибр! Огонь непри цельный! Он здесь! Переведите Артуру! – остальных вывожу из створа Каа-фьорда. Есть потери: два «Ила» горят, пытаются сбить огонь. Отходят к Лес-ярви. Есть потери и у противника: из двенадцати эсминцев на плаву девять. Они отходят к Каа-фьорду. Подошли «Пе-4» и пикируют на дымы, засыпая фьорд мелкими бомбами и кассетами. Линкору они до лампочки, но не его приборам! Осколков они дают много. ПВО Альты подавлено, огонь ведут только эсминцы, которых после атак пикировщиков осталось семь. Еще раз организовываю их атаку штурмовиками и истребителями с разных сторон.

Опять потери, на этот раз четыре машины подбиты, два истребителя из атаки не вышли. Но атака удалась, малокалиберная артиллерия почти прекратила работу, и вновь заходит вторая волна торпедоносцев, в том числе флотские «ДБ-3Т» с двумя торпедами. Еще один полк «Пе-4» вываливает бомбы в Каа-фьорд. Дымовая завеса начинает редеть. Стали видны вспышки выстрелов малокалиберной артиллерии. Тут голос вездесущего Мальцева, он успел дозаправиться и сейчас висит над горушкой северо-западнее фьорда:

– Вижу мачты крупного корабля, бросаю ЗБ, дистанция два и семь ровно. Пеленг сто двадцать от меня. Повторяю, дистанция два и семь ровно, пеленг сто двадцать от меня. Иду на базу.

– Я – сто пятый, принял, вижу, атакую! – это Молодчий и его эскадрилья с шеститонками. С четырех тысяч они укладывают тройками свой груз, ориентируясь по пламени на вершине горы.

Все, удар нанесен, даю команду отходить, топлива осталось только на обратную дорогу. Во фьорде что-то сильно горит, и на это пламя заходят две эскадрильи «ланкастеров». Ругаются, что внизу ничего не видно. Их ведущий сбрасывает осветительную бомбу, поперек их курса проскаивает наш «Пе-3МР», сбрасывает фотаб и снимает. Затем вниз пошли трехтонки англичан. Возвращаемся. Еще в воздухе мне доложили о потерях. Так нас никогда не ощипывали: тридцать семь машин потеряно, двадцать из них дотянуло до Лес-ярви, летчиков вывозят, технику сожгли. Данных об остальных пока нет. Полк Мальцева носится туда-сюда, выискивая своих. Сели англичане, у них шесть машин на вынужденной в тундре и еще семь сильно повреждены осколками. Попали под огонь главным калибром чего-то крупного.

Харрис мрачнее тучи, я тоже. Ждем снимков. Его адъютант принес и разлил коньяк. На снимках обнаружили мачты восьми кораблей противника, остальное в дыму, один корабль горит. Харрис отправляет туда «москито». Сидим и мрачно пьем коньяк, но он не сильно помогает поднять настроение. Два полка «У-2» вывозят его людей, моих вывозят «аисты» и «Си-47». Несмотря на подавление береговой части ПВО, корабли противника управление огнем не потеряли, наводились по артиллерийскому локатору и били точно. В самом начале мы застали их врасплох, потом их ответный огонь стал достаточно точным. Особенно после того, как осел дым во фьорде.

– Что докладывать командованию, я не знаю. Крепенький узелок завязал Редер! – сказал Харрис.

Стучат в дверь кабинета, вбегает англичанин, стучит каблуками и

отдает записку Харрису. Харрис тянутся к бутылке, берет ее за горлышко, встает и идет к комоду. Там стоят наши стаканы в подстаканниках для чая. Вытаскивает два стакана, ставит на стол, наливает до краев один, наклонился, достал из своего портфеля еще одну бутылку армянского. Налил второй.

— Серж, везут снимки! Там «Тирпиц» и четыре тяжелых крейсера. Под всеми намыты подушки. Это не корабли, это батареи. Норвежская группа сделала их и смогла доставить в Швецию.

«Суки, не могли на день раньше!» Состоялась грандиозная пьянка англичан: заливали свой страх перед тундрой и хвалились количеством выпитой водки и тем, что их организованно вывезли из тундры. Харрис оставляет все машины нам, назад летчики уйдут на кораблях. Он считает только оставшиеся в живых машины, их всего пять, у всех пробоины и мелкие повреждения, плюс семь сильно подбитых и шесть лежат в тундре на брюхе. Он даже не догадывается, что возле них уже крутятся наши эвакуаторы. Вытащим! Самого, весьма пьяненького, подсаживаем в прилетевший транспортный «ланкастер» с пятнадцатью командирами кораблей. Странная особенность английских BBC: вес имеет только командир корабля. Остальные пойдут на QR через Исландию.

Еще четверо командиров и человек двадцать — двадцать пять из экипажей лежат в госпиталях с ранениями. Четверых уже похоронили. У меня тоже приказ на передислокацию на подмосковные аэродромы. Операция успешно завершена. Фронт не остановил наступление, а продолжает продвижение в глубь страны, преследуя отходящий корпус «Норвегия». Договоренностей о разделе сфер влияния еще нет, так что все нормуль. Англичане и сами хотят, чтобы Альта была взята.

Часть 13

Промежуточные итоги и очередная проверка

Подводим итоги в Москве: в плюсах две эскадрильи тяжелых бомбардировщиков, все ремонтопригодны и могут быть легко освоены летным составом, летавшим на «галифаксах». Правда, документация практически отсутствует. Не беда, чуть позже у Харриса попросим. Три «москито» PRU, все повреждены, но после ремонта летать будут, отличные разведчики, если не посыпать к черту на рога. Один новейший «спитфайр», подломано шасси, имеет убираемый костыль, новый двигатель с установкой поддува кабины и новые фотоаппараты. Три новейшие модификации крупнокалиберных бомб, в том числе одна бункерная, с большим заглублением. Все новинки переправлены в Москву и изучаются. Несколько экземпляров карт с корректурой на 24 декабря 1941 года с нанесенной обстановкой по минной опасности. Пожалуй, самое ценное, что оставили англичане. И почти тысяча тонн бомб, и еще идут на трех пароходах. Так что не надо будет сразу все замки переделывать. Есть что подвешивать. Вся армия освоилаочные полеты в простых метеоусловиях. Техники набрались опыта работы в условиях сильных морозов. В минусах: потеряли четырнадцать летчиков, одиннадцать стрелков, трех бортмехаников и тридцать семь машин. Еще у Новикова подобрал все новинки под себя, правда у Сталина чуть не отобрали «ланкастеры», но я их отстоял под новую задачу, которую он поставил. Теперь это Румыния, и опять давай-давай. Впрочем, это уже норма для Резерва Ставки. Все полки армии стали гвардейскими, это хорошо и для меня, и для остальных летчиков и техников первой гвардейской ОВА. Stalin высокими потерями не считает, наоборот, отметил низкий уровень потерь, несмотря на сложность задач, и низкий процент аварий и летных происшествий. Я просил неделю отдыха для летно-технического состава – не получил, дескать, на новом месте отдохнете, пока боеприпасы перебрасывают.

Только похвалили, и сглазили! Седьмой гвардейский штурмовой полк при посадке на аэродром «Воронок» в Лодейном Поле устроил целую свалку из машин. Перелетали с РС под крыльями, одна из машин подломила шасси, и замкнулась проводка на пусковую установку НУРСов, которые зацепили стоянку: и свою, шесть машин повреждено, и чужую,

еще три. Пять машин восстановлению не подлежат. Четыре человека в госпитале. Само собой разборки, кто виноват и кто крайний. Летчик говорит, что его ослепили, поэтому соскочил с полосы. Один из прожекторов был настроен неправильно. В общем, вместо отдыха пришлось три раза в Лодейное Поле мотаться. «Отдохнул», и с новыми силами принялся за старое: производить массовый террор инженерно-технического состава на профилактическом ремонте машин в Харькове. В Воронеж доставили, а некоторые машины сами долетели, все поломанные «ланкастеры», пришлось и туда слетать. Там немного занимались поврежденными «галифаксами», хоть какое-то представление имеют об английских технологиях. На ремонт машины взяли, обещают сделать быстро.

До середины февраля успели перебазироваться и более-менее привести в порядок машины. «Дальников» всех разместили в Крыму в селе Фрайлебен, на новом аэродроме Карапут. Кроме наших самолетов там стояли ДБ-3Т и «Ил-4Т» 2-го МТАП – минно-торпедного авиааполка – ВВС Черноморского флота. И мы, и моряки не были довольны таким соседством. У майора Токарева были все основания предполагать, что их просто выживают с аэродрома в Херсонес. Там у него уже работала целая эскадрилья. Девять машин действовали тут, и стояла куча старых ДБ, на которых никто не летал, и сами они служили лишь для каннибализма, чтобы отремонтировать действующие машины. Много нареканий было на то обстоятельство, что старый и новый самолет полностью отличался почти всеми агрегатами. Конструктор один, машина вроде бы одна, но совершенно разные фюзеляжи. «Ил-4Т» собирался уже плавово-шаблонным методом, утащенным с «ДС-3», «ПС-84» и «Ли-2», и выпускался на других заводах, чем «ДБ-3Т». Так что это не было простым переименованием одной машины.

Я появился там в разгар войны за стоянки. Аэродром был большим, и стоянок было много. До войны здесь базировалось более семидесяти машин. Сейчас ни в какую не могло вместиться пятьдесят шесть наших и девять «ихних», так как убитые машины стояли на своих стоянках, там жил техсостав, там лежали их инструменты, туда они относили или отвозили ремонтируемые части самолетов. Там лежал ЗиП. В общем, место было занято. И Лизунов, и Угрюмов, командиры моих полков, не нашли общего языка с майором Токаревым, а сам аэродром находился на балансе ВВС ЧФ, а мы всего-навсего просто гости. И генерал Остряков решал все вопросы в пользу Токарева. Ситуация ухудшалась еще тем обстоятельством, что вот-вот начнется весна, и грязи будет море. Надежда

только на стационарные аэродромы, а их не так много: Николаев, Каранкут да Доглинцево. Остальные или забиты напрочь, или не имеют твердого покрытия. Каранкут, кстати, весной тоже мягковат для посадки тяжелых машин. Есть еще в Джанкое, но на нем плотно сидело АДД, фиг сдвинешь, и между мною и Головановым черная кошка пробежала. Круто испортились отношения после того, как у него увели все «галифаксы» и не отдали «ланкастеры». Хотя они поступают из Англии, бери и переучивай летсостав. Предпочитает пока дуться. Сюда же я хотел перевести и два полка «спитов» для прикрытия. После муторных переговоров с Остряковым, удалось «спитов» засунуть в Евпаторию, а стоянки для тяжелых поделить честно. Правда, не без подключения крупного калибра в виде товарища Верховного.

Аксинью перевез к матери в Севастополь, ей рожать скоро, а сам поехал в Херсонес. Там базируется звено дальних разведчиков. И пара «москито» ушла к Констанце посмотреть, что там и как там. Перед ними в сопровождении восьми «спитфайров» из Каранкута вылетел «галифакс» – провести радиолокационную разведку и выяснить, где находятся румынские локаторы.

Румынских там не оказалось. Работал один локатор на немецкой частоте в Карамурате или Фердинанде. «Галифакс» близко не подходил, работали только «москито», они прошли в глубь территории и возвращались другим маршрутом, дабы не спугнуть! В ту же ночь десятка «Ил-10» с настроенным на эту частоту приводом посетила аэродром и немного проредила там наличие средств ПВО. Утром над этим аэродромом висело около пятисот машин 1-го корпуса и все «галифаксы». Перепахали все, что смогли обнаружить, и ушли без потерь. Путь в глубь территории был открыт.

На вооружении BBC и ПВО Румынии были IAR-80, He-112 и несколько Me-109E. Было несколько «харрикейнов», но они в основном использовались на фронте, их осталось совсем чуть-чуть, остальными самолетами были «лоси» трех модификаций: PZL-11E и F и PZL-24. Но кроме румын здесь были и немцы на FW-190 и Bf-109G. Присутствовали и итальянцы со своими «макки фольгоре», с немецкими двигателями Даймлер-Бенц 601. Тут же отирались венгры, чехи и словаки. В общем, полный интернационал. И мы приступили к их зачистке.

Двух налетов на аэродром вполне хватило. Днем штурмовики и бомбардировщики обработали нефтеперегонные заводы в Констанце. Отсюда румынский бензин шел в Грецию, а оттуда в Германию. Немалый поток его шел и по железной дороге. Вечером того же дня в третьем вылете

мы бомбили Плоешти, и опять удар пришелся на перегонные заводы американской компании «Шелл», английской «Бриттиш Петролеум» и немецкой дочки американской «Стандарт Ойл». Вся немецкая нефтеперерабатывающая промышленность была скуплена «Стандарт Ойл» во времена еще Веймарской республики. И синтетический бензин производился этой же компанией. В тот же налет положили три моста у города Брезы и Банешти, мосты у Стоенешти, Пантази, Гоги и Тиношу. Шеститонная бомба уложена в западную горловину станции Плоешти-Зюд. Главное задание выполнено, а теперь дело за политиками.

В Швеции в румынское посольство передали, что следующей целью для Особой гвардейской воздушной армии станет город Бухарест, который повторит судьбу Хельсинки, Варшавы и Плоешти. Бухарест – сложная цель! Там бомбить особо нечего, для показательной порки был выбран главный королевский аэродром. Ночью «галифаксы» тяжело загудели моторами над ним, а через дыру в обороне прошли четыре полка «Илов», которые обрушили на город десять тысяч ракет по средствам ПВО, затем вторая волна, тоже из четырех полков, добила бренные останки, утром прилетели четыреста «Пе-4» и семьсот истребителей, которые разнесли в щепки все стоянки и постройки на аэродроме. Четырнадцать машин, которые смогли поднять королевские BBC вкупе со всеми остальными участниками конфликта, были сбиты немедленно.

В тот же день стало известно, что верные королю офицеры арестовали диктатора Антонеску и профашистских генералов и провозгласили Михая Первого главнокомандующим румынскими вооруженными силами. Всерьез опасаясь за его жизнь, гвардейские офицеры связались с нами и попросили вывезти из Борчи его величество в Крым и в Москву. Я получил разрешение на это, в Борчу сел транспортный «Си-47», который мы усиленно прикрывали с воздуха, а рядом с нами летели десантники батальона осназ. Но все прошло благополучно, и двадцатилетнего короля вывезли сначала в Севастополь, а потом в Москву. Король объявил войну Германии и присоединился к Объединенным нациям.

На территорию Румынии хлынули войска маршала Буденного, обходя 11-ю армию Шоберта, которую немцы переформировывали на территории Румынии. Вторая, третья и четвертая румынские армии полностью перешли на сторону короля, а в первой (придворной, Бухарестской) еще долго шли внутренние разборки. Однако стремительное ухудшение обстановки на юге вынудило Гитлера окончательно отказаться от передислокации 18-го и 20-го горных корпусов в Норвегию. Их повернули обратно, теперь они требовались в Карпатах.

Армия Малиновского, железнодорожным транспортом переброшенная в Темишоару, стремительно разворачивалась и с ходу взяла Нови-Сад. У командующего 12-й армии вермахта генерала Кунце 18-й армейский корпус, переименованный в 18-й горный, находился на колесах, и оборону держал только 65-й армейский корпус, сил которого не хватило, чтобы прикрыть такой значительный участок фронта. Появления русских, в довесок к партизанам Тито, здесь никто не ждал.

А мне предстояло еще раз лететь в Англию, уже по приглашению английского правительства. Это из-за «кошмара Севера». В гости? Это прекрасно! Но есть одно маленькое недоделанное дельце! Поэтому всем «Ил-10» подвешиваем дополнительный внутренний танк на двести пятьдесят литров. Готовим и остальные машины. Работа предстоит знатная! Все «галифаксы» и «ланкастеры» заполняем на сто процентов. Готово! Три «москита» берут осветительные бомбы и ЗБ. Их дело – обеспечить подсветку в течение первых тридцати минут работы.

В шесть утра взлетаем, так, чтобы быть на месте с восходом солнца и к утренней смене. Под нами – отроги Альп, здесь они не сильно высокие, все покрыты лесом. В первой волне – триста двадцать «Ил-10» со всей армии собрали в кучу. В семь тридцать начали работать с ПВО противника. Её не так и много, это же глубокий тыл, и это первый налет на небольшой уютный городишко в Нижней Австрии – Санкт-Валентин, и сегодня Валентинов день. Мы валентинки привезли в массовом количестве и пускаем их во все, что пытается пошевелиться.

Поднимается солнце, и на город пикируют четыреста «Пе-четвертых», вываливая на завод «Небелунгеверке» и на сам город двести тонн бомб. На этот раз стоит задача не оставить камня на камне. Просто стереть с лица земли все. На сам завод вывалили по шесть тонн каждый из пятидесяти шести «галифаксов», и по десять тонн привезли девять «ланкастеров». Более шестисот тонн взрывчатки и зажигательных средств, не считая ракет и снарядов штурмовиков.

Заканчиваем работу, отходим. Чуть выше «спитфайры» и «ЛаГ-5» гоняют шальную восьмерку «мессершмиттов». Поздно, ребятки, главного танкосборочного завода рейха просто не стало! А заодно и рабочих, которые умели производить и ремонтировать эти танки. Мы не будем ждать пролетарской революции в Германии.

Сделал дело – гуляй смело! Лететь через Германию мне запретили, пришлось добираться югом над Италией и Францией. Лететь шесть часов, с двумя подвесными под крыльями. В отличие от английских разведчиков,

которые летали только с личным Вэблей-Скоттом, наш имеет две носовых Б-20, установленных в бомблюке справа и слева, там же находится передатчик РЛС «Гнейс-1», но у нее еще нет антенны. Уменьшен диаметр колес, убрали астролюк и выступающие части фонаря. Штурман теперь не имеет возможности посидеть рядом с пилотом и уйти в носовую кабину, у него штатное место здесь и вторая ручка управления, он теперь – второй пилот. В тесноте, да не в обиде. Остекление носа снято, управление носовым бомбоприцелом перенесено в кабину. Через месяц обещают установить нормальную антенну и радиолокационный прицел, ибо я достал товарища Тихомирова с этим делом. Индикатор уже стоит, правда, довольно идиотский: он круглый, для круговой антенны, а развертка только на сто восемьдесят градусов, вторая половина просто лишняя, но ее не убрать пока. Но это почти чисто украшение. Можно подавать на него сигналы с еще одного приемника-пеленгатора и определять, откуда тебя с носовых углов облучают. Но дистанцию, гад, не пересчитывает, только пеленг.

Вот на таком творении Казанского завода и товарища Петлякова и летим с генералом Супруном в гости к союзникам. Супрун – теперь мой зам по истребительной авиации, после Киркенеса его повысили в должности и генерала присвоили. По сбитым он меня уже обогнал, у него больше тридцати, а я себе добавил только четыре за все это время, и те сбиты на взлетах, почти на земле, во время штурмовок, но засчитаны. Так что у меня только тридцать. В воздухе спокойно, итальянцы даже не дернулись, лишь у Турина кто-то попытался нас перехватить, но мы чуть прибавили и ушли. Затем шла территория Виши, потом мы ушли в море и, огибая Брест, вошли в воздушное пространство Великобритании у Фолмауса в Уэльсе. Везем качественные снимки Каа-фьорда, которые удалось сделать уже после налета. Под кормой у «Тирпица» заведен ponton, носовая часть в воде по самую первую башню, еще три pontona у «Хиппера» и «Лютцова». Определить тип и названия третьего и четвертого кораблей возможности не было из-за не снятого внешнего камуфляжа. Наши специалисты по флоту говорили, что это могут быть ложные цели. На «Хиппере» следы сильного пожара в районе машинного отделения.

Еще до пересечения береговой черты к нам подходит сразу восьмерка «спитфайров». Хвост «мосси» перепутать с кем-нибудь сложно, тем не менее «спифайры» пытаются зайти в хвост.

– Don't do it, darling! My number is Bi-Si-zero-two-six-Prime.

Молчание, продолжают заходить. Еще и сбывают, стервецы! Примерно дистанция открытия огня, кручу вправо, одновременно давая разные

обороты левому и правому двигателю, и оказываюсь сам на хвосте у первой четверки и повторяю:

– Don't hurt my tail! My number is Bi-Si-zero-two-six-Prime! – а сам поджался к ведомому крайней пары и держу его в прицеле, так чтобы он висел в прицеле у следующих, которые могут подойти сзади.

Наконец раздается голос диспетчера, дающего указания, что рейс «Би-Си-ноль-двадцать шесть-прима» зафиксирован, группе вести себя прилично. Кто-то, набив кашей рот, что-то говорит на якобы английском. Ни хрена не понятно.

– Здесь по-английски кто-нибудь говорит? Я – Bi-Si-zero-two-six-Prime. Восьмерка ведет себя агрессивно. Еще одна попытка зайти мне в хвост, и я открою огонь.

– Bi-Si-zero-two-six-Prime, I am Falkon. Our leader told that do not worry, we are your escort. Keep seven five degrees, this altitude and two & forty knots, sir!

– Well, Falkon. Agree.

Пошутковать решили! Опять заговорил диспетчер, теперь очень быстро и зло, говорил не мне, а какому-то Рэту, тот опять отвечал, набив кашей рот. Затем последовало: «Йес, сэ!», и шедшая у меня под прицелом четверка свалилась в левый нисходящий выражение. Напоследок их лидер что-то опять злобно пробурчал в мой адрес. Пэвэошники, они такие, им дай только побаловаться.

Вторая четверка предусмотрительно держалась в отдалении почти до самого Лондона. Там я окончательно сбросил скорость, и они приблизились.

– Bay! Рашинз! Хеллоу, Москоу!

– Хай, Ланден.

– Нот Ланден, ви а фром Сидней, Аустралия.

– Велл, андестенд, бай!

– Си лэйтэ, рашинз!

Поговорили! Меня запустили по коробочке, а «спиты» ушли на боковую полосу. Все, полет окончен. Степан недовольно пробурчал, что за такое «патрулирование» на губу сажать надо. Ему было непривычно находиться в такой обстановке в правом кресле.

– Зря второй не взяли, парой надо было идти, – недовольно проговорил он.

Из подъехавшей машины вышли Тэддер, Харрис и пилот-офицер лейтенант Сперански из 140-й разведэскадрильи, он в Монче помогал Харрису с переводом, а так летал на «мосси». Несмотря на то что машина

перекрашена и слегка переделана, он ее узнает и показывает на нее пальцем:

– Это же двести тридцать четвертый, это моя машина! Как? Я же сел на вынужденную за линией фронта и на брюхо! У меня топливо все вылилось. Нас с Майком вывезли на биплане, но машина осталась на озере.

– Через три дня ее починили, поставили на лыжи и пригнали в Мончугу, оттуда отправили в Казань, и она опять воюет, Пит.

Он заглянул в кабину снизу. Увидев двойное управление и закрытый лаз в штурманскую, присвистнул:

– Все переделали! И так, как мы сами хотели! И как быстро! А зачем кокпит закрыли? Это же разведчик. Штурману удобнее наблюдать оттуда.

– Удобнее, но вы его разбили при посадке, и прострелен он был. Другого не было, переделали так. Он теперь не фоторазведчик, а радиолокационный, но еще не укомплектован полностью. Аппараты вы прострелили.

– Так положено, господин генерал. Топлива не было, а так бы еще и скжег.

– Я знаю.

– Я не удивлюсь, если узнаю, что и все «ланкастеры» у вас в строю?! – спросил Харрис.

– Еще не все, но девять машин уже летают. Перед нашей отправкой сюда они сделали первый боевой вылет в составе наших BBC. Мы бомбили завод в Санкт-Валентино в Австрии.

Приглашают в большое лондонское такси, они на нем приехали. Везут куда-то, крутясь по улочкам. Приехали на Даунинг-стрит. Все верно, мы привезли почту, которую переправили из Москвы. Сидим в приемной у премьер-министра. Вокруг неспокойно, постоянно открывается и закрывается входная дверь, входят многочисленные посыльные с пакетами. У секретарей завал, разбираются, что и куда. Самого Черчилля, похоже, нет. Вот он вошел в приемную с улицы, позволил секретарю снять с себя шинель. Черчилль в десантной форме, но без оружия, кобуры на поясе нет. Секретарь быстро и почти неслышно докладывает, Черчилль морщится и иногда кивает. Снял и передал белый шарф с шеи. Показал нам четверым на дверь в кабинет. Там темновато, не очень уютно, рассаживаемся по мягким кожаным креслам. Тут же секретари расставили большие пузатые рюмки и плеснули туда коньяку. Черчилль вначале довольно долго возился с сигарой, затем вскрыл пакет с письмами, который мы привезли. Не дочитал, отложил в сторону. Затем рассматривал доставленные нами снимки Каа-фьорда.

– Мы провели первую в этой войне совместную воздушную операцию, достаточно удачную, с нашей точки зрения. Но несмотря на успех там, его перечеркнули те неудачи, которые преследуют нашу армию и флот в других местах. Мы уже объявляли, что немцы прорвались из Бреста, и мы не смогли предпринять ничего эффективного против этого. Они высадились в Африке и оказывают серьезную поддержку итальянским войскам. И японцы продолжают наступление на Тихом океане. Теснят и нас, и наших американских друзей. К сожалению, оставлен важный опорный пункт нашей обороны – город и крепость Сингапур. С 8 декабря мы вынуждены вести войну на два фронта, через два дня после объявления нами войны Японии мы потеряли там линкор «Принц Уэльский». До этого – два авианосца и тяжелый крейсер. Это из тяжелых кораблей. Германия потеряла один линкор. На этом фоне постановка на длительный ремонт минимум трех, а в лучшем случае пяти крупных кораблей противника – это большой успех совместной операции. Чему вы улыбаетесь, генерал? – спросил меня Черчилль.

– Планированию, господин премьер-министр. Планированию... У вас катастрофически не хватает самолетов в Юго-Восточной Азии, а только в составе моей армии числится сто семьдесят восемь «харрикейнов», которые мы не просили поставлять, не используем, они стоят на наших базовых аэродромах в качестве самолетов ПВО. А могли бы успеть поддержать тот же Сингапур или «Принца Уэльского». Я, как мог, оттягивал проведение операции в Альта-фьорде, но кто-то настоял на ее проведении. Моя армия потеряла тридцать семь самолетов, четырнадцать летчиков, одиннадцать стрелков и трех механиков. Более пятидесяти человек получили ранения. Это самые большие потери за все время войны в одном бою. Через несколько часов после этого нам с генералом Харрисом принесли сообщение о том, что первая атака на стоящий флот 23 декабря была удачной. С такой разведкой мы будем воевать до второго пришествия, господин премьер.

– Ну, я не совсем согласен с вами, генерал, России требовалось увеличить численный состав авиации, чтобы удержать противника, и «харрикейн» не такой уж и плохой самолет.

– Да, он отлично подошел бы для борьбы с «Тип-97», или Ki-27, как его называют у вас, которые составляют большую часть истребительной авиации сухопутных сил Японии. В итоге не дал бы возможности противнику безнаказанно дойти по суше до Сингапура. Да и двенадцать пулеметов на штурмовке – тоже неплохое оружие. Забирайте, тем более что мы их отремонтировали и сменили им двигатели на низковысотные.

– По нашим данным, японцы купили патент на Daimler-Benz DB.601A и начали выпускать новый Ki-61, что-то среднее между «макки» и «Мессершмиттом-Е» или «-F», – вставил Тэддер.

– С этими машинами «харрикейн» в состоянии бороться, особенно если учитывать физиологические особенности японцев.

– Причем здесь это?

– Еще в тридцать девятом на Халхин-Голе было отмечено, что бои с высокими перегрузками японцы однозначно проигрывают. Узкие глаза закрываются на перегрузках быстрее.

– Вот как? Тем не менее, генерал, давайте не будем говорить о недостатках в планировании операции, а акцентировать внимание на том результате, который был достигнут, – попытался перевести разговор Черчилль.

– Конечно, тем более что из Бреста туда спешат новые, и количество подводных лодок увеличивается. Мы пришли на остров на модернизированном «моските», одно из назначений которого будет поиск и уничтожение подводных лодок противника.

– Теперь я понял, почему переделали машину! Да, с таким радиусом и с локатором это будет серьезная угроза для них. Ну, и скорость, что позволит ему летать в одиночку, – воскликнул Харрис.

– Мы планируем поставить на него пушки ВЯ-23 и ГП-6 под самые мощные наши снаряды 23 миллиметра. Вероятно, ближе к лету появится 37-миллиметровая пушка с ленточным питанием. Тоже будем устанавливать. Так что такие машины нам нужны и не в единичных количествах. Задача сейчас стоит в том, чтобы в этом году разгромить гитлеровскую армию. К сожалению, у наших самолетов «Ил-10» сильно ограничена дальность, все мои удары наносятся в радиусе пятисот километров.

– Мы неоднократно запрашивали господина Сталина о создании моста в Курляндию, а теперь и в Румынию, чтобы иметь возможность наносить удары по всей территории Германии...

– Мне известно об этом. Товарищ Сталин говорит, что для этого необходимо решить вопрос с правительством Польши в Лондоне. Мы опять находимся с ними в состоянии войны. Своей агитацией они срывают призыв граждан польской национальности в национальные дивизии РККА. А ваше правительство, господин премьер, ничего против этого не предпринимает.

– Поймите и наше положение: мы вступили в эту войну из-за нападения Германии на Польшу.

– Правительство Польши в тридцать седьмом – тридцать восьмом годах само добивалось союза с Гитлером для нападения на Советский Союз. Напало на Чехословакию. Венгрия, заключившая пакт с Германией, отобрала у Румынии часть Трансильвании, румыны – оккупировали часть Польши. Этими вопросами стоит заняться после войны, а не в ходе ее. Вы обратили внимание, что Гитлер не объявил войну Соединенным Штатам, а США не сделали этого по отношению к Германии? Я не удивлюсь, если выяснится, что США помогают не только вам в этой войне. Ведь потенциал Германии восстановлен во многом благодаря кредитам из США.

– У нас экономисты считают, что и СССР приложил руку к этому.

– Очень сильно сомневаюсь, господин премьер. Мы прервали поставки нефти из Румынии, но люфтваaffe продолжает летать, несмотря на то что собственной нефти у них практически нет – небольшие поставки из Венгрии и из Львовской области. А летают! Кто-то продолжает поставки нефтепродуктов. Это Испания, где мы пытались отстоять республику, Португалия и правительство Виши. Войны всегда выигрывает экономика. А США в основном нацелились против вас. Помяните мое слово! Сейчас речь пойдет о снятии таможенных барьеров на поставку всего и вся в Австралию, затем в Индию и Южно-Африканский Союз. И сто процентов, что еще несколько месяцев назад вам никто не говорил о том, что придется воевать с Японией. Существовали разногласия только у США и Японии. Напали на США, а вас уговорили объявить войну ей в качестве солидарного шага. В противном случае я не могу найти объяснения тому факту, что вы усилили гарнизон Сингапура только линкором и четырьмя эсминцами, без авиационной поддержки. И поэтому отдали в СССР снятые с вооружения «харрикейны». Вы не планировали воевать на два фронта! Так?

Черчиль замялся, ему было неприятно, что разговор происходил в присутствии двух высокопоставленных военных. Я продолжил:

– Сейчас СССР и Великобритания имеют общую цель, и если не примазывать сюда всяческие «измы», то перед нашими народами стоит общий враг – капиталы Моргана, Рокфеллера и интересы Федеральной резервной системы США. Задача – максимально ослабить ведущие европейские державы, выбить франк и фунт с позиций мировых валют, сделать это руками третьих стран, а самим выступить в роли спасителей цивилизации. За определенную плату: они дадут деньги взаймы на восстановление экономики после войны и обеспечат себе довольно безоблачное будущее на процентах с этих кредитов. И вытеснят вас с рынков в Азии, Австралии, Индии и в Африке. А Япония и Германия уже

по уши в долгах перед этой группой финансистов. У этих они просто отберут все. И ничего личного, просто бизнес! А вы им еще и всех ученых-физиков отправили. Не стоит помогать противнику. Метрополию ведь уже не бомбят.

– Я считаю, что без США нам не удастся справиться с Германией и Японией, – ответил Черчилль.

– Германию разгромит Советский Союз, особенно если вы прекратите поддержку некоторых разгромленных режимов и перейдете к настоящим совместным операциям на европейском театре. И быть надо не по городам, а по промышленным и транспортным узлам, как это делаем мы. Этим мы выбьем из Германии нацистский дух. Все остальное они переживут и будут только больше ненавидеть вас: «Боже, покарай Англию!»

– Вы интересный собеседник, но наш разговор ушел в сторону от тех задач, которые предстоит решать сейчас: требуется поднять дух английского народа на фоне не самых приятных известий со всех фронтов. В первую очередь это касается Африканского континента. Целью Германии являются нефтеносные районы Ближнего Востока. Наша армия не имеет положительного опыта боевых действий против немецких войск.

– Опыт генералы приобретают на полях сражений. Восемь месяцев идет война у нас, но ни одного вашего генерала, кроме генерала Харриса, я на фронте так и не увидел. Немцы сильны разведкой и маневром, хорошо налажена корректировка и взаимодействие между авиацией и сухопутными силами. Требуются контрмеры: разведка, быстрая передислокация ударных групп и концентрация их на главных направлениях. Поиск слабых и уязвимых мест у противника и лишение его авиационной поддержки. Стоит обратить особое внимание штурмам – штурмовым авиационным соединениям, они усиливают артподготовку, и они пробивают коридор для так называемых кампфгрупп. Это усиленные танками, артиллерией и минометами маневренные группы величиной от роты до дивизии. У вас дивизионные кампфгруппы вряд ли будут встречаться, там немецких войск совсем мало. Задача – резать коммуникации и узлы связи, выбивать на неподготовленных позициях небольшие гарнизоны. Очень подвижны, состоят из качественно подготовленных солдат и офицеров. Хорошо ориентируются на местности, способны создавать плотный и эффективный огонь, имеют хорошие радиостанции и мощную поддержку с воздуха. Вплоть до доставки топлива и боеприпасов. Как только мы научились бороться с этими группами, так дела на фронте резко изменились, господин премьер. Но учиться у нас уже поздно, вашим генералам предстоит освоить это на собственной практике и на собственных ошибках.

– Как вы отнесетесь к тому, что мы пригласим вас на место командующего авиацией на фронте в Ливии?

– Никак. Я – командующий гвардейской особой воздушной армии Резерва Ставки. Сейчас моя армия решает задачи по уничтожению экономического потенциала Венгрии и Австрии. А с корпусом Роммеля вы справитесь. Много войск Гитлер выделить ему не сможет. Мы не дадим.

Выяснив мое отношение к предложению – а кстати, Сталин в своем письме не давал мне даже намеков, почему именно я и Супрун должны вести обычную, пусть и правительенную почту, – Черчилль потерял интерес ко мне, переключился на некоторое время на Степана и потом быстренько свернул аудиенцию. Нас отвезли в гостиницу, потом бы это назвали апартаменты, недалеко от штаба BBC, пригласили на ужин, хотя еще обед не наступил.

Переговорив с Супруном, мы покопались по карманам и в записной книжке, затем долго искали адрес и телефон посольства, позвонили туда. Говорил Степан, он более известен, чем я, дозвонился до секретаря Майского, объяснил ситуацию, как мы ее себе поняли. У обоих в кармане мышь повесилась, хозяева удалились, и вообще хотим обратно, мы задание выполнили. Секретарь что-то помямлил, начал что-то бормотать, что нас в Союзе должны были... Я знаками попросил трубку у Супруна, его известность не сработала.

– С товарищем Майским соедините, здесь генерал-лейтенант Шкирятов.

– У товарища Майского совещание.

– Здесь представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. Представьтесь!

– Второй секретарь посольства Филиппов.

– Немедленно соедините с Иваном Михайловичем.

Подействовало!

Через несколько секунд бархатистый басок Майского:

– Товарищ Шкирятов! Рад вас слышать! Вы в Лондоне?

– Да, какой-то пансионат или гостиница, напротив парка. Когда входили, то улица называлась Пикадилли, 134.

– Это рядом с Королевским клубом RAF.

– Возможно. В общем, Иван Михайлович, у нас на двоих один фунт, я его в записной книжке держал на память, а требуется попасть в Файр-Окс – «Горелый дуб», или «Огни на дубе». Там наша машина.

– Где это?

– Да кто его знает! На юго-западе, ближайший город – Уокинг, там

140-я разведэскадрилья базируется.

– Ну, где Уокинг знаю, про эскадрилью нет. Через час за вами заедут. Я повесил трубку. Хоть какой-то выход из ситуации.

– Он, видимо, будет консультироваться с Москвой, – сказал я Степану, который находился у меня в комнате, хотя ему предоставили другую. Степан закурил и протянул мне пачку с «Казбеком», но курить не хотелось, нанюхался дыма сигар Черчилля. Я подошел к окну. В парке густо стояли зенитки, чуть дальше какое-то здание закрывали маскировочные сети. В парке много аэростатов. Какое-то секретное место. На сетках нанесены темные пятна. Окна в комнате имели черную светомаскировку.

В дверь тихонько постучали.

– Yes! – и я открыл дверь. Девица в форме WAAF – женской вспомогательной авиации – со столиком. На нем завтрак, вкусно пахнет кофе. Девушка вкатила столик в номер и быстро накрыла на стол. Взглянув на Степана, переспросила:

– Будет ли господин генерал завтракать здесь? Или вам накрыть у себя?

Отвечать пришлось мне, даже не уточняя у Степана. Денег не спрашивали, бумажек подписывать не суют. Паршивая ситуация, уже бывал в такой в Александрии в восемьдесят седьмом году! Тогда тоже иностранные партнеры поселили в гостиницу за сто баксов в день, а из Союза выпускали с пятьюстами. Но делать нечего, уже влипли, ждем Майского. Вместо него приехал еще какой-то секретарь, и мы сдали ключи от комнат и выехали в посольство. Там я наконец связался со Ставкой, хорошо, что здесь день начинается позже. Доложил о переговорах и о том, что ответил Черчиллю. Получилось довольно длинное послание, которое зашифровали и отправили в Москву.

Через час примерно пришел короткий ответ Сталина: «Передайте Майскому двтчк вариант один тчк разрешаю выступить Королевской академии ВВС тчк Действуйте планам союзников тчк Вылет обратно двое суток тчк Успехов тчк Верховный Главнокомандующий ВС СССР И Stalin».

Майский передал мне и Супруну по двести фунтов, выделил нам водителя и машину, хоть секретаря посольства от этого решения и скрючило: дескать, не баре, позвонят и пришлем.

– Есть указания товарища Сталина.

Мы вернулись в гостиницу, по дороге водитель посольства сказал, что живем мы в самом секретном месте Лондона: за парком – Букингемский дворец. Обедать пригласили вниз, в ресторан. Довольно шикарный зал, все

в викторианском стиле, большое меню, никаких карточек, даже странно. В общем, непростое место. Почти сразу после обеда появились Тэддер, Харрис и Сперански. Вместе с ними еще один генерал, как мы поняли, он старше обоих вице-маршалов, хотя и имеет столько же нашивок на рукаве. Звали его Чарльз Портер. Официальная должность – начальник штаба королевских BBC, фактически это командующий RAF. А Тэддер отвечает за ПВО и истребители, Харрис – за бомбардировщики. Несмотря на то что до дворца несколько сот метров, мы на машине Портера въехали в ворота Букингемского дворца. Там Сперански устроил нам маленькую экскурсию, довольно живо и интересно рассказывая о каждом зале, через которые мы проходили. В итоге мы оказались в Большом тронном. Достаточно много народа, в том числе и Иван Михайлович. Церемониалмейстер через Сперански объяснил нам, где стоять и что делать. Нас троих, с Харрисом, поставили отдельно. Собственно, ради этого все сюда и собирались. Последним в зал вошел Черчилль, тоже в военной форме. Но не в десантной, а в форме BBC. Здесь все как-то очень свободно меняют ее по своему усмотрению. Вполне возможно, что и званий они не имеют, хотя Черчилль вроде пехотное училище заканчивал. Черт их разберет. Запели трубы и волынки, появился король в форме BBC, и он имел на одну полоску больше на рукаве, чем все три вице-маршала, которые нас привезли. Король был довольно высок и худощав. Рядом с ним не слишком высокая женщина, тоже в военной форме, и с белой повязкой на рукаве с красным крестом. Наверное, королева Елизавета. Никаких корон, мантий – ничего такого не было. Видимо, связано это было с тем, что и я, и Степан были в полевой форме, нас не предупреждали. Харрис получил GCB (Большой крест Бани), я – HGCB (Почетный Большой крест) и Степан – HKCB (Почетного командора). С точки зрения геральдики слово «почетный» перечеркивает все привилегии, полагающиеся простым рыцарям, командорам и кавалерам.

Первым вручали орден Харрису. Ему на левое плечо положили меч и кроме ордена вручили какую-то грамоту. Нас со Степаном «меч из камня» не касался. Рылом не вышли. Вставая на место, я довольно громко, так чтобы было слышно Харрису, сказал Степану, что в Мончегорске ордена растут гуще, чем над Алтай. Мы заулыбались, и Степан добавил: «Подальше от противника и поближе к «кухне» – это хорошее удобрение». Харрис немного задергался и знаками подозвал Сперански, но тот ничего не слышал. Остальные присутствующие ничего не поняли. Церемония закончилась, все перешли в столовую справа от тронного зала. И когда нас вызвали сказать речи, у нас у обоих орденов ни на груди, ни на шее и ни у

бедра не оказалось. Последовал вопрос, почему.

– К ношению на полевой форме такие знаки не полагаются. Парадную мы не захватили, и вообще мы попусту теряем здесь время, участвуя в каком-то балагане, – ответил я церемониалмейстеру. – Над Каа-фьордом я был один со своим экипажем. Ни один из них не награжден, поэтому мне этот орден даром не нужен.

Я вытащил из нагрудного кармана знак, а из кармана галифе – ленту и цепь, которая еще и зацепилась за него.

– Я возвращаю ваш портрет! – Откозырял, повернулся и вышел. За мной вышел Степан, сделавший то же самое, а следом летел Майский.

– Что вы себе позволяете, молодой человек! Вам приказано действовать по планам союзников.

– Иван Михайлович! Разрешите мне самому решать, как поступать в том случае, когда меня оскорбляют.

– Я не знаю, что писали об этом здесь, но мы оба слышали, что награждены за налет на Альту в январе, который выполняли вместе с англичанами, шедшими в последнем эшелоне. А «Тирпиц» был поврежден 23 декабря. У него украли победу. И у нас ее украли, – сказал Степан. – Пошли, Серега, нам здесь делать нечего.

Прошли через парк, никто нас не задержал, у гостиницы стоит посольская машина. Степан поднялся собрать дежурные чемоданчики. У меня был собран, поэтому я просто отдал ему ключ и стоял внизу возле стойки и курил. Влетели буквально Харрис и Сперански. На Харрисе красной ленты не было. Зато морда была красной.

– Серж, глядя на вас, я тоже отказался от награды. Но почему? Что вас так обидело?

– То, что читали. Они трижды прочли один и тот же указ: за налет на Альту в январе. Как будто налета 23 декабря не было. Никто больше из командиров и сержантов моей армии не награжден и даже не упомянут. Только 44-я и 97-я эскадрильи «ланкастеров». Моя армия как бы и ни при чем. И это войдет в историю, есть документы – Указ его величества, и я, командующий армии, при этом присутствовал и согласился, что основную роль сыграли твои восемнадцать машин, а не мои полторы тысячи самолетов, пять тысяч летчиков, техников, вооруженцев. Я в такие игры не играю! Это не крикет!

– Ты прав, Серж. Перестаю сожалеть о том, что вернул королю титул и орден. Без вас мы бы даже не дошли. А где Степан?

– Наверху, чемоданчик собирает, мы улетаем.

– Никаких «улетаем»! Мы специально поселили вас здесь. Рядом

Королевский клуб RAF. Там сегодня состоится первый в его истории прием в члены клуба двух лучших летчиков России. Там все готово, и там нет политики, Серж. А потом мы проводим вас. Что бы ни происходило там, наверху, мы, простые летчики, – он, оказывается, простой! – должны быть выше этого. Мы ближе к богу и к небесам.

Спустился Степан, я передал ему то, что услышал.

– Ну, я-то что, меня награждали за то, что сделал, но ты точно подметил, что только нас двоих, остальных обошли вниманием. Ладно, пойду отнесу чемоданчики в машину. – Он вышел из гостиницы и положил наши вещи в «Паккард».

Клуб через стенку – Пиккадилли, 128. Почему между домами шесть номеров, осталось за пределами нашего понимания реальности. Над подъездом висит флаг RAF. Входим. Швейцар козыряет Харрису и подозрительно смотрит на нас и Сперански. Петр достает членский билет, его в лицо не знают. Про нас вице-маршал заметил, что эти джентльмены станут членами клуба сегодня. Усы швейцара зашевелились, и он изобразил подобие улыбки:

– Are these gentlemen our Russian friends? – спросил он.

Харрис отмахнулся от него и знаком показал помочь снять куртки. У нас были кожаные велюровые черные, у остальных – черные из гладкой кожи. На наших – подвернутые рукава, мехом наружу. Швейцар показал большой палец вверх, тронув нашу «кожу». Он переспросил:

– Вы из России? Это те, которых сегодня награждали во дворце?

– У тебя слишком длинный язык, Джеймс! – ответил за нас сэр Артур.

– Ай эм сорри, сэ! – откланялся швейцар.

Входим на лоунжу: покрытые белоснежными скатертями столы, к которым прислонены золотистые стулья с синей обивкой. Большая часть мест была занята, и лишь некоторые оставались свободными.

– Gentlemen! – прозвучала команда высокого и увесистого флейт-маршала с массивной челюстью и довольно большими усами под длинным носом. Присутствующие встали, шумно отодвинув стулья, и вытянулись для приветствия вошедшего вице-маршала. Небольшая часть осталась сидеть, в основном морские летчики. Присутствовали люди в трех мундирах: в черных – их было не слишком много, морская авиация, в синих – их было большинство, и в бежевых или песочных – их было меньше всех, но они были самыми шумными.

– Друзья мои! – ответил Харрис и помахал рукой, приветствуя всех. Несколько не по уставу, но не лезь же со своим в чужой монастырь. В лоунже было очень шумно, так как все приветствовали Харриса на свой

лад. На нас со Степаном внимания не обращали. Мы были единственными в форме хаки с непонятными отличительными знаками, и на груди у обоих висели золотые звезды и пять-шесть орденов.

– Друзья мои! – повторил Харрис. – Мы рады приветствовать в стенах старейшего авиационного клуба мира двух лучших асов России: генерал-майора Супруна, тридцать семь сбитых джапов и джерри, и генерал-лейтенанта Шкирятова, тридцать один сбитый джерри. Поприветствуем наших союзников!

Вялые аплодисменты и недовольный голос одного из «черных»:

– Это правда?

– Насколько я понимаю, да! – сказал один из летчиков, чуть приподняв руку. – Меня удостоили их встречать. – Летчик старательно выговаривал слова, подражая диктору BBC. – Мало того что нам сорвали атаку, так еще и зашли за спину. Генерал! У нас не говорят: Don't hurt my tail! У нас говорят: не трогай мне спину! Андестенд? Not tail! But back!

Я помахал рукой:

– Но вы же поняли!

– Понял! Было очень убедительно, когда вы шевелили носом в ста футах от моего ведомого, а ваш «мосси» оказался вооружен. Я из Австралии, сэр, меня и правда не всегда понимают. Мои извинения, сэр. Сквадрон-лидер Раттен. Rat, сэр.

В двадцать первом веке это называется особенностями межкультурной коммуникации! На столах полно выпивки, заметно, что количество самолетов и летчиков для них на острове превышают необходимое в несколько раз. Но бросать их в бой никто не спешит, эксплуатируются «национальные» эскадрильи, коих здесь много. Вон словаки, там сидят чехи, опять эти настырные поляки. Все в английской форме, и лишь нарукавные или нагрудные флаги и знаки выдают их национальную принадлежность. Охотно посещают довольно дорогой клуб. Здесь собирались сынки состоятельных родителей – в основном, не без исключений, конечно. Есть и американские добровольцы, они как раз в бежевой форме, готовятся убыть вместе с канадцами в Африку. Это вторая часть официальной программы: окончание обучения и проводы их на фронт. Поэтому я и отметил их как наиболее шумных.

Харрис успокоил немного сидящих за столами соратников.

– Господа, я хочу немного познакомить вас с итогами проведения операции «Вольфрам». Я вижу, что здесь присутствует часть командиров кораблей, принимавших в ней участие. Готовилась операция очень спешно, и бомбардировочная авиация RAF еще никогда не действовала на таком

удалении от основных баз. Поводом для ее проведения послужило сообщение русских, что в ночь с 22 на 23 декабря одиничный бомбардировщик «галифакс» под управлением генерал-лейтенанта Шкирятова, присутствующего здесь, кто не понял, произвел разведку и атаковал группу крупных кораблей противника в Каа-фьорде. Мы связались с командованием русских, и они сообщили следующее. Атака произведена тремя бомбами в пять тысяч фунтов с высоты всего пятьдесят метров. Быстроенько просчитав набранную бомбами скорость, мы отчетливо понимаем, что атака не состоялась. С такой высоты бомба не сможет пробить ничего. Поэтому наше командование приказали срочно перебазировать туда две первые подготовленные эскадрильи «ланкастеров» и морем, на крейсерах и эсминцах, новейшие бронебойные бомбы весом шесть с половиной тысяч фунтов. Русские разрешили базирование на льду озера Иматра, что было не совсем обычно, но другого аэродрома предложено не было. Пришлось лететь, тем более что они сказали, что там базируются сейчас «галифаксы», то есть самолеты примерно одного веса. Плюс рядом, под Мурманском, воюет 151-е крыло наших BBC, которое в крайнем случае может поддержать нас. В общем, сразу после Рождества мы вылетели. Условия? Условия были просто ужасными! Рядом небольшой город, из которого эвакуировали все население, полярная ночь, морозы до минус сорока. В небе постоянное полярное сияние. И никаких данных о Каа-фьорде! Потеряли там «Спитфайр PR» и «москито» той же модификации. А рядом с нами сидит армия генерала Шкирятова, которая производит успешные боевые вылеты, выбивает немцев с ближайших аэродромов, и Каа-фьорд ее совершенно не беспокоит, как будто там и нет никакого «кошмара Севера». Я, прямо скажу, завелся, потому что нас ни к каким ударам просто не привлекали, а смотрели на нас как на нахлебников, отнимающих у них время. У генерала Шкирятова, а он очень быстро заговорил по-английски, я даже удивился, была стандартная отговорка на все: «Летите в Грязную, там адмирал Беван, решайте с ним все ваши вопросы!»

Зал долго шумел, кто был возмущен, кто успокаивал соседей, ведь маршал не просто так сюда притащил такого вредного мужика. Харрису удалось еще раз успокоить слушателей.

– Затем русские начали наступательную операцию на Киркенес и Альту, тогда я и понял, что армия специально не летала в те места, а вытаскивала немцев на аэродромы, у которых уже была уничтожена система ПВО. Я присутствовал в день начала наступления в штабе BBC фронта. Серж направил один самолет Fi-156, переоборудованный в ночной

штурмовик, к точке, где была разведана антенна РЛС «Фрейя», с малой высоты ее атаковали ракетами, зафиксировали отсутствие сигналов РЛС, и после этого армия совершила налеты на аэродромы в Луостари, в Банаке, в Хейбухтене и в Хетте, расчистив дорогу на Альта-фьорд. Оказывается, все это время велась активная разведка и вскрывалась система ПВО, которую соорудили немцы для прикрытия своей базы. Через день после захвата морским десантом аэродрома в Хейбухтене туда перебросили топливо для штурмовиков «Ил-2» и «Ил-10», и 16 января меня предупредили, что запланирован удар по Альте, в ходе которого, возможно, удастся провести разведку Кая-фьорда. Здесь я не выдержал, связался с Лондоном, заявил, что нам удалось выполнить только один налет на Киркенес, больше ни для чего нас не привлекают, а сами собираются идти на Альту. В общем, ему, — он показал пальцем на меня, — приказали, и он включил нас в расстановку, в крайнюю волну, которая будет работать с высоты двадцать шесть тысяч футов. Мы начали готовить самолеты, нам выделили прикрытие — целый полк «спитфайров», хотя и ночь. Мы думали, что все начнется именно налетом, так нет! Русские высадили десант, подорвали плотину на реке Альта, и лишь после этого туда пошли штурмовики, которые просто размазали артиллерийскую составляющую ПВО, торпедировали восемь из десяти эсминцев, и затем нанесли бомбовый удар по Кая-фьорду. Мы подошли туда, там уже горел один из кораблей, но все равно внизу все было заполнено туманом из дымоустановок кораблей и, видимо, стационарных газогенераторов. На высоте за фьордом горел знак, по которому можно было прицелиться. Мы отбомбились, но попали под залп шрапнели из главного калибра. Повреждения получили тридцать машин из восемнадцати. Русские, которые действовали с меньших высот и использовали бомбы с большими задержками, под такие залпы не попадали. В общем, село только двенадцать машин, из них только пять были в более-менее целом состоянии, а шесть до базы не дошли. Сели на вынужденную.

— Так это и было! Это был ад! Но, джентльмены, нас всех вытащили! Прилетали маленькие бипланы на лыжах и по двое вывозили нас. Как они умудрялись видеть в кромешной ночи что-либо, надо спрашивать у русского генерала, — громко сказал сквадрон — лидер Гибсон.

— По локатору, Гил, — ответил я главному «жалобщику в Монче». — Будешь еще на нас жаловаться?

Я вытащил из планшета кучу рапортов, поданных за время дислокации двух эскадрилий в Монче. Большая часть из них была написана им. Он отмахнулся:

– Ну, нет, джентльмены, условия там просто адские, но у русских они были еще хуже, чем у нас, – смущенно проговорил он. Долго вокруг все подсмеивались над ним.

– Так все-таки, сэр, кто подбил «Тирпиц»? И подбит ли он вообще? – раздался голос флай-маршала Меллори.

– По всем данным, которые имеются сейчас в нашем распоряжении, «Тирпиц», «Хиппер» и «Лютцов» получили серьезные повреждения именно 23 декабря 1941 года. Состояние еще двух кораблей остается неизвестным, но по донесениям норвежской разведгруппы, они тоже стоят на подушке в ожидании ремонта. И, конечно, в ходе большого налета корабли получили дополнительные повреждения. Так что перед вами, господа, человек, который подбил «кошмар Севера».

– Но, сэр, вы сами говорили, что это невозможно с такой высоты, – это опять Меллори.

– Я ошибался. Серж нашел способ, как их повредить. Говорите, генерал, – Харрис рукой показал на меня.

– Я на планировании прошел по малому ущелью, не над дорогой вдоль реки, а между скалами у северного берега. Сброс производился с горизонтального полета, под небольшим углом к оси кораблей. Бомбы сбрасывались не на корабли, а на лед рядом с ними. Стояла задержка в сорок пять секунд, позволявшая мне уйти за скалу на выходе из фьорда. Глубины во фьорде шестнадцать – двадцать шесть метров. Три бомбы по пять тысяч фунтов создали гидравлический удар, который и повредил корпуса кораблей. Вот и все.

Аплодисменты, все полезли смотреть карты, которые были у некоторых командиров «ланкастеров» с собой. Рассмотрели щель, через которую ночью удалось проплыть довольно большую и неповоротливую машину. Затем кто-то спросил, что произошло сегодня во дворце. Здесь далеко не самые простые летчики собрались, часть из них присутствовала в Большом тронном зале и видела, что мы все оказались от наград. В том числе и сэр Харрис.

– Я вначале не понял, что произошло, джентльмены, пока не поговорил с Сержем. В Указах короля не упомянут налет 23 декабря, никто из экипажа «галифакса» не награжден, и также не упомянуты действия Первой гвардейской особой воздушной армии, которая и выполнила этот налет. В нем принимало участие более полутора тысяч самолетов. И восемнадцать наших, к тому же не слишком удачно. Серж назвал все балаганом, передал орден сэру Бромли, который был церемониймейстером, и покинул дворец. За ним то же самое сделал Степан. Я видел, что еще на

награждении они были чем-то сильно недовольны. Так как я считаю, что мы только помогали в проведении операции и большой надобности в нас не было – это я настоял на бомбекке Каа-фьорда, которая прошла почти безрезультатно для нас, – то мне пришлось сказать его величеству, что я вынужден отказаться от наград и титула, так как остальные принять их отказались. Переговорив с Сержем, я убедился в том, что поступил правильно. Принять эти награды для них невозможно без изменения текстов самих указов его величества. Как они сказали, согласившись с такими указами, мы перечеркнем подвиг тех людей, которые совершили его. Украдем у них победу.

– И от какого титула вы отказались? – спросил кто-то из летчиков, сидевших за ближайшими столиками.

– Мне был дарован титул графа Альтского.

В зале установилась полная тишина. Для этих людей этот титул имел очень большое значение. Это для нас он пустой звук.

– Так, хватит о грустном, займемся более приятным делом! Сейчас наши очаровательные дамы из WAAF разнесут урны и бюллетени для тайного голосования о приеме генералов Супруна и Шкирятова в члены нашего Королевского клуба. Право голосовать имеют только постоянные его члены! Всех прошу сесть по своим местам, мы приступаем! Я, как исполняющий обязанности председателя, объявляю голосование начавшимся!

Девушки разнесли сначала номерные листочки, а затем прошли и собрали их в фарфоровые вазы. Было довольно шумно, все что-то обсуждали, мы со Степаном и ближайшими соседями продолжали принимать поздравления и отвечать на тосты, вопросы. Вдруг шум перекрывает голос Меллори:

– Джентльмены!

Вот в чем дело и почему так настойчив был Харрис! В лоунже появился патрон клуба, который открыл его еще в 1922 году, будучи тогда HRH the Duke of York – его королевским высочеством принцем Йоркским Альбертом Виндзором. Теперь его зовут Георг, а позывной у него – Шестой. Так что делаю знак Степану, что пора бы и честь знать. Свое дело мы сделали, правду о том, что произошло под Альтой, мы донесли. Короли не извиняются, так что нам пора.

– Не обращайте внимания, он часто здесь бывает, он бывший летчик, – попытались нас успокоить Харрис, Меллори и наш сосед, с которым мы долго разговаривали. Но мы не стали дожидаться окончания истории и выехали на аэродром. Лететь в таком виде противопоказано, поэтому

переночевали в казарме и с раннего утра начали готовить свою машину к обратному вылету. Но получить номер рейса не удалось. «Ждите ответа!» Через полчаса начали садиться новенькие «Mosquito PR IX» с красными звездами на борту. Село тридцать две штуки. Подарок английского народа. Один самолет подарен мне лично тем самым Георгом Шестым. Извинений, как и ожидалось, не последовало, но через неделю в Москву были доставлены шесть Крестов Виктории для членов экипажа борта «Галифакс 001» 2-го гвардейского тяжелого бомбардировочного полка и два ордена Бани для меня и Степана. Указы были изменены, номера орденов были другие. Вручали их в Москве в посольстве Великобритании. Всем восьми награжденным. И чеки на сумму десять тысяч фунтов мне и по две тысячи всем остальным награжденным. Плюс два членских билета RCRAF с пожизненным членством привезли.

Часть 14

В мягком подбрюшье Европы. Весна сорок второго

Со Сталиным состоялся разговор, он вызвал нас со Степаном сразу по прилете, но беседовал с каждым отдельно. В общем, ему доложили о моих «феноменальных успехах» в английском языке, и предложение направить меня на Ливийский фронт поступило сначала к нему, мне он об этом не сказал, но направил нас со Степаном в Лондон, так как поступило такое приглашение от союзников. Решил меня на вшивость проверить.

– Во-первых, о языке. В армии около двадцати процентов машин – английские, мы их получали первыми, и все они со всей документацией прошли через мои руки. На часть из них документации на русском языке нет. Пришлось выучить. Вы же тоже английский знаете. Более чем уверен, что выучили его специально и по необходимости.

– Не надо никому об этом говорить. Мне так удобнее. Хорошо, товарищ Шкирятов, но почему именно вам поступило такое предложение?

– Это работа Харриса, ему понравилась проведенная Киркенесская операция, он очень хвалил меня в клубе, особенно подчеркивал скрытность развертывания, незаметность проведения разведки и стремительность воздушного наступления. Так как он второй – третий в иерархии их BBC и наверняка докладывал обо всем, что увидел, то он и предложил этот вариант по возвращении домой. Так как обстановка ухудшилась и в Африке они опять получили по зубам, то в Англии растет недовольство политикой Черчилля. Он сдает позиции и четко следует в фарватере Америки. Объявление войны Японии, когда армия и флот были не готовы к этому, это его стратегическая ошибка. Плюс неуклюжее манипулирование фактами по атаке «Тирпица». Он как никто знал, что произошло на самом деле. Когда вручали ваше письмо, то состоялся весьма подробный разговор на эти темы, но Черчилль открыто сказал, что будет придерживаться старого курса. В клубе я еще раз поднимал этот вопрос, товарищ Сталин, в беседе с принцем Кентским.

– С кем?

– С младшим братом короля, Джорджем, он был нашим соседом по столу.

– Мне Супрун об этом ничего не говорил.

– А мы не сразу об этом узнали, а потом разговор несколько разделился. Степан по-английски не говорит, а Сперански ушел куда-то, скорее всего, докладывать наверх, потому что через час появился и сам король. После этого я узнал, с кем говорю.

– И что вы ему сказали?

– Почти слово в слово то, что говорил Черчиллю. Что вступление в войну на стороне Америки в Азии – серьезнейшая ошибка, грозящая катастрофой Великобритании. И про «харрикейны», которые у нас болтаются без дела.

– Мы их уже отправляем – по просьбе британской стороны. Посол Майский докладывает о серьезном правительственном кризисе в Англии, итог которого предсказать не берется. Судя по всему, вас использовали в качестве катализатора какие-то силы. Но вот какие? Что собой представляет Харрис?

– Монархист, антифашист и, судя по поступкам, достаточно честный человек.

– Джордж?

– Не знаю, товарищ Сталин, я не присматривался, по нашивкам он групп-кэптайн, полковник, сказал, что у него жена наполовину русская. И что он восхищен дерзостью атаки на «Тирпиц» и отвагой русских. А так больше слушал, но соглашался, что слишком многое сделано весьма странно и слишком многое говорит о том, что я прав. После того как вошел король, он пересел к нему за столик, а потом Харрис мне сказал, что это брат короля.

– Ну, в общем, наворотили вы дел, товарищ Шкирятов, и не только в Норвегии! – улыбнулся Сталин. – Но если в результате этого будет смешен наш враг Черчилль, а к этому идет, то это будет замечательно. Поставки из Англии увеличились, они отгрузили уже третий караван с того момента, как началась операция «Тангстен». И если в Ливии что-то пойдет не так, как надо, будьте готовы к тому, что придется действовать и там.

– Только не это, товарищ Сталин! Мы не готовы вести боевые действия в тех местах! И без этого у нас АМ-38ф живет всего семьдесят пять часов, без циклонных воздушно-масляных фильтров, в тех условиях он и двадцати пяти часов не отработает.

– Где их ставить?

– В центроплане, возле воздухозаборников.

– Озадачьте товарища Ильюшина. Мы, конечно, постараемся обойтись без подобных шагов, но союзник у нас нестойкий в обороне и имеет слабую противотанковую артиллерию. Так что полностью исключать такой

вариант развития событий мы не будем. Мы дадим указания сосредоточить в Иране необходимое число самолетов. Ваша армия в случае чего перелетит туда без самолетов, так будет быстрее. Сейчас уже самолетов у нас достаточно, так что выделить небольшое количество для действий на этом важнейшем участке антигитлеровского фронта проблем не составит. А пока займитесь плотно авиапромышленностью и энергетикой Австрии, Южной Германии, Чехии и Словакии. И черной metallургией. Все в ваших руках. Вы хорошо поработали, товарищ Шкирятов.

Перед тем как нам со Степаном вручили «Бан», мы получили по второй Звезде и еще по одному Знамени. Вот только Степана направили формировать истребительную армию. Смысл мне остался не совсем понятен. Лучше бы сформировали вторую особую. Судя по тем машинам, которые туда направлялись, армия формировалась для борьбы с бомбардировочными соединениями.

Тянуть с исполнением указаний товарища Сталина опасно для здоровья, поэтому озадачил и Ильюшина, Микулина, Котина и СКБ-2, которые танками занимались, что предстоит не самое веселое занятие: подготовить машины, способные действовать в песочнице. Указаний по поводу танков еще не давали, но дадут, и тогда начнется обычный в этом случае аврал. Да и лето на носу, на юге, в Румынии и в Венгрии, пыли тоже хватает. Обратно летел через Херсонес, рассчитывая повидаться с Ксюшей. Но ни ее, ни ее матери дома не было, соседи сказали, что уехали с утра в Симферополь, так что встретиться не удалось, а времени особо не было, и так схулиганил, завернув сюда. Оставил записку и выехал обратно на аэродром.

«Подарок» уже дозаправлен, «Спорный» дал добро, и курсом десять градусов ухожу в сторону Саки, на траверзе Константиновского равелина ложусь на курс 275 градусов, который приведет меня в Батайницу, где расположился штаб армии. Через час услышал свой позывной и голос Ксюши:

- Ну, вот, стоило выехать к сестрам в институт...
- Ладно, не горюй! Как твои дела?
- Все в порядке! Шевелится, ждем.
- Вот это главное, а я еще прилечу, найду время! Люблю, целую! До связи!
- До связи! Жду!

Поговорили! Подо мной небольшие горки румынские, речка Ольта, текущая к Дунаю. Видимость миллион на миллион. Внизу еще снег, в этом году его много. Ответил на запрос дежурного ПВО армии, меня идут

встречать, хотя никакой надобности в этом нет. Только мне скорость придется сбрасывать. Штурманом у меня летит молоденький лейтенант, прямо из училища, отменили, наконец, приказ Тимошенко и снова выпускают средних командиров. Уже речь идет, что в мае введут погоны и офицерские звания. Пока у лейтенанта два кубаря, отличник. Остальным присваивают младшего. Волнуется, так как на контроле у самого, но справляется. Однако английские меры длины и веса вгоняют его в ступор. Вижу, что второй раз пересчитывает объем оставшегося топлива из галлонов в литры. Пусть потеет! Все давно этого уже не делают, считают, как есть.

Подходит четверка, сзади еще одна, просят разрешения пристроиться и сопровождать. «Спиты» – новые, с удлиненными крыльями и с убирающимся костылем. Этой модификации я еще не видел, так что снабжение действительно улучшилось.

Начал спускаться, и на спуске закапризничал правый двигатель, заихал, а потом и вообще заглох. Вот так подарок! Вспоминаю, что про «девятку» такое писали! Дело в карбюраторе. Прикрыл полностью охлаждение, подождал несколько минут, раскрутил двигатель, он немного почихал, но потом все-таки запустился. Надо ставить подогрев топлива. На полных оборотах все в порядке, а на малых глохнет. Машины только выпущены, новые, поэтому будет много головной боли. И задача стоит сложная, действовать придется на пределе радиуса. Идет плановая замена «Ил-2» на «Ил-10», у нас их меняют в первую очередь.

Разобрали проведенные за время моего отсутствия операции. Мамушкин отчитался о них, особенно удачно сработали на правом фланге против войск 11-й армии. Это противник сложный для нас, так как уже успел с нами познакомиться на Украине. Но и здесь Шоберт понес потери и отходит в сторону Львова, оставив Ботушаны. Очень неплохо поработали над венгерской Кашшей (Кошице), разбив мосты через Горнад и запечатав крупный железнодорожный узел, разбит танкоремонтный завод, механический и крупный завод по производству огнеупоров. Особенно постарались тяжелые полки, уложив двухтонку прямо в поворотный круг сортировочной станции. Ну, и гигантский завод в Гутниках теперь не скоро даст новые плавки. Еще более крепко бомбили Прешов, где сосредоточена авиапромышленность, которая штамповала детали для фюзеляжей и плоскостей «мессершмиттов» и «фоккеров». Крупнейшие в Европе прессы, принадлежащие американцам, безостановочно в три смены били по листам алюминия, выгибая из него необходимые профили.

Цель номер один сейчас Марбург-на-Драве, большой промышленный

город в Нижней Штирии, который в 1919 году был незаконно включен в Королевство Югославия, или КСХС, а в апреле сорок первого аннексирован Германией и возвращен в Австрию. Последовала «обратная чистка» города: если в девятнадцатом словенцы выгнали восемьдесят процентов местных жителей, которые были немцами и австрийцами, то сейчас нацисты быстро очистили город от словенцев. Сюда приезжал сам Гитлер и сказал, что край в ближайшее время станет полностью немецким. Не получается у него! Слишком много заказов он насовал сюда. Район – очень интересный: что Нижняя Австрия, что Нижняя Штирия начали индустриализацию очень и очень давно. Казалось бы, маленький городишко Эбисвальд, и площадью всего ничего, читаешь: в 1652 году открылся оружейный завод с водяным прессом, имелся собственный арсенал, закрытый только после Первой мировой войны, завод точной механики, оптический завод. Два последних работают до сих пор, прицелы делают, артиллерийские. Так что задача, которую поставил Сталин, весьма многогранна. Еще удивили, работающие до сих пор, низконапорные ГЭС с горизонтальным положением роторов турбин. Все речки утыканы ими и фактически являются каналами, кстати судоходными. Возле каждой плотины с ГЭС есть шлюз. Многое из того, что сотворила Австро-Венгерская империя, сохранилось до сих пор. И работает!

Сейчас готовимся бомбить в общем-то небольшой городок – Немецкую Гору, или Deutschlandsberg.

Но в первую очередь все три тяжелых полка грузят полностью с перегрузом всякую мелочевку, у англичан очень удобно сделаны кассетные пакеты для 25-килограммовых бомб. На «галифакс» в перегрузе укладывается триста подарков фюреру, а «ланкастер» их берет пятьсот на такую дальность. И летим к жемчужине средневековой Германии – городу-крепости Кассель. Ночь, погода не балует, но РЛС противника развернуты на запад, а мы идем с юга. Нас интересуют всего три района города: Bettenhausen, Rotheditmold и Baunatal, – заводы «Хайнкеля», «Юнкерса» и «Даймлер-Бенц». Сам иду в составе эскадрильи вооруженных разведчиков «москито». Мы должны осветить и обеспечить наводку «больших мальчиков». Ну, и если будут противодействовать, то с их помощью избавить от осложнений. В составе группы идут три РЛС-разведчика. На них почти нет бомбовой нагрузки, зато большой экипаж и опытные штурманы наведения.

Маршрут почти полностью проходит над безопасными и слабозащищенными районами. Единственное место – Bindlacher Berg, этот аэродром занимает ZG-52. Рядом с ним – летное училище, где готовят

летчиков-ночников. Наш маршрут пролегает всего в двадцати четырех километрах от их базового аэродрома. Поэтому с ходу пришлось готовить сюрприз. «Москито» весьма тяжело обнаруживается РЛС, в нем мало алюминия. Наочных тяжелых истребителях «Mosquito NF Mk VII», помимо радара стояли и деревянные винты. Так что была возможность подобраться тихо и незаметно. Лишь бы двигатели не подвели. Радиолокационного прицела еще не было, локатор мог обнаружить с восьми километров цель, показать, находится она выше или ниже относительно самолета, и указать курс на цель. Вот такой примитив.

За дело взялся подполковник Доброславский из 3-го гвардейского. Он – опытнейший летчик, принимавший участие в испытаниях нашего «Гнейса», оператором к нему посадили инженер-майора Штейна из НИИ ВВС. Он отвечал за разработку радиолокационного прицела Р-11п и должен был сравнить наши разработки с английскими. Кроме наших машин был задействован A-29A Mk.VI с РЛС «Гнейс-1» и прототипом Р-11п, но из-за больших размеров самого самолета и того, что он был цельнометаллическим, подвести его к полосе незаметно определенно не получилось бы.

Взлетели. Под нами останки некогда великой Римской империи императоров Габсбургов, там и сям краснеет стандартная для этих мест черепица, слегка потемневшая от времени. Однаковые здания казарм-полукрепостей в форме каре. Внизу босоногая армия Тито перевооружается, пересаживается на Т-34 и выкатывает свои аргументы о том, как будет развиваться Югославия дальше. Отливается четникам и усташам их временное господство на этой территории. Как всегда, кроваво и мстительно, сербы двинулись вперед, и их уже не остановить. На север и северо-запад потянулись беженцы, им не простят той крови, которую они пролили. Домики и речки растаяли в наступающей темноте, затем подошли к довольно высокой облачности и пошли над ней, скрывая за облаками истинное свое направление. Лишь пеленгаторы штурманов крутятся, обеспечивая ориентирование. Сегодня со мной летит не вчерашний лейтенант, а флаг-штурман тяжелых полков майор Сергей Ушаков. Он из 433-го полка АДД, пересел на «галифаксы» в Прибалтике, сейчас освоил и «ланкастеры», но летит на «москито». В этих полетах больше всего раздражает маленькая крейсерская скорость «галифаксов» и «ланкастеров» – всего 350 км/час. Им до цели три часа полета, поэтому, проводив их мимо Вены и Граца, вгроем уходим к «Горе привязанного хохотуна», как дословно переводится название аэродрома. Достаточно вместительный бомбюк «москито» позволяет взять на такое расстояние

два КМГ-250 с сотней авиационных мин каждый. АМГ-41, вставленный в каждую мину, позволяет надежно заминировать аэродром. Рассмотрев аэрофотоснимки, а на них аэродром выглядит совсем не так, как современный нам, американцы, долго хозяйничавшие здесь, многое перестроили. Сейчас, в сорок втором, здесь шесть казарм, несколько учебных зданий, два больших ангаров, лагерь для военнопленных за поселком, они ухаживают за аэродромом вместо аэродромной роты. Самолеты стоят по-немецки – полукругом в капонирах в западной и в южной части аэродрома. Кроме Ме-110 видны несколько учебных «арадо» и Ме-108 «Тайфун». «Сто десятых» довольно много, больше, чем в группе, сколько из них имеют локатор – неизвестно.

Впрочем, все наши ухищрения не пригодились: у немцев шли плановые полеты, в воздухе четыре машины, ходят по коробочке на небольшой скорости. Видимо, учебные. Сверху довольно плотная подушка облаков, противник под ней. Пробиваем облачность вниз, высекаем из облаков над Тростау, но кто-то заверещал по радио, что слышит гул английских самолетов. Под нами оказался концлагерь Стайнбрух, и охранники услышали наши моторы. Пришлось давать кругаля над лесистыми горушками, заходить с востока, там оказалась позиция батареи ПВО, но обнаружили мы ее поздновато! Я послал почти наугад ракету в разгорающийся прожектор, и там оказался проход в обваловке. Ракета дошла. Вторая позиция прямо по курсу, там «ахт-ахт» и в роще казарма. Еще две ракеты, а это не «Ил», весь боезапас ракет – восемь штук, а впереди аэродром. Слева прямоугольник бензохранилища, но я туда не дотягиваюсь, чуть доворачиваю и бью по «эрликону», стоящему на крыше КП, но ракета взорвалась ниже. Дорабатываю из пушек. Отвернул на курс и через три секунды сбросил первый контейнер, затем второй, и влево, к лесу. Паша атаковал через полторы минуты, успел послать ракету в бензохранилище, в большой ангар, и гораздо удачнее положил первый контейнер, чем я, а затем просто идеально второй. Ему пожар на аэродроме помогал. Уже пошли взрывы, видать никого с Восточного фронта у немцев не было, с этой тактикой вживую не сталкивались. Теперь ждем «Гудзона». Он, не торопясь, аккуратно заходит, у него и ракет, и кассет достаточно. Аэродром защищен только от высотных бомбардировок. Все правильно, штурмовики сюда еще не прилетали, а малокалиберная артиллерия на фронте нужна. Поставили одну установку, и хватит. Однако разглагольствовать некогда, надо на хвостик поглядеть! Кручуясь, просматривая локатором округу. Это Паша, тоже вертится, только два немца, пока больше никого. Отработал Хворостов, но ему слегка досталось

на подходе осколками от «ахт-ахта»: два орудия из четырех на северо-западной позиции продолжали работать, правда, без подсветки это стрельба в белый свет, как в копеечку. Набираем высоту, идем на север. Тут тройной щелчок бьет по ушам: «Гости!», щелчок в ответ, слушаю. Два щелчка, прибавляю ход «комарику» и откручиваюсь влево, сначала плавно, потом быстрее и быстрее.

– Есть! Ниже, влево восемьдесят, – это Серега, он за оператора сегодня. Краем глаза вижу и слышу, что он трижды бьет по левой кнопке СПУ. У Паши на хвосте тоже висят. Я добавил правому, повернулся и пытаюсь зайти немцу в хвост. Самого его пока не вижу, но вот-вот будет немного света от прожекторов в Байройте. Есть силуэт, Ме-110, на носу здоровенные рога, даже ночью видно. Визуально уже проще, сманеврировал, иду на сближение.

– Один второго предупреждает об атаке. Вправо побежал.

Пошел к черной части горизонта. Вижу выхлопы, но определить ракурс пока не могу.

– Влево пошел.

Закладываю за ним.

– Пикирует.

Я убавляюсь, так чтобы не проскочить у него перед носом, но вниз не иду. Там горушка. Плавно парашютирую, немного снижаясь. Немец прекрасно знает местность, отлично ориентируется и использует ее складки, для того чтобы уйти от меня и самого приложить об горку. Бой с ним на малой высоте совсем не входил в мои планы.

– Пошел в набор, пока ниже. Вправо.

Прибавляю, теперь по радару вижу, что Паша преследует немца тоже. В скорости они проигрывают, и в маневренности тоже. Вдруг почти рядом замечаю серо-зеленое пятно! Это Паша выгнал на меня немца. Доворот, огонь.

– Класс, командир! – у немца горит крыло, и теперь его Паша добьет как муху. А мне опять вправо, искать того стервеца, что от меня ушел.

– Больше вправо! Вон он!

На фоне темного леса мелькает серый корпус немца. Он опять сменил вираж, идет влево, а там Паша. Тут Паша ударил по своему, и мой шарахнулся вправо, как раз на меня. В прицеле, короткая, перенос, огонь. Мимо. Попаданий не видно, «месс» рванулся выше и встал на крутой вираж вправо, я за ним, помогая себе машиной. Еще очередь. Попал. Все, уходим. Так можно гоняться до бесконечности. Весьма опытный и толковый товарищ.

– Он сообщил, что покидает машину. – Но мы уже в наборе и догоняем Хворостова. Тому тоже пострелять пришлось, как он классифицировал – по учебному самолету. Его атаковал Ме-108, видимо курсант, заходил совсем неверно и прямо на кормовые пулеметы. А их у «Гудзона» много!

Пока мы тут возились, группа успела отработать по трем целям и повернула на обратный путь. Наша помощь не требуется, и мы пошли обратно. На полных ходах топливо улетает в двигатели как в прорву. Так как дожидаться группу не надо, мы прибавили до крейсерской и через полтора часа сели в Батайнице. Получил втык от собственного техника: Алексей Иванович обнаружил хвою в воздухозаборнике. Плохо, что об этом узнали не только на аэродроме, но и в Ставку эта новость долетела. Не иначе как новый ЧВС полковник Литвиненко подсобил. До него был Ветров, отличный летчик, сейчас в госпитале после налета на Альту. К сожалению, наверное, не вернется. А жаль, хотя ведь не обязательно ему летать. Ему стекло в глаз попало, скорее всего, спишут. Но стоит похлопотать за хорошего человека. А этот действует втихаря, вроде как и похвалил в донесении, но про хвою писать не стоило, и предупреждать надо, если пишешь о начальстве. В общем, придется присматриваться. Он с Западного фронта, поэтому я его до этого не знал.

Но политдонесение ушло в Москву, и последовал приказ: вылеты на боевые прекратить! Подписано Мехлисом и Сталиным. Тут вовремя подвернулась командировка в Москву: привезли ордена из Лондона, требуется представать перед глазами сэра Криппса и главы военной миссии генерал-лейтенанта Мартеля. Криппс сказал, что в последние дни пребывания в СССР ему поручена самая приятная и неожиданная миссия: награждение высшими английскими орденами целой группы советских летчиков. Кроме нас были награждены Крестами Виктории двенадцать летчиков 2-го гвардейского смешанного и 78-го истребительного авиаполков, одними из первых пересевшие на английские самолеты и добившиеся больших успехов на них в ходе зимней кампании сорок первого – сорок второго года. С Криппсом мы уже встречались несколько раз, интересный человек, жаль, что не все его предложения нашли сразу поддержку на родине. Еще в 1939 году его исключали из рядов лейбористов за требования создать антифашистский народный фронт из лейбористов, НРП, коммунистов, либералов и черчиллевских консерваторов, выступавших против политики умиротворения гитлеровской Германии. В реальной истории он написал в своем дневнике следующие слова: «Теперь, после славной победы под Москвой, никто не может утверждать, что

советский режим является прогнившим или подрывающим жизненно важные устои собственной страны. Нет! Если бы не этот режим и все то, что было сделано в этой стране за последние двадцать лет, Гитлер, безусловно, сумел бы завоевать всю Европу, а наши шансы на победу равнялись бы нулю». И от имени Великобритании подписал в июле 1941 года Советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

После вручения ордена я спросил у него:

– Насколько я понял, вас отзывают?

– Да, мне предложили пост министра авиационной промышленности в правительстве премьера Эттли, и я решил не отказываться.

– Надеюсь, что мы еще увидимся, господин министр.

– Несомненно, генерал, тем более что вы показываете пример использования английского оружия по прямому назначению. Народ Англии в восторге от вашей операции в Каа-фьорде. Все газеты нашей страны опубликовали рассказ сэра Харриса и ваши комментарии к нему. Благодаря этому лейбористской партии удалось отстранить от власти консерваторов и, впервые в истории, сформировать левое большинство в парламенте и левое правительство. Его лозунгом станет: «Все для фронта, все для победы!» Узнаете?

– Конечно, достаточно выйти из стен британского посольства.

– С завтрашнего дня он будет висеть и здесь, – улыбнулся Криппс и продолжил объявлять о награждениях.

После банкета удалось позвонить Поскребышеву и получить аудиенцию у Сталина: «По личному вопросу». На самом деле Stalin очень не любил «личников» и прекращал с ними общаться, если человек просил какие-то вещи для себя любимого. Все старались не упоминать такое словосочетание при записи, пытались замаскировать его другим делом. Но у меня вопрос был сугубо личный. Пришлось довольно долго сидеть в приемной, так как меня отодвигали и отодвигали назад в списке посетителей. Наконец Поскребышев снял трубку, посмотрел на меня и ответил чуть слышно:

– Да, сидит еще... Хорошо! – он повесил трубку и показал мне на дверь.

– Вас ждут, проходите, пожалуйста.

Вошел, доложился и передал Сталину свой рапорт, в котором указал номер приказа, запрещающего мне боевые вылеты, и последовавшее за этим опечатывание моих самолетов, в том числе и личных, находящихся в личном владении. Сам ничего устно не добавил, стою и смотрю на

реакцию.

– И из-за этого вы сидели у меня в приемной три часа и не даете мне возможности пообедать? – сказал Stalin и порвал мой рапорт. – Приказ остается в силе, вылеты на боевые задания для вас отменяются. Вы – командующий армией, вот и исполняйте свои обязанности. А лихачить и летать в глубокий тыл к немцам генералам вашего уровня непозволительно!

– Может быть, в этом случае снизить мой уровень? Привести его в соответствие с моим возрастом?

– Вы отнимаете у меня время.

– В таком случае вот еще один рапорт. Прошу перевести меня на работу в Главное управление учебных заведений ВВС РККА. Хоть какой-то толк от меня будет.

– Вот упрямец! Хорошо, я отменяю свой приказ. Но учтите, что это не дает вам права бессмысленно рисковать собственной жизнью, выполняя второстепенные задачи. Сосредоточьтесь на главном.

– Именно так и поступаю, товарищ Stalin. В данном случае прикрывал действия трех полков по бомбардировке заводов по производству авиа- и танковых двигателей. Налет прошел без потерь.

– Пойдемте пообедаем, товарищ Шкирятов. Вы в курсе, что принята отставка Черчилля?

– В курсе, товарищ Stalin, я только что из английского посольства.

– Да-да, зайдите в наградной отдел, там подписан указ о вашем награждении. Сюда! – он показал на дверь шкафа и толкнул ее вправо, потом еще одна дверь, за которой находилась небольшая столовая с накрытым столом на шесть человек. Но, кроме охранника у другой двери, там никого не было, да и тот сразу вышел. Появилась обслуга, на стол поставили супницу, салаты, закуски, Stalin разлил по бокалам киндермаули, поздравил с английским орденом, со второй звездой Героя и с новым званием. Как ни странно, но настроение у него было хорошее, хоть и только что почти ругались. Позже он объяснил, что не хотел меня принимать из-за формулировки «личный», думал, что буду что-то у него для себя просить, хотя и так отмечен некисло. Тем не менее, под конец обеда опять вернулся к тому, что лишний раз рисковать, стараясь самому выполнить задание, не стоит. Даже если сразу не получится, любое задание можно повторить. Перепроверить, подключить дополнительно силы и средства, и выполнить.

– Учту, товарищ Stalin. У меня есть еще один вопрос, по полковнику Ветрову, ЧВС армии, который сейчас находится на излечении в 1-м

авиагоспитале. Медкомиссию он, скорее всего, не пройдет, понимаю, товарищ Сталин, что это не тот кадровый уровень, которым занимаетесь лично вы, но нас вместе ставили на эту армию. Летать он, наверное, не сможет, но заместитель отличный, и в армии его очень уважают и ждут обратно. Грех такими кадрами разбрасываться.

– Он уже не полковник, а генерал-майор, тоже получит Героя, как выйдет из госпиталя. Вашу просьбу я учту. Не нравится Литвиненко? Мне рекомендовали его как хорошего организатора, хорошо знающего тыловую службу.

– Ветров знает на собственном опыте, что требуется летчикам для выполнения задания. Литвиненко этими знаниями не обладает. Присмотрюсь, конечно, но возвращения Ветрова буду ждать с нетерпением.

Рассказал Верховному о налете на Дойчландсберг. Этот небольшой городок сыграл важную роль в присоединении Австрии к Германии. Там нацисты устроили путч, который подавили тогдашние власти Австрии. Немецкая пресса раздула скандал и сделала из путчистов героев, это послужило поводом для давления на австрийцев. Дело было в том, что в 1919 году на состоявшихся в мае выборах в городской совет Вены победила Социал-демократическая рабочая партия Австрии, и это при том, что общее руководство страной находилось в руках буржуазно-консервативных кругов. Сей факт не смущил австрийских социал-демократов, и они активно взялись за построение социализма в одном отдельно взятом городе.

Новые городские власти чётко обозначили приоритетные задачи: благоустроенное жильё для рабочих, школьное образование для детей бедноты, медицинское обслуживание, доступное каждому жителю города, повышение уровня культуры среди малоимущего населения.

Надо признать, что результаты деятельности австрийских социал-демократов оказались впечатляющими, и к 1927 году число членов партии в стране составляло около 1,7 миллионов человек! Для справки напомним, что сейчас всё население Австрии – примерно восемь миллионов.

В то время, когда вся страна жила по старинке, Вена праздновала Первое мая и годовщины российской Октябрьской революции, на центральных площадях столицы для рабочих устраивались массовые празднества и спортивные мероприятия, дети и молодёжь в возрасте от семи лет до двадцати одного года вступали в детские и молодёжные организации, созданные по образцу советских октябрят, пионеров и комсомольцев.

Надо думать, что социалисты, захватившие реальную власть в столице, для правительства республики были чем-то вроде гнойного нарява. Кроме

того, социал-демократы не желали довольствоваться одной только Веной, а поскольку партия имела в своём распоряжении боевые отряды, то вооружённые столкновения с армией и полицией были не редкостью.

В конце 1920-х годов австрийское правительство начало проводить политику постепенного выдавливания социал-демократов из госструктур. Сначала провели массовую чистку в армии, полиции и государственных учреждениях, потом руководство страны, посчитав фашизм меньшим из зол, позволило национал-социалистам занять ряд ключевых позиций. Раскол и шатания в рядах самих социал-демократов тоже сыграли на руку республиканской власти. Чаша терпения правительства переполнилась после очередного крупного вооружённого столкновения между боевыми отрядами социалистов и правительственные силами в феврале 1934 года. Итог мини-гражданской войны – сто восемьдесят два убитых и четыреста шестьдесят раненых.

Пятнадцатого февраля 1934 года Социал-демократическая рабочая партия Австрии была объявлена правительством республики вне закона, начались массовые аресты членов партии, руководство партии вынуждено было эмигрировать.

Это стало концом Красной Вены, но та не исчезла бесследно. Красная Вена вошла в историю в камне, кирпиче и бетоне. За пятнадцать лет пребывания у власти социал-демократическое руководство столицы развернуло такое гигантское строительство муниципального жилья, причём комфортабельного и очень эстетичного, что по масштабам его можно сравнить, пожалуй, разве что с московским строительством 1950-х годов.

Для расправы с социал-демократами и готовили штурмовые отряды в южной Нижней Австрии. Район Дойчландсберг был интересен в первую очередь люфтваффе. Здесь производили спички, давно. Хорошо наложенное производство фосфора в промышленных масштабах, железная дорога и завод точной механики для производства взрывателей. Более тридцати процентов зажигательных бомб производилось здесь, а немцы массово использовали фосфорные бомбы. К тому же этот железнодорожный узел использовался для вывоза железной руды в Грац. Большое месторождение которой находилось в горах по соседству. Огромный карьер эксплуатируется до сих пор и виден из космоса.

Первый корпус нанес два удара по всем промышленным предприятиям города и уничтожил шесть низконапорных электростанций. Я пожаловался Сталину на обилие промышленных предприятий в каждом городе и сложности с уничтожением небольших электростанций. Большие электростанции в Австрии только начали строить на Драве. Строился

каскад по единому проекту. Первая из электростанций дала ток в 1939 году. Близость апатитовых руд позволяла строить мощные предприятия по производству алюминия и фосфора. Сталин распорядился нанести удары по всем стройкам и готовым станциям на этой реке. Предупредил о том, что Драва протекает и по уже освобожденным территориям, и просил не использовать тяжелые авиабомбы и не разрушать плотины.

– Против нас сейчас воюет вся Европа, товарищ Шкирятов, поэтому наши немногочисленные союзники не должны пострадать. Это важно! Германский фашизм родился на основе реваншизма, обратите внимание, что они пытаются переиграть ту великую войну. Они устроили одну из причин поражения Германии: Первую мировую войну вело два немецких государства, сейчас они объединились в одно и полностью используют весь потенциал как самой Германии, так и Австро-Венгрии. Плюс большая часть Франции с ее мощнейшей промышленностью влилась в этот союз, и даже Италия, которая в той войне была на стороне Антанты, воюет против нас. С этим монстром нам предстоит справиться, и как можно быстрее, потому что экономически они гораздо более развиты, чем мы. Но у нас налажено крупносерийное производство военной техники и боеприпасов, нам, несмотря на имеющиеся разногласия, все-таки помогают вынужденные союзники, которые готовили яму для нас, да сами туда угодили. Мы сильнее тем, что сумели сплотить народ, а он сам выдвигает из своих рядов тех, кто сможет обеспечить нашу победу.

В общем, он прочитал мне лекцию о международном положении, где главный упор делался на разрушение экономической составляющей Третьего рейха. Он понимал, что простые, как гвозди, обещания Гитлера, подкрепленные реальными шагами по повышению экономического состояния послевоенной Германии и разгромом всех крупнейших компартий Европы, не позволяют нам использовать устаревшие лозунги в этой войне. Она будет продолжаться до тех пор, пока фашизм не будет окончательно повержен.

Вернувшись из Москвы, я озадачил нового начальника этими проблемами. Говорил серьезно, без ухмылок, что надо поработать с армией Тито, с личным составом. Донести до каждого политику партии и правительства, привлечь, обострить, довести до каждого. Весь стереотип поведения активиста-пропагандиста вывалил на него. Тот крякнул, такого поворота событий он не ждал, не знал, что имеет дело с человеком, которого два года мучили этими вопросами в Борисоглебске. Ничё! Времени на написание пасквилий у него поубавится, и требуется реальная работа в войсках партизанской армии, уж больно они расходились. В общем, припахал, да и

попросил его не забывать о личном составе армии, который тоже нуждается в опеке и добром ласковом слове, особенно на аэродромах иностранных государств. Вот такую вот задачу, дескать, поставил Главковерх. Как они забегали! Как тараканы на игровом поле. Кончилось дело тем, что его «По-2» в тумане ударился шасси о незамеченное с воздуха ограждение пастбища. Правда, пострадал летчик из эскадрильи связи, лейтенант Святов, но начально сломал ногу и убыл в госпиталь. До него все комиссары и начальники политотделов летали сами и никогда не страдали в подобных ситуациях. К нам он больше не вернулся. Через месяц прибыл Олег Ветров с повязкой на глазу, но наедине сказал, что о Вилли Посте он знает и постараётся.

– Бог помошь, Олег Иванович! Главное не в этом, а в том, что живы, будете продолжать то, что делали. Тут у соседей казус произошел, не знаю, в курсе, нет. В общем, массовое заражение венерическим заболеванием. Пригласили на праздник, выпили, закусили, отдохнули, и двадцать человек сейчас под следствием. Приказано уделить особое внимание, хоть там и танкисты пострадали, но наши «жеребцы» ничем не хуже.

– И смех, и грех, учту и докторишек привлеку.

Вообще, работы политсоставу хватало, в первую очередь из-за района действий. Вино здесь пьют как воду – юг, молодое вино слабенькое, наши к такому не привычны, поэтому меры не чувствуют. А срабатывает оно с запозданием. Второй момент, не самый приятный, внешне враги и друзья очень похожи, различия только в вероисповедании, и все стороны очень склонны к жестокости, порой бессмысленной.

– В общем, Олег Иванович, ситуация здесь сложная, союзники ориентируются на всех, кто даст оружие и боеприпасы, а англичане это, американцы или немцы с итальянцами, им без разницы. Партизанская вольница. И зачастали самолеты с Мальты и Туниса. Да и немцы усташей Павелича не забывают снабжать. И в самой Сербии не слишком спокойно: болгары тянут с выводом войск из аннексированных районов Сербии, там «четники» устроили несколько боестолкновений. Пётр II Карагеоргиевич из Каира перебрался в Лондон и учится на летчика там. Собственно, на той территории, на которой мы находимся, постоянно расквартированы «четники» Михайловича, они оказывали помощь нашим войскам, с нами в конфликты не вступали. Партизаны Тито находились западнее, в гористой местности, их вытеснили туда немцы, итальянцы, венгры и «четники», которые вначале вроде воевали и поддерживали их, а потом началась гражданская война. Пока постоянного представителя армии Тито у нас нет. Они больше склонны контактировать с наземниками. Армия Михайловича

занимает выжидательную позицию, сниматься с насиженных мест не рвется, боясь потерять остатки влияния на равнинной части Сербии.

– А у меня тут мысль мелькнула, Сергей, а что если королю предложить к нам перебраться? Ну, естественно, согласовав этот вопрос наверху. Проблем поубавится. Ты у нас совсем молодой, чуть старше его будешь, на этом и сыграТЬ.

– Вот-вот! Все бы комбинации строить, Олег Иванович, ходят разговоры, что Тито хочет запретить Карагеоргиевичу возвращаться на родину. И Сталин примерно того же мнения. Впрочем, Олег Иванович, твоя идея, ты и продвигай. Я с этим к нему не полезу.

– А я не сам, я Мехлису подброшу.

– Вот и договорились. А то постреливать по ночам у Каранака начали. По самолетам из винтовок бьют. Дескать, сеять надо, убирайтесь. Кто бьет – непонятно, там каждой твари по паре. В общем, выставили антиснайперские группы, обстрелы вроде как прекратились, плюс арендную плату пообещали продовольствием и динарами хозяевам. Но лучше бы этот вопрос решить на уровне правительства, которое они никак собрать не могут. Разногласия у них.

Приходилось лавировать между этими противоборствующими сторонами: Петра поддерживала Англия, и давать лишние карты в руки противникам левого правительства было не слишком интересно. Хотя я прекрасно понимал, что примирить между собой сербов, а тем более другие народы с сербами, может не получиться. Тем не менее, Сталин сам давал мне инструкции не дразнить лишний раз гусей и не отталкивать от себя, пусть и условных, союзников. После войны разберутся, кто есть кто.

Тито приехал в Батайницу лишь тогда, когда сюда прилетел генерал Александр и генерал Жуков. Александр прибыл с Указом Петра II, назначавшим Тито Главнокомандующим НОАЮ. Отрядам ЮВО под командованием Драгомира Михайловича предписывалось перейти под командование Тито. Армии Тито, находившейся сейчас на территории Независимого Государства Хорватии, бывшего под совместным протекторатом Германии и Италии, предписывалось развернуть активное наступление на войска Италии, которые составляли большинство в иностранном контингенте оккупантов. В приказе, который привез Жуков, и нашей армии предписывалось оказать максимальную поддержку этому наступлению. Тем более что наше наступление на этом фланге пока сдерживалось тем обстоятельством, что требовалось подтянуть тылы, а для этого не хватало местного железнодорожного транспорта: у РККА оказалось недостаточно колесных пар под германскую колею, поэтому

пополнение шло медленно, а сопротивление противника нарастало по мере приближения к их границам. Мы, как могли, помогали наземным частям, но тоже испытывали сложности в снабжении. Если поставки топлива удалось наладить через Констанцу, где несколько нефтеналивных причалов все-таки сохранилось, то с поставками боеприпасов было совсем несладко! Несмотря на категорический приказ все имеющиеся колесные пары ставить на вагоны и платформы с ними, все равно задержки доходили до четырех – пяти суток против обычных сроков. Поэтому, пока армии Южного фронта переформировывались, вся тяжесть боев была переложена на союзников.

Пока до крупных операций дело не дошло, но мелкие легковооруженные группы партизан продолжали просачиваться через позиции немцев и итальянцев и захватывали все новые и новые населенные пункты. Сплошной линии фронта здесь было не создать, чем и пользовались солдаты и офицеры Михайловича и Тито. Но между собой они продолжали если не воевать, то конфликтовать. По поводу и без. Солдаты Михайловича были лучше подготовлены для действий в горно-лесистой местности. А солдаты Тито были более мотивированы. Реально объединить их усилия не сильно получалось у немногочисленных «советников» как со стороны Южного фронта, так и со стороны британских спецслужб.

Часть 15

Балканский узел

В конце марта в Белград из Каира начали подтягиваться члены довоенного правительства. На 25 марта назначен Съезд народных командиров, местом проведения выбраны казармы гвардейского полка, которые находились рядом с королевским дворцом. Под самим дворцом и под казармами идет железнодорожный тоннель, который соединяет вокзал «Белград Центральный» со дворцом. Там внутри горы было бомбоубежище и железнодорожная станция, на одной из веток которой до войны стоял царский бронепоезд. Жившим в очень неспокойное время Карагеоргиевичам приходилось много думать о собственной безопасности. Вот на это сбощище и прилетели Александр и Жуков. На словах все высказались за единое руководство боевыми операциями. Но начался обычный в этом случае дележ портфелей. На место начальника штаба претендовали Арсо Йованович, капитан 1-го класса (майор по-нашему), полковник Саво Орович, еще один Йованович, Радивойе Тиосавич, совсем молоденький лейтенант, но признанный руководитель Ужицких партизан, а также генерал Новакович и, естественно, генералы Душан Симович и Боривойе Миркович. Когда-то все они вместе базировались неподалеку от Валево, но крыса-политика пробежала между ними. И теперь существовал приказ Михайловича, где за связь с партизанами полагалась смертная казнь. Соответствующие приказы уже существовали и у НОАЮ. Без суда и следствия. И вот этих непримиримых врагов собирают в одном месте, чтобы решить, как жить дальше.

Два претендента на пост главнокомандующего: Тито и Михайлович. Да еще в качестве третейского судьи присутствует Жуков, прямой, как палка, уверенный в себе и совершенно не умеющий лавировать. Со стороны англичан – ирландец Александр, упрямый и властный, как многие ирландцы. Понимая, что скорее всего переговоры сорвутся, а англичане, военные, очень хотели бы, чтобы мы как можно дольше ковырялись в этом клубке интересов, среди этих пауков в банке, подливают масло в огонь, привезя с собой приказ Правительства в изгнании и короля о назначении Тито главнокомандующим. А отряды Михайловича весьма прилично вооружены и хорошо натренированы. Еще до войны Михайлович разрабатывал тактику и методы партизанской войны для югославской

королевской армии. Тогда его не послушались и выгнали со службы, сейчас он доказал, что его видение проблемы было ближе к истине. Сильная сторона Тито – хорошее обеспечение связью. С помощью как ГРУ РККА, так и англичан, он организовал хороший радиоцентр и имел прямую связь как со Ставкой Верховного, так и с Каиром и Лондоном.

Жуков перед отъездом в казармы гвардейцев передал мне письма и приказы Сталина, в которых рекомендовалось максимально сгладить противоречия, но Михайлович и его отряды не должны занять главенствующие высоты в командовании НОАЮ. Кто внушил Сталину, что Тито более коммунист, чем Михайлович, осталось за кадром. Но обсуждению это не подлежало. Дескать, совместно выработанное решение союзного командования.

Жуков, Александр и Тито прибыли все на одном поезде, выгрузились на подземной станции и поднялись в здание казарм. Представители «четников» присутствовали, но сам Михайлович изволил задерживаться. До официального начала совещания еще восемь минут, поэтому рассаживаемся. Два британских связиста колдуют с усилителем и микрофоном, несколько корреспондентов берут предварительное интервью у командования союзников. Здесь же присутствуют Буденный и Малиновский. Мне удалось отбояриться от прессы. За минуту до начала прибыл бригадный генерал Михайлович. В генеральском мундире, с бородой и очками, возмущенный тем, что у него забрали оружие. Но совещание проводил начальник особого отдела фронта, а у него не забалуешь.

Совещание начал генерал-лейтенант Желтов, начальник Южного фронта, который сменил на этом посту Хрущева после известного совещания в Ставке. Мы с ним немного знакомы по Карельскому фронту, там тогда еще корпусной комиссар Желтов был в той же должности. Вначале он пробежался по текущему моменту на всех фронтах. Наступают Юго-Западный и левый фланг Западного фронта в направлении Люблина и Львова, Северный фронт продолжает наступление в Норвегии, на остальных – бои местного значения. Румынский фронт под руководством Малиновского форсировал предгорья Карпат и вошел на территорию Словакии и Венгрии. Взяты Кашты. А на нашем участке, после удачных зимних боев, в ходе которых были взяты Нови-Сад и Белград, наступление в направлении Сегеда выдохлось, натолкнувшись на активную оборону венгров и их подручных, хорватских и боснийских усташей. На той стороне фронта рекой льется кровь сербов, которых просто вырезают усташа, а югославская армия погрязла в междуусобной войне и упорно не желает освобождать свою Родину. За два с лишним месяца проведено считаное

количество операций, освоение предоставляемой техники идет неспешно, как в мирное время. И до сих пор не понятно, как советскому командованию реагировать на наличие у него под боком довольно крупных вооруженных соединений, временами устраивающих между собой серьезные боестолкновения. Если румынская королевская армия ведет активные боевые действия против общего врага, то части югославской армии, видимо, хотят вести борьбу только с «внутренними врагами», заняли беспринципную позицию, и фронт их нисколько не беспокоит. Ждут, когда Красная Армия освободит всю Югославию от захватчиков. Более-менее активно проводят операции только слабо вооруженные и плохо обученные партизанские части Народно-освободительной армии Югославии, а кадровая армия свесила ножки и пытается им мешать, уничтожая их связных, обозы и ведя контрпропаганду. Пришло время окончательно определиться, с кем югославские военные: со своей страной и народом и против фашизма, или они воюют на стороне фашистов.

Коренное отличие югославской армии от румынской состояло в том, что власть Карагеоргиевича была весьма условной! Армия выросла из «Черной руки» – мощной боевой организации, борющейся за Великую Сербию, она считала себя вправе снимать, казнить и назначать королей. И вот ей дал оплеуху «старший брат» – на радость еще одним союзникам, которых, кстати, «Черная рука» сильно недолюбливала.

Желтов предоставил слово командующему британскими войсками в Средиземноморье генерал-лейтенанту Александеру, который зачитал указ короля Петра II. Было видно, что все командиры-«четники» напряглись и ждут решительного жеста своего командующего, чтобы сорвать совещание. Я попросил у Желтова слова.

– Товарищи, господа! Я прошу всех успокоиться! Претензии в адрес королевской армии высказаны тремя сторонами, поэтому их можно считать объективными. Меня интересует вопрос: почему руководство «четников» отдало такие распоряжения и приказы. Как мы видим, даже их король понимает, что сейчас нет ничего важнее борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Но генерал Михайлович почему-то считает иначе. Вы можете объяснить свои действия? И рекомендую вам помнить то обстоятельство, что сейчас не сорок первый год. Да, Югославия потерпела поражение, но вы же не сдались, так же, как не сдались те, против кого вы сейчас активно воюете. Может быть, это и есть объединительная идея? В недавнем разговоре со Сталиным я услышал от него оценку, почему мы выигрываем: «Мы сильнее тем, что сумели сплотить наш народ, а он сам выдвигает из своих рядов тех, кто сможет обеспечить нашу победу».

Задумайтесь, господин генерал, над этими словами.

Михайлович, которого смущила моя молодость, решил огрызнуться:

– Не имею чести знать господина генерала, мне непонятен вопрос, почему он здесь и дает рекомендации – как, кому и о чем думать.

– Я – командующий 1-й гвардейской особой воздушной армией Резерва Ставки ВГК, представитель Ставки Верховного Главнокомандующего на Южном направлении, и мне поручено организовать воздушную поддержку наступления НОАЮ.

Михайлович попытался начать разговор о том, почему началась война между его отрядами и Тито. Говорил около пятнадцати минут, затем его прервал Буденный:

– Генерал, что ты тут грязное белье из мешков достаешь? Вопрос стоит несколько иначе, чем ты пытаешься его представить. Ситуация давно изменилась. Сейчас я тут и король, и правительство, и сам господь бог. Здесь, у меня в тылу, никого, кроме войск охраны тыла, не останется. Даже не надейся. Вы вернетесь сюда после победы, и вот тогда будете выбирать себе нового короля или президента. Захотите подрастья между собой? Это ваше личное дело будет. А сейчас у тебя два варианта: либо под мою команду, либо через особый отдел в тыл. Вот он согласился с тем, что встает под мою команду. Будем формировать из них армию, что уже и делаем. Вопрос только в тебе и в твоих людях: или вы входите в состав этой армии, причем не отрядами и соединениями, а россыпью, либо мы вас разоружаем. В случае сопротивления – уничтожаем. Третьего не дано. Война идет, и сюсюкаться с тобой никто не будет.

– Это я понимаю, господин маршал. Хорошо, ЮВуО присоединится к НОАЮ в полном составе, но нам бы хотелось знать, за что мы идем воевать. Великосербии не стало: Косово захвачено Албанией, Македония – Болгарией, в Хорватии немцы и итальянцы, в Банате – венгры, в Словении – венгры, немцы и итальянцы.

– Немцы пока вам не по зубам, ваше направление – Итальянский фронт. Вместе с вами будут воевать еще пять дивизий болгарской армии, которые заканчивают формирование и переучивание. Согласно заключенному договору с правительством Отечественного фронта Болгарии, спорная территория, аннексированная в прошлом году, отойдет Югославии. Мы признаем довоенные границы, – ответил ему Буденный.

– С болгарами мы не очень дружим, две войны и аннексия, но в случае признания довоенных границ возражать не станем. Когда они отведут войска из Македонии и Косова?

– Отводить войска никто не будет. По моему приказу, по готовности,

они войдут в соприкосновение с итальянцами в Хорватии.

Михайлович пристально смотрел на маршала, пытаясь определить степень его заинтересованности в том, чтобы склонить командующего ЮВуО к сотрудничеству, но широкое лицо Семена Михайловича никакой заинтересованности не выражало, и Драголюб понял, что его участь уже решена, как и судьба Недича, бывшего министра обороны Югославии, присягнувшего Гитлеру. Если он не согласится с предложением, то и он, и большинство командиров, сидящих в этом зале, до своих отрядов просто не доедут. Он обдумывал и более хитрый ход: согласиться и передумать потом, но он прекрасно помнил, что фоторазведчики русских уже покрутились неподалеку от мест базирования его отрядов, да и Тито наверняка сдал все его лагеря, места базирования и всех, кто ему известен. Хода назад не было! Он не ожидал такого поворота судьбы: «мальчишка» его предал. Впрочем, этого следовало ожидать после прихода к власти левого правительства в Англии.

– Мне кажется, что в такой обстановке более чем необходимо присутствие в стране его величества, тем более что его безопасность теперь легко может быть обеспечена. Он и послужит гарантом восстановления страны, – заявил Михайлович, просчитавший, что приезд короля более выгоден ему, чем Тито. В крайнем случае «мальчишка» не уйдет от расплаты.

– Это дела сугубо сербские и мало имеют общего с темой сегодняшнего дня. Мы не возражаем против его присутствия в стране, – ответил Буденный. – Итак, господин генерал, как скоро можно ожидать окончательное принятие решения?

– Мое решение принято, господин маршал, осталось согласовать физические сроки и план мобилизационных мероприятий.

– Предоставьте списки ваших отрядов с указанием воинских специальностей военнослужащих генералу Курасову. Он занимается комплектацией кадров НОАЮ.

Обстановка несколько разрядилась, приказом Михайловича были временно прекращены атаки на болгарский контингент в Македонии и практически прекратились сражения между армией Тито и ЮВуО в горной Сербии. Части югославской и болгарской армий начали перегруппировку для решающих боев в районе Черной Горы, Косова и в Албании. Предполагалось выйти к морю в районе Дубровника и отрезать группировку итальянских войск от снабжения по берегу. Сил и средств флота было явно недостаточно, поэтому без помощи авиации итальянцы

могли снабжать группировку до бесконечности. Сталин распорядился авиаударами поддержать блокаду 2-й армии Италии. Вся эта возня серьезно отвлекала силы и средства от основного направления, поэтому через пару недель, видя то обстоятельство, что прервать действия итальянского флота выделенными средствами не удается, я собрал ударный кулак и обрушил на адриатические порты Италии всю мощь своей группировки. Двенадцать портов юга Италии получили сильнейшие повреждения, но севернее авиация уже не доставала.

Капля по капле снабжение шло и вдоль восточного берега моря. Итальянцы подключили еще два маршрута своих караванов, действуя с западного побережья «сапога». Наконец, армии закончили переформирование и ударили от Призрени и Струги на Тирану. Наступать ни болгары, ни партизаны не умели, наступление шло в довольно сложной местности, но пока из Греции не подошли немецкие части группы армий «Е» генерала Лёра и два полка 2-й танковой армии Рендулича, югославы сумели перерезать шоссе на Тирану и выйти на побережье. Болгарская армия забуксовала раньше и поставленную задачу выполнить не смогла. Она застряла на перевалах у города Либражд и получила фланговый удар в левый фланг от немцев. Долго атаковать у немцев не получилось, так как Тиранская операция была отвлекающим ударом для немцев, основной удар Буденний и Малиновский вместе с болгарской армией наносили восточнее, в районе Тессалоник, и отрезали от основной части войск две дивизии немцев в Кавале и Александрополе. В этих условиях Гитлер принял единственно правильное решение: эвакуировать части группы армий «Е» из Греции в Северную и Южную Италию. Оставив арьергарды из войск СС, армии начали отход к порту Патрас, который находился вне зоны действия 1-й особой. Но у Малиновского и Судеца из 17-й воздушной сил и средств хватало, поэтому Первшую особую к этим операциям не привлекали. Семнадцатая армия имела в составе шесть дивизий и три смешанных авиакорпуса. Против них действовал первый авиакорпус 4-го флота Германии. Лёр после объединения Германии и Австрии формировал этот флот, и в нем было много офицеров из Австрии и Чехии. Четвертый корпус, также входивший во флот и располагавшийся севернее, был практически полностью разбит еще во время наступления в Сербии. Первый базировался в Греции и под удары не попал.

Михайлович переместил свою армию на юг Македонии и действовал на выгодном направлении в районе Кременицы. Действуя вдоль дороги Битола – Козанис, его отряды добились максимального успеха, так как были лучше всех организованы, обучены и хорошо вооружены.

К маю сорок второго наконец установилась погода, и стало возможно увеличить активность на основном направлении ударов. Семен Михайлович хорошо подготовился, и 18-я армия первого мая вошла в Осиек. Наступление на Будапешт началось по обоим берегам Дуная.

Двести километров фронт пробивал шесть суток. Особая армия непрерывно висела в воздухе и выколачивала пикирующими ударами узлы сопротивления мадьярских и немецких войск. Гитлер заявил о тотальной мобилизации и создании Южного вала, но город Будапешт не вошел туда, вал создавался севернее и опирался на столицу Австрии – Вену. Лишь в Иполи-на-Дунае срочно подготавливается оборонительный рубеж. Остальные укрепления создавались на левом берегу реки. Гитлер планировал остановить продвижение Южного фронта на берегах крупной водной артерии и в лесистых горах Иполяйской возвышенности. Из Южной Италии он перебрасывал войска в Словению, надеясь подрезать наступающих фланговым ударом оттуда. Но переброшенные в Словению несколько партизанских бригад армии Тито оседлали шоссе и железную дорогу из Любляны в Целе, поэтому войска быстро переброшены быть не могли. Первая особая, после совещания в Белграде, уже имела в составе армии Тито своих корректировщиков и контролировала небо Словении. Мосты в Марбурге-на-Драве были разрушены, и попытки их восстановления пресекались. Так что железнодорожная сеть была надежно выведена из строя. Тем не менее, по приказу командующего фронтом, я продолжал активную разведку в горах Словении и периодически наносил бомбоштурмовые удары по Среднедунайской низменности.

Удар с южной стороны по Германии был выгоден тем, что наибольшая масса промышленных предприятий рейха была сосредоточена здесь. Причем предприятий, выпускающих конечную продукцию. Сталь, понятное дело, варили в Руре, а вот танки и самолеты делали тут, и большую часть автомобилей. Именно эти цели и стали главными для 1-й особой.

Но на земле не все складывалось хорошо. Под городом Секешфехервар пятая танковая армия понесла значительные потери от огня новых немецких тяжелых танков «Тигр». Два тяжелых батальона, имевших в своем составе двенадцать «тигров» и сорок восемь длинноствольных Т-IV, действовали из засад, расположенных в лесах под Гантом и Балатоном. С немецкой стороны в операции принимало участие почти четыреста тысяч человек. Численный состав нашего фронта насчитывал несколько меньшее количество людей, но фронт превосходил гитлеровцев по танкам и артиллерийским системам. Кроме того, на нашей стороне было

превосходство в авиации – почти двухкратное, и в непосредственной близости от места боев находился резерв фронта – 9-я гвардейская армия.

Наткнувшись на засады, Лизюков вызвал вначале фронтовую авиацию, но немцы начали массированную артиллерийскую подготовку и через тридцать минут сами начали атаку, сосредоточив до пятидесяти танков на километр наступления – пытались смять и отбросить наши войска за Драву. Немецкие танкисты впервые применили стрельбу зенитными 88-мм снарядами по атакующим их штурмовикам. К тому же погода преподнесла сюрприз, и по утрам стояли густые туманы, существенно снижавшие деятельность пятой и семнадцатой воздушных армий. В этих условиях Ставка приняла решение вновь задействовать 1-ю особую воздушную армию для ударов по наступающим немецким войскам.

К этому времени мне уже было известно, что немцы применяют новый тактический прием для борьбы с низколетящими целями. Не слишком эффективный, но пугающий. Поэтому основной удар наносился не штурмовиками, а «Пе-4». «Ил-10» вполне неплохо пикировал, правда, тормозных решеток у него не было, но «горб» неплохо тормозил, и раскрытые люки. К этому времени у нас были и модернизированные кумулятивные БЧ к НУР РС-82рк. Конечно, при ударе с пологого пикирования шансов поразить танк больше, но приходилось выкручиваться.

Несмотря на запрет Ставки, в первый вылет повел группу сам. Вылетел на «Ил-10». Четыре «сотки» и сорок восемь ракет. В группе почти двести машин четырех типов. Но над полем боя выяснилось, что «Пе-4» работать не могут из-за появившейся облачности. У Особой в этих местах своих авианаводчиков не было, поэтому разведку погоды проводила 5-я танковая армия. Ее метеорологи ошиблись. «Пешки» выгрузились на УР в Секешфехерваре, который еще сопротивлялся. А я повел штурмовиков вниз под облака, вместо того чтобы отменить налет, – земля просила поддержки. Немцы напирали сильно. Первую атаку построили правильно, ударив с левого фланга, но на выходе из атаки наткнулись на сильный заградительный огонь мелкокалиберной артиллерии. У немцев появилось много счетверенных «эрликонов». Сманировал вправо, уклоняясь от их огня, в облако уйти не успел, когда неподалеку взорвался зенитный снаряд, выпущенный из танковой пушки. Машина получила серьезные повреждения, и пришлось дать команду покинуть ее. Но в воздухе я оказался один. Штурман парашютом не воспользовался. Высота меньше ста метров, по парашюту ведут огонь гитлеровцы, пытаясь его зажечь, что им и удалось, но несмотря на горящий купол, успеваю успешно

приземлиться и прижаться к земле.

От Жамоли наступают немцы, наши позиции метрах в шестистах сзади, примерно в сорока метрах от меня небольшая насыпь, пополз туда. Там оказался расчет 57-мм пушки из 20-го гвардейского корпуса генерала Горбатова. Через несколько минут ползания над головой просвистели пули, а потом негромкий голос произнес:

- Лежать! Руки за голову!
 - Свои! BBC!
 - Я те дам: «Свои». Лежать, руки за голову!
- Шум слева, кто-то подползает.
- Куда ползешь, урод, там мины! Давай за мной.

Перевалились за бруствер. На дне окопа – жидкая грязь, траншея вела к позиции пушки, накрытой маскировочной сетью, а рядом с ней находился погреб, халми пинс, как их венгры называют. В нем вместо картошки, вина и семечек лежали ящики со снарядами, стоял телефон, и там же отдыхала смена пехотного прикрытия.

На появление генерала, да еще и Представителя Ставки, здесь явно не рассчитывали. Старший сержант, командовавший засадой, вытаращил глаза на обилие звезд на груди, засуетился, освобождая место для генерал-полковника.

– Связи нет, товарищ генерал, послал связистов, может быть, и восстановят.

И тут наблюдатель заорал:

– Командир! Танки!

Пехотинцы, спавшие вповалку в погребе, начали высакивать в траншею и исчезать в ходах сообщения. Людей было не так много.

Через некоторое время слева по траншее прибежал пехотный лейтенант.

– Товарищ генерал, лейтенант Зайцев! Вот, возьмите! – он протянул немецкий автомат и подсумок с четырьмя магазинами.

– Вас проводит артиллерийская разведка, уходите. И быстрее! Нам здесь долго не удержаться. Захаров! Проводите товарища генерала.

Он еще раз ухватил «шмайсер» за ствол, заботливо оттянул его затвор и поставил на предохранитель. Захаров, воинское звание которого осталось мне неизвестным, рукой показал, куда следует идти. Потом подобрал с земли грязную каску и попытался сунуть ее мне. Я отмахнулся, но тот продолжал нести ее. Метрах в ста от подвала начинался небольшой распадок, который вел к речушке. Пока было тихо, наши молчали, стараясь подпустить противника поближе, а мы вчетвером ползли по распадку, все

перемазавшиеся в жирной грязи. Сзади заговорила ЗиС-2, звонко ухая бронебойными. Откуда ни возьмись, появились «Илы», которые обработали наступающие немецкие танки бомбами и ракетами.

Немцы наступали в ту точку, в которой я приземлился, и мои ребята работали, отсекая немцев от меня. Захаров негромко матерился, выбрасывая вперед руку с ППШ, сзади пыхтел еще один боец. Вдруг Захаров остановился, перевернулся на бок, и в руке появилась граната. Палец левой руки он прижал к губам и показал рукой знак «стоп». А сам уже тихонько пополз вперед, стараясь не шуметь. Через меня перелез второй боец и изготоился к бою. Затем он тихонько двинулся вперед. Я же из-за шлемофона почти ничего не слышал. Выставил «шмайсер» вперед и продолжал лежать, где лежал. Хлопок сработавшего УЗРГ, затем взрыв «феньки», несколько очередей из ППШ и отрывистый лай «шмайсера». Захаров машет рукой, чтобы начинали движение.

Попали в небольшой окопчик, где было три трупа немцев в маскировочных комбинезонах и станция «телефункен». Либо корректировщики, либо авианаводчики. Я повозился со станцией и настроился на нашу волну. Дал свой позывной. В ответ восторженный крик радиста, что он слышит «первого». Я дал координаты погреба и попросил повторить атаку. Буквально через несколько секунд громкий голос Буденного, который выговаривал мне все, что он обо мне думает. В нашу сторону направили четыре танка и пару БТР. Восьмерка «Лаг-5Ф» начала патрулировать район. А самолеты первого гвардейского штурмового полка утюжат наступающих немцев. А вот пушка уже не бьет. Слышны только очереди нескольких пулеметов. Идти дальше Захаров отказался.

– Подождем здесь, так безопаснее, товарищ генерал. Займите круговую оборону.

Где-то через час увидели высланную группу и навели ее на себя. Пока здоровался с прибывшими, повернулся, а разведчиков и нет, ушли распадком обратно к своим. Немцы туда не дошли, так что три лишних ствола им ой как не помешают.

В расположении стрелкового полка сразу напомнил его командиру о засаде.

– Не волнуйтесь, товарищ генерал. Орудие цело, лейтенант Зайцев погиб, но позицию удержали. Подкрепление к ним направили.

Санников, мой адъютант и ведомый, приволок форму, я переоделся, куртку тоже пришлось сменить, всю вымазал в земле и глине. За селом Пятка сидело три «аиста», на них и вылетели в Батайницу. А там попал, как кур в оцинп, в руки маршала Буденного, который меня обвинил в

малолетстве, безответственности, чуть ли не в срыве всей операции, а потом наградил Знаменем, подзатыльником и стаканом водки.

В атаке на погреб принимало участие восемь из двенадцати «Тигров», и все они были уничтожены. Два артиллеристами, остальные авиацией. Буденный не стал докладывать в Ставку о моем проступке, понял из разговоров, что я искал тактический маневр, как противодействовать новой тактике гитлеровцев, но подвела погода. В дальнейшем таких ляпов больше не допускали, правда, и у немцев танки с зенитками кончились. Лишь спустя пару месяцев еще раз столкнулись с подобными, но это были самоходные орудия, и по самолетам они не стреляли.

Через пять дней наступление немцев выдохлось, они потеряли более пятисот танков, и Южный фронт, введя в бой 9-ю гвардейскую армию, завершил окружение Будапешта и вышел к окраинам Вены и Братиславы. Гитлер приказал оборонять Будапешт, Братиславу и Вену до последней капли крови. Однако 1-я конно-механизированная группа генерала Плиева за четверо суток взяла восточную часть Братиславы, а 7-я гвардейская – аннексированную германскую правобережную часть города. Многочисленные оборонительные сооружения на пограничном берегу немцам не пригодились. Укрепрайон не был подготовлен против ударов с юга. Генерала Вёлера сняли с должности, но это не помогло. От Братиславы до Вены меньше пятидесяти километров. Войска двух фронтов практически одновременно подошли к Вене и образовали плотное кольцо вокруг города.

Сталин прекрасно понимал, что его рейд по югам ставит крест на авантюре, которую задумал Гитлер. Ведь огромное количество немецких войск находилось в стороне от мест этих боев: на Украине и в Белоруссии, – но они были отделены от армий Южного и Юго-Западного фронтов горами Татр и Карпат. Железнодорожный узел в Прешове был разбит совместными бомбардировками англо-советской авиации, мосты через Вислу разбиты, в Словакии – восстание, а Красная Армия окружила Вену и активно бомбит территорию южной Германии. При этом у гитлеровцев явный провал в противотанковых средствах. Бороться с русскими танками просто нечем. Румыны взяли Ужгород и Кошицу, сковав действия группы армий «А» и «В» в этом направлении. И главное, его лишили крови войны: немецкой авиации летать не на чем, все нефтяные месторождения Румынии и Венгрии находятся в руках у Красной Армии. Единственное месторождение в Бориславе под Дрогобычом в зоне досягаемости ВВС РККА и подвергается постоянным бомбежкам. Немного

нефти добывается в Рейнском бассейне, есть нефть в Аквитании, но это вишистская Франция. Впрочем, она поставляет Гитлеру нефть.

В этих условиях Гитлер принял решение на изменение планов по эвакуации войск из Греции: вместо севера Италии их направили в Ливию. Британская разведка обнаружила новые соединения немцев в стандартной, а не в тропической форме, в районе Бенгази. В составе 15-й танковой дивизии появились танки, окрашенные в зеленый камуфляж. Гитлер решил разгромить англичан в Африке и добраться до сирийской нефти. Выхода у него не было, и он не знал, что второй состав самолетов 1-й особой армии уже три месяца направляется под Багдад. Эттли переправил на «москито» письмо Сталину, в котором передал данные об изменениях в составе корпуса «Африка»: немцы переименовали его в танковую армию «Африка», дополнительно переброшены две моторизованные дивизии, тяжелый танковый батальон, 1-я парашютная бригада люфтваффе, большое количество бронетранспортеров, и в Бенгази, занятый в апреле сорок первого немцами, прибыло пять итальянских танкеров с горючим. Получив подкрепления, Роммель продолжил наступать на Тобрук. Окинлек, командующий английской армией в Египте, дал приказ английской армии сдерживать противника и отходить в Египет. Ситуация в самом Египте напряженная: зреет заговор против присутствия англичан внутри египетской армии. Политическая элита Египта на словах поддерживает английскую администрацию, а на деле снабжает Роммеля информацией и восхищается фюрером и Роммелем.

По договоренности с Эттли в Батайнице начали приземляться транспортные самолеты, чтобы перебросить личный состав Первой особой в Никосию и Бейрут. Село много «Си-54», четырехмоторных дальних транспортников. Из состава армии в Ливан уйдут все «москито», «Пе-4», «ланкастеры» и «галифаксы». Летчики-истребители и штурмовики полетят на транспортниках дальше, в Багдад, там примут новые «Ил-10», «Лаг-5Ф» и «И-185» и вернутся в состав армии. Но по ходу пьесы сценарий пришлось переписывать: на Родосе и Крите сидят немецкие истребители, а Турция коридора не предоставила. Ее пришлось облетать и добираться до места с посадками. За это время Роммель успел взять Тобрук и осадить Эль-Аламейн.

Часть 16

Суэц в огне. Палестинский фронт

Плоские крыши и полноводный Тигр с остатками древней крепости Баштабия на левом берегу промелькнули под крылом «москито». Город Мосул встретил жарой, заунывными песнями муэдзинов, высоченными минаретами и отвратительной водой. В городе и на аэродроме много людей в английской форме, но их лица англо-саксонскими не назовешь. Здесь с миру по нитке, и больше всего сикхов.

Я прилетел первым, остальные еще в воздухе. Вот садятся «москито» 3-го гвардейского полка. Где-то за нами идут бомбардировщики: впереди «Пе-4», затем тяжелые. Заправщиков мало, поэтому это надолго. В Мосуле небольшая миссия BBC РККА, здесь принимают и распаковывают самолеты, идущие по ленд-лизу в СССР. Человек десять офицеров и около ста механиков. Они и оказывают нам помощь в ожидании посадки наших техников. Часть техников летели с нами в бомболяках, так что обслуживать есть кому. Обедаем тем, что взяли с собой, сухим пайком, но к вечеру обещали покормить горячим. Где-то здесь запланирована встреча с эйр-маршалом Теддером, командующим BBC на Ближнем Востоке, но его нигде не видно. Поэтому все приходится решать самому. Что радует, так это наличие неплохих условий для отдыха личного состава. Единственное безобразие – это с водой. Так и до проблем с желудком не далеко.

К вечеру собрались все, кроме одного экипажа, который сел в Машкуле, в Иране, из-за падения оборотов в правом двигателе. Нам остался крайний перелет, поэтому без согласования с английским командованием вылететь из Мосула невозможно, а никого из Миддл Ист Команд на аэродроме нет, только мелкие сошки да представители ленд-лиза. У нашей миссии связь находится в Мосуле. На джипе направляемся туда. Предварительно подполковник Томский попросил меня переодеться: не стоило сверкать гвардейскими знаками и погонами. Здесь в новой форме еще никто не ходит. Надел выгоревшую гимнастерку с петлицами, на колени положил автомат. Томский говорит, что в городе неспокойно, много агентов абвера, которые устраивают и террористические акты.

Узкие улочки с глинобитными домами практически предназначены для террактов. Кругом и всюду нищие, какие-то проповедники, у каждого мешок или котомка – можно черта или противотанковую пушку спрятать.

Куча животных на улицах, водитель постоянно сигналит, чтобы проехать. Наконец добрались до консульства СССР в Мосуле – его открыли в сорок первом. Глухой дворик, окруженный трехэтажными домами с террасами. Внутри дворика фонтан. Пышные вазы у входа усажены какой-то зеленью. Внутри прохладно и неплохая европейская мебель. Консул – советник 3-го ранга Виблицкий Аарон Самуилович, худощавый бакинский еврей, с кем-то разговаривал по телефону на фарси. Жестом пригласил сесть и лишь через десять минут со вздохом положил трубку.

– Генерал-полковник Шкирятов, командующий 1-й особой воздушной армией и представитель Ставки ВГК, – представился я.

С удивлением консул справился быстро и тоже представился. Я изложил свои просьбы по связи и попросил организовать питание летного и технического состава, так как у миссии BBC таких возможностей не было. Плюс требовалась местная валюта.

– Мне таких указаний не поступало! – заметил консул.

– Значит, сейчас поступят. Представитель командования BBC Англии пока отсутствует, связи с ним нет – вероятно, предстоит задержка здесь, в Мосуле, на неопределенное время. Вот списочный состав прилетевшей группы. И мне срочно требуется ВЧ.

– Пройдемте!

ВЧ у них отсутствовал, был БОДО, и я отправил сообщение в Москву, как в штаб BBC, так и в Ставку. Сам же слушал выпуск Совинформбюро за последние сутки. По сообщению из Москвы, положение в районе Эль-Аламейна близко к поражению. Немцы прорвались в город, начались уличные бои.

Застучал БОДО, и с первых же отпечатанных слов, прочитанных оператором, он попросил всех, кроме меня, выйти. Вытащил какой-то журнал и книгу и дополнительно стал расшифровывать сообщение.

– «Воздух» на ваше имя, товарищ генерал.

Аппарат продолжал выбрасывать из себя ленту. К ней подцепили свежую бобину, а шифрованные знаки все летели и летели. Таких «портянок» в жизни никогда не получал. Через час только закончили расшифровку. Лента полетела в огонь, и пепел был перемешан.

Теддер не может вылететь из Каира, немцы прорвались и движутся туда в обход британских войск. Далее шло описание всего участка обороны и давались согласованные с британцами площадки приземления. В общем, повторялся сорок первый год, только теперь на берегах Нила и Средиземного моря. Я сижу с шоблой бомбардиров в Мосуле, а мои летчики-истребители и штурмовики еще летят в Багдад. От меня требуют

немедленных действий, а площадки не готовы, и где находятся РЛС армии, пока неизвестно. А все орут: «Давай-давай!» Связь когда-нибудь погубит Красную Армию! Собственный батальон связи армии сейчас двумя эшелонами колесит из Батайницы в Баку, оттуда пойдет через Нахичевань в Тебриз. Там выгрузится, и ему предстоит пятисоткилометровый марш до Мосула, а нас к тому времени здесь уже не будет. Но перебросить громадные автомобильные радиостанции нам нечем. В первую очередь требуется решить эту проблему. Там же в эшелонах идут и РЛС. Ведь англичане божились, что связью и локаторами они обеспечат, но где эти чертовы англичане? Скорее всего, организовывают эвакуацию из Каира.

Возвращаюсь на правый берег, в Марез, где сидят мои орлы. Там по-прежнему никого из крупного начальства. Мужики на жаре растаяли и почти поголовно спят. Бужу генерала Мамушкина и полковника Колыванова.

– Василий Филиппович, вот такая ситуация, штаб временно придется развернуть здесь. Степан Наумович, вместе с этим... подполковником из миссии, решите вопрос, где расположить штаб. Я возьму ведомого и лечу в Тадж, там должен уже быть Алексей Михайлович, привезу его сюда и введу в курс дела. Вот оперативка из Ставки. Направляйте квартирецов и аэродромные команды в район Хайфы. Там есть низменность, и на карте показана площадка Мегиддо. Подготовьте четыре полевых аэродрома для всех бомбардировочных полков. Места должно хватить. Про осназовцев не забудьте. Арабское население не слишком приветствует союзников, возможны инциденты. Пусть ориентируются на местные кибуцы. Они точно гитлеровцев не ждут. Но осторожность соблюдать полную. Не кисло было бы наших ребят, кто по-еврейски говорит, к ним в помощь направить. Впрочем, у местных евреев тут другой язык. Расспросите подполковника, может быть, у него есть арабы с каким-нибудь языком. Привлеките их. Валюты в кассе нет, мне выдали вот две тысячи фунтов. Василий Филиппович, распишись в получении и выдай мне сотню мелкими на Багдад.

Утрясли мелкие детали, и через час мы с Санниковым вылетели в Тадж, где должны были уже приземлиться транспортники с нашими истребителями и штурмовиками. Но их там не было, как и собранных самолетов для них. Все машины были сложены в ящиках на трех огромных площадках прямо под солнцем, песком и мельчайшей пылью.

Борта сели в Джедааде, и летчиков везут в казармы Абдхали, а техников сюда, в Тадж. Дождался инженера армии Дзасохова, обговорили ближайшие задачи, я забрал у него машину, которой их снабдили

англичане, и выехал к Мирошкину в Абдхали. Алексея Михайловича я назначил старшим еще в Батайнице. Летели они через Баку, так что должны быть более подготовлены, чем мы, добиравшиеся через маленькие аэродромы на побережье Черного моря.

Так оно и оказалось. Во-первых, Алексей Михайлович передал мне пакет из штаба ВВС, где был номер счета во Внешторгбанке, и увесистую чековую книжку, во-вторых, с ними прилетело целых шестнадцать переводчиков. Остальные будут чуть позже, выехали поездом. По три человека на полк со знанием английского, арабского и фарси. Несколько человек говорили на иврите, так как предстояло базироваться в Палестине. Казармы большие и удобные, почти на берегу Тигра. Убедившись, что люди размещены и им обеспечено питание, что сборка самолетов началась, и что связи с Каиром и тут нет, вылетел обратно в Мосул.

Внизу вдоль реки еще достаточно зелено, но справа и слева сплошное желтое марево. В воздухе очень много пыли. Все «мерлины» имеют крепление для фильтров на всасывающем коллекторе, они, правда, снижают мощность, но без этой штуки жизнь двигателя здесь в два-три раза короче.

Со Сталиным специально решали вопрос, что наша техника пойдет сюда с фильтрами тоже. И у англичан фильтры устаревшие, сплошные, а у нас сделаны «циклоны». Лучше очищают и меньше снижают мощность, но требуют большего ухода. Английские просто выбрасываются, а наши необходимо чистить от смеси масла и пыли.

К моему прилету ребята Колыванова даже соорудили мне кабинет и спальню. Расплатились с поставщиками продовольствия не из наличных, а по чеку. Наличные еще понадобятся для личного состава. Квартирьеры и аэродромщики два часа назад вылетели к местам будущей дислокации. Сам я решил немного поспать, к утру придет восьмерка «спитфайров МК-VII», с ними полечу в сторону Каира. Наличие русских машин пока раскрывать не будем. Голоса немцы и так услышат, но пусть думают, что воевать мы будем на английской технике.

Утром никакого горна и будильника не понадобилось: с соседнего минарета заунувно заорал мулла. Вместо привычной каши с молоком подали завернутый в тонкую лепешку салат с кусками мяса, обильно политый каким-то молочным соусом. И прекрасный кофе! Сто лет такого не пил! Захотелось под него еще и гаванскую сигару, но пришлось обойтись казенным «Беломором». Слава и Борис есть такие лаваши не умеют, все вымазались, в отличие от нас с Хабаровым. Эх, молодо-зелено. То ли дело

мы, старики! Ну, полковник Хабаров, штурман армии, еще на старика тянул, а я... Впрочем, начальство не обсуждают. «Спитфайры» уже сели и дозаправляются. Через двадцать минут мы в воздухе. Две четверки расположились справа и выше слева. Идем к Каиру. Впереди тысяча шестьсот километров пути, все машины идут с подвесными баками. Две запасные площадки: в Аль-Джизе и в Каландии, севернее Иерусалима. Через три часа полета было принято решение садиться в Каландии, снять подвесные танки и дозаправиться.

Полоса была довольно короткой и узкой, и хотя аэродром эксплуатировался давно, аж с тридцать первого года, оборудован он был плохо. Посадка десяти машин одновременно вызвала у наземных служб небольшой шок. Плюс красные звезды в белом обрамлении незнакомы местному персоналу. Два фасонистых англичанина наконец урегулировали возникшие проблемы, но были сильно удивлены нашим визитом. Тем не менее, самолеты начали заправлять, а пустые подвесные топливные танки поместили в небольшой ангар, предназначенный для хранения транзита. Наибольшие трудности вызвало заполнение полетного листа, в котором требовалось указать место посадки, а его никто не знал. Договорились, что полет будет туда и обратно и запросили топливо на обратный путь. Где сейчас находится командование авиацией на Ближнем Востоке, тоже никто в Иерусалиме не знал. В качестве варианта один из лейтенантов посоветовал аэродром Альмаза, неподалеку от места, где два месяца назад находился штаб BBC. Рядом с ним располагалось еще и поле Королевского аэроклуба, где тоже возможна посадка. Лейтенант предупредил, что в воздухе господствует авиация противника. Транспорт с запасными двигателями для группировки утоплен в районе Мальты, поэтому воздушная группировка RAF летает через пень-колоду и несет значительные потери от люфтваффе. «Спитфайров» здесь практически нет, летают на устаревших «харрикейнах». Вполне вероятно, что командование RAF на Ближнем Востоке могло уже эвакуироваться на Кипр.

В общем, словоохотливый лейтенант разболтал все слухи, которые попадали сюда, чудовищно трансформируясь в сторону: «Шеф, все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает!» Мы с Николаем Васильевичем проработали три варианта полета. Если придется истребителям вступить в бой, то возвращаться придется только с посадкой, если нет, то возможно возвращение или уход в сторону Никосии. «Спиты» дотянут и туда.

Через два часа – столько длилась дозаправка в этом медвежьем углу – идем в набор. Николай Васильевич прослушивает эфир, пытаясь найти канал управления ПВО Каира. Каналы, которыми нас снабдили в

Иерусалиме, оказались забиты помехами. Все правильно! Здесь действует Рихтгофен, который любит нарушать управление авиацией. Наконец, Николай нашел работающий канал, но это Александрия. Даем туда запрос, но ответа не получаем. Лишь когда пересекли Суэцкий канал, на зарезервированных запасных частотах прорезался Каир. Мощность их станции явно недостаточная, чтобы управлять хоть чем-нибудь. Но позывные приняты, и нас внесли в сопровождение. Отсюда двенадцать минут лета. Но справа ниже появляются черточки, два раза по четыре, скорее всего – противник. У нас высота больше, но требуется снижаться, чтобы сесть. Немцы пытались перехватить и заблокировать посадку. Это Me-109F, топлива у них немного, так что можно и поводить, как бычков, за собою, а бить на отходе.

Начинаю уклоняться в южном направлении, но удерживая поднимающуюся восьмерку в поле зрения. Коля по СПУ сказал, что, по его расчетам, через пять минут немцы начнут отход. Так и случилось, ведущий первой пары встал на вираж, и я подал сопровождению команду: «Атака». Вся десятка резко развернулась, и охотники превратились в дичь: мы выше и имеем большую скорость. Атакуем не напрямую, а уклоняясь западнее, стремясь зайти в мертвые углы «мессеров».

«Мосquito» на пикировании имеет большую скорость, чем «спит», поэтому мы со Славой вырвались вперед метров на двести. Николай Хабаров включил «Гнейс-1» на дальномер. У меня и Славика были одинаковые машины с «Мерлинами Mk25» и четырьмя пушками Б-20. Без внешней подвески и со снятыми РО-82рк в горизонтали разгонялся до 650 километров в час, как и «спитфайр». А на пологом пикировании скорость уходила за семьсот.

Я чуть провалился под цель, вошел в непросматриваемый сектор и с шестисот метров открыл огонь по ведущему крайней пары, затем пошел в набор для боевого разворота. Ввязываться в бой на виражах совершенно не светило. Слава отстрелялся по ведомому и тоже шел в набор. Атака с таких дистанций для немцев была полной неожиданностью, и они, потеряв две машины, встали на вираж, чем и воспользовались оба звена «семерок». «Спит VII» со второго виража заходил в хвост «фридриху», да еще немцы начали вираж слишком рано. В общем, от восьмерки, которой командовал майор Голубничий, смог уйти только один «мессер». Бой происходил над Каиром. Мы со Славой подсвечивали локаторами место боя и следили за возможным подходом подкрепления. Но за семь минут боя никто подтянуться не сумел.

Группа села в три захода на полосу в Альмаза. Здесь все подготовлено

хорошо, самолеты сразу затолкали в бетонные капониры, свободных мест в которых было предостаточно. Полковник Коллинз, командир базы, сначала запросил документы, которых, естественно, не оказалось, сверился с заявками, в которых мы не были указаны, но копию заявки из Иерусалима и семь сбитых «мессеров» посчитал достаточным удостоверением личности. Там же в бункере на базе через час оказался и эйр-marshal Тэддер. Мы с ним знакомы, поэтому никаких недоразумений не возникло.

Ситуация у союзников складывалась следующим образом: две из трех РЛС разбиты немцами, обе – ночью. То есть кто-то сдал их места расположения, а маневрировать устаревшими стационарными антеннами англичане не могли. Теперь с северных направлений у англичан дыра, а служба ВНОС была ими распущена в связи с установкой радаров. Не хватает звукоулавливателей и личного состава наблюдателей. Каир бомбят, причем точечно, немцы умеют использовать свои пикировщики. Готовых машин у каирского гарнизона шестнадцать штук. Немцы действуют в основном с малых высот, где они вчистую выигрывают у «харрикейнов». Несколько раз успешно штурмовали и Альмазу. Танки Роммеля в сорока километрах от Каира, мосты к взрывам подготовлены, одна надежда на крокодилов, которые не дадут Роммелю переправиться на правый берег. Александрия за счет флота еще держится. В общем, дела обстоят не просто плохо, а очень плохо. Его откровения пришлось прервать вопросом, где находятся обещанные средства связи и РЛС.

– В Бейруте, но новых двухдюймовых станций не поставили, только 50-дюймовые, им требуются стационарные антенны.

– Так, понятно, а зачем обещали? Есть возможность вытащить из Тессалоник наши станции и доставить их Хайфу?

Теддер снял трубку телефона и с кем-то минут десять говорил.

– Да, в Тессалоники прошел конвой, он на подходе к городу.

– Есть связь, чтобы связаться с Москвой?

– Конечно.

И я уселся писать и шифровать радиограмму собственным кодом. Когда закончил, то подошел к Теддеру, который с Николаем Васильевичем заканчивал рекогносцировку по всему театру. Радиограмму и частоту передали радиостанции, а сам я включился в разговор с Теддером.

Он просил срочно перебросить в Каир один или два полка на «спитфайрах» или других машинах, чтобы прикрыть остатки войск на правом и левом берегу.

– Нам не успеть, машины, которые меня сопровождали, были единственными собранными самолетами из истребителей армии. Еще

вчера все машины были в ящиках, а их больше восьмисот. Сборкой никто не был озадачен, все чего-то ждали. Без действующих РЛС мы не сможем противопоставить немецким налетам ничего, попросту сточим пару полков, без какого-либо результата. А у вас есть готовые летчики, чтобы сразу пересесть на «Спитфайр MkVII»?

– Вряд ли, может быть, десяток и найдется…

– Тогда направляйте этот десяток в Иерусалим, там передадим вам имеющиеся и подгоним еще, но с заменой, так чтобы через две-три недели они поступили в мои части.

– Вам придется забирать их из Бейрута или на Кипре.

– Я с завтрашнего дня начну разведку в полосе наступления немцев, будут использованы «Москито PR». И по результатам буду наноситьочные удары имеющимися тяжелыми бомбардировщиками. Пока это тот максимум, который я могу дать, базируясь в Мосуле. Подготовку четырех аэродромов в районе Хайфы я начал, но там нет зенитной артиллерии и локаторов.

Теддер покивал. Он понял, что мгновенно включить армию в работу не получится, так как три месяца, которые у него были, этот вопрос числился во второстепенных, и им никто не занимался.

Нас с Николаем Васильевичем пригласили на обед, где мы пожаловались на воду в Мосуле. В результате мы улетали из Каира загруженные ящиками с американским пивом «Ред Булз» во всех бомболяках. В Каландии передали восемь «спитфайров» англичанам, а «Си-47», который привез их летчиков сюда, повез наших дальше на восток. Они будут перегонять из Багдада машины в Иерусалим, а через три недели пойдет поставка из Англии в Бейрут. В общем, какое-никакое взаимодействие было налажено. Главное, решен вопрос с бензином. Теперь мы на обслуживании RAF. До этого каждую заправку приходилось оплачивать чеками. Теперь все будут иметь заправочные книжки.

Война войной, а обед по распорядку! Мы еще прилететь не успели, а из Багдада прибыли транспортные борта, и их разгружают. А говорили, что связи с Каиром нет! Выгружают пиво и фильтры для питьевой воды. Оказывается, я это заказал для личного состава. Вообще-то я бомбы заказывал, про пиво не было сказано ни слова, оно в паек не входит, и про фильтры я никогда не слышал. В общем, выяснилось, что связи нет у BBC и 8-й армии, а маркитанты из Америки все имеют, в том числе и длинное ухо в штабе RAF на Ближнем Востоке. Но надо отметить, что поставки были достаточно своевременны, ибо туалеты типа сортир в Марезе уже работают с превышением плана посещений. Пиво передано в летную

столовую, и шустрые американцы поставили несколько холодильников для него возле КП. Понимаю, что не зря они так стараются, где-то на этом отмывается большая деньги, но делать нечего. Запросил на всякий случай штаб ВВС и получил от них добро на использование ленд-лиза. На свою ответственность взял только ограничение по количеству выпитого, но это мало помогало. У экипажей появились и собственные суточные, поэтому проконтролировать все ни у кого не получалось. Плюс начавшаяся жара с духотой после захода солнца. Да и союзники подыгрывали. У них этот вопрос был поставлен немного по-другому: на черной доске писали звание и фамилию, и каждый приобщившийся ставил палочку мелом напротив своей фамилии. Затем пиво вычисляли из зарплаты. Стоило оно два пенса за банку. Когда прилетели финансисты и хозяйственники, такую цену и установили, спрос на пиво упал, и вопрос был, наконец, закрыт. Это я к тому, что приходилось решать и вот такие вопросы. Раньше было проще: варился компот или морс, заполнялись все имеющиеся емкости, и никаких вопросов ни у кого не возникало. А тут целая эпопея!

Дела же в боевой деятельности складывались совсем медленно: на доставку из Бейрута радиостанций ушло четверо суток, в течение которых полеты, кроме тренировочных и облетных, не проводились. В конце концов антенны развернули, и «москито» ушли на разведку. Отработали ночью по разведенным целям, получили благодарность от командования 8-й британской армии. Но бои уже идут на левом берегу в Гизе, Роммель снялся на фоне пирамид, и весь мир увидел эти фото, а генерал Александр лихорадочно готовит оборонительный рубеж на восточном берегу Суэцкого канала. Немцы один за другим форсируют рукава дельты Нила, все ближе и ближе подбираясь к Александрии.

Дела на остальных участках фронта, имеется в виду советско-германский, у них идут не столь блестящие. Англичане заговорили о поставках сюда советской бронетехники, и, как всегда, желательно с экипажами. Но Сталин пока поставляет только Т-34 и «Су-85» на той же базе, без экипажей. И то капля по капле. Зато американцы гонят сюда свои «стюарты», «гранты», «вульверин» и «шерманы». Кроме легких и средних машин прислали батальон тяжелых М-6 – для борьбы с «Тиграми». С короткой 76-миллиметровой и 37-миллиметровой пушками. «Тигра» они даже в упор не пробивали, зато сами горели от 88-миллиметровок как факелы. Чтобы не так гореть, их экипажи укладывали на лоб и борта кучу всякого железного мусора, но болванки «ахт-ахтов» били их насеквоздь. Благо, что тяжелых танков у немцев было всего восемь штук. Чуть позже появились и «фердинанды», тоже восемь штук, их вместе и применяли для

пробития обороны британских войск.

По данным разведки, немцы догадываются, что что-то готовится для них в Мосуле, но считают, что основной рубеж обороны готовится за Суэцем и англичане внутренне готовы сдать им проход на Аравийский полуостров. Отрезав Суэц, они поставят Великобританию на колени из-за удлинения пути транспортировки нефти.

Подготовка аэродромов под Хайфой пока остается незамеченной противником. Отлично помогают вооруженные отряды еврейских поселенцев, которые, получив от РККА тяжелое и автоматическое оружие, полностью очистили от арабов территорию Изреельской долины, которую я выбрал для базирования бомбардировочной авиации. Действуют предельно жестко и не жалеют никого. Заметно, что под себя эту территорию готовят. Когда прилетал с проверкой, то видел, как по соседству работали землемеры. Они уже перераспределяют поливные земли. Понятно, что назад они уже ничего не отадут. Но ГПУ РККА не препятствует, наоборот, всячески поощряет такое сотрудничество. Евреи здесь появились в начале 20-х годов. Выкупили землю у арабов в районе Афулы, начали проводить осушительные работы. Некогда здесь были болота, поэтому и рельеф ровный. Плюс ко всему по долине проходит железная дорога с английской колеей, связывающая Хайфу и Дамаск. Располагать здесь авиационные части очень удобно.

Арабы же на нас смотрят с огромной настороженностью и все время вспоминают какого-то Аль-Хашими. Насколько я их понял, это дед короля Ирака Фейсала, который в возрасте четырех лет был провозглашен королем в связи со смертью отца в автомобильной катастрофе. Сейчас ему семь лет. Правит за него его дядя – Абдул Иллах Аль-Хашими. Полностью находится под влиянием англичан, так как 1 апреля сорок первого года он, путем военного переворота прогерманскими силами и их агентами, был лишен регентства и бежал из страны. Семнадцатого апреля Рашид Али, узурпировавший власть, от имени Правительства национальной обороны, обратился к фашистской Германии за военной помощью в случае войны с Британией и установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Но Германия, занятая подготовкой войны с нами, не смогла оказать иракцам реальной помощи.

А британские войска не церемонились с заговорщиками, провели ряд успешных операций и, несмотря на небольшую помощь Италии и Германии хунте, сумели 31 мая 1941 года восстановить статус-кво, разгромив прогерманскую группировку в Ираке и Сирии. Сирия юридически находилась под управлением правительства Виши, и именно

вишистская Франция оказывала наиболее действенную помощь профашистским силам на Ближнем Востоке. В результате операции Сирия стала независимым государством от Франции. В целом я понял, что влип и что требовалось более тщательно учить историю Ближнего Востока в училище. Такой мешок с кобрами, мама не горюй!

Часть 17

Операции в Сахаре

Целый месяц ушел на сборку всех машин и перегон их в Палестину. Последними получили машины из Англии, их пришлось гнать из Никосии. Оттуда же прибыл, наконец, батальон осназ, который постоянно был задействован армией для обеспечения работы авианаводчиков. За это время немцы сумели остановить движение по Суэцкому каналу, и из Англии сыпались требования ускорить приведение армии в боеспособное состояние. Но мобильные РЛС добирались до мест базирования тоже месяц, несмотря на присвоение литер их эшелонам. Основной проблемой был автомобильный участок доставки, так как дорог в этом районе мало, и они горные.

В результате армия заняла исходные позиции лишь в середине июня сорок второго года. К этому времени пал Каир, немцы вышли к берегам Суэца в районе Абу-Султана, они захватили форты в Эль-Агаме и обстреливали Александрию из орудий среднего калибра. Части 1-й парашютной бригады захватили Кафр-Эль-Заят и перерезали главное шоссе на Александрию. В общем, битву за Египет 8-я армия проигрывала, но задачу номер один – сдержать наступление армии «Африка» – она выполнила.

Из Персии, по согласованию между союзниками, выдвигаются 62-я и 64-я армии РККА в составе тридцати стрелковых дивизий с двумя танковыми корпусами. Им еще далеко, они только что пересекли ирано-иракскую границу, но уже пересели на поезда с английской колеей. Так что закрепиться на Ближнем Востоке у немцев не получится.

Как ни пытались англичане заткнуть дыру в обороне польскими частями, так ничего и не вышло. Армия Андерса, отказавшаяся воевать на советско-германском фронте, совершенно не рвалась в бой и в Египте. Ее еще весной вывели в Ирак, но дальше Рутбы они так и не продвинулись. Вся техника у них сломалась, начались массовые болезни, и они вернулись на берега Тигра и Ефрата. Несколько бригад удалось доставить в Каир, где они мужественно сдались гитлеровцам. Впрочем, они были не одиноки: примерно шестьдесят процентов армии Египта, во главе с генералом Нагибом, перешли на сторону Германии и создали Арабский легион СС.

Своей целью организация «Свободные офицеры» ставила низвержение

короля Фарука, изгнание англичан и провозглашение республики. Большинство офицеров симпатизировало «братьям-мусульманам» и мечтало о восстановлении Великого халифата. После падения Каира они попытались создать правительство Египта во главе с опальным Хусейном Сири-пашой, но этому воспротивился Гитлер, что предотвратило окончательный переход всей армии на сторону Германии. Однако в обороне эти части были невероятно неустойчивы. Им поручались только второстепенные задания и операции.

Первая особая расположилась на десяти аэродромах, ближайший к фронту был аэродром Шокат Ас Суфи. Там базировались 1-й гвардейский штурмовой и 1-й ГвИАП. Еще ближе был аэродром в Порт-Саиде, но его решили использовать лишь как запасную площадку. Немцы его регулярно бомбили, а воздушное наступление требуется начинать с устойчивых и защищенных позиций. Даже в ущерб глубине. После доклада о готовности из Москвы пришел приказ доложиться в Лондон и проводить совместные операции до подхода частей Египетского фронта.

Я доложился Теддеру и дал РДО в Лондон. Оттуда пришло сообщение, что части 1-й ГвОВА принимаются на денежное, боевое и продовольственное снабжение RAF. К этому времени у нас были заменены все бомбодержатели. Теддер не скучился и активно пополнял наши позиции боеприпасами задолго до доклада. Единственное, чем нас снабжала только Москва, были ракеты и боеприпасы к отечественным пушкам и пулеметам.

В течение подготовительного месяца мы успели облететь район, сделать около сорока боевых вылетов на бомбежки, в основном ночью. Теперь предстояло отучить немцев соваться в места нашей дислокации. Но первой операцией стал налет на Порт-Аламейн, куда шел вражеский конвой с тремя свежими дивизиями на борту. Одна из них была немецкой. Порт находился на пределе дальности штурмовиков, поэтому для них подготовили топливо и бензозаправщики в Порт-Саиде. Английская разведка вела конвой с самого отхода из Мессины. На него было совершено несколько атак с моря и с воздуха. Определенный успех был достигнут, но незначительный. Конвой хорошо охранялся как итальянским флотом, так и немецким люфтваффе. Прибытие дополнительного такого подкрепления позволило бы Роммелю выполнить задачу по полному захвату Египта и выходу на оперативный простор на Синае. Как наше, так и английское командования прекрасно понимали значение этого конвоя. И немцам, и итальянцам было очень тяжело собрать его и обеспечить всем необходимым. Ведь на Восточном фронте продолжались успешные

действия РККА, и силы Германии были на пределе, как и положение с экономикой у Италии.

Сменяя друг друга, летчики 3-го ГвРАП вели этот конвой от самого Крита. Над морем постоянно находилась пара наших «Москито PR». Скорость конвоя была известна, и, по расчетам, они должны подойти на рейд Эль-Аламейна в 19:00 17.06.42. Мы собирались ударить за час до заката. Я перебросил над морем полк «Ил-10» в Порт-Саид. Еще два полка истребителей посадили на площадки за фортом Думъят. В Дельте основная сложность использования авиации – это отсутствие площадок приземления. Люди здесь живут настолько давно, что постройками и полями занято все, и это не как у нас: сел на любое колхозное поле и летай. Тут поля крохотные, и между ними ограждения и канавы. Так что сесть абсолютно некуда.

Тем не менее, приняв на борт по четыре КМГУ-100 и кучу ракет, за два часа до взлета основной группы шестьдесят четыре борта «Ил-10» на минимальной высоте рванулись к немецким площадкам и аэродромам. Но не в сторону Эль-Аламейна, а в сторону Гизы и Каира. Организованно обработали все разведанные аэродромы и вернулись в Шокат Ас Суфи. А истребители прикрытия обратно в Думъят. «Илы» обслуживают и заправляют. Теперь по две 500-фунтовки, либо четыре 227-фунтовки плюс ракеты. Одна эскадрилья берет торпеды, шестнадцать штук. В налете принимают участие четыре полка штурмовиков, четыре полка пикировщиков, восемь полков истребителей и два полка тяжелых бомбардировщиков. Всего девятьсот тридцать машин. Остальные не дотягиваются по дальности, и уплотнить порядки на имеющихся аэродромах практически невозможно. Да и надобности в этом нет. Такая армада порвет в клочья все, что будет плавать на поверхности, включая отходы. Это примерно две трети армии, больше, при всем желании, не требуется. Все. Первый доклад: из Кфара взлетели «галифаксы» и «ланкастеры». Они самые тихоходные. Их опекают «спитфайры» с дополнительными танками. Им еще час лета до Порт-Саида.

У немцев установилась абсолютная тишина в эфире после налета. Машины они, конечно, узнали. На появление здесь «Ил-десятых» никто не рассчитывал. И сопровождали их «И-185» и «ЛаГ-5Ф». Тоже «подарок» с Восточного фронта. И с красными звездами. Они решили повернуть конвой и идти на Бизерту, но один час на море – это шесть – десять миль по дальности, что значения уже не имело. Четко по расписанию взлетели полки пикировщиков. Наблюдатели англичан засекли вылет истребительной «группе» в полном составе на прикрытие конвоя. Еще одна

«группе» пошла к засеченной групповой высотной цели. Они прошли неподалеку от Александрии, набирая высоту. Им на перехват пошли два полка из-под Думъята. Соотношение получилось один к шести, если учитывать «спитфайры» непосредственного сопровождения. Поведение этих немцев отличалось от действий аналогичных групп на Восточном фронте. Видать, не битые или молодежь. Они попытались атаковать тяжелые бомбардировщики парами в лоб. Дело было в том, что у «ланкастеров» RAF вперед было только два 7,7-мм пулемета, и немцы, летавшие на Западном фронте, прекрасно это знали, с носовых курсовых углов машины были достаточно уязвимы. Но на наших самолетах вперед смотрело либо четыре «Березина» 12,7 мм, либо две пушки «Березин-20» и два «Березина». Плюс не сумели немцы правильно распознать «семерки»: они отличались от «пятерок» только острыми законцовками крыльев, но имели гораздо более мощный и высотный двигатель плюс более мощное вооружение, состоявшее из четырех пушек Б-20. В общем, обжегшись на «ланкастерах» и потеряв четыре машины, они переключились на «галифаксы» и пропустили удар поднявшихся «ЛаГов» и «И-185».

Непосредственное прикрытие, в отличие от англичан, не бросало сопровождение и не кидалось в преследование, а четко отсекало атаки от бомбардировщиков – так, как всегда они действовали на Восточном фронте. «Месссы» провели несколько атак и стали выходить из боя, вот тут за ними и началась настоящая охота. Непосредственное сопровождение взяли на себя «ЛаГи», а более скоростные «И» и «спитфайры» жгли на отходе «месссеров», у которых заканчивалось топливо. Поднимающуюся немецкую смену встретили истребители 240-го полка. В результате все истребители противника были оттянуты от места штурмовки и связаны боем, а к конвою на малой высоте подходили «Ил-10», но первыми немцы заметили «Пе-4». Конвой сопровождало два линкора типа «Андреа Дориа», которые имели на борту 90- и 100-миллиметровые зенитные орудия (восемнадцать штук) плюс двенадцать 37-миллиметровых автоматов. Еще один линкор был классифицирован как типа «Литторио». Он был крупнее остальных, но у атакующих не было бомб, способных нанести поражение бронированным монстрам. Максимальный калибр бомб не превышал пятисот килограммов. В основном на борту были бомбы пятисот и двухсот фунтов. И только некоторые «ланкастеры» несли несколько двухтонных бомб.

Целью налета не был итальянский флот. Требовалось утопить транспортные суда. Итальянский адмирал успел развернуть ордер и расположить свои силы так, чтобы авиации пришлось проходить через барьер зенитного огня. Шесть больших и более тридцати малых кораблей прикрывали

двадцать восемь транспортов.

Строй «Пе-4» шел на высоте 6230 метров и активно маневрировал, совершая противозенитный маневр. Вдоль строя кораблей на расстоянии в две мили прошел постановщик дымовой завесы, впрочем, и сами корабли активно прикрывались дымом. Здесь и произошло неожиданное действие для всего флота. Из-за дыма выскочили ракетные «Ил-10», которые ударили по кораблям охранения кумулятивными и осколочно-фугасными ракетами с расстояния более трех километров. Целый рой ракет устремился к кораблям, которые изготовились для стрельбы по высотным целям. Во второй волне штурмовиков было много ракетных машин, а также шли и торпедоносцы. Шестьдесят четыре торпеды пошли на пересечение курсов с кораблями и транспортами. Эсминцы и миноносцы начали активно маневрировать, уклоняясь от ракет и торпед, после того как первый удар пришелся почти по всем кораблям. Как бы проходившие мимо «Пе-4» свалились на крыло и вошли в пикирование с виражом с кормовых курсовых углов. Вниз пошли 1000- и 500-фунтовые бомбы. Атаковать линкоры доверили только ракетным «Илам». То есть Особая армия не стала даже пытаться уничтожить линкоры, огонь по ним велся с единственной целью: повредить систему управления огнем, вывести из строя кабели и антенны, нарушить связь и совместные маневры в ордере, что в первом же заходе и удалось сделать. Строй распался, более маневренные миноносцы уклонились от торпед, и они пошли внутрь ордера, а ливень бомб завершил разгром транспортов конвоя. Пикировщики заканчивали третий заход на цель, и в этот момент подошли тяжелые машины. Несколько взрывов было зафиксировано и на крупных кораблях. Во время атаки мы потеряли около двадцати машин, поэтому в непосредственной близости от места боя уже садились «каталины» RAF, которые подбирали летчиков и членов экипажей самолетов. Организованный поначалу зенитный огонь ослабел настолько, что к моменту прилета штурмовиков с бомбами те начали почти свободно охотиться за транспортами. Отлично показали себя кумулятивные и ОФЗ ракеты, большое количество которых дошли до цели. Взорвавшиеся танкеры и разлившийся горящий бензин довершили картину. Я подал команду на отход от цели.

Несмотря на мощнейшее прикрытие, флот не смог противостоять разновысотным атакам и массовому применению дальнобойных ракет калибром 82 и 132 мм. От Александрии вышла английская эскадра во главе с двумя линкорами типа «Нельсон», третьим линкором «Малайя» и большим количеством кораблей большого и среднего класса. Они пошли

добивать остатки охранения и три поврежденных итальянских линкора. Канингем поднял торпедоносцы «Свортфиш», чтобы успеть до темноты атаковать именно линкоры. Меня по радио укоряют, что я все силы торпедоносцев не направил на них. Эх, мариманы, мариманы! Торпеды у меня, можно сказать, игрушечные, кстати, итальянские по происхождению. Для линкора они что ласковое почесывание перышком левиафана. А вот двенадцать транспортов и пару эсминцев эти торпеды приласкали отменно. Свою задачу – не допустить высадки подкреплений – я выполнил, а с флотом пусть флот и английская авиация разбираются. Разгромим итальянцев на берегу, так нам еще и эти коробочки достанутся.

Дальше началась интенсивная работа по немецким позициям на берегах Суэца. Также быстро подавили ПВО и начали прицельно выносить выстроенные из песка укрепления. Хоть бы мешки применяли, что ли! Привыкшие действовать против не любивших окапываться англичан и сикхов, немцы расслабились и в условиях превосходства своей авиации напрочь забыли об этом. Песок копается легко, поэтому рядовые быстремко отрывали положенные кубы и заваливались спать. А песок под бомбами умудряется засыпать все, даже то, что не подвергалось штурмовке. Через два дня немцы начали отход от Абу-Султана к Каиру, где они, через газеты, конечно, обещали устроить маленький ад сикхам. К счастью, религия сикхов ада не предусматривала. Четыре пехотные дивизии, которые окопались на границе с подмандатной Палестиной, медленно и под прикрытием пехотных танков двинулись к берегам Суэца.

Роммель сманеврировал и перебросил танковые войска южнее, двинувшись на город Суэц. К этому его вынуждала потеря оазиса и источников воды в Абу-Султане. Колонну из тридцати танков, в составе которой было шесть «тигров» и «фердинандов», мы выхватили по пути к Суэцу и нанесли успешный БШУ. Но полностью заблокировать наступление авиация не может. Немцы ночью возобновили движение, но наткнулись на заслон сикхов, оборонявших деревушку Агрод. Танковая колонна и бронетранспортеры въехали на минное поле, которое успели поставить англичане, и под снайперским огнем попытались разминировать его.

От Эйлата к каналу начала движение 112-я дивизия сикхов, до этого занимавшая позиции вокруг порта. В самом Эйлете высаживалась бригада новозеландских стрелков. Лондон успел перебросить с Тихоокеанского бассейна, пусть и незначительные, но подкрепления. Не стоит их винить! На севере Австралии англичане и небольшой десант американских войск отражали вторую высадку японцев на континент. Ситуация войны на два

фрона все больше сказывалась на численном составе британских войск. Их не хватало везде. За исключением метрополии. Англичане объявили о наборе добровольцев в Индии, мобилизации в Австралии и Новой Зеландии. Об этом же объявило правительство Канады. Но сил и подготовленных войск было недостаточно. Но Синай они отстояли. С нашей и божьей помощью. Божью помочь оказывали кибуцы, которые выделили из своих рядов почти двадцать пять тысяч водителей.

Дело было в том, что немецкая и британская армии использовали почти восемьдесят типов автомобилей. Запчастей на них было не запастись, и большинство просто стояли без какой-нибудь детали. Упервшись в эту проблему, а у нас основным грузовиком был «ГАЗ-АА» грузоподъемностью полторы тонны и с двигателем сорок сил образца конца 1920-х годов, я вышел на американских «ленд-лизников» и задал им вопрос: «А не хрена ли?!» В Басру были перенаправлены «GMC» и «Студебекеры». Вместе с ними большое количество различных джипов и бронетранспортеров. Они должны были пойти на вооружение английской армии, но суда, их доставившие, приставали в африканских портах. Американские «маркитанты» обрадовались тому, что они могут поставить эту технику другому клиенту, и с радостью направили суда в наш адрес. Оттуда машины и запасные части к ним распределились по армии.

Но стало резко не хватать водителей. Использовать арабов в этих целях было не очень хорошо, хотя англичане их использовали, только жаловались постоянно. Мы бросили клич в районе Изреелевской долины, и на удивление в пункты набора пришло значительное количество людей. Проблему с водителями удалось решить раз и навсегда. Через некоторое время, в связи с действиями диверсионных групп Арабского легиона и вермахта, мы вооружили их и поставили на довольствие. Впоследствии из этих людей выросла целая армия. Но тогда меня эти вопросы интересовали лишь постольку поскольку. Есть? Работают? Толк есть? И фиг с ними!

Гораздо хуже дело обстояло с новыми аэродромами: на синайском берегу канала площадок не существовало, сказывалась неразвитенная дорожная сеть, отсутствие железной дороги и воды. Да-да, самой обыкновенной воды. А на дворе лето! Жара до пятидесяти градусов, и каждому военнослужащему требуется до десяти литров оной субстанции ежедневно. Плюс техника ее требует: примерно полтонны в день на каждую машину. И, главное, сказалось то обстоятельство, что воздушные армии не имели собственной системы ПВО. То есть мы улетели, а наше прикрытие осталось в Югославии прикрывать оставшиеся там аэродромы.

Пришлось сразу по началу развертывания писать об этом самому.

С большой задержкой, наконец, начала прибывать бригада ПВО в составе трех дивизионов. Хотя требовалось минимум десять дивизионов. Но единственная железная дорога забита войсками 62-й и 64-й армий. В результате пришлось кланяться в ножки англичанам, у которых и у самих с зенитками было достаточно напряженно. От американцев сумели получить сорок орудий «90 М1», но обученных расчетов нет. А там ПУАЗО использует американские футы, фунты, дюймы и прочие прибамбасы, то есть учить людей требуется серьезно, а их нет. Поэтому аэродромы стоят полуголые, охраняемые только истребителями. Все, что успело поступить из Союза, выдвинули на передовые аэродромы, а тылы – тылы стоят неприкрытые, как в сорок первом. Американские орудия утащили в Кфар, в «тяжелых» полках народицу море, если что, найдут, кого поставить к орудиям. По сравнению с нашей 85-мм «52-К» пушка в два раза более тяжелая, восемь тонн в походном положении. Скорострельность в два раза меньше, и «дворик» просто огромный, отлично видимый с высоты. Так что орудие весьма уязвимое. Но других нет!

Лишь после разгрома итало-немецкого конвоя, наконец, сумели договориться с турками о пропуске через проливы наших судов и кораблей. Караван из Одессы с боем прорвался через рубеж Крит – Родос и доставил в Хайфу еще одну бригаду ПВО с вооружением и части третьей бригады на переучивание на технику по ленд-лизу.

Роммель от Суэца не отошел, занял господствующие высоты над городом, чуть западнее города, и перебросил туда 210-мм орудия, которые взяли под обстрел сам город и вход в канал. Англичане ежедневно пытались их выбить оттуда, но безуспешно. В том же ритме и мы производили налеты на эти высоты, но грунт там хороший, и немцы очень неплохо окопались. Пришлось, в конце концов, посыпать туда тяжелые бомбардировщики, благо что проблем с тяжелыми бомбами не стало. В итоге немцы были вынуждены оставить позиции и отойти к Каиру. Правда, произошло это только после того, как немецкая разведка установила факт развертывания у Суэца 62-й армии генерала Чуйкова. На фронте в сто пятьдесят километров англо-советская группировка сконцентрировала сто пятьдесят тысяч советских и сто восемьдесят тысяч британских военнослужащих, при семистах танках, восьмистах сорока самоходных орудиях, тысяче восьмистах двадцати самолетах и четырех тысячах орудий разного калибра. В составе трех армий находилось более двухсот сорока тысяч автомобилей. Всей этой ордой необходимо было управлять. Мне кажется, что Роммель надеялся исключительно на неразбериху и

дружественный огонь союзников друг по другу.

Правда, следовало отметить, что британские войска были не сконцентрированы, а размазаны по участкам обороны в различных местах Египта. Их бронетехника значительно уступала немецкой и также была разделена между частями и соединениями. Так что основной силой прорыва были советские дивизии, которые после рекогносировки приступили к беспрепятственному форсированию канала и на восемьдесят процентов находились уже на западном берегу. К слову сказать, действовать в таких условиях обеим армиям не привыкать, большое количество личного состава прошло службу в районах Средней Азии. Командармы обеих армий имели опыт службы в Туркестане и в Китае. К тому же англичанам удалось удержать Тимзах, город Исмаилию, так что пресная вода для войск была. Единственное, ее приходилось доставлять автоцистернами.

Первого июля части Египетского фронта после короткой, но мощной артподготовки двинулись на Каир. Первой особой пришлось вновь исполнять роль воздушного молота, выбивая немецко-итальянские войска с занятых позиций. Но теперь это было значительно легче, потому что сумели развернуть РЛС на вершинах Синайского хребта и с ее помощью контролировали участок фронта.

С началом наступления штурмовики и истребители переместились на площадки на западном берегу канала, подготовленные заранее. Канал Исмаилия обеспечил аэродромы необходимой водой. Силы были совершенно не равные, и Роммель прекрасно понимал это. Восточную часть Каира он сдал практически без сопротивления, но зацепился за левый берег и пытался помешать форсированию реки. Чуйков и Колпакчи смунивили вправо и форсировали Нил в тех местах, которые удерживал канадский корпус 8-й армии. Танковые корпуса деблокировали Александрию и перерезали снабжение правого фланга армии «Африка», заняв Эль-Аламейн. У Роммеля оставалась в руках единственная дорога от Марса-Матруфа через оазисы Сиф и Бавити, через пустыню, на Асыют. Длина пути составляла более двух тысяч километров по самой настоящей пустыне Сахара. Немецкие части он отправил по этому пути отходить на запад. А итальянцы, отрезанные от моря и несколько лучше знавшие пустыню, предпочли сдаваться.

От Аламейна танки Колпакчи повернули обратно на Каир, а Чуйков повел 62-ю в Ливию. Он оставил прибрежное шоссе противнику и обошел их по караванной тропе, идущей по пескам, вместо прибрежного нагорья. Быстро выдвинулся вперед и захватил перекресток у Матруфа, завершив

тактическое окружение всей армии «Африка».

Один из разведчиков «москито» обнаружил две большие посадочные площадки немцев в районе Хабаты, откуда совершали вылеты транспортные самолеты «Гигант», возвившие топливо и боеприпасы армейским частям немцев, выходящим из окружения. Туда были высажены английские командос и наш батальон осназ. Мы оказали им поддержку с воздуха, и штурм обеих баз увенчался успехом. Было захвачено на месте и неповрежденными двенадцать «гигантов» – великолепных транспортных самолетов Мессершмитта из эскадры KG 323 z.b.V. Часть из них была шестимоторными, а три имели четыре французских двигателя «Гном». Все самолеты были приобщены к работе. Один из них отправили домой в НИИ BBC.

Наиболее многочисленной в Африке была итальянская армия. Она находилась в Африке давно, война между Эфиопией и Италией началась в октябре тридцать пятого года, а седьмого мая тридцать шестого Эфиопия была аннексирована и создано новое государство – Итальянская Восточная Африка, объединившее три государства: Эфиопию, Эритрею и итальянское Сомали. Эта война показала неспособность Лиги наций противостоять фашистским режимам. Англия даже Суэц не закрыла для прохода итальянских судов и кораблей. Лишь в сорок первом году генерал Уэйвелл, после вступления Италии во Вторую мировую войну, провел операцию со стороны Кении и занял территорию ИВА. В мае сорок первого в Аддис-Абебу вернулся из Лондона император Хайле Селассие I.

Об этом человеке можно и поподробнее, как-никак живое воплощение бога на Земле – я только не понял, бога-отца или бога-сына, или того и другого вкупе, – несмотря на то обстоятельство, что некоторое время назад он носил совсем другое имя – Тэфэри Мэконнын – и к власти пришел, скажем так, не совсем законно, так как никогда не был наследником престола. Его отец приходился двоюродным братом императору Менелику II, седьмая вода на киселе. Плюс по происхождению он не был чистокровным представителем народа тигре, но... Так уж сложилось, что стали почитать его как негуса, то есть императора Эфиопского, нашли также, что от самой царицы Савской и царя Соломона ведет он свой род в двести двадцать шестом поколении, причем напрямую, ну и что, что племянник. С 1916 года он стал регентом и наследником престола, а в тридцатом году, при живой царице царей, стал императором. Но дело не в подсчетах, а в том, кто считает! И про кого! В довесок к званию «негуса» полагались права на золотые прииски в самой Эфиопии, не самые бедные, плюс пара-тройка россыпных месторождений алмазов в Индии и Непале,

на которых некогда был найден голубой бриллиант «Виттельсбах». Кроме того, ему принадлежали почти все железные дороги в Индии. В общем, спустя пару лет после воцарения в «Who is who» появилась маленькая заметка, что номером один в ней числится этот самый «лебедь», пардон, «не гусь». В тридцать шестом, когда Италия захватила Эфиопию, «лебедю» предложили остаться в горах и возглавить партизанское движение в стране, но он уехал сначала в Каир, потом в Лондон. А когда вернулся, то далеко не все приветствовали его цветами и подбросом чепчиков. В стране началось восстание «Вейане» против императора. Подавили его англичане, но немного позже. Пока что оно только разгорается.

Так что стратег из «лебедя» не вышел, командующий из него не получился, а вот тиран – знатный. В числе жертв муж царицы цариц – мешался под ногами, принятая и переписанная конституция – под себя и детишек, десяток потенциальных претендентов на трон из племени тиграсу, включая законного императора Иясу V. Опирался исключительно на православную церковь и репрессивный аппарат, которые помогли ему сохранять трон еще много лет. Да-да, именно старейшая на Земле христианская церковь. Эфиопия сделала ее государственной религией в четвертом веке до нашей эры, раньше всех в мире. Еще до Рима.

И как только войска Колпакчи двинулись вверх по Нилу, тут же пришла директива из ГПУ, что и как делать в стране «просвещенного деспотизма». Более чем странная директива. Запрещалось оказывать военную помощь и поддержку отрядам «Вейане», несмотря на то что для них итальянские войска по-прежнему являлись основной целью, а правительственные войск набиралось едва две тысячи человек. Главнокомандующим в регионе оставался генерал Каннингем, наступавший из Судана, почему-то запрещалось наносить удары по району Джибути, через который снабжались итальянские войска.

Район Джибути Франция, которая владела им, переуступила Италии еще в тридцать пятом году. Там находятся глубоководный порт и удобная гавань. Оттуда начали наступление войска маршала Бадольо. Кстати, этот факт очень расходится с утверждениями императора о путях его отступления из страны. В то время единственная железная дорога из Аддис-Абебы шла на Джибути. И эвакуировался «лебедь» из порта, которым к тому времени владела Италия. Там же, в Эритрее и Джибути, были складированы боевые отправляющие вещества, массово использовавшиеся итальянцами против армии Эфиопии.

Нам запрещалось вести огонь по наблюдателям, расположенным на колокольнях многочисленных церквей. Об этом напрямую не говорилось,

но упоминался несколько раз запрет на разрушение культовых сооружений, дескать, подорвет основы сопротивления и восстановит местное население против Красной Армии. Давалось подробное описание антропологических особенностей местных, в контексте свободно читалось, что за «пухлогубых» ругать не будут, а вот темнокожих европеоидов следовало тщательно оберегать. Они, дескать, опора всему в стране. Прочитав и расписавшись в ознакомлении, я взял один из экземпляров этого опуса и отправил его в Москву лично в руки Верховному. Через полмесяца директиву изъяли, тишком и молчком, заставив всех расписаться, что номерная директива ГПУ не соответствует изменившимся условиям.

Повстанцы вышли на Колпакчи, и несколько дней он не знал, что с ними делать. В конце концов ситуацию разрулили, и у наших войск появились местные проводники. Но англичане заявили об окончании операции в Эфиопии и Эритре, и наземные войска РККА вышли из страны. Отдавать нам эту землю ни англичане, ни эфиопы не стремились. Колпакчи совершил маневр по следам Роммеля через пустыню и вошел в Ливию левее армии Чуйкова в районе крепости и оазиса Куфра. Первая особая обеспечивала разведданными и топливом этот полуторатысячекилометровый рейд.

После выхода 64-й армии к побережью в районе Марса-эль-Бреда, мне было приказано отводить армию в Грецию на отдых и техобслуживание. На этот раз Турция предоставила коридор для пролета, а англичане с видимым удовольствием отправили морем технический состав и службы армии в Тессалоники. До арабов с трудом, но дошло, что они поставили не на ту лошадь. Король Сирии официально присоединился к Объединенным Нациям и объявил войну Германии и Италии. Впрочем, Италии мог бы уже и не объявлять. Маршал Бадольо сверг Муссолини и заключил перемирие с британцами и с Советским Союзом. Италия потеряла все африканские колонии, более полумиллиона солдат и офицеров на обоих фронтах, большое количество судов и кораблей. Командующие авиацией, армией и флотом посчитали дальнейшее участие в войне самоубийством, арестовали Муссолини во время посещения им Генерального штаба и заключили его под стражу в горах на Сицилии. К тому времени наша и английская авиации захватили полное господство в воздухе над Средиземноморьем, и снабжение итало-германских войск было полностью прервано. События разворачивались настолько стремительно, что у итальянского командования наступил полнейший цейтнот. Они не успевали отслеживать и реагировать на изменения. И в прежние времена они отдали бразды правления немцам, а сейчас, когда Роммель потерял управление войсками и неизвестно где

находится, итальянцы предпочли сдаться. То же самое они сделали в Югославии, Словении и в Хорватии. Оставшись без союзника, немцы объявили Бадольо предателем и пообещали казнить его, но поезд уже ушел. Итальянские войска, и прежде не представлявшие собой серьезного противника, прекратили сопротивление и отдавали территории. Часть из них попала в плен к немцам, часть была интернирована нами и нашими союзниками. Перелом на юге произошел окончательный, поэтому Верховный и принял решение на вывод армии в Грецию, а оттуда в Словению и Австрию.

Часть 18

Конец – всему делу венец

Вывод осуществляли быстро. Прямо из Греции перегонщики забирали машины на профилактику и подгоняли первый комплект из ремонта. Я даже забеспокоился, что летчикам и отдохнуть времени не дадут. Но нет, всех отправили в район Торонеосского залива в профилактории на прохождение ежегодной медкомиссии. Это требовалось, потому что армия вернулась из неблагополучного по заболеваниям района. Немцы в этом месте настроили много пансионатов для своего люфтваффе. Так что совместная приятное с полезным, летчикам дали три недели на отдых. Затем прибыло пополнение, и начался ввод в строй для всех. Аэродромные службы Южного фронта времени не теряли, для полков армии было подготовлено тридцать четыре полевых аэродрома и две базы для тяжелых бомбардировщиков. Меня вызывали в Москву для отчета о проделанной работе. Надо отметить, что изменилась форма и содержание отчетов: Ветров докладывал об успехах армии, а я о выявленных недостатках, как в боевой работе, так и в организации боевой деятельности. Я подчеркнул слабую обеспеченность армии транспортными самолетами. Что обеспечить продвижение 64-й армии было бы невозможно без использования транспортных самолетов «мессершмитт».

– Мы озадачили нашу промышленность созданием подобных машин, – ответил Верховный. По нему было не понять, довolen он или нет проведенной операцией. Оказалось, что он ждал от действий Первой особой большей организованности, особенно на этапе развертывания.

– У нас с вами был разговор, товарищ Шкирятов, что в случае необходимости армия будет перебазирована в тот район, но вы палец о палец не ударили и не обеспечили район развертывания необходимыми средствами связи и управления. Понадеялись на англичан и тыловые службы ВВС. То, что вам удалось достаточно быстро разрешить возникшие сложности, не умаляет вашей вины за задержку в начале боевых действий. Составьте отдельную докладную записку по этому вопросу и рассмотрите в ней причины, не позволившие вам быстро осуществить задуманное Ставкой. Какие силы и средства необходимо задействовать, чтобы впредь не повторялась эта ошибка. Ставлю вам на вид, товарищ Шкирятов.

Пришлось доставать из сумки акт армейской комиссии,

расследовавший этот случай, и показывать, какие меры были предприняты в армии, в ВВС и НКИД. Приказ, изданный мной и подписанный Вершининым, «затерялся» в недрах Наркомата иностранных дел и в штабе группы войск в Иране. До непосредственных исполнителей на местах он не был доведен.

– Почему вы не включили его в отчет?

– Непосредственные виновники уже понесли наказание, а кадрами ВВС введены три дополнительные штатные единицы в штаб армии, которые образовали новый отдел, отвечающий за взаимодействие со структурами НКИД и иностранными армиями. Ранее надобности в таком отделе не существовало, товарищ Сталин. Я считал, что эти изменения вам уже известны, так как изменение штатной численности прошло три с половиной месяца назад.

– Да, мне известно об этом, но остался невыясненным вопрос, насколько серьезно вы отнеслись к этой проблеме. Я забираю этот документ и приобщаю его к вашему отчету, – недовольным голосом сказал Stalin и вложил бумаги в папку с отчетом. Он немного походил по кабинету, то ли успокаиваясь, то ли обдумывая, за что меня можно еще выпороть. Решив, видимо, что сказанного достаточно, подвел окончательный итог проведенной операции: – В целом, несмотря на отдельные недостатки в организации развертывания, получен бесценный опыт по переброске на большое расстояние двух общевойсковых и одной воздушной армий. Выявлены слабые места в обеспечении и в организации подобных операций. Одного этого достаточно, чтобы высоко оценить действия штабов и личного состава группы армий. С военно-политической точки зрения, именно эти недостатки не дали возможности полностью решить все задачи на Ближнем Востоке, но наши войска обошли и блокировали Турцию, которая, по сведениям нашей разведки, была близка к тому, чтобы окончательно присоединиться к странам Оси. Мы лишили ее этой возможности, блокировали поставку нефти Гитлеру через ее территорию и вывели из войны еще одного участника тройственного пакта. Наши британские союзники предлагают перебросить наши войска в Италию. Мы урегулировали с товарищем Тольятти совместную программу борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории Италии, которую в срочном порядке оккупирует Германия, и согласились принять участие в высадке на Сицилии и на юге Италии. Войска Южного фронта в настоящее время усиливаются двумя общевойсковыми армиями и одной танковой. Задача Первой особой: поддержка наступления войск Южного фронта в направлении на Милан, Геную и Турин.

«Этого нам только не хватало!» – подумал я, прикидывая в уме возможные потери и сложности во время боевых действий в горах. Но остановить поезд, двинувшийся на Италию, я уже не мог. В дело вмешался III Интернационал. Держите меня семеро! Трем армиям предстояло проплыть через бутылочное горлышко в провинции Порденон. Отсутствие собственных десантных средств ставит перед нашей армией практически неразрешимую задачу, ведь немцы, судя по предоставленным данным, в срочном порядке перебрасывают туда части СС и вермахта. Так что заруба там пойдет на всю катушку. Задачи поставлены, все свободны, «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться!». Сталин обратил внимание на то, что я, обычно активно принимавший участие в подобных обсуждениях, все заседание молчал и тупо смотрел на карты и планы.

Сталин дождался, когда все выйдут, сел в свое кресло и раскурил трубку. Он молчал, я тоже молчал.

– Я вижу, что у вас есть вопросы, – подтолкнул он меня минут через пять.

– Есть, конечно, но задавать их вам несколько сложновато.

– А вы попробуйте!

– Вы получили мое личное сообщение?

– Да, директива отменена.

– Я считаю сосредоточение пяти армий на этом участке стратегической ошибкой.

– Шести, – ответил Stalin, – не забывайте об армии Монтгомери.

– У нас нет десантных средств.

– Нет, и смысл операции в том, чтобы вынудить союзника предоставить их нам. А главная задача вашей армии еще не поставлена. Главным направлением для нее станет линия Кессельринга. Смотрите сюда!

Сталин выдернул из-под груды карт, лежавших на столе, самую нижнюю. Это была карта Верхней Австрии. Вход туда преграждала река Дунай и оборонительная линия от Вены до Санкт-Пельтена. Еще четыре рубежа обороны перечеркивали шестнадцатикилометровое горло входа в широкую долину, тянувшуюся до Эльзасской Юры.

– Требуется обеспечить форсирование Дуная и Венервальда. В течение трех месяцев Южный и Юго-Западный фронты решить эту задачу не могут.

– Тогда сразу возникает еще один вопрос: зачем требовалось сегодняшнее заседание и постановка посторонней задачи?

– Это предложение союзников, и по некоторым данным, они имеют собственные источники в составе тех армий, которые мы применяли на

Египетском фронте. Контрразведка еще не завершила поиск и обезвреживание источника. Поэтому задача поставлена так, как она прозвучала. Вас непосредственно это не затрагивает. Разрешаю привлечь к разработке операций начальника штаба и товарища Мамушкина. Личный состав штаба армии к этой задаче пока не привлекать.

— Есть.

— А то, что промолчали, очень хорошо. Меня немного беспокоило то обстоятельство, что вы, по молодости лет, заострите внимание на бессмысленности операции в Италии. — Stalin ухмыльнулся в усы, всем своим видом показывая, что разговор окончен. — Пока есть время, можете слетать в Крым. До свидания, товарищ Шкирятов.

«Ну, хоть отпуск предоставил! А то совсем зашугал: это не то, это не так!» — подумал я, выходя из кабинета.

До Центрального я добраться успел, а дальше — стоп! Вылетать в Крым нет надобности: супругу придется догонять по дороге в Сербию. Она вышла из отпуска и вылетела в Белград. Об этом я узнал от своего адъютанта. Так что по машинам и перехватывать Ксению-воительницу. Прям-таки без нее Гитлера не одолеем. Совсем сдурела. Но перехватить по дороге не удалось, она прилетела в Батайницу на несколько часов раньше. Уже по-хозяйски расположилась в доме, подготовила праздничный стол, созвала гостей. Когда я появился в доме, там все гугукали с дочерью и ждали меня, чтобы обмыть ножки. Вот сволочи! Никакой дисциплины и понимания момента! В общем, вернуть упрямую девицу в Москву или Севастополь не получилось. У нее было уже все схвачено. Теперь придется с обозом до конца войны ездить.

Переговорил с Мамушкиным и с начштаба Гусевым о поставленной Ставкой задаче. Аккуратно перенацелили одно звено «москито» из 15-го ОРАП на разведку в том направлении. Там же работаюточные разведчики «бостоны» и «гудзоны», недавно появившиеся на вооружении. Действовать приходилось аккуратно, и задания не доводились до подлежавшего проверке личного состава. Их знали только те, кто был допущен. Требовалось создать у противника и у вероятного информатора впечатление, что все усилия армия направляет на разведку позиций противника в Северной Италии. Более девяноста процентов вылетов было направлено туда. В обоих местах немцы сумели значительно укрепить свои позиции. Они неплохо замаскировались и вели себя достаточно активно, не позволяя атаковать их крупными силами. Артиллерии у них было достаточно. Гитлер перебросил практически все, что у него имелось в

резерве, сюда, на самые опасные участки. Немцы разработали и приняли на вооружение новую противотанковую пушку 75 мм Рак 40. Обладая длиной ствола в сорок шесть калибров и почти в два с половиной раза более мощным выстрелом, чем ЗиС-3, она разгоняла подкалиберный снаряд до скорости 933 м/с и пробивала лоб и башню всех танков СССР. Калиберные снаряды разгонялись ею до 792 м/с, тогда как ЗиС-3 могла задать только 655 м/с. Доминированию наших танков на поле боя немцы противопоставили массовое использование этих орудий.

Кроме произведений «Рейнметалла», на фронте появилось незначительное количество пушек Круппа Рак 41, «гадюка», с коническим каналом ствола и скоростью полета снаряда более тысячи ста метров в секунду. До заводов, производящих эти пушки, наша авиация не дотягивалась. Командование потребовало вскрыть позиции противотанковых пушек с воздуха, что было практически исключено по причине умелого использования средств маскировки противником. Поэтому я предложил иную тактику. Так же, как мы боролись в сорок первом году со средствами ПВО, теперь предстояло бороться с противотанковыми орудиями. Но зенитки ведут огонь и этим раскрывают свои позиции, а противотанкисты молчат, пока танки не выйдут на рубежи их эффективного огня. Свои позиции они скрывают до последнего. Поэтому требуются значительные усилия по координации действий танкистов, наблюдателей, связистов и артиллеристов, чтобы навести штурмовики на немецкие позиции и обозначить их. Решили попробовать на учениях и начали натаскивать расчеты корректировщиков. Для обозначения целей применили дымовые снаряды, дающие красный и оранжевый дымы, хорошо заметные с воздуха. Пока стояло затишье, сумели разместить на левом берегу Дуная сорок таких наблюдательных постов с восемьюдесятью орудиями. Практически по одному посту на километр фронта.

В районе Венского леса ситуация была еще более сложной: в нем активно действовали немецкие егергруппы, хорошо знавшие местность, поэтому провести качественную наземную разведку там возможности не было. А сверху немцев прикрывал густой широколиственный лес. Командование упивало на массированную артподготовку и удары штурмовой авиации по вызову частей и соединений. Было понятно, что немцы постараются спутать нам карты и наведение, но предложить пехоте хоть что-нибудь иное мы не могли. Поэтому упивали на успех с форсированием Дуная. Но это предполагали мы, авиаторы. Пехота решала свои задачи и через некоторое время уточнила их. Главный удар они собирались наносить левее, в районе Баден-бей-Вьен. Там в горах держала

оборону 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс». Ключом к обороне нацики из «Эдельвейса» сделали старинный бургундский замок Рауенштайн. Прорыв в этом месте позволял спуститься в долину Аллен и выбить противника с западных окраин Вены, обеспечив проход через Венский лес во фланг обороны правого берега Дуная.

На совещании в штабе 46-й армии генерал-майор Хадеев, ее командующий, показал план операции. Штурм ущелья Рауен будут осуществлять 9-я и 47-я горнострелковые дивизии под командованием полковников Евстигнеева и Чернова. Восемь горнострелковых полков, четыре артполка, два инженерно-саперных батальона. Местность: невысокие пологие холмы, густо поросшие широколиственным лесом. Под ним накопаны блиндажи, траншеи, дзоты. Закопаны танки и «турнпантеры». Но это кратчайший путь в долину, где можно будет использовать бронетехнику и быстро выдвинуться на указанные рубежи, разрезав надвое группировку противника. Справа и слева противник окопался еще более серьезно. Трехмесячные бои там не принесли успеха Красной Армии. Это место считалось неудобным и непривлекательным для наступления. Главное, как считал Александр Александрович Хадеев, требовалось авиацией и артиллерией выбить пробку на входе в ущелье – замок Рауенштайн. Я смотрел на карту и понимал, что операция не настолько проста, как хотелось бы командующему армией. Обратил его внимание на сторожевые башни на входе в ущелье и старинный, чуть ли не римской работы, акведук, который наверняка заминирован и снабжен мощной противотанковой и противопехотной обороной. Немцы любили прикапывать рядом с такими сооружениями стандартные доты.

– Да, дотов там полно, и наблюдательные пункты на вершинах внесены в списки целей, как для ваших людей, товарищ Шкирятов, так и для армейских артиллеристов. Нам, с нашими горными «семидесятишестимиллиметровками», такие цели не по зубам.

И действительно, каждое сооружение было окружено отвесными каменными лбами. Умели древние выбирать неприступные места для строительства крепостей. Для уничтожения таких целей в нашем времени применяются ОДАБ, но их на вооружении РККА не было. Требовалось что-то придумать, для того чтобы надежно поразить противника в таких специфических условиях. Шеститонных бомб в нашем распоряжении не было, да и их использование было бы пустым делом. Это все равно, что стрелять из пушки по воробьям. Только завал на дороге устроим. Пришлось заказать и снаряжать ЗБ250АС в массовом количестве и готовить КМГУ с мелкими напалмовыми бомбами. Противника решили выжечь и выкурить

из укрытий.

Из дома наконец пришел эшелон с «РТ», это снаряженный пирогелем 500-литровый бак, распадающийся в воздухе на три части. В дивизии доставили большое количество мелкокалиберных бомб, применение которых в лесной местности было более эффективным. Почти три недели все оруженцы занимались упаковкой КМГУ. Наконец было все готово, и мы уведомили об этом Ставку. Нам предоставили еще два дня из-за прогноза погоды, и началось. Сначала отработала артиллерия, в момент окончания артподготовки полки армии находились в трех минутах лета от целей. Пока слегка оглушенные немцы высекали по местам и изготавливались отразить наземную атаку, на крыло свалились «Пе-4» и выстроились в «вертушку», работая по обозначенным дымовыми снарядами оранжевого цвета целям. Основной удар они наносили по вершинам двух холмов с сигнальными башнями и по позициям немцев у акведука и железнодорожного моста. Пикировщики находились над целью двадцать минут. В конце налета по основному замку произвели сброс малокалиберных бомб и напалма тяжелые бомбардировщики. Великоват разброс получился, но весь район Рауенштейна в огне, высотой несколько десятков метров. Здесь поднялась пехота, которую волнами поддерживали штурмовики, вываливающие на узлы сопротивления немцев напалм, бомбы и ракеты. Лес горел. Сброшенная листва усиливала горение. Повторный вылет полным составом пришлось отменять. Обе линии обороны прорваны, бронетранспортеры движутся по дороге, поднимаясь на перевал. Там обнаружена позиция немецкой противотанковой батареи, и штурмовики ее обрабатывают ракетами. Мимо замка течет колонна двух танковых корпусов. Мы же сосредоточенно ударили по Хеллендалю и Саттельбаху, двум укрепрайонам на выходе из ущелья. Столб пламени и дыма поднялся там выше километра. Войска 46-й армии здесь сопротивления не встретили. Они подходили к Аллену, выполнив за три часа поставленную задачу. Танкисты разворачивались на Хайнфельдер. Дорога к Рурбаху и Сент-Поллену была захвачена. В прорыв вводили кавалерию генерала Плиева и 5-ю танковую армию Лизюкова. Нас же перебросили на поддержку форсирования Дуная. Пикировщики работали по береговым укреплениям, а штурмовики уничтожали подходившие резервы немцев, а во второй половине дня устроили охоту за противотанковой артиллерией противника. Наши сумели захватить небольшой плацдарм на правом берегу, и нам пришлось сменить тип ракет, потому что немцы попытались сбросить его в реку, ударив двумя тяжелыми танковыми батальонами. Но плацдарм держался, а саперы закончили

наводить три переправы, над которыми разгорелись воздушные бои. Наличие многочисленных постов наблюдения, которые армия выставила заранее, здорово помогало в наведении, поэтому артиллерийские налеты на переправы мы быстро и успешно подавляли. Немецкая авиация была немногочисленна. Действовали в основном охотники. Несколько раз прилетали новенькие «Фокке-Вульфы-190» в качестве штурмовиков. Их продолжают выпускать в небольшом количестве под Берлином. Производства «мессершмиттов» последнее время не наблюдается, нет двигателей, так как завод по их производству 1-я особая разбомбила еще весной.

Совершив 65-километровый марш по тылам противника, пятая танковая армия и конная группа Плиева к вечеру завязала бои за Мельк, завершив окружение немецких войск северо-западнее Вены. Шесть немецких дивизий, в том числе 2-я танковая, оказались в огненном кольце. Ставка приказала производить вылеты на котел непрерывно, днем и ночью, не давать покоя немцам постоянно. Через десять дней те начали массовую сдачу в плен.

Буденный перераспределил силы, направив более легко вооруженные силы союзников в горы, а сам использовал бронетанковый кулак на равнинах. Малиновский в упорных боях овладел городом Брно, и немецкая оборона рухнула. Армии Юго-Западного фронта рассекли группировку Вольфа в Чехословакии и уверенно продвигались к Праге. Юг оказался действительно мягким подбрюшьем Европы, и, несмотря на напряженность боев, скорость нашего продвижения была довольно высокой.

А вот наступление на севере Италии пробуксовывало. Лишь когда англичане перебросили значительное количество переправочных средств в Адриатику, наши войска смогли высадиться в районе дельты реки По и вынудили Кессельринга оставить позиции в провинции Порденон и отходить в направлении Вероны.

Прорыв Южного и Юго-Западного фронта вынудил немцев отводить войска и резервы в полосе Западного и Северо-Западного фронтов, что позволило Жукову и Коневу начать наступление против группы армий «Центр» и «Север». С отводом немцы опоздали на три-четыре месяца, поэтому остановить наступление наших войск по территории Германии армия Гитлера не могла. Исход войны уже просматривался, тем более что в Словакии удалось пройти через Татры и нанести фон Боку фланговый удар под Краковом. Достаточно сильный, чтобы тот осознал, что ему грозит

окружение. В этих условиях немецкие генералы совершили переворот, свергли Гитлера и вышли на переговоры с союзными войсками о перемирии. Сталин и Эттли предложили максимально жесткий вариант – капитуляцию. Тогда немцы начали сепаратные переговоры с Америкой. Эттли пригрозил Рузвельту выйти из войны на Тихом океане, и переговоры завершились ничем, но немецкая авиация опять залетала. Видимо, им удалось купить топливо для нее. Наши удары сместили вправо, теперь мы оказывали помощь Западному фронту, усиливая атаки 2-й и 3-й воздушных армий над Польшей.

Наступление Западного фронта было стремительным. После прорыва его армии в день проходили до пятидесяти километров. Они вышли на Одер, и там наступление было остановлено. Требовалось пополнение и подтягивание тылов. В этот момент возобновились переговоры с немцами, и они капитулировали. Но эта новость застала 1-ю армию в эшелонах. Ей предстоял многодневный бросок на восток. Меня остановили в Москве и, после короткого randevu с главкомом Новиковым, вручили приказ о зачислении на оперативный факультет Академии имени Ворошилова. Попытка решить вопрос через Верховного на исход дела не повлияла. Stalin остался недоволен действиями Особой воздушной на последнем этапе войны. Ему казалось, что мы могли сделать гораздо больше. У армии изъяли тяжелую авиацию, передав ее в 18-ю армию. Частями 1-й особой усилили две воздушные армии Приморского и Забайкальского фронтов.

После окончания Академии Генштаба мне было предложено стать командующим 17-й армии, штаб которой располагался в Ташкенте. Потом долго трясли из-за дела авиаторов, развернувшегося почти сразу после войны, хотели объявить меня английским шпионом. Затем нашлись бортовые журналы немецких линкоров и тяжелых крейсеров, в которых не упоминалась атака 23 декабря 1941 года, но был зафиксирован приказ Рёдера от 25 декабря насыпать подушку под все корабли для защиты от потопления. Войну стали переигрывать после войны, и появились новые герои. Тот же Василий Stalin.

Ксюша как-то спросила у меня: «Почему ты не защищаешься? Почему не поедешь к Stalinу? Ведь лично тебя знает!»

– Он меня вызывает?

– Нет.

– И Семена Михайловича в Свердловск засунул. А его он знает гораздо дольше. Зато Хрущев вокруг него крутится, и остальные.

Армия переучивалась на «МиГ-9» и «Як-15». Было много аварий,

положение у меня было очень шатким. Дальнейшее развитие ситуации я знал, но ничего не мог поделать с этим. Лишь в сорок восьмом неожиданно пришел приказ прибыть в Москву. Кабинет Сталина совершенно не изменился, а вот сам был в белом маршальском мундире, а не в зеленом, как мне доводилось его видеть до этого. Внимательно меня осмотрев, а мы не виделись пять лет, Stalin заметил:

– А вы изменились, товарищ Шкирятов. Мне доложили, что вы книгу пишете.

– Нет, не пишу.

– А что так?

– Не вижу в этом необходимости, товарищ Stalin. За меня перепишут.

Stalin скрестил руки на груди, в одной руке он держал незажженную трубку.

– Про Первую гвардейскую особую воздушную армию вышло уже пять книг, пишут ваши товарищи, мне доложили, что именно вы руководите этой работой.

– Нет, товарищ Stalin. Мне присылали какие-то книги на рецензию, но я их даже не читал. Действия Первой гвардейской были признаны неудачными, и она была расформирована.

– Мне нравится ваш ответ, товарищ Шкирятов. Обстановка в мире серьезно изменилась, Премьер Эттли проиграл выборы Черчиллю. Назревает война на Корейском перешейке. Принято решение восстановить 1-ю особую армию. Её командующим назначены вы. Поступаете в распоряжение маршала Буденного. Вы свободны!

– Есть! – Я развернулся на выход, но у двери меня застал голос Сталина:

– А книги вам придется оценить! Вам лично!

Я повернулся и увидел, что он улыбается.

– Дядь Коля! Ведет!

– Я вижу.

– А что не засекаете?

– Сейчас, пусть возьмет покрепче.

После небольшой возни довольно крупный сазан занял место в садке и сразу успокоился.

– А вы войну где начали?

– В Ташкенте.

– А папа под Kovno.

– Я знаю. Я его давно знаю, еще до того, как ты родился.

– Правда?

– Правда.

– А маму?

– Нет, ее увидел уже здесь, в Тюра-Таме. Давай помолчим! Погода хорошая! И клев.